

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

*

ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

*

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДОВ

При участии
РОССИЙСКОГО КОМИТЕТА XXI ВЕКА

ЯПОНИЯ 2009

ЕЖЕГОДНИК

МОСКВА

2009

ББК 66.2 (5Я) я5
Я70
УДК 94(520)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР Э. В. МОЛОДЯКОВА

РЕДКОЛЕГИЯ: В. М. АЛПАТОВ, Т. П. ГРИГОРЬЕВА,
Н. П. ДМИТРИЕВСКАЯ (ответственный секретарь),
И. П. ЛЕБЕДЕВА, В. Н. ПАВЛЯТЕНКО, А. И. СЕНАТОРОВ, Д. В. СТРЕЛЬЦОВ

Я 70 **Япония 2009**. Ежегодник. – М.: «АИРО–XXI», 2009. – 356 с.

В настоящем выпуске ежегодника исследуется широкий круг проблем современной жизни Японии. Уделяется внимание внутренней политике Японии, ее экономической и политической деятельности на международной арене. Рассматриваются различные аспекты японской культуры, искусства и истории.

С 1994 г. издание осуществляется при поддержке Японского фонда

Я 0805000000-023
001(01)-00 (без объявления)

ISBN 5-91022-097-7

© Ассоциация японоведов, 2009

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Старые и новые проблемы либерал-демократов

Э. В. Молодякова

Первое десятилетие текущего столетия по насыщенности проблем, с которыми столкнулась Либерально-демократическая партия (ЛДП), можно сравнить с началом 1990-х годов, когда, казалось, что в Японии может произойти серьезная корректировка в расстановке политических сил. И то, что тогда казалось только возможностью, произошло после состоявшихся 30 августа текущего года выборов в палату представителей парламента, на которых тотальную победу впервые в истории страны одержала оппозиционная Демократическая партия (ДПЯ), получившая ранее невиданное число мандатов – 308. ЛДП потерпела сокрушительное поражение и теперь имеет в палате представителей лишь 119 мест. Сложилось как бы зеркальное отражение ситуации первых после создания этой партии аналогичных выборов в 1958 г.

Часть проблем, которые были вынуждены решать либерал-демократы, – демонтаж фракционной структуры, наследование избирательных округов, практическая несменяемость высшего слоя партийной элиты, очень небольшой запас претендентов на высшие посты в партии и правительстве, отсутствие ярких лидеров и новых идей, сложность активизации партийной деятельности за счет притока новых кадров, получение политических пожертвований от частных фирм, а также реформа политической системы и создание новых партий – имеет давнюю историю. Другие проблемы четко обозначились с начала 1990-х годов и плавно перешли в 2000-е годы. К ним относятся короткий период, связанный с уходом ЛДП в оппозицию, создание коалиционных правительств, серьезные подвижки в оппозиционном лагере, несвойственная японской политической культуре чехарда премьер-министров, потеря правящей партией доверия населения, что нашло отражение в затяжном парламентском кризисе последних лет, появление первой серьезной заявки оппозиционных сил в лице Демократической партии Японии на отстранение ЛДП от власти из-за определенной «усталости» населения от продолжительного правления либерал-демократов, продолжение или замораживание начатых реформ в условиях мирового экономического

кризиса. ЛДП переживала серьезный кризис, который требовал незамедлительного конструктивного решения. Однако, как оказалось, партия не только не осознала серьезность стоящих перед ней проблем, но и, казалось, «делала все возможное» для своего устранения из власти.

Причина серьезных кризисных явлений внутри партии, внешним проявлением которых с середины 1970-х годов стали перманентные коррупционные скандалы в высшем эшелоне власти, в первую очередь непосредственно связана с особенностью партийной структуры, а именно с наличием фракций. Борьба между фракциями, которые контролируют различные финансовые потоки и решают кадровые вопросы, идет не на идеологическом или доктринальном уровне, а за право возглавить партию и правительство в данный момент. Внутрипартийная жизнь ЛДП практически недоступна для публичного контроля, поскольку в соответствии с японской системой принятия решений движение к достижению согласия идет путем утрясок и компромиссов, скрытно и закулисно. В этом случае общество получает уже готовое решение¹.

Подобное положение неминуемо вело к окостенению структуры партии и несменяемости лидеров, что не только препятствовало притоку в ее ряды молодых политиков, но и вызывало недовольство курсом ЛДП. Однако молодые политики не выступали за проведение коренных реформ. Например, в июне 1976 г. небольшая группа молодых депутатов парламента от ЛДП, входивших в разные фракции, порвала с ней и создала свою партию – Новый либеральный клуб (НЛК). Возглавил ее Коно Ёхэй, отец которого – Коно Итиро – в 50-е годы прошлого века активно содействовал нормализации советско-японских отношений. Но это оказалось бесперспективной затеей, ибо из-за своей малочисленности НЛК не мог предложить реальную альтернативу власти ЛДП. Через несколько лет «диссиденты» вернулись в альма-матер.

Существовавшее положение лишало партию способности к саморазвитию. Этот дифункциональный потенциал особенно возрос с созданием к концу 1970-х годов суперфракции Танака–Такэсита, когда борьба между лидерами фракций сменилась фактической борьбой за поддержку руководителя этой фракции, который стал могущественным «теневым сёгуном», как говорят японцы. Это был чрезвычайно важный период для формирования будущей политической элиты, поскольку большинство ныне действующих политиков не только правящей, но и оппозиционных партий – выходцы из этой суперфракции. Достаточно назвать имя бывшего лидера оппозиционной ДПЯ Одзава Итиро, который во второй половине мая 2009 г. был вынужден уйти в отставку в связи с обвинением его секретаря в получении незаконных политических

пожертвований для шефа. Могущественный Танака Какуэй называл Одзава «мой последний сын»². При Танака была создана своего рода двойственная структура власти: ЛДП в стране и суперфракции в партии. В 1977 г. в ходе разрекламированной организационной реформы партии при премьер-министре Фукуда Такэо фракции формально были распущены, но благополучно продолжают функционировать и поныне.

В это же время происходило постоянное сужение социальной базы либерал-демократов. В основном их по-прежнему поддерживали жители сельских районов, представители старших возрастных групп населения и работников строительной индустрии, т. е. слои, значение которых в обществе объективно шло на убыль. Одновременно появилась постоянно возрастающая тенденция к абсентеизму. Речь шла не о протестном голосовании против консервативной идеологии, а о недовольстве конкретными шагами либерал-демократов, которые не учитывали интересы появившихся так называемых новых городских слоев населения. Голосуя за представителей оппозиции, они как бы призывали правящую партию обратить внимание на их проблемы.

Наметившееся изменение соотношения политических сил способствовало обострению борьбы между правящей ЛДП и силами оппозиции, представленными Социалистической партией Японии (СПЯ; ныне Социал-демократическая партия Японии – СДПЯ), Партией демократического социализма (ПДС) и клерикальной партией Комэйто. В такой ситуации возродились к жизни различные идеи создания блока оппозиционных партий в борьбе с ЛДП за власть. Стоит отметить, что имеющая свое представительство в обеих палатах парламента Коммунистическая партия Японии (КПЯ) всегда находилась в полной изоляции.

Несмотря на серьезные кризисные явления в ЛДП и некоторое ослабление в связи с этим ее позиций, ни одна из оппозиционных партий никогда не предлагала позитивных конструктивных действий, а лишь все подвергала критике. Учитывая усиление неоконсервативных настроений в своих рядах, эти партии заговорили о создании коалиционных правительств. Прежде всего, речь шла о трехпартийной коалиции: Комэйто–СПЯ–ПДС, однако состояние оппозиции быстро сделало такую перспективу абсолютно нереальной. Трехпартийная коалиция, несмотря на благие намерения инициаторов, была бы нежизнеспособной из-за коренных расхождений ее участников, в первую очередь социалистов, по важнейшим вопросам (отношение к Японо-американскому договору безопасности, признание конституционности сил самообороны и т. д.). Полная сдача СПЯ своих принципиальных позиций была впереди. Каждая партия имела непомерные амбиции, но все они были маргиналами.

Либерал-демократы внимательно следили за этими маневрами оппозиции и заигрывали с центристскими партиями, вселяя в них надежды

¹ Подробнее см.: Молодякова Э. В. Япония 90-х годов: кризис власти или политической элиты? – Япония 90-х: кризис системы или временные сбои? М., 1998, с. 135–136.

² Schlesinger G.M. Shadows Shoguns. New York, 1997, p. 172.

на возможность формирования консервативно-центристского правительства, тем более что их центризм все больше сближался с неоконсерватизмом ЛДП. Однако убедительная победа правящей партии на двойных выборах, т. е. одновременно в обе палаты парламента, в 1986 г., на которых она получила соответственно 300 и 137 мест, окончательно рассеяли иллюзии оппозиционных партий относительно возможной коалиции с какой-либо частью консерваторов. В то время никто не мог даже предположить, что менее чем через десять лет такая коалиция станет реальностью и начнется эра коалиционных правительств. Действия оппозиции свидетельствовали не только о нежелании, но и о неспособности партийных лидеров вести конструктивный диалог о реорганизации политической системы. Они лишь стремились любыми средствами и любой ценой добиться участия в правительстве, что особенно ярко проявилось на примере практически немыслимой все послевоенные годы коалиции ЛДП–СПЯ. К тому же никто не мог предположить, что ЛДП, даже при наличии коалиции с Новой Комэйто (так теперь называется партия Комэйто, возродившаяся в 1998 г. после самороспуска в 1996 г.), потеряет большинство в палате советников, как это случилось в 2007 г. И уж совсем невероятным казалось поражение на выборах в палату представителей в 2009 г., когда опять же вкупе с Комэйто у нее здесь было устойчивое большинство.

Кризис правящей ЛДП начался с отставкой в 1989 г. кабинета Такэсита и последовавшей сменой в этом же году трех премьер-министров. Это было связано с грандиозным коррупционным скандалом, известным как дело «Рикуруто», поражением правящей партии на выборах в палату советников и новым скандалом вокруг транспортной компании «Сагава юбин» (1992 г.), в котором был замешан, а затем и арестован Канэмару Син – king maker премьер-министров и глава крупнейшей фракции (108 человек).

Проблема перегруппировки сил внутри партии привела к расколу суперфракции в 1992 г. Причиной этого в значительной степени было недовольство молодых политиков жесткой системой засилья «старших», которое зрело в предшествующие два десятилетия. Образовался определенный разрыв поколений. В результате сложной борьбы за пост лидера суперфракция раскололась на две соперничающие группы: одна во главе с Одзава Итиро и Хата Цутому, другая – с Обути Кэйдзо.

Последствия этого события имели чрезвычайный характер. Ушло в прошлое доминирование одной суперфракции, которая фактически контролировала ситуацию в партии, т. е. была как бы скорректирована нормальная деятельность, однако жесткая межфракционная борьба продолжалась. Новые фракции должны были вновь вступать в затяжные и изнурительные переговоры для выдвижения своих лидеров на ключевые посты. На повестку дня встал вопрос о назревшей политической реформе. Либерал-демократы надеялись с помощью реформы избира-

тельной системы и системы контроля за поступающими в партийные фонды финансовыми поступлениями подправить свой облик в глазах избирателей.

Амбициозный Одзава, бывший в 1989–1991 гг. генеральным секретарем ЛДП, посчитал вотум недоверия кабинету Миядзава Киити, вызванный неспособностью правительства решить вопрос о пакете законопроектов, касающихся политической реформы, удобным моментом для реализации идеи создания новой консервативной партии. 44 депутата-диссидента под предводительством Одзава и Хата создали Партию обновления. Чуть раньше десять депутатов либерал-демократов из разных фракций поступили таким же образом и создали партию «Сакигакэ» («Инициатива»).

На всеобщих выборах в 1993 г. в результате раскольнической деятельности диссидентов, создавших свои небольшие партии, прервалось почти 38-летнее единоличное правление либерал-демократов и начался отсчет эпохи коалиционных правительств. За последующие три года сменилось четыре таких правительства. Первые два – кабинеты Хосокава Морихиро и Хата Цутому, находившиеся под фактическим контролем Одзава, оказались неустойчивыми без участия либерал-демократов. В итоге появился новый коалиционный кабинет, создание которого стало возможным только при поддержке ЛДП и полной идеологической и моральной капитуляции социалистов. Первый кабинет по новой схеме возглавил бывший в то время председателем СДПЯ Мураяма Томоити. Его сменил Хасимото Рютаро, с именем которого связывались надежды на «возрождение» либерал-демократов в качественно меняющейся внутривнутриполитической ситуации.

Важнейшим событием реорганизации политической системы явилось создание в 1994 г. второй по величине после ЛДП общенациональной оппозиционной Партии новых рубежей (ПНР) за счет объединения в единую организацию различных партий и групп. Всего в ПНР вошли четыре партии, которые объявили о самороспуске, и девять парламентских групп. Ведущими силами в ней стали Партия обновления Одзава и Комэйто, что с самого начала создавало напряженность в руководстве и в итоге привело к ее самороспуску в канун 1998 г. Партия провозгласила приверженность неоконсерватизму, но не сумела, да и не могла добиться обновления политики, поскольку ее раздирали противоречия между составляющими ее разнородными силами, тайно или явно поощрявшиеся либерал-демократами.

На политической карте накануне выборов в палату представителей парламента, которые проводились в соответствии с новым избирательным законом осенью 1996 г., появилась Демократическая партия Японии (ДПЯ). Инициаторами ее создания выступили братья Хатояма – Юкио и Куню (первый был генеральным секретарем и председателем партии Сакигакэ, второй – ключевой фигурой в ПНР) – в союзе с некоторыми

другими политиками. Лидеры ДПЯ надеялись на широкий альянс «неконсервативных и либеральных сил». Ю. Хатояма были близки традиционные для его политического клана идеи либерализма. Другой лидер, Кан Наото хотел, чтобы их партия походила на Демократическую партию США и социал-демократические партии Западной Европы. Костяк новой партии составили выходцы из Сакигакэ и ПДС, а социалистам пришлось смириться с переходом ряда своих парламентариев в ряды ДПЯ. Можно сказать, что после всеобщих выборов в 1996 г., на которых социалисты получили всего 15 мандатов, СДПЯ сошла с политической арены. Партия Сакигакэ потеряла практически все, сохранив лишь два мандата из девяти прежних.

Относительная неудача (потеря четырех мандатов) Партии новых рубежей на первых для нее выборах в палату представителей объяснялась главным образом сложными отношениями Одзава и его сторонников с организацией буддистов-мирян Сока гаккай (Общество установления ценностей), которая составляла основной электорат Комэйто. Восемь миллионов дисциплинированных членов Сока гаккай – внушительная общественная и политическая сила. С ее помощью Партия новых рубежей получила неплохие результаты на очередных выборах в палату советников в 1995 г. Эта организация обеспечивала устойчивые 20% голосов избирателей в каждом одномандатном округе, что являлось весьма серьезной прибавкой, несмотря на низкий уровень активности избирателей. Но Сока гаккай поддержала не всех кандидатов ПНР, поскольку, очевидно, не хотела столь прямо и открыто конфликтовать с либерал-демократами. В целом эта организация оставалась вполне лояльной по отношению к партии Одзава, чего нельзя было сказать о самой формально распущенной Комэйто³.

Определенные успехи либерал-демократов на этих выборах объяснялись введением новой избирательной системы – важного звена вялотекущей политической реформы. Поддержка избирателей, несомненно, подпитывалась средствами массовой информации. Кроме того, японский избиратель буквально вырос в условиях многолетнего монопольного господства ЛДП и привык связывать с нею большинство успехов страны, в то время как период правления коалиционных правительств без ее участия характеризовался нестабильностью и неуверенностью. Избиратели в очередной раз поддерживали хорошо известную и привычную партию, надеясь на то, что она избавится от недостатков, а также на то, что ЛДП, обладая огромным опытом управления государством, сможет решить накопившиеся внутренние и внешние противоречия. Однако этого не произошло, а противоречия только усилились.

Серьезные перемены произошли и в лагере оппозиции. Пестрый состав Партии новых рубежей, борьба за власть в высшем эшелоне трех

бывших премьер-министров между собой и против Одзава, тяготение многих членов к «родной» ЛДП предопределили ее недолговечное существование. Одзава и его сторонники, оценив критическую ситуацию в партии, приняли в конце 1997 г. решение о ее роспуске, чтобы отсечь все противостоящие группы и создать новую монолитную партию. Поступая таким образом, Одзава никак не предполагал, что партия расколется на мелкие кусочки. Самой представительной оказалась Либеральная партия самого Одзава, бывшего ее президентом с 1998 г. по 2003 г., до объединения с Демократической партией, которую он возглавлял с 2006 по 2009 г.

Новая Комэйто была воссоздана в ноябре 1998 г. на основе слияния депутатской группы Комэй (члены распавшейся одноименной партии) и Новой партии мира (из бывшей ПНР). Под давлением Сока гаккай на съезде партии в 1999 г. было принято принципиальное решение о смене политической ориентации и переходе из оппозиции к сотрудничеству с правящей коалицией. Но полного взаимодействия Новой Комэйто с ЛДП не удается осуществить в силу специфики их подходов по ряду направлений политики правительства, а также потому, что эта партия хочет оставить себе свободу рук в маневрировании на политической арене, поскольку в ее поддержке заинтересованы не только ЛДП, но и ДПЯ. На протяжении последних лет она является младшим партнером в правящей коалиции ЛДП–Новая Комэйто⁴.

На фоне новой расстановки сил на политической сцене усилилась фрагментарность внутри ЛДП. Часть влиятельных политиков не против согласия с бывшими диссидентами: они выступают за создание консервативно-консервативного блока, ибо у них общие корни. Другие создают межфракционные объединения. Возможно, такие подвижки в структуре партии – результат поисков путей ее реорганизации после скандального поражения на выборах в палату советников в 1998 г. Но, возможно, что это, как и прежде, просто усиление фракционной борьбы перед очередными выборами. ЛДП оставалась крупнейшей партией в стране, являлась ядром политической жизни, и потому все события в Японии на протяжении первого десятилетия нынешнего века так или иначе связаны с положением дел в ее рядах.

Расстановка политических сил в стране напрямую связана с экономической ситуацией. Период высоких темпов экономического роста обеспечил устойчивость единоличного правления либерал-демократов. Однако резкое повышение иены по отношению к доллару в 1985 г., приведшее к сокращению экспорта, заставило Японию искать пути стимулирования экономики за счет внутреннего потребления, для чего увеличивались государственные расходы и снижалась процентная ставка центрального банка. Такая политика привела к появлению лиш-

³ <http://www.inopressa.ru/sasahi/2003/11/12/14:56:29/arcc:sasahi:peace>

⁴ <http://www.komei.or.jp/en/about/history.html>

них денег, которые шли не в реальный сектор экономики, а использовались для спекуляций акциями и земельными участками, стоимость которых неимоверно возросла. В результате образовался экономический «мыльный пузырь», который лопнул в 1991 г. С этого времени продолжалось вялое состояние экономики.

В первой половине 1990-х годов четко обозначилась необходимость проведения структурных реформ, которая была детерминирована внутренними потребностями экономики, и эту необходимость признавало общество. В середине 90-х годов прошлого века кабинет Хасимото выступил с инициативой проведения глубоких системных преобразований, провозгласив курс «шести больших реформ»: административной, бюджетной, финансовой, экономической структуры, системы социального обеспечения, образования. Многие политики признавали неизбежность проведения структурных реформ. Было ясно, что традиционные методы закидывания огромных бюджетных средств в общественные работы ради временного улучшения экономической ситуации только увеличивают бюджетный дефицит. Но никто в правительстве ничего не хотел менять, не предлагал альтернативные меры, дабы не вступать в конфликт с воротилами строительного бизнеса, которые всегда оказывали мощную финансовую поддержку либерал-демократам. Другими словами, сокращение расходов на общественные работы лишило бы мощного источника влияния на электорат определенную часть лидеров ЛДП, которых условно можно назвать старой гвардией. Каждый политик озабочен переизбранием, и депутаты от ЛДП обеспечивали влияние средств из государственного бюджета в свои округа. В ходе реформирования существующей системы в первую очередь было необходимо сократить государственные расходы, реструктурировать правительство и предприятия.

Политическая элита не спешила с принятием непопулярных экономических мер, поскольку от старта реформ до их успешной отдачи лежит долгий и непростой путь. Революционные перемены в экономике не могут обеспечить немедленный рост и в ближайшее время не покончат со взлетами и падениями. Заявленные реформы шли вяло, что вызывало недовольство политикой либерал-демократов, и на предстоявших летом 2001 г. выборах в палату советников ЛДП грозил провал. В такой ситуации элита выбрала лидером партии и соответственно премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро, известного политика «президентского» типа.

Избрание премьер-министра приобрело особую значимость во второй половине 90-х годов в связи с проведением административной реформы, в ходе которой в рамках реорганизации правительства первостепенное место отводилось изменениям, которые были нацелены на усиление лидерства премьера. Наиболее важным явилось признание за ним инициативы в определении «принципиального курса по важным политическим делам кабинета». Результатом реформы стало более четкое определение

руководящей роли премьер-министра (сопоставимой с ролью главы государства в других странах) в проведении государственной политики. Изменение структуры и функций ряда учреждений, которые помогают премьер-министру в его деятельности, давало ему расширенное право на личное политическое руководство, чтобы стать реальным лидером страны. Этими изменениями воспользовался Коидзуми, которого поддерживали не только молодые члены партии, но и значительная часть населения, живущего ожиданием перемен.

Взяв курс на проведение структурных реформ, новый премьер сразу вступил в конфронтацию с политическими тяжеловесами внутри партии. Фактически он покусился на фракционную структуру, заявив: «Если какая-либо фракция в ЛДП выступит против меня, то я, как председатель этой партии, буду предпринимать действия для ее ликвидации»⁵. Другими словами, он заявил о своем намерении демонтировать прежнюю структуру партии. Прежний характер отношений между фракциями давал возможность правящей элите относительно свободно маневрировать в случае необходимости. Такому положению дел и бросил вызов Коидзуми.

Проведение заявленных преобразований должно было помочь Коидзуми изменить политический ландшафт внутри ЛДП. Сопrotивление противников реформ было достаточно упорным, но без его преодоления движение вперед было невозможным. Как бы то ни было, он начал реформы, опираясь, безусловно, на свою партию, поскольку оппозиционная Демократическая партия не предложила альтернативы. Наличие в рядах ЛДП своих «левых» и «правых» затрудняло выработку четкого и ясного видения неотложных проблем.

Провозгласив лозунг «Изменим ЛДП. Изменим Японию», Коидзуми определил приоритеты политики, заявив при этом, что не будет «священных коров» и ничто не застраховано от преобразований. Он сразу же обнародовал программу трансформации государственного управления на основе приватизации и дерегулирования, введения новой налоговой системы, решения проблемы безнадежных долгов банков, взятия под контроль бюджетного дефицита, освобождения органов местного самоуправления от мелочной опеки, сокращения общественных работ и перетряски сектора специальных общественных корпораций. Это и был курс на проведение структурных реформ, основная цель которых – сокращение государственных расходов и либерализация деловых и экономических отношений «в соответствии с неолиберализмом и глобализмом американского образца».

Используя мощный экономический потенциал страны и проявив незаурядную политическую волю, кабинет Коидзуми начал выводить

⁵ The Japan Look. 2002, №3. с. 13.

экономику из стагнации. Подъем начался с середины 2003 г., достигнув в последнем квартале прироста ВВП в 7,6% (1,4% в среднем за год). Началась частичная ликвидация «слабых мест» в банковском и корпоративном секторах: более чем вдвое снизилась доля недействующих кредитов у крупных банков, активизировались частные инвестиции в основной капитал предприятий обрабатывающей промышленности. Укрепление банковского сектора заметно сократило уровень задолженности в корпоративной сфере, уменьшилась доля избыточных мощностей и складских запасов готовой продукции, возросла доходность активов. Повысилась производительность труда, расширились возможности для кредитования предприятий. Начал сокращаться бюджетный дефицит. Крупные банки стали возвращать правительственную помощь, полученную в 1998–2002 гг. Стали повышаться цены на землю в городах и увеличился приток прямых иностранных инвестиций, что являлось свидетельством инвестиционного подъема и вело к росту экономики. Кроме того, Япония существенно наращивала свое присутствие в быстро развивающемся регионе Азии, прежде всего в Китае, а также в США.

Продолжались реформы в банковском и корпоративном секторах. В декабре 2004 г. была принята «Программа о дальнейшей финансовой реформе». В соответствии с ней предполагалось уделять повышенное внимание капитализации банков, оптимизации оценки возвратности кредитов, повышению доходности активов в корпоративном секторе, усилению конкурентоспособности продукции, содействию притоку прямых иностранных инвестиций и уменьшению протекционизма в аграрном секторе. Однако сохранялись дефляционные тенденции, оставался большой внутренний долг, безотлагательного решения требовали процессы старения населения и иммиграции. В целом экономическая ситуация начала XXI в. свидетельствовала о том, что взят правильный старт.

Благоприятное экономическое положение позволило Коидзуми приступить к реформированию почтовой службы страны, о чем уже писалось на страницах ежегодника «Япония». Напомним, что почтовая служба в Японии, помимо прямых обязанностей, выполняет функции сберегательной кассы и страховой компании, аккумулируя огромные средства и являясь крупнейшим в мире финансовым учреждением. На начало 2000-х годов ее фонды оценивались в 3 трлн. долл. Суть предпринятых Коидзуми преобразований сводилась к передаче частному бизнесу максимума полномочий за счет свертывания доли государственного участия в региональных и экономических процессах. Приватизируя почтовую службу, он хотел покончить с ее монополией, что сказывалось на качестве предоставляемых услуг, утвердить равенство стартовых возможностей для всех, кто хотел работать в этом бизнесе, перекрыть или хотя бы затруднить доступ к средствам почтовой службы тех однопартийцев, которые лоббировали ее интересы и прикармливали за ее счет своих избирателей. Почтовая служба – это незыблемая твердыня

власти либерал-демократов, поскольку она направляла под их контроль огромные финансовые потоки⁶. Поэтому планы ее приватизации встретили явное и скрытое сопротивление внутри ЛДП.

В это же время значительная часть населения была недовольна принятым по инициативе либерал-демократов новым пенсионным законодательством, увеличившим норму отчисления в пенсионный фонд, и сохранением японского миротворческого контингента в Ираке. Это сказалось на неудачном выступлении ЛДП на очередных выборах в палату советников в июле 2004 г. (она уступила Демократической партии по числу полученных мест в переизбираемой половине палаты советников). Подобная ситуация вынуждала Коидзуми считаться с мнением оппозиции в партии, парламенте и обществе. Однако правящая коалиция, сохраняя устойчивое большинство в обеих палатах парламента, без труда блокировала попытки оппозиции выступать против ее инициатив.

Формируя свои кабинеты, Коидзуми учитывал при назначениях на министерские посты не только и не столько межфракционный расклад внутри партии, сколько уровень лояльности претендента к проведению приватизации почтовой системы, т. е. держал курс на формирование команды единомышленников, которая бы беспрекословно проводила его внутри- и внешнеполитический курс. Коидзуми расставил на ключевых постах своих соратников, и «вертикаль» власти партии и правительства стала выглядеть более монолитной и жестко ориентированной на лидера. Целью кадровых перестановок было стремление Коидзуми нанести еще один удар по старой фракционной структуре ЛДП и добиться ее полного демонтажа. Созданная конфигурация политического руководства страны действовала под полным контролем премьер-министра.

Подтверждением тому послужил роспуск палаты представителей и назначение внеочередных всеобщих выборов после того, как принятый в палате представителей большинством всего в пять голосов правительственный пакет из шести законопроектов о приватизации почтовой службы был отклонен палатой советников в августе 2005 г. В этом оппозиции помогли 17 депутатов от ЛДП, голосовавшие против реформаторской инициативы Коидзуми. Отрицательный результат был неизбежен, поскольку у правящей коалиции было весьма незначительное большинство в этой палате. Такое положение свидетельствовало не только о достаточной силе противников почтовой реформы, но и о стремлении премьера ввести в партии единоначалие, индивидуальный стиль руководства. Сам Коидзуми использовал голосование в палате советников для того, чтобы очистить ряды партии от своих противников. Первым

⁶ Подробнее см.: Рамзес В. Мэйврик на фоне хроники текущих событий. – Экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003, с. 57–59.

шагом в борьбе с «раскольниками», т. е. с нелояльными премьеру парламентариями, стало решение отказать всем, кто голосовал против законопроекта, в организационной и финансовой поддержке партии на внеочередных выборах.

Роспуск парламента был вынужденным политическим шагом, но шансы на успех были высоки. Рейтинг Коидзуми значительно возрос. ЛДП одержала поистине оглушительную победу на внеочередных выборах в палату представителей, получив 296 депутатских мест из 480 и увеличив представительство на 84 мандата. Больше мест было, как уже говорилось, только в 1986 г. – 300 мандатов. Партнер по коалиции Новая Комэйто, потеряв три места, получила 31 мандат. Представительство Демократической партии сократилось со 177 мест до 113. В голосовании приняло участие 67,51% избирателей, что явилось самым высоким показателем их активности с момента вступления в действие новой избирательной системы в 1996 г.⁷

Эти выборы были знаменательны для ЛДП поддержкой не только ее традиционного сельского избирателя, но и городских жителей, которые не аффилированы с определенной партией. Этот сегмент электората традиционно считался опорой оппозиционных сил. В частности, ЛДП победила в 23 из 25 избирательных округов Токио, в то время как ДПЯ только в одном. Выборы показали, что для избирателя большее значение имеет личность, чем партия. Хотя Закон о выборах 1993 г. и был призван бороться с этой тенденцией, чтобы поднять значимость партий в избирательной деятельности. А вот результаты выборов 2009 г. показали, что избиратель даже в одномандатных округах проявил интерес к партийной принадлежности кандидатов в депутаты. Об этом свидетельствует избрание 158 новых кандидатов, т. е. около 1/3 из 480. Из этого числа 143 кандидата (около 87%) – представители Демократической партии Японии⁸.

Обеспечив безоговорочную поддержку реформы почтовой службы, Коидзуми предпринял серьезные усилия для установления еще большего контроля над партией. Объявив борьбу фракционности, он прекрасно понимал, что одним махом невозможно решить эту проблему и, искусно маневрируя, ждал подходящего случая. Триумфальный успех на последних выборах в палату представителей предоставил такой случай. В сложившейся ситуации лидер ни одной из фракций не мог претендовать на то, чтобы стать преемником Коидзуми на посту председателя партии и главы кабинета по истечении срока его полномочий в сентябре 2006 г. Поэтому только тот, кто был лоялен лично Коидзуми, имел предпочтительные шансы.

По традиции все депутаты парламента от ЛДП входят в ту или иную фракцию, что обеспечивает им карьерный рост. Используя избрание 83 новых депутатов, Коидзуми озабочился тем, чтобы они стали единой самостоятельной силой и не расплылись по фракциям. Он убеждал их остаться вне фракций, и многие депутаты, прошедшие в парламента на волне популярности премьера, продемонстрировали верность премьер-министру. Руководство намеревалось сделать из них квалифицированных политиков, а потому начало вести с ними целенаправленную работу, поддерживая их амбициозные настроения⁹. Именно так в свое время работал Танака с молодежью в своей суперфракции. Другими словами, партийному аппарату надлежало заменить фракции в работе с новыми депутатами.

Избрание председателя правящей партии всегда происходило в острой межфракционной борьбе, но завершалось компромиссом. Лишь один раз в пятидесятилетней истории ЛДП лидеры фракций не смогли договориться и предложили бывшему в то время премьер-министром Накасонэ Ясучиро самому назначить преемника. Отражением серьезных перемен в партии явилось избрание Абэ Синдзо на высшие посты в партии и правительстве, во многом предопределенное тем, что именно его Коидзуми назвал своим преемником. Однако скоропалительная отставка Абэ почти через год после избрания показала, что в стране происходили серьезные процессы, которые требовали безотлагательного решения. Шла острая дискуссия о пересмотре некоторых положений конституции, основного закона об образовании, требовалось проведение налоговой реформы, переориентация внешней политики в отношениях с соседними азиатскими странами. Абэ заявил, что продолжит курс на структурные реформы своего предшественника, но увеличение разрыва между богатыми и бедными вследствие проведения политики, направленной на снижение роли государства в экономике, вызывало необходимость коррекции курса на жесткие рыночные реформы. Вряд ли какой-нибудь политический лидер в стране решился бы подорвать стабильность и солидарность японского общества.

После отставки Абэ лидером партии стал Фукуда Ясуо. Он пошел привычным путем, заручившись поддержкой большинства. Своей позицией он ясно дал понять, что придерживается традиционных методов выборов председателя, и его кандидатуру поддержали восемь из девяти фракций¹⁰. Знание им правил игры не в последнюю очередь предопределило выбор политических тяжеловесов. По словам одного аналитика, они решили, что с падением кабинета Абэ «маятник должен качнуться обратно». Поддержка 71-летнего ветерана партии большинством фракций означала возврат к прежней практике выборов кандидатов на пост

⁷ Подробнее см.: Молодякова Э. В. Как выбирают лидера страны в современной Японии (на примере Коидзуми Дзюнъитиро). – Япония 2006. Ежегодник. М., 2006, с. 24–40.

⁸ The Asahi Shimbun. 01.09.2009.

⁹ The Japan Times. 21.09.2005.

¹⁰ The Japan Times. 17.09.2007.

председателя, которая была нарушена при избрании 52-летнего С. Абэ. Таким образом, все лидеры фракций фактически вернулись на передний край политический борьбы, откуда их потеснил Коидзуми.

Уже при избрании премьер-министром Фукуда обозначались первые признаки серьезнейшего парламентского кризиса. Палаты парламента выдвинули разные кандидатуры на пост премьер-министра, что случалось чрезвычайно редко. Палата представителей предложила Фукуда, палата советников – председателя Демократической партии Одава, где у оппозиции было большинство. Согласительная комиссия представителей обеих палат, естественно, решила вопрос в пользу Фукуда.

Новый председатель традиционно назначил на высшие посты в партии закаленных ветеранов. В ЛДП три высших поста: генеральный секретарь, председатель Комитета по изучению политических вопросов, председатель Комитета по общим вопросам. Фукуда ввел дополнительный четвертый пост – руководителя Комитета по выработке избирательной стратегии. Это было сделано с целью активизации подготовки к предстоящим выборам в палату представителей, проведения которых сразу же потребовала оппозиция. Фукуда отблагодарил лидеров фракций за поддержку при своем избрании на пост председателя ЛДП назначением их представителей в правительство. Он предложил своему сопернику Таро Асо войти в состав кабинета министров, но тот отказался. Несмотря на это, Фукуда сохранил министерские посты за двумя бывшими членами правительства, которые голосовали в пользу Асо. Это была явная попытка обеспечить единство партии и не оттолкнуть влиятельного политика. Основой формирования новых органов власти вновь стало сохранение баланса сил и интересов фракций внутри партии. Фактически перетасовывалась одна и та же колода, поскольку не случилось притока новых сил, чего добивался Коидзуми, и все возвратилось на круги своя.

Сложившуюся команду называли «кризисными управляющими», перед которыми стояла задача вернуть утраченное доверие населения. На деле они оказались плохими управляющими, поскольку кабинет Фукуда ушел в отставку также скоропалительно, как и его предшественник. Перед правительством стояла дилемма: уступить давлению общественного мнения и усилить экономическую поддержку регионов или продолжить политику Коидзуми на сокращение расходов. Часть членов ЛДП выступила за увеличение экономической подпитки сельских районов и усиление поддержки пожилого контингента населения. Для этого правительству вновь пришлось бы прибегнуть к займу средств, не смотря на то, что государственный долг Японии, составляющий 150% ВВП, самый большой в мире. Автор реформ Коидзуми ставил целью правительства добиться к 2011 г. сбалансированного бюджета за счет сокращения ассигнований и увеличения доходной части бюджета.

А в соглашении с Новой Комейто, подписанном в день вступления Фукуда в должность, было записано: «Мы искренне сожалеем, что поспешно начали реформы, не удостоверившись в том, что они не нанесут вреда народу»¹¹. Предусматривалось «оживление» сельских районов, строительство инфраструктурных объектов, замораживание увеличения оплаты медицинских услуг для пожилых людей, что должно было обойтись правительству примерно в 90 млрд. иен. При этом Фукуда обещал придерживаться курса на приведение бюджета в равновесие. Но в условиях парламентского кризиса, возникшего после потери правящей коалицией большинства в палате советников в 2007 г., трудно было надеяться на продолжение реформ. Уход Фукуда в отставку в сентябре 2008 г. означал неспособность правительства либерал-демократов принимать эффективные меры для решения большинства сложных проблем в условиях мирового экономического кризиса. Новым председателем ЛДП и премьер-министром стал соперник Фукуда по прошлым выборам – Асо Таро, который, судя по его заявлениям, продолжает дистанцироваться от курса реформ, начатых Дз. Коидзуми¹². К этому правительство Асо подтолкнули увеличение числа населения с низкими доходами, сокращение постоянного найма. Рост числа безработных, снижение уровня потребительских расходов, сокращение государственного финансирования на развитие инфраструктуры в некоторых префектурах, что привело к сокращению там рабочих мест и пр. Подобные негативные явления ослабляли позиции либерал-демократов и усиливали недовольство правительством Асо и лично премьером. Как отмечает Е. Л. Леонтьева в статье, опубликованной в данном ежегоднике, «ситуация сложившаяся к весне 2009 г., поставила перед правительством, политической элитой и деловыми кругами Японии фундаментальные вопросы, которые не могут быть оперативно решены»¹³. Автор статьи подробно рассказывает о принимавшихся правительством мерах для улучшения экономической ситуации.

В Японии существует традиция соотносить возникающие трудности и проблемы, винить во всех бедах премьер-министра, кто бы им ни был. Когда его рейтинг снижается до критического уровня, примерно до 20%, партия задумывается о новом кандидате на высшие посты. О сложности положения современных либерал-демократов в условиях парламентского кризиса, когда в обществе начинают серьезно задумываться о том, не сменить ли правящую партию и предоставить возможность оппозиционной демократической партии «поручководить» страной, сви-

¹¹ <http://www.fin.org.ua/newws.php?i=532521>

¹² The Japan Times. 10.02.2009.

¹³ Леонтьева Е. Л. Экономика Японии в условиях мирового кризиса (2008 г. – первый квартал 2009 г.). М., 2009, с. 60.

детельствует тот факт, что падение рейтинга кабинета Асо до 14% и ниже¹⁴ не только не привело к его отставке, но даже не обсуждалась такая возможность.

Очевидно, это объяснялось тем, что правящая партия обладает достаточным потенциалом, а неспособность премьер-министра и его правительства справиться с экономическим кризисом, что наблюдается сейчас во всех странах, вряд ли стоит ставить в вину лично ему. К тому же кабинет представил программу выхода из кризиса и наметил новые горизонты для экономики¹⁵. Руководство страны предложило государственный бюджет на 2009 г. в размере 1 трлн. долл., дополнительный бюджет на сумму свыше 150 млрд. долл. и среднесрочную программу экономического развития.

«Новая стратегия роста экономики Японии», предложенная Асо, опирается на «три основы – лидерство страны в глобальных усилиях по реализации экологической революции, создание здорового и безопасного для жизни общества долгожителей, убедительная демонстрация привлекательности Японии». В принципе это стало программой либерал-демократов на предстоявших всеобщих выборах, срок проведения которых во многом зависел от того, как будет происходить обсуждение не слишком популярных законопроектов в парламенте до конца сессии (28 июля).

Однако самой большой проблемой для ЛДП является отсутствие доверия общества к нынешнему правительству и лично премьеру Асо, чья низкая популярность была все рекорды. О настроениях в обществе красноречиво свидетельствовали опросы общественного мнения относительно предпочтений избирателей на предстоящих выборах в палату представителей, проведенные ведущими газетами «Асахи», «Йомиури», «Майнити», «Никкэй» и агентством Киодо. Согласно полученным данным, предпочтения отданы ДПЯ как партии, Хатояма Юкио как возможному премьер-министру, правящей коалиции, созданной Демократической партией совместно с другими оппозиционными партиями¹⁶.

Чрезвычайно остро в преддверии выборов в палату представителей встал вопрос об изменении в руководстве Либерально-демократической партии, ситуация в которой характеризовалась разбродом и шатанием, а низкий рейтинг правительства и самого Т. Асо усугублял ситуацию. Многие видные деятели партии полагали, что идти с таким рейтингом на выборы и ничего не предпринимать для исправления ситуации значит заранее обрекать партию на поражение. Демократическая партия не преминула заметить, что нынешний глава Либерально-демократической партии являлся уже третьим по счету претендентом, идущим на выборы,

не заручившись поддержкой избирателей. ЛДП переживала острый кадровый кризис, поскольку в ее рядах практически не осталось популярных и перспективных политиков, которые могли бы стать потенциальными преемниками председателя ЛДП и премьера Т. Асо.

Внутри партии все чаще звучали голоса в пользу отставки накануне выборов непопулярного Асо Таро с поста председателя партии. Бывший премьер Абэ Синдзо выступил за полное обновление высшего руководства, но против этого предложения резко выступил партийный тяжеловес Матимура Нобутака, бывший генсек кабинета министров и бывший министр иностранных дел. Асо поддерживал и Ибуки Буммэй, в бытность которого генсеком ЛДП он был его заместителем. Оппозиция против Асо была не однородна, в ней существовало несколько групп. Одну возглавляли два бывших генсека ЛДП Накагава Хидэнао и Такэбэ Цутому, другую – бывший министр по административным делам и коммуникациям Хатояма Кунио и еще один бывший генсек партии Като Коити. Лидеры обеих групп критиковали премьера лично и его политику, но между ними существовали принципиальные разногласия. Первая группа поддерживала курс на проведение реформ, в частности против реформы почтовой службы, любимого детища Коидзуми. Именно разногласия с премьер-министром по поводу кандидатуры на пост холдинга «Японские почты» привели к отставке Хатояма Кунио, что, несомненно, подорвало авторитет правительства. Бывший премьер Абэ Синдзо и министр административных реформ Амари Акио занимали промежуточную позицию, а именно, выступали за реформы, в том числе кадровые, но были готовы поддержать правительство Асо при условии претворения в жизнь реформ Коидзуми. Такую же позицию разделяли и так называемые «дети Коидзуми», которые стали депутатами палаты представителей в 2005 г. на волне популярности тогдашнего премьера. Сам Коидзуми уже объявил об уходе из «большой политики», но призывал своих «детей» не бояться возможного поражения и перехода в оппозицию.

Серьезным предупреждением для либерал-демократов стали состоявшиеся 12 июля 2009 г. выборы в законодательное собрание Токио. ЛДП впервые (это слово теперь часто приходится использовать, говоря об этой партии) за 44 года потеряла простое большинство в столичном парламенте, не получив необходимые 64 голоса. Вместе со своим младшим партнером по коалиции Комэйто набрала всего 61 голос. Но показателен факт разделения голосов между партнерами: ЛДП добилась успеха для 38 из 58 своих кандидатов (ранее было 48), а Комэйто провела 23 кандидата, увеличив свое представительство. В то время как ДПЯ провела 54 кандидата (было ранее 34) из 58 плюс три формально независимых, но шедших на выборы при ее поддержке. У демократов самая большая фракция в столичном законодательном собрании.

Согласно политической традиции, Асо взял на себя ответственность за поражение партии на всеобщих выборах. Комментируя это поражение,

¹⁴ Асахи симбун. 10.02.2009.

¹⁵ Асахи симбун. 09.02.2009.

¹⁶ Tokyo Shimbun dtd. 19.05. 2009.

он заявил, что «оно является проявлением недовольства политикой ЛДП и в то же время проявлением недовольства лично мной внутри и вне ее»¹⁷. С такой оценкой были согласны многие видные деятели ЛДП. Суга Ёсихидэ, который фактически руководил избирательной кампанией либерал-демократов заявил в программе NHK: «Мы должны выйти из “тепличных условий” длительного правления, показывая людям, как мы серьезны и ищем их доверия»¹⁸. Так закончилось практически бессменное, единоличное правление либерал-демократов, начиная с момента создания партии Хатояма Итиро, внук которого стал очередным премьер-министром. За все это время только один председатель Коно Ёхэй не был премьер-министром (июль 1993 г. – сентябрь 1995 г.), поскольку тогда партия была в краткосрочной оппозиции, а затем создала коалиционное правительство с СДПЯ во главе с премьер-министром Мураяма Томиити.

¹⁷ Асахи симбун. 01.09.2009.

¹⁸ Там же.

Взаимодействие бюрократических и политических элит в Японии

П. А. Калмычек

Мировой финансовый кризис, наступление которого стало очевидным осенью 2008 г., повлек за собой появление новой глобальной тенденции – усиление роли государства в экономике и других сферах деятельности общества. Проблема эффективного и гибкого государственного управления вновь становится чрезвычайно актуальной. Похожую ситуацию можно было наблюдать более 30 лет назад, когда под влиянием череды кризисов страны Запада столкнулись с необходимостью провести коррекцию системы экономического регулирования. В тот период был сделан вывод, что государственный аппарат утратил свою эффективность и из средства решения экономических и иных вопросов сам превратился в часть проблемы. Политики стали воспринимать чиновников в качестве своеобразного барьера, стоящего на пути реформирования существующей структуры, и целый ряд новых лидеров стран Запада, в том числе Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, взялись за перераспределение полномочий в пользу политиков¹.

На Западе получила популярность теория, отстаивающая необходимость либерализации экономики, снижения роли государственного регулирования («тэтчеризм»), усилились позиции сторонников глобализации. В 80-х годах Япония стояла особняком от этих общемировых тенденций. Кризисные явления мировой экономики затронули страну лишь частично, и правящие круги не стали спешить с дерегулированием экономики и проведением кардинальной административной реформы. В то же время для Японии, где экономическое развитие в течение полувека обеспечивалось слаженной работой тандема партийных политиков и чиновников, проблема взаимодействия этих двух ветвей элиты представляется особенно важной.

Последние 20 лет японская модель экономического развития сталкивается с серьезными трудностями, требующими перестройки как общего направления развития основных составляющих народного хозяйства, так и кардинальной реформы политической системы. Общество, недовольное результатами проводимой правящими кругами политики, все больше критикует не только сменяющих друг друга политиков, но и считавшуюся до последнего времени «неприкасаемой» верхушку японского чиновничьего аппарата. Следует отметить, что высшая бюро-

¹ Peters Guy B., Pierre Jon. Politicians, Bureaucrats and Administrative Reform. London, 2001, p. 1–2.

кратия в Японии является важнейшей составляющей правящей элиты и аккумулирует значительную часть реальной политической власти. В то же время, отношение к чиновникам в современной Японии далеко не однозначно. Их часто упрекают в узурпации власти, отсутствии гибкости и инициативы, а также непонимании нужд и устремлений обычных граждан, недовольство которых вызывает и тот факт, что зачастую именно за чиновниками, не подконтрольными избирателям, остается последнее слово при выборе направления развития страны.

С начала 90-х годов население постепенно теряет доверие к системе государственной службы. Чиновники все чаще становятся объектом публичной «порки» бюрократов (так называемой *канрё татаки*) в средствах массовой информации. Они наряду с политиками стали главным объектом критики, в том числе и за то, что эти две основные части японской властной элиты никак не могут найти общего языка по вопросам реформирования японской политико-экономической системы. Тема противостояния Касумигасэки и Нагататё – двух столичных районов, в которых расположены большая часть центральных министерств и парламент Японии, – продолжает оставаться одним из наиболее обсуждаемых вопросов в японских средствах массовой информации.

Традиция изучения взаимодействия политиков и чиновников восходит к Макс Веберу и его «идеальному типу» бюрократии. В науке до сих пор преобладает и само понимание термина «бюрократия», использованного немецким ученым, как системы управления, осуществляемой на базе установленных правил, которые подготовлены профессионалами. Макс Вебер в работе «Хозяйство и общество» подчеркивал, что противостояние чиновников и политиков – одна из центральных проблем эффективного функционирования демократической политической системы. Он считал, что бюрократический аппарат в ходе своего развития неизбежно начнет отстаивать собственные интересы, которые могут войти в противоречие с нормами демократии. В качестве одного из решений этой проблемы Вебер указывал на необходимость сильной политической власти, способной выступить противовесом влиянию бюрократии². Известно, что к подобным выводам его подтолкнуло изучение чрезвычайно развитого административного аппарата Пруссии того времени. Сегодня наряду с Германией исследователи административных систем часто обращаются к примеру Японии, структура государственного управления которой в настоящее время представляется ничуть не менее развитой (не зря же японцев иногда называют «азиатскими немцами»)³.

² Вебер М. Хозяйство и общество. Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., Российская политическая энциклопедия, 2004, с. 59–81.

³ В качестве примера можно привести следующую работу: Muramatsu Michio, Naschold Frieder. State and Administration in Japan and Germany. New York, 1997.

Значительное влияние бюрократии – давняя особенность японской политической системы. В то время как парламентская демократия зародилась в Японии сравнительно недавно⁴, а партии можно назвать привнесённым в японскую политическую культуру элементом⁵, чиновничество появилось вместе с формированием в стране централизованной власти еще в VII в. Взяв за образец китайский вариант государственного устройства, японские правители старательно скопировали и стройную бюрократическую систему с рангами и обязательными экзаменами для поступления и дальнейшего продвижения по службе⁶. В дальнейшем развитие этой системы шло по собственному пути, сохраняя в то же время печать своего происхождения. Современная история чиновничества в Японии начинается с 1945 г., когда после поражения во второй мировой войне страна находит в себе силы вернуться на путь поступательного развития. В центре организации процесса возрождения вновь оказались чиновники, которых в отличие от политиков практически не затронули кадровые чистки, проводимые оккупационными властями.

Уникальность послевоенного политического развития Японии заключалась в том, что за исключением короткого периода пребывания у власти коалиционного правительства во главе с социалистами в 1947–1948 гг. консервативные силы неизменно одерживали победу на выборах в общенациональные органы власти и возглавляли правительство. В 1955 г. две ведущие консервативные партии – Либеральная и Демократическая – объединились и создали Либерально-демократическую партию (ЛДП), которой было суждено на протяжении 38 лет единолично, а затем с помощью младших партнеров по коалиции оставаться у власти и формировать кабинет министров до последнего времени. Послевоенное политическое устройство Японии получило название «система 1955 г.» и характеризовалось устойчивым балансом сил между правящей ЛДП и оппозицией, представленной главным образом Социалистической партией Японии. Несмотря на усложнение со временем политической карты страны и появление новых партий, соотношение сил правящей партии и оппозиции затрудняет определение характера

⁴ Первые политические партии появились в Японии в конце XX в., а парламент (тогда императорский) начал свою работу в 1889 г. В то же время с 1889 по 1947 г., когда в действие была введена новая конституция, партийными можно было признать лишь незначительную (примерно 1/5) часть кабинетов. В послевоенный период все без исключения японские правительства формируются главами политических партий. Hrebenar Ronal J. Berton Peter. Nakamura Akira. Stockwin J. A. A. Japan's New Party System. Boulder (Colorado), 2000, p.8.

⁵ Молодякова Э. В. ЛДП – доминантная партия в условиях демократии. – Япония: свет и тени. М., 2008, с. 160–161.

⁶ Большинство историков сходятся во мнении, что эти реформы не смогли создать эффективную и распространенную по всей стране административную систему. Впрочем, такой системы не существовало и в Китае. Япония взяла за основу идеальную модель китайской бюрократии и попыталась приспособить ее к местным условиям. Bendix Reinhard. Kings or People: Power and the Mandate to Rule. Berkeley, 1980, p. 68.

политической системы. До сих пор не существует единой точки зрения на то, можно ли назвать послевоенную политическую систему Японии по-настоящему многопартийной. В частности, Роберт Скалапино и Масуми Дзюнносукэ в своей работе «Партии и политика в современной Японии»⁷ предложили для определения японской партийной системы 1960-х годов термин «система одной с половиной партии», где ЛДП являлась полноценной политической партией, а СПЯ⁸, постоянно находясь в оппозиции и исполняя роль критика правительства⁹, – половиной партии. Этот термин получил большое распространение и в настоящее время часто используется в отношении не только 1960-х годов, но и всего периода с 1955 по 1993 г. Примеры господствующего положения одной партии в разные периоды XX в. можно найти в таких вполне благополучных демократических странах Западной Европы, как Швеция, Норвегия, Италия, а также у ближайших соседей Японии – в Южной Корее и на Тайване. И хотя в отличие от большинства этих стран до 1990-х годов ЛДП правила единолично, не входя в коалиции с другими партиями, партийную систему Японии в послевоенный период нельзя назвать однопартийной. Партии оппозиции, пусть и безуспешно, однако вполне регулярно бросали вызов монопольному господству либерал-демократов.

Во время правления Либерально-демократической партии в Японии сложилась система устойчивых отношений между политиками, высокопоставленными чиновниками и влиятельными представителями делового мира (так называемый «стальной треугольник»¹⁰). Эти отношения стали одним из факторов стабильности «системы 1955 г.» и фактически определяли выработку и претворение в жизнь всех ключевых задач политического курса, за исключением высокочувствительных для общества вопросов потребительского налогообложения, внешней политики, конституции и т. д. Процесс принятия решений, таким образом, заключался в основном

⁷ Scalapino Robert A. Masumi Junnosuke. Parties and Politics in Contemporary Japan. Berkeley, University of California Press, 1962.

⁸ Первоначальное название партии. В феврале 1991 г. партия изменила официальное название на международной арене на Социал-демократическую партию, при этом внутри Японии старое название было сохранено вплоть до 1996 г. – Hook Glenn D. Japan's International Relations: Politics, Economics and Security. London: Routledge, 2001, p.31.

⁹ Несмотря на очевидные идеологические расхождения, эти две партии, составляющие основу «системы 1955 г.», научились работать вместе. СПЯ поддерживала большинство законопроектов, вносимых Либерально-демократической партией на обсуждение парламента. Иваи Томоаки. Риппо катэи (Законодательный процесс). Токио, 1988, с.102–108.

¹⁰ Данный термин первоначально получил распространение среди исследователей политики Соединенных Штатов для обозначения отношений при выработке решений между законодателями, чиновниками и представителями деловых кругов. Позднее данный феномен прижился и в Японии, в которой становление послевоенной политической системы происходило в условиях оккупации войсками США, где он получил название «*тицу-но санкакукэй*» («стальной треугольник»).

в переговорах либерал-демократов с чиновниками и представителями бизнеса. Оппозиционные партии крайне редко участвовали в этих обсуждениях, и лишь на вторых ролях. Однако, в то время как длительное пребывание ЛДП как правящей партии у власти создает впечатление сильной государственной власти в Японии, ожесточенная борьба между фракциями внутри ЛДП в послевоенный период привела к тому, что бюрократии было позволено захватить инициативу и самостоятельно продвигать экономическую политику.

Исследователи японской послевоенной истории часто указывают на лидирующие позиции чиновников в процессе выработки политического курса в Японии. В частности, можно отметить работу Чалмерза Джонсона «Министерство внешней торговли и промышленности и японское чудо»¹¹, в которой подчеркивается первостепенная роль упомянутого ведомства в достижении успеха в экономическом развитии Японии в 1925–1975 гг. Несмотря на то, что автор отмечает рост роли политиков в выработке решений после прихода к власти премьер-министра Танака Какуэй¹² в 1972 г., он, тем не менее, подчеркивает, что бюрократия продолжает оставаться главной движущей силой, будучи в то же время неподконтрольной избирателям. Как отмечает Джонсон, это влияло на укрепление однопартийного господства ЛДП, которая не только могла целиком сосредоточиться на межфракционной борьбе, но и была единственной из партий, кто имел тесные связи с чиновниками, что давало ей привилегированное положение

Безусловно, рост влияния бюрократии был связан не только с отсутствием ограничивающего фактора в виде сильной политической власти. Свою роль здесь сыграли и сами чиновники. Американский политолог Пемпел выдвигает три ключевых фактора эффективной деятельности японской бюрократии. Во-первых, чиновники при использовании административного ресурса не руководствовались в первую очередь политическими соображениями, но вместе с тем не были слишком деполитизированы, чтобы опираться в своих решениях лишь на технические данные. Во-вторых, они не были излишне пассивными, но в то же время явно не претендовали на роль лидеров. И, в-третьих, бюрократы в Японии, как правило, избегали ставить интересы своих ведомств выше

¹¹ Johnson Chalmers A. MITI and the Japanese Miracle, – The Growth of Industrial Policy. Stanford (CA, 1925–1975.), 1982.

¹² Фигура Танака Какуэй сама по себе привлекает внимание – в послевоенный период он стал одним из первых премьер-министров без опыта пребывания на государственной службе, а его образование ограничивалось незаконченной средней школой. Почти все его предшественники были выходцами из чиновников – Сидэхара Кидзюро (министерство иностранных дел), Асида Хитоси (МИД), Ёсида Сигэру (МИД), Киси Нобусукэ (министерство торговли и промышленности), Икэда Хаято (министерство финансов), Сато Эйсаку (министерство транспорта). – Baerwald Hans H. Japan's Parliament. New York, 1974, p.49.

общенациональных¹³. Признавая важность этих факторов, можно выделить и другие ключевые характеристики, сыгравшие роль в укреплении роли бюрократии в послевоенный период. Так, следует отметить, что система государственного управления в Японии обладала всеми характеристиками «идеального типа» бюрократии Вебера – иерархией (опирающейся, помимо всего прочего, на сильную конфуцианскую традицию в стране), безличностью (ответственность за принятие решения в Японии распределяется по многочисленным отделам министерств и подчиняется целому набору правил, обеспечивающих его компромиссность), постоянством (государственная служба обеспечивает своих сотрудников полной занятостью и, в большинстве случаев, пожизненным наймом), квалификацией (действующая в Японии строгая система экзаменов для приема на государственную службу гарантирует, что в высшие слои бюрократии действительно попадают лучшие из лучших¹⁴). Помимо перечисленных выше факторов, можно упомянуть и престижность работы в государственном аппарате, что привело к тому, что среди руководства министерств большинство составляли выпускники самых престижных университетов.

Привлекательность государственной службы для этих выпускников обусловлена и тем фактом, что зачастую она является лишь первым шагом на пути построения карьеры и в других сферах. В Японии все три стороны треугольника – политики, чиновники и предприниматели – не являются обособленными группами. Часть бюрократов после карьеры в министерствах уходит в правящую Либерально-демократическую партию (и в гораздо меньшей степени в другие партии) и продолжает свою деятельность там. Внутри ЛДП даже существует разделение на «карьерных» политиков (*тодзинха*) и выходцев из среды чиновничества (*канрёха*). Чиновники после увольнения с государственной службы и вступления в партию используют свои связи с бывшими коллегами, финансовыми кругами и знание законодательства. Большинство же выходцев из бюрократии продолжают свою карьеру в частном секторе или общественных корпорациях. Это явление получило название *амакудари* (досл. «схождение с небес»). *Амакудари* нередко критикуется обществом из опасения, что во время своего пребывания на государственной службе чиновники будут более подвержены коррупции из-за стремления подготовить себе высокооплачиваемое место в какой-нибудь частной компании путем предоставления разного рода преференций.

¹³ Pempel T. J. Organizing for Efficiency: The Higher Civil Service in Japan. Bureaucracy in Western Democracies. New York, 1984, p. 1–18.

¹⁴ Для того чтобы попасть на государственную службу, чиновники должны пройти строгие экзамены и лишь крайне незначительный процент из них, получив наивысшие оценки, имеет возможность для продвижения вверх по карьерной лестнице. Более подробно см.: Анисимцев Н. В. Исполнительная власть Японии на рубеже веков: система и эволюция. М., 2008, с. 73–78.

Попытки каким-то образом нарушить status quo в отношениях между политиками и чиновниками были предприняты в Японии в начале 1980-х годов, что совпало по времени с похожими тенденциями в других странах мира. В Японии первые реформы системы государственного управления связаны с именем Накасонэ Ясухиро, который стал премьер-министром в ноябре 1982 г. имея опыт работы в должности министра по административной реформе. Уже в первые дни своего назначения он заявил, что перемены в бюрократической системе будут одним из приоритетных направлений его политики. Накасонэ обещал расстаться с послевоенным политическим наследием и заявлял, что страна нуждается в новом административном аппарате для дальнейшего развития. Основным результатом преобразований стала приватизация ряда общественных корпораций (государственных железных дорог JR, телекоммуникационной NTT и производителя табака Japan Tobacco) и «уменьшение» правительства. В то же время размах реформ в Японии оказался меньше, чем в странах Запада.

Оставшись без изменения, ряд характерных особенностей политической системы Японии привел к появлению негативных тенденций в развитии государственной службы и механизме выработки политического курса. Значительное влияние бюрократии, а также кулуарный характер принятия решений неизбежно сказывались на прозрачности деятельности властных структур и степени вовлечения рядовых граждан в политический процесс. Это стало одной из предпосылок роста коррупции.

Одним из таких коррупционных скандалов, вызвавших широкий общественный резонанс, стал инцидент с компанией «Рикуруто» в 1988–1989 гг., в результате которого премьер-министр Такэсита Нобору был вынужден подать в отставку. Под подозрением в злоупотреблениях оказался широкий круг бюрократов, бизнесменов и политиков. Начало скандалу положила публикация в газете «Асахи» в июне 1998 г. статьи о заместителе мэра одного из японских городов, который приобрел у компании «Рикуруто» акции, еще не выпущенные в открытую продажу. Когда акции оказались на рынке, их ценность многократно возросла. Скандал постепенно разрастался, когда стало известно, что таким же образом акции были приобретены премьер-министром Н. Такэситой, бывшим премьером Я. Накасонэ, министром финансов К. Миядзавой. Несмотря на то, что подобные «подарки» от главы «Рикуруто» Эдзё Хиромаса, как выяснилось, получал широкий круг политиков (как из правящих, так и из оппозиционных партий) и чиновников, виновными в получении взятки было признано лишь три человека – бывший глава коммуникационной компании NTT Синто Хисаси, один из руководителей той же компании Сикиба Эи и заместитель главы министерства труда Като Такаси¹⁵.

¹⁵ Mitchell Richard H. Political Bribery in Japan. Honolulu, 1996, p. 124–125.

Череду коррупционных скандалов 1980-х годов серьезно подорвала позиция правящей элиты Японии, ударив по репутации как политиков, так и бюрократов. Непосредственным результатом этого стало поражение либерал-демократов на выборах в верхнюю палату парламента в 1989 г. В стране, чье быстрое экономическое развитие в послевоенный период происходило в рамках господства одной партии, в начале 1990-х годов все чаще стали раздаваться голоса, выступающие за создание новой политической структуры со сменяемыми партиями по образцу европейской или американской.

К переменам подталкивали события не только из сферы политики. Экономика, ранее поражавшая весь мир своими высокими темпами роста, столкнулась с острейшим системным кризисом. К концу 1980-х годов диспропорции внутри экономической системы Японии привели к формированию так называемого «пузыря» – резкому росту фондового рынка за счет волны спекуляций ценными бумагами и недвижимостью. Крах «пузыря» сопровождался обвалом фондового рынка и появлением так называемых «плохих долгов»¹⁶. Японская экономика вступила в период долговременной стагнации, будучи отягощена целым рядом структурных проблем¹⁷. Одним из препятствий для преодоления тяжелой ситуации являлся тот факт, что правительство Японии так и не решилось на кардинальную перестройку экономики, для которой была характерна модель «догоняющего развития». Ориентируясь в своем развитии на Соединенные Штаты и страны Западной Европы, Япония, превратившись в одного из мировых экономических лидеров, не смогла оперативно выработать свои собственные механизмы поддержания устойчивого роста. Кроме того, правительство слишком поздно осознало необходимость проведения структурной перестройки национального хозяйства для приведения его в соответствие с новыми международными и внутренними стандартами. Не был реформирован в должной мере сектор общественных работ. Дeregулирование экономической и социальной сфер проходило крайне медленно.

Неспособность правительства провести эффективные структурные реформы в этих областях привела к ухудшению социальной обстановки в Японии. Ситуация требовала принятия решительных мер, однако система государственного управления Японии за почти полвека развития в условиях отсутствия политической конкуренции утратила свою эффективность. Ричард Катц, выступая в своем исследовании «Япония: “прокисшая” система. Подъем и падение японского экономического чуда»¹⁸

¹⁶ Carlile Lonny E., Tilton Mark C. Is Japan Really Changing its Ways? Regulatory Reform and the Japanese Economy. Washington (D.C.), 1998, p.129.

¹⁷ Ishi Hiromitsu. Making Fiscal Policy in Japan: Economic Effects and Institutional Settings. Oxford, 2000, p.73.

¹⁸ Katz Richard. Japan. The System that Soured. The Rise and Fall of the Japanese Economic Miracle. Armonk (New York), 1998.

с критикой экономической политики правительства, отмечает его крайнюю пассивность при проведении реформ. «Когда кризис все-таки происходит, кажется, что ЛДП и чиновники призывают, наконец, подготовиться к трудностям. Но на следующий день они стараются поддержать старую систему, не выступают за твердое продвижение реформы, при этом не выступают и резко против. Вместо этого, они колеблются и принимают полумеры. Они нерешительны. Мандарины более не знают, как управлять, и обыкновенные люди также, как и элиты, знают это»¹⁹.

Государственный аппарат Японии, таким образом, оказался не способен оперативно найти выход из структурного кризиса с помощью опыта предыдущих лет успешной работы. Кризис власти начала 1990-х годов обозначился в период экономических неурядиц и заставил политиков в публичных выступлениях заговорить о структурных реформах. Вскоре стало понятно, что перемены в Японии неизбежны: несмотря на длительное и относительно стабильное существование, «система 1955 г.» не устояла под натиском резких изменений международной и внутренней обстановки. Летом 1993 г. на выборах в нижнюю палату парламента Либерально-демократическая партия впервые за 38 лет своего существования не смогла добиться большинства в палате представителей из-за ухода диссидентов из ее рядов, но осталась крупнейшей партией в парламенте. Для того чтобы сохранить власть, ЛДП необходимо было заключить союз с кем-либо из оппозиционных партий, но ни одна из них на такой союз не пошла. Правительство было сформировано коалицией из семи партий и одной парламентской группы²⁰. Оказавшись у власти, бывшие оппозиционеры сразу столкнулись с сопротивлением со стороны чиновников. Бюрократия выразила сильную обеспокоенность возможностью вхождения в правительство представителей не только левой Социал-демократической партии, но и центристских Комэйто и Партии демократического социализма, которые потребовали для себя достойных мест в правительстве²¹. Правда, эти партии довольно пас-

¹⁹ Ibid., p.341.

²⁰ Коалиция состояла из Социал-демократической партии, Комэйто, Партии обновления, Новой партии Японии (НПЯ), партии Сакигакэ, Партии демократического социализма (ПДС), Социал-демократического союза (СДС) и Лиги демократических реформ. Stockwin J. A. A. Governing Japan: Divided Politics in a Major Economy. Maiden (Massachusetts), 1999, p.81.

²¹ Первоначально СПЯ (как самая крупная из входящих в правящий блок партий) при формировании потребовала пост министра коммуникаций и промышленности, по важности сопоставимый с постами глав внешнеполитического и финансового ведомств. Комэйто, обещая своим избирателям проведение «политики для потребителей» и, в том числе, решение жилищных проблем, потребовала должность министра строительства. Министерство почты, таким образом, отходило Партии обновления. Однако из-за программных установок СДПЯ в отношении энергетической политики, в первую очередь работы атомных электростанций, остальные партии выступили резко против того, чтобы это ведомство досталось социал-демократам. В конце концов, после консультаций трех партий СДПЯ, отказавшись от министерства коммуникаций и промышленности, потребовала должность министра строительства,

сивно отнеслись к перспективе получения важных постов, за которые обычно происходит борьба между фракциями Либерально-демократической партии – министра иностранных дел и министра финансов. Все эти должности отошли Партии обновления, основу которой составляли недавние выходцы из ЛДП²².

Долго удержаться у власти широкая правительственная коалиция не смогла. Правительство М. Хосокава ушло в отставку в апреле 1994 г., правительство Ц. Хата – в июне того же года. В 1994 г., после сравнительно недолгого пребывания в оппозиции, ЛДП вновь возвратилась к власти. В то же время, ее позиции далеко не так прочны, как раньше, и с 1994 г. по настоящее время либерал-демократы формируют правительство в союзе с другими партиями. После создания летом 1994 г. коалиции из Либерально-демократической партии, Социал-демократической партии и Партии Сакигакэ можно говорить о том, что в Японии наступила эпоха коалиционных правительств (хотя начало этой эпохи было бы правомерней относить к кабинету Морихиро Хосокава 1993 г.). С 1994 г. состав правящих коалиций несколько раз менялся, однако либерал-демократы продолжали играть в них центральную роль.

Перемены в политической обстановке в Японии в 1990-х годах не привели к прекращению существования «стального треугольника», состоящего из представителей политической, чиновничьей и бизнес элиты, но после того, как ЛДП потерпела поражение на выборах в 1993 г., влияние политиков и их связь с высшей бюрократией ослабли. В особенности это стало заметно в 1993–1994 гг., когда у власти находилась широкая коалиция без участия ЛДП. На пост глав министерств в этот период назначались в основном неопытные политики, не имевшие налаженных связей внутри государственной машины Японии. Несмотря на понимание уязвимости своей позиции, а также того, что бюрократическая машина способна не только замедлить, но и полностью парализовать деятельность законодательной ветви власти, коалиционные правительства, совершили ряд дополнительных ошибок, еще больше усугубивших конфликт между политиками и чиновниками²³. Налаживанию отношений

между правительством Хосокава и высокопоставленными сотрудниками министерств также мешало опасение последних, что чересчур тесные связи с представителями восьмипартийной коалиции могут, в случае возвращения ЛДП к власти, повредить их карьере.

Стоит отметить, однако, что масштабы «мести» бюрократам со стороны либерал-демократов за сотрудничество с восьмипартийной коалицией оказались достаточно малы. Более того, когда в 1994 г. ЛДП вновь стала правящей партией, либерал-демократы по своей инициативе выражали стремление вернуться к тем отношениям, которые существовали до 1993 г.²⁴. Тем не менее, частичное ослабление позиций либерал-демократов, а также коалиционный характер новых правительств привели к тому, что, по выражению Д. В. Стрельцова, «бюрократия, лишившись привычных ориентиров, определявшихся ранее стабильностью однопартийной власти, стала более независимой в своих решениях от мнения политического руководства»²⁵. Несмотря на сравнительно быстрое возвращение либерал-демократов к власти в 1994 г., политическая неопределенность, последовавшая вслед за окончанием стабильного правления ЛДП, нарушила сбалансированные связи внутри «стального треугольника» и увеличила неэффективность принятия решений²⁶.

Довольно скоро это перестало быть внутренней проблемой правящей элиты. После ряда скандалов в правительстве и банкротства нескольких крупных ипотечных компаний вопрос эффективного функционирования государственного аппарата привлек внимание всего общества. Кризис кредитования жилищного строительства 1996 г. вызвал к жизни дебаты о необходимости реформирования министерства финансов и распределения его функций между несколькими независимыми ведомствами. Критики заявляли, что сфера полномочий министерства слишком

подобного решения стал тот факт, что Наито дал повышение одному из чиновников министерства, ранее участвовавшему в выборах в нижнюю палату парламента 1993 г. от ЛДП, что было расценено как попытка повысить его шансы на следующих выборах. Данный инцидент оказал разрушительное воздействие на одну из главных негласных договоренностей существовавшего ранее консервативного режима. Кроме того, отставка Наито была использована либерал-демократами для обвинения правящей коалиции в неумелом вмешательстве в функционирование госаппарата. *Babb James. Business and Politics in Japan. Manchester, 2001, p. 77–78.*

²⁴ Фактически, единственными жертвами нового коалиционного правительства ЛДП, СДП и партии Сакигакэ за близость к противникам либерал-демократов стали заместитель министра финансов Дзиро Саито и заместитель министра внешней торговли и промышленности Хидэаки Кумано. В то же время, при смене кабинета назначение нового заместителя министра было вполне обычной практикой. – *Ibid.*, p. 78.

²⁵ *Стрельцов Д.В.* Настоящее и будущее процесса подготовки правительственных решений. – Знакомьтесь – Япония, 2000. №27, p. 43–50.

²⁶ Эта точка зрения, в частности, высказана в сборнике «Хэйсэй бабуру-но кэнкю: Хокайго-но фукэ то фурёсикэн-но сёри» (Исследование «экономического пузыря» эпохи Хэйсэй: кризисное состояние после краха экономики «мыльного пузыря» и решение проблемы «плохих долгов»). Токио, 2002.

Комэйто удовлетворилась постом министра почты, а Партия обновления – коммуникаций и промышленности. – Июмиури симбун, 09.08.1993.

²² Там же.

²³ Приведем несколько примеров. Согласно давно установленной традиции, продвижения и увольнения внутри государственной службы в Японии были сравнительно надежно ограждены от прямого политического вмешательства. В Японии сложилась система, когда главой министерства назначался политик, а его заместитель – из чиновников. Это позволяло сохранять преемственность и компенсировать недостаточную компетентность политиков в делах возглавляемых ими министерств. Однако, когда в декабре 1993 г. член Партии обновления Кумагаи Хирочи возглавил министерство внешней торговли и промышленности, в качестве одного из своих первых шагов на посту министра он заставил подать в отставку ведущего кандидата на высший неполитический пост в министерстве – Наито Масахиса. Причиной для

широка, что приводит к злоупотреблению властью и искажению политического курса правительства. О необходимости реформ свидетельствовал и скандал с министерством здравоохранения и благосостояния. Выяснилось, что ведомство оказалось не в состоянии предотвратить заражение пациентов вирусом иммунодефицита через донорскую кровь, проигнорировав уже известные к тому времени меры предосторожности²⁷. Кроме того, незадолго до этого, в 1995 г. Япония пережила разрушительное землетрясение, которое показало несовершенство существующей системы для быстрого и эффективного реагирования на катаклизмы такого масштаба.

Таким образом, перед следующим правительством стояла задача восстановления системы эффективного государственного управления и возврата доверия к ней общества. На первый план административная реформа вышла весной 1996 г. накануне выборов в нижнюю палату парламента. Практически все политические партии включили обещания реформы государственного аппарата и конкретные предложения по ее проведению в свои предвыборные платформы. Суть их в основном сводилась к созданию «маленького правительства» – сокращению числа чиновников и повышению эффективности их работы. Результаты выборов 20 октября 1996 г. укрепили позиции ЛДП в парламенте (ЛДП завоевала 239 мест – на 28 больше, чем на предыдущих выборах)²⁸ и фактически дали лидеру либерал-демократов Хасимото Рютаро мандат на проведение решительных преобразований. В качестве одного из первых шагов на пути получения поддержки административной реформы со стороны общества Хасимото учредил Совет по административной реформе (*гёсэи каикаку кауги*), в работе которого он принял непосредственное участие. В итоге правительство подготовило пакет проведения реформ в шести областях – административной, бюджетной, социальной, экономической, финансовой и образовательной. Основными результатами административной реформы стало сокращение числа министерств (12 вместо 22), увеличение полномочий премьер-министра и его кабинета. Были приняты меры по улучшению реагирования на чрезвычайные ситуации. Интересно, что бюрократия, представители которой не входили в совет, пыталась оказать давление на его деятельность через секретариат (находившийся под контролем чиновников). Однако, когда Хасимото узнал об этих попытках, он принял решение при проведении заседаний основываться только на информации, предоставляемой членами совета²⁹.

²⁷ Первые иски против министерства были поданы еще в 1989 г., однако лишь в 1996 г. ведомство выступило с официальными извинениями и признало свою ответственность.

²⁸ Japan Almanac. Tokyo, 1996.

²⁹ Tomohito Shinoda. Leading Japan: the Role of the Prime Minister. Westport (Connecticut), 2000, p. 197.

При преемниках Хасимото Рютаро на посту премьер-министра Японии – Обути Кэндзо и Мори Ёсиро – дальнейшее реформирование административной системы замедлилось. Первый в основном был занят поддержкой экономики с помощью финансового стимулирования, а Мори продвигал реформы в области информационных технологий³⁰. Так, Обути, несмотря на то, что на словах выступал за продолжение административной реформы, в реальности не уделял ей достаточного внимания, посетив лишь 5 из 14 заседаний Совета по административной реформы, а стенограммы заседаний не сохранили следов его активного участия³¹.

Значительные перемены произошли при Коидзуми Дзюнъитиро. В первую очередь новый премьер-министр занялся вопросами дерегулирования, начав проведение реформы почтовой службы и приватизацию специальных общественных корпораций. В ходе правления его отношения с высшей бюрократией претерпели изменения, связанные, в первую очередь, с личностью самого политика. По воспоминаниям министра кабинета Такэнака Хэйдзо, Коидзуми вел себя крайне независимо, не полагаясь на помощь чиновников даже на парламентских сессиях вопросов-ответов (ранее политики обычно использовали материалы, подготовленные служащими профильных министерств)³². Коидзуми находился на посту премьер-министра более пяти лет и сумел значительно продвинуться по пути дерегулирования японской экономики, при этом нередко вступая в противостояние с собственной партией.

Еще в начале своего правления он попал под огонь критики в связи с деятельностью своей ближайшей сподвижницы – Танака Макико³³ – на посту министра иностранных дел. Во время пребывания во главе японского внешнеполитического ведомства она испортила отношения со своими подчиненными, дав ход расследованиям нецелевого использования государственных средств. Кроме того, она попыталась вмешаться в кадровую политику министерства. Активность Танака встретила ожесточенное сопротивление чиновников, которые не упускали случая организовать утечку нелицеприятной информации или анонимно поведать средствам массовой информации о странных привычках и поведении своего министра³⁴. В итоге под давлением чиновников и

³⁰ Vogel Steven. Japan Remodeled: How Government And Industry Are Reforming Japanese Capitalism. London, 2006, p. 58–59.

³¹ Tomohito Shinoda. Leading Japan: the Role of the Prime Minister. Westport (Connecticut), p. 194–195.

³² Takenaka Heizo. The Structural Reforms of the Koizumi Cabinet. Tokyo, 2008, p. 26.

³³ М. Танака – дочь бывшего премьер-министра Танака Какуэй – вместе с Коидзуми являлась одним из наиболее популярных политиков Японии.

³⁴ Журналисты узнали о том, что у Танака Макико бывают приступы паники, а также то, что она подвергала критике план создания американской системы противоракетной обороны и сами отношения между США и Японией, что входило в противоречие с официальной точкой зрения правительства. – The Japan Times. 22.12.2001.

собственной партии, равно как и СМИ, Коидзуми не только вынужден был отправить Танака Макико в отставку, но и назначить на освободившийся пост явно компромиссную фигуру. Новым министром иностранных дел стала Кавагути Ёрико. Она пришла в Либерально-демократическую партию, сделав карьеру в государственных учреждениях. Возможно, это столкновение с чиновниками стало одной из причин того, что, проводя активные преобразования в различных областях, Коидзуми не стал заниматься реформой самой бюрократической системы, оставив эту проблему следующим поколениям премьер-министров.

Уровень популярности и общественной поддержки Коидзуми Дзюнъитиро оказался недостижимым для его непосредственных преемников на посту главы правительства. В условиях ослабления политического руководства происходит рост влияния бюрократов. Отсутствие гармонии в отношениях между политиками и чиновниками стало очевидным при преемнике Коидзуми – Абэ Синдзо. Последний в качестве своей политической платформы провозгласил курс на создание «красивой страны»³⁵, что предполагало, в том числе, повышение полномочий премьер-министра и кадровую реформу. Пытаясь продолжить решительный реформаторский курс своего предшественника, Абэ начал активную борьбу с практикой *амакудари*, однако натолкнулся на противодействие со стороны чиновников и собственной партии.

Противостояние премьер-министра и бюрократии ярче всего проявилось в ситуации вокруг Агентства социального обеспечения. В качестве одного из важнейших пунктов своей административной реформы Абэ предполагал провести приватизацию ведомства. Это вызвало сопротивление со стороны чиновников агентства, которые организовали утечку информации о катастрофическом состоянии дел с компьютеризацией пенсионной системы в оппозиционную Демократическую партию (ДП) и средства массовой информации еще до того, как доложить об этом самому главе правительства³⁶. Возможно, Абэ смог бы выдержать этот удар и продолжить реформу, однако премьера подвела его же собственная кадровая политика – в разное время пять министров его кабинета были вынуждены подать в отставку³⁷. Вскоре за ними

последовал и сам глава правительства – в сентябре 2007 г., через год после назначения. Его преемник Фукуда Ясуо также продержался лишь год, не сумев достигнуть компромисса с оппозиционной Демократической партией.

Отсутствие сильного лидера в рядах Либерально-демократической партии привело к тому, что следующий глава правительства был назначен по обыкновению «в порядке очереди» – Асо Таро выиграл внутрипартийные выборы с четвертой попытки до этого последовательно проиграв Дз. Коидзуми, С. Абэ и Я. Фукуда. Т. Асо повторил своих предшественников в том, что касается низкой популярности. Столкнувшись с необходимостью принятия срочных мер по восстановлению экономической конъюнктуры на фоне резкого падения японского рынка акций под влиянием мирового финансового кризиса, Асо Таро, тем не менее, не смог заручиться достаточно широкой общественной поддержкой, которая бы позволила ему проводить более решительную политику³⁸. Кроме того, при назначении на пост премьера Асо предпочел провести явное разграничение между собой и оппозиционной Демократической партией, которая требовала урезать власть бюрократии. В своей программной речи он заявил, что чиновники не являются врагами ни для него, ни для его кабинета. Во время пребывания у власти Асо нередко упрекали за тесную связь с чиновниками. Так, депутат от ЛДП Ватанабэ Ёсими (занимавший пост министра по финансовой политике и административной реформе в кабинете Фукуда), в январе 2009 г. заявил о выходе из Либерально-демократической партии, обвинив премьер-министра в том, что он является представителем старой гвардии Касумигасэки³⁹, и намекал на тесные связи Асо с высшей бюрократией. Ранее, одна из соперниц Асо Таро на выборах председателя ЛДП Коикэ Юрико⁴⁰ обещала, что в случае своего избрания на высший пост в партии

винениям в присвоении государственных средств и незаконном получении пожертвований на ведение политической деятельности. – Асахи симбун, 28.05.2007.

³⁸ Уже в начале срока своих премьерских полномочий Асо столкнулся с резким падением своего рейтинга, которое наблюдатели связали с недостаточно решительными шагами правительства по спасению японской экономики от последствий мирового финансового кризиса. Весной 2009 г. правительству удалось укрепить свои позиции за счет внешних факторов. В марте по обвинению в незаконном получении денежных пожертвований от крупной строительной компании японская полиция арестовала ближайшего помощника лидера Демократической партии Одава Итиро. Сам влиятельный политик не смог выступить перед публикой с «достойным» объяснением этого инцидента, что негативно сказалось на популярности, как его самого, так и на всей партии. Дополнительным фактором, который отвлек внимание общества от неудачной экономической политики правительства, стал апрельский запуск Северной Кореей ракеты со спутником.

³⁹ Санкэй симбун, 13.01.2009.

⁴⁰ Еще будучи министром обороны в правительстве Абэ Синдзо, Коикэ Юрико уволила своего заместителя, назначенного из среды бюрократов, без согласования с премьер-министром. Поставив, таким образом, под сомнение его лидерство, позднее она была вынуждена подать в отставку.

³⁵ Этот курс был изложен им в собственноручно написанной книге, ставшей одним из бестселлеров на японском книжном рынке. – См.: Абэ Синдзо. Уцукусии куни-э (На пути к красивой стране). Токио, 2006.

³⁶ Информацию об утрате информации по 50 млн. пенсионных дел сначала узнала ДПЯ, а до Абэ Синдзо информация дошла с огромным опозданием. – Nikkei BP, 19.07.2007.

³⁷ Все началось с главы комиссии по налоговой реформе Хомма Масааки, который был вынужден уйти в отставку после того, как выяснилось, что он поселился со своей сожительницей в государственной квартире в г.Токио, в то время как его жена осталась в г.Осака. Однако наиболее сильный удар по репутации кабинета и самого Абэ нанесло самоубийство другого действующего члена кабинета. 28 мая 2007 г. 62-летний министр земледелия, лесоводства и рыболовства Мацуока Тосикацу повесился в своей служебной квартире в Токио за несколько часов до того, как он должен был отвечать перед парламентской комиссией по об-

«разрушит Касумигасэки и построит новую систему управления». Подобные заявления звучали и из уст руководителей Демократической партии накануне выборов в ключевую нижнюю палату парламента Японии 30 августа 2009 г., на которых ДП одержала историческую победу, завоевав более 2/3 мест.

Тема влияния бюрократии остается актуальной, что свидетельствует о том, что, несмотря на ряд структурных реформ, проведенных правительствами Хасимото Рютаро и его преемников, попытки избавиться от излишней бюрократической опеки не вполне удались политикам из Либерально-демократической партии. Теперь основные ожидания на изменение ситуации в этой области японское общество возлагают на Демократическую партию. Демократы объявили пересмотр отношений между политиками и бюрократами одним из приоритетов своей внутренней политики. Разграничение власти между чиновниками и политиками имеет большое значение для дальнейшего развития страны. Сохранение главенствующей роли бюрократии в системе государственной власти Японии снижает вероятность формирования стабильной политической системы со сменяемыми партиями. Будучи неподконтрольной избирателям, высшая бюрократия, тем не менее, зачастую определяет конкретные шаги в том или ином направлении. Кроме того, современная история Японии свидетельствует о том, что в случае отстранения, даже временного, либерал-демократов от власти, эффективность деятельности нового кабинета министров при проведении собственного политического курса может быть всерьез подорвана сопротивлением со стороны высших чиновников министерств. Очевидно, что для того, чтобы бросить вызов бюрократии, нужна сильная политическая власть, однако для этого перемены, вероятно, нужны не в Касумигасэки, а в Нагататё. Придут ли эти перемены вместе с приходом к власти Демократической партии, покажет уже ближайшее будущее.

Современные отношения между Японией и Великобританией

Д. М. Каренин

Со второй половины XX в. начинается непростая история двусторонних японо-английских отношений, в которой были периоды сближения и серьезнейших расхождений. Сегодня две страны связаны широким спектром общих интересов в экономической, политической, научно-технической и социально-культурной сферах. Великобритании и Японии свойственен особый характер отношений с США, что, несомненно, влияет и на отношения в треугольнике США – Япония – ЕС. Дополнительную динамику в японо-британских отношениях создают двухуровневые связи в формате Япония – Великобритания – ЕС, обеспечивая условия для более тесного сотрудничества между сторонами, включая и сотрудничество в области безопасности.

Для Японии начало второй половины XX в. оказалось сложным периодом. Страна пережила период оккупации, что способствовало формированию особых отношений с США. Это было время и первых шагов на международной арене, и преодоления всеобщего недоброжелательного отношения к странам, потерпевшим поражение в войне. Так, несмотря на поданную в 1952 г. заявку на присоединение к ГАТТ, в 1953 г. Японии из-за упорного сопротивления со стороны европейских стран, в особенности Великобритании, было предоставлено лишь временное членство и то благодаря сильному нажиму на организацию со стороны Соединенных Штатов¹. Но уже в 1956 г. Япония получила постоянное членство в ГАТТ. Статья № 2 Генерального соглашения о тарифах и таможенных обязательствах обязывает каждую договаривающуюся сторону немедленно и безусловно распространить на участников соглашения все льготы, привилегии, преимущества и иммунитеты, которые она предоставляет какой-либо стране. Каждая страна обязана предоставить своим партнерам статус наибольшего благоприятствования в области тарифов и таможенных пошлин. Однако, если страна не проводила отдельных переговоров ни с одним членом ГАТТ, в действие вступала статья соглашения № 35, которая в подобном случае отменяла действие статьи № 2. Таким образом, вступление в ГАТТ для Японии фактически ничего не изменило. Японию по-прежнему окружала «тарифная стена», крайне затруднявшая развитие

¹ *Moni M. H. Japan – UK: Perspectives of Partnership. – Asia Europe Journal. 2006, №4, p. 351–364.*

торговли с другими странами. Присоединение к ГАТТ стало лишь первым шагом на длинном пути.

Единственное, чему, пожалуй, могло радоваться британское правительство, так это тому, что Великобритания вышла из войны в лучшем состоянии, чем СССР или Франция, хотя промышленность была подорвана и появился огромный внешний долг. Такая ситуация способствовала тому, что, как и разгромленная Япония, Великобритания стала формировать особые отношения с Соединенными Штатами.

Сотрудничество между Японией и Великобританией проверенно временем. Его история помнит такие эпизоды, как заключение англо-японского союза в 1902 г. и участие обеих стран в первой мировой войне на стороне Антанты. В Японии в начале прошлого столетия было образовано движение «эйгаку», призывавшее изучать и перенимать опыт и достижения Великобритании в различных сферах.

Конечно, после окончания второй мировой войны было невозможно игнорировать тот факт, что Япония и Великобритания находились по разные стороны баррикад. Тем не менее, если послевоенная администрация Уинстона Черчилля в 1951–1955 гг. видела в Японии только лишь поверженного врага и даже пыталась воспрепятствовать присоединению ее к ГАТТ, то спустя семь лет ситуация в корне изменилась. Во время пребывания у власти администрации Мориса Макмилана Великобритания – страна, которая была изначально против принятия Японией в ГАТТ, а потом лоббировала применение к ней статьи 35 ГАТТ, – первой пробила брешь в тарифной стене, выстроенной на пути Японии к европейским рынкам. Еще в 1959 г. в Лондоне было открыто представительство японской торговой палаты, в 1976 г. преобразованной в ДЖЕТРО (JETRO – Japan External Trade Organization, которая занимается привлечением инвестиций и укреплением деловых связей между японскими и британскими деловыми кругами. С 1961 г. по 1962 г. товарооборот между Великобританией и Японией вырос на две трети. Японские рынки привлекали к себе все больше внимания со стороны британских деловых кругов. Правительство Великобритании более не могло оставлять ситуацию без внимания. 5 декабря 1962 г. заместитель министра торговли Алан Грин обратился к Палате общин с призывом поддержать заключение договора о торговле и мореплавании с Японией. В своем обращении он подчеркнул, что дискриминационная политика по отношению к Японии более не отвечает ни экономическим, ни общеполитическим интересам Великобритании. Заключение такого договора необходимо для создания наиболее выгодных условий для британских экспортеров, что даст им возможность участвовать в совместных проектах с японскими компаниями и делать долгосрочные вложения в экономику Японии, которые принесут бы наибольшую прибыль. Договор о торговле и мореплавании, снимавший все ограничения, наложенные 35-й статьей договора ГАТТ, был заключен уже в следующем

году. Великобритания подала пример остальным европейским странам, и к середине 1960-х годов все ведущие европейские страны заключили с Японией аналогичные договоры.

Подписание договора 1963 г. было продиктовано своевременным осознанием Великобританией потенциала Японии как стратегического и торгового партнера. Это был прагматический шаг, обусловленный пониманием правящих кругов страны того, что свободная торговля с Японией куда продуктивнее поддержания сформировавшейся вокруг нее тарифной блокады². Тем не менее, хотя договор 1963 г. и прорубил для Японии окно в Европу, на первых порах ее отношения со странами-членами будущего Евросоюза в основном сводились к торговле. Несмотря на отказ от дискриминационной 35-й статьи, об особо доброжелательном отношении к Японии в Старом Свете в тот период говорить не приходится. Дополнительная конкуренция, создаваемая на внутренних рынках Европы хлынувшим из Японии потоком конкурентоспособных товаров, существенно осложняла существование европейским производителям, а довольно быстро сформировавшийся отрицательный торговый баланс в пользу Японии отнюдь не радовал европейские правительства. Дело дошло даже до введения антидемпинговых пошлин на некоторые японские товары в 1976 г., от которых впоследствии пришлось отказаться.

О взаимодействиях в разных сферах, о сколько-нибудь серьезных совместных программах как по японо-европейской, так и по японо-британской линии можно говорить, лишь начиная с 1990-х годов. Тем не менее, в отличие от стран континентальной Европы для Великобритании активное сближение с Японией началось несколько раньше. Как и многие другие завоевания Великобритании во второй половине XX столетия, и это связано с именем Маргарет Тэтчер. Во время пребывания у власти администрации Тэтчер (1979–1990 гг.) был в корне изменен подход к британско-японским отношениям. Японию стали рассматривать как приоритетный внешнеэкономический ресурс. М. Тэтчер считала японские инвестиции хорошим способом создания новых рабочих мест в стране. Поэтому были приняты все возможные меры для привлечения таких инвесторов. В результате во время правления М. Тэтчер Великобритания стала главным пунктом назначения японского капитала в Европе. На нее приходилось 44% японских инвестиций.

Именно тогда был осознан высокий потенциал англо-японского сотрудничества. Еще в 1985 г., в соответствии с соглашением между Маргарет Тэтчер и главой японского правительства Накасонэ Ясукиро, была создана исследовательско-консалтинговая организация «Группа Соединенное Королевство – Япония 2000» (UK-Japan 2000 Group), в задачи которой входят изучение и исследование новых направлений

² *Moni M. H. Japan – UK: Perspectives of Partnership. – Asia Europe Journal. 2006. №4, p. 351–364.*

развития японо-британского сотрудничества. По сложившейся традиции все решения, выработанные в ходе встреч этой группы, направляются непосредственно к главам японского и британского правительств. Так, например, на встрече группы, которое прошло в префектуре Тиба в марте 1999 г., было выдвинуто предложение создать систему академического обмена во время каникул с целью улучшения взаимопонимания между молодежью двух стран. Это предложение было поддержано и проведено в жизнь премьер-министрами Блэром и Обути.

Параллельно правительство Великобритании совместно с японскими деловыми кругами с 1989 по 1991 г. проводило кампанию «Возможности Японии» («Opportunity Japan»), направленную на увеличение британского экспорта в Страну Восходящего Солнца. По результатам этой кампании было зафиксировано увлечение данного показателя в 2 раза.

Формирование международной правовой базы отношений Японии с ЕС

1991 год стал началом нового этапа в японо-европейских отношениях. Распад Советского Союза, Совета по экономической взаимопомощи и блока Варшавского договора в корне изменили политическую конъюнктуру мира. Япония и страны Европейского сообщества не стали исключением. Обе стороны пришли к осознанию новых вызовов, которые возникли перед ними с окончанием холодной войны. Впервые с 1963 г., когда был заключен последний торговый договор, появилась необходимость в более тесном политическом сотрудничестве. Понимание этой необходимости нашло отражение в подписании в 1991 г. Декларации о всестороннем сотрудничестве между европейским сообществом и входящими в него странами и Японией.

Во введении к данному документу обе стороны признают важность соблюдения прав человека, а также свою приверженность принципам свободной торговли и необходимость построения процветающей и стабильной мировой экономики. Также отмечается важность диалога между Японией и европейскими странами и необходимости его углубления и интенсификации в условиях растущей взаимозависимости между различными регионами мира. Стороны высказали намерение более тесно сотрудничать в таких областях, как безопасность, поддержание мира и создание стабильного и справедливого мирового порядка в соответствии с хартией ООН, и стараться решать проблемы, встающие перед мировым сообществом, совместно.

Для достижения поставленных целей, в частности, предполагалось препятствовать распространению ядерного, химического и бактериологического оружия и технологий производства средств доставки, а также незаконному распространению обычных вооружений.

В экономическом плане высказывалось намерение делать все возможное для укрепления международной торговли, отказа от протекционизма

и улучшения инвестиционного климата. В связи с этим обе стороны возлагали особые надежды на такие международные организации, как ГАТТ и Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Помимо этого, в декларации предусмотрен широкий спектр мероприятий по сотрудничеству в самых разных сферах, среди которых защита окружающей среды, разработка энергосберегающих технологий и научно-техническое сотрудничество, борьба с международной преступностью, связанной с незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и, главным образом, легализацией финансовых средств, добытых незаконным путем.

Для координирования усилий было решено проводить ежегодные встречи на территории Европы, а промежуточные – на территории Японии.

Последние десятилетия XX в. характеризуются спадом активности в японо-европейских отношениях. Тому был целый ряд причин, связанных с упомянутыми выше изменениями политической карты мира. Общее замедление развития японо-европейских отношений практически никак не сказалось на англо-японских отношениях.

Однако пакистанский политолог из университета Даки, лауреат премии японского министерства образования Монир Хусейн Мони считает, что 1990-е годы в японо-британских отношениях скорее можно сравнить с началом XX в., когда сложилась ситуация, приведшая к заключению англо-японского союза 1902 г. По его мнению, у двух стран, в эти периоды появилась возможность использовать многочисленные сходства для установления тесного сотрудничества, а также желание выступать как равные партнеры.

В 1988 г. правительство Великобритании запланировало проведение кампании по облегчению доступа своих фирм на внутренний рынок Японии. Эта кампания воплотилась в последовательное проведение серии программ, аналогичных программе «Возможности: Япония». Первой среди них стала программа «Приоритет: Япония» («Priority Japan Campaign»), проводившаяся с 1991 по 1994 гг. В апреле 1994 г. на смену ей пришла программа «Действие: Япония» («Action Japan»). В соответствии с замыслом ее авторов, тремя основными ее направлениями были «продавать японцам», «инвестировать в Японию», «учиться у Японии». Также были выделены 13 приоритетных секторов японской экономики и определены возможности, которые они предоставляли британским компаниям.

С 1996 г. Япония и Великобритания начали взаимодействовать в рамках форума ACEM (ASEM – Asia Europe Meeting), образование которого стало результатом «Новой азиатской политики» Еврокомиссии, а также стремления ряда дальневосточных государств к формированию диалога с европейским сообществом.

1995 год был успешным для японо-британского сотрудничества. Именно в этом году бывший тогда министром иностранных дел Японии

Икэда и его британский коллега Малкольм Рифкинд приняли решение подписать новое соглашение, которое бы регламентировало японо-британские отношения. Этот документ был подписан 2 сентября 1996 г. и назывался «Соединенное королевство – Япония: Особое партнерство в глобальном масштабе» («UK–Japan Action Agenda: Special Partnership around the World»)³. По содержанию он очень близок совместной декларации о сотрудничестве 1991 г., но поскольку данный документ действует исключительно на двустороннем уровне – между Лондоном и Токио, в нем, естественно, оговорены цели, касающиеся главным образом Японии и Великобритании. К ним относятся, в частности, намерение японской стороны поддержать проведение программы «Действие: Япония» по линии ДЖЕТРО, открыть в Лондоне центр изучения японского языка, обязательство британской стороны провести в Лондоне второй саммит АСЕМ в 1998 г. и др.⁴

Подобно торговому договору 1962 г., он стал первым среди многих аналогичных документов, впоследствии подписанных на двустороннем уровне между Японией и странами – членами Европейского Союза, таких, как «Япония и Германия в XXI в.: семь столпов сотрудничества» («Japan und Deutschland im 21. Jahrhundert – Sieben Säulen der Kooperation»⁵, 2000 г.), «Декларация о новом франко-японском сотрудничестве во имя мира, стабильности и процветания международного сообщества» («Declaration for a new Franco-Japanese partnership for peace, stability and prosperity in the international community»⁶, 2005 г.) и др. Все эти документы проникнуты духом совместной декларации о сотрудничестве 1991 г. и близки по форме и содержанию.

В преамбуле документа говорится о том, что он будет постоянно дополняться и пересматриваться для того, чтобы соответствовать политическим реалиям XXI в. Дополнения не заставили себя долго ждать. 12 января 1998 г. состоялась встреча между тогдашними лидерами двух стран – премьер-министрами Блэром и Хасимото. На этой встрече было зафиксировано, что японо-британские отношения достигли беспрецедентно высокого уровня развития. Было решено закрепить это в новой декларации о сотрудничестве, которая получила название «Общее

видение XXI в.» («UK-Japan Common Vision for the 21st Century»⁷). В сущности, несмотря на то, что в названии документа говорится о сотрудничестве в XXI в., он лишь уточняет, а иногда и просто подтверждает некоторые положения соглашения 1996 г. Важно было подтвердить, что названное выше соглашение сохранило актуальность и в XXI в.

6-го сентября 1999 г. во время встречи тогдашних министров иностранных дел Великобритании и Японии – Робина Кука и Комура Ма-сахико был принят документ, получивший название «Повестка 21: Япония и Великобритания в XXI веке» (Action agenda 21: the UK and Japan in the 21st century)⁸. Данный документ следует рассматривать как приложение к «Общему видению XXI в.». Очень кратко намеченные в этом документе основные направления сотрудничества, в «Повестке 21» были прописаны весьма подробно. Соглашение о сотрудничестве 1996 г., «Общее видение XXI в.», а также «Повестка 21» являются частями единой документальной базы, оформлявшей японо-британские отношения к началу XXI в.

В декабре 2001 г. состоялся юбилейный десятый саммит Япония – ЕС, в ходе которого был принят договор «Формирование общего будущего» («Shaping our common future»)⁹, который по сей день регламентирует развитие японо-европейских отношений. Основными направлениями сотрудничества, упомянутыми в договоре, как и в декларации, являются укрепление мира и безопасности, углубление экономического и торгового сотрудничества, совместное решение глобальных общественных проблем, содействие установлению диалога между разными народами и культурами. Договор «Формирование общего будущего» по содержанию сходен с аналогичными договорами, уже действовавшими на двустороннем уровне между Японией и некоторыми западноевропейскими странами на момент его подписания.

К 2007 г. существовавшая документальная база уже не полностью отвечала новым потребностям и возможностям японо-британского сотрудничества, поэтому возникла необходимость внести коррективы и обозначить новые направления. Во время встречи в Лондоне 9 января 2007 г. тогдашние премьер-министры Тони Блэр и Коидзуми Дзюньитиро обменялись мнениями по наиболее важным вопросам двусторонних отношений, а также ситуации в мире и решили установить ряд новых приоритетных направлений японо-британского сотрудничества. Эти на-

³ UK-Japan Action Agenda: Special Partnership around the World [Electronic resource]. – JAPAN-UK Summit. – London, 1996. p.4. Mode of Access: http://www.mofa.go.jp/region/europe/uk/uk_agenda.html

⁴ Ibid.

⁵ Japan und Deutschland im 21. Jahrhundert - Sieben Säulen der Kooperation [Electronic Resource] – Tokyo, 2000, p. 9. – Mode of Access: http://www.tokyo.diplo.de/Vertretung/tokyo/de/04_Pol/Bilaterales/Siebens_C3_A4ulenSeite.html

⁶ Declaration for a new Franco-Japanese Partnership for Peace, Stability and Prosperity in the International Community [Electronic Resource] – France in the United Kingdom French Embassy. Tokyo, 2005, p. 3. – Mode of Access: http://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files_156/japan_510/france-and-japan_2692/index.html?var_recherche=Japan

⁷ UK-Japan Common Vision for the 21st Century [Electronic Resource] – Foreign and Commonwealth Office. Tokyo, 1998, p. 2. Mode of Access: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uk/cmnvsn.html>

⁸ Action Agenda 21: the UK and Japan in the 21 Century [Electronic resource] – Foreign and Commonwealth Office. Tokyo, 2002, p. 5. Mode of Access: <http://www.fco.gov.uk/en/newsroom/latest-news/?view=News&id=2242426>

⁹ Shaping our Common Future. An Action Plan for EU – Japan Cooperation [Electronic Resource] – European Union – Japan Summit. Brussels, 2001, p.25. Mode of Access: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/eu/summit/action0112.html>

правления были изложены в составленном по итогам встречи документе, скромно названом «Совместное заявление Японии и Соединенного Королевства: Механизм будущего сотрудничества» («Japan UK joint statement: A framework for the future»)¹⁰. Этот документ по духу и содержанию близок к «Формированию общего будущего» и подтверждает приверженность сторон ранее провозглашенным принципам сотрудничества. Он является очередным дополнением к «Повестке 21» и «Общему видению XXI в.». Реализацию механизмов сотрудничества, установленных на основе японо-европейской и японо-британской документальной базы, можно проследить на многочисленных примерах в разных сферах.

Сотрудничество в области экономики

Одними из наиболее важных в «Повестке 21» являются положения об укреплении сотрудничества в области экономики, содержание которых кратко состоит в следующем.

1. Интенсификация торговых отношений и улучшение инвестиционного климата.
2. Содействие развитию международной торговли, а также работе «большой восьмерки».
3. Сотрудничество в финансовой сфере и содействие укреплению международной финансовой системы.

В отличие от европейских государств, которые пытались бороться с японской «политикой проникновения лазерного луча» при помощи протекционистских барьеров, британское правительство избрало другой подход, стараясь извлечь максимальную выгоду из экономического сближения с Японией. Сегодня мы видим плоды этого решения. Япония является крупнейшим рынком сбыта британских товаров после Соединенных Штатов и Западной Европы. Соединенное Королевство поставляет в Японию медицинское оборудование, продукты фармацевтической промышленности, автомобили и алкогольные напитки. По данным британской организации по торговле и инвестициям (United Kingdom Trade and Investment UKTI), уже в 2005 г. Великобритания поставила на японский рынок товаров и услуг на 8 млрд. фунтов стерлингов (около 17 млрд. долл. США). Основными статьями экспорта Японии в Великобританию являются автомобили и запасные части к ним, а также различные средства беспроводной связи. Япония является самым крупным поставщиком товаров и услуг на британский рынок после Соединенных Штатов и Евросоюза. Японский экспорт в Великобританию в том же году составил 15 трлн. иен (около 14 млрд. долл.)¹¹.

На протяжении прошлого десятилетия японские инвестиции в экономику Великобритании утроились. Соединенное Королевство уже на протяжении нескольких десятилетий удерживает пальму первенства по популярности среди японских инвесторов. Еще в 2002 г. 46% всех японских инвестиций в экономику Евросоюза приходилось именно на Великобританию¹².

Сегодня в Великобритании представлены 1300 японских компаний. Особенно благоприятные условия созданы для японских автомобилестроителей. Еще кабинет Маргарет Тэтчер провел через парламент закон, согласно которому все автомобили, произведенные на территории Великобритании японскими производителями, формально приравниваются к продукции британской автомобильной промышленности. Таким образом, японские автомобили, собранные в Соединенном Королевстве, не облагались пошлинами и таможенными сборами. Сегодня на территории Великобритании действуют заводы таких известных японских концернов, как «Тоёта», «Ниссан» и «Хонда».

Благодаря японским инвестициям, в Великобритании было создано 88 тыс. новых рабочих мест только в сфере производства. В целом, учитывая приведенный выше темп роста инвестиций за последние годы, можно сделать вывод, что Соединенное Королевство становится все более привлекательным пунктом назначения для японских инвестиций.

Британским инвесторам предстоит пройти долгий путь, прежде чем экономическое партнерство между Японией и Великобританией станет в полной мере равным. Их недостаточно высокая активность отчасти объясняется присущей японскому рынку закрытостью. Осознавая заинтересованность Японии в инвестициях, в том числе и британских, бывший премьер-министр Коидзуми поставил перед правительством задачу удвоить приток инвестиций в свою страну. Для этого кабинету пришлось провести ряд преобразований, направленных на повышение открытости рынка. Это дало возможность многим британским компаниям более успешно конкурировать на внутреннем рынке Японии. Среди них британские операторы телефонной и сотовой связи, в особенности компания «Водофон», которая стала крупнейшим иностранным инвестором в Японии, британские фармацевтические компании, разработчик автозапчастей GKN, компании, работающие с высокими технологиями, такие, как «Логика» и «Кадсентре». Нефтяные гиганты «Бритиш Петролиум», «Шелл» и «Тэско» также стали существенно наращивать свои инвестиции в японскую экономику. Однако британские инвестиции в Японию главным образом сконцентрированы в телеком-

¹⁰ Japan UK joint statement: A framework for the future [Electronic resource] / JAPAN-UK summit. – London, 2007, p. 3. Mode of Access: <http://www.mofa.go.jp/region/europe/uk/joint0701.html>

¹¹ United Kingdom Trade and Investment UKTI [Electronic Rfesource] – UKTI. London, 2009, p. 2. Mode of Access: https://www.uktradeinvest.gov.uk/ukti/appmanager/ukti/home?_nfpb=true&searchPortlet_1_actionOverride=%2Fpub%2Fportlets%2Fsearch%2FshowContentItem&_windowLabel=

searchPortlet_1&searchPortlet_1_navigationPageId=%2Fsearch&searchPortlet_1_navigationContentPath=%2FBEA+Repository%2F301%2F226485&_pageLabel=advanced_search

¹² Jack Straw. Britain and Japan: A 21st century Partnership [Electronic resource] – Foreign and Commonwealth Office. Tokyo, 2002, p. 4. Mode of Access: <http://www.fco.gov.uk/en/newsroom/latest-news/?view=Speech&id=1897771>

муникационном секторе. При этом в сумме они превышают японские инвестиции в британскую автомобилестроительную промышленность.

Значительное влияние на развитие экономических отношений между Японией и Великобританией оказывают страны Европейского Союза, а также его механизмы управления общим рынком. Так, когда Еврокомиссия в Брюсселе рассматривала возможность введения новых ограничений на импорт автомобилей из Страны Восходящего Солнца, японские производители не стали дожидаться окончательного решения по данному вопросу и ответили серьезным наращиванием производства на своих заводах, расположенных на территории Великобритании, которые возместили бы потери от возможных ограничений. И то обстоятельство, что для базирующихся на территории Великобритании и поставляющих свои товары на европейский рынок японских производителей остается проблемой единая европейская валюта, для британского правительства является аргументом в пользу присоединения к Еврозоне. По мере изменения соотношения курса евро и фунта оно перестает представлять затруднения для японских компаний. Тем не менее, правительство Великобритании говорит о своей решимости присоединиться к Еврозоне, когда сочтет экономические условия подходящими¹³.

На сегодняшний день запущен в действие широкий спектр программ, аналогичных программе «Действие: Япония», призванных способствовать успешной работе британских предприятий в Стране Восходящего Солнца, а также продвижению британских сотрудников из филиалов японских компаний на территории Великобритании на руководящие позиции в их головных офисах в Японии.

Будучи членами «большой восьмерки», Великобритания и Япония играют важную роль в этой организации. На проходившем в 2008 г. в Японии саммите премьер-министры Японии и Великобритании обсудили вопросы, связанные с ростом цен на продовольствие и энергоносители, а также с экономической помощью развитию африканских стран. Оба премьер-министра выразили глубокое удовлетворение уровнем развития японо-британских отношений и намерение вывести их на еще более высокий уровень, а также заинтересованность в дальнейших инвестициях с обеих сторон¹⁴.

Сотрудничество в области международной политики и поддержания безопасности в мире

Документ «Повестка XXI» содержит ряд статей, посвященных сотрудничеству Японии и Великобритании по достижению общих целей в области международной политики. Основными из них являются:

- реформа Организации Объединенных Наций;
- контроль над распространением обычных вооружений, разоружением и нераспространением оружия массового поражения;
- борьба с терроризмом и наркоторговлей;
- предотвращение конфликтов и содействие мирному урегулированию.

Вскоре после принятия названного выше документа британское руководство открыто заявило о планах реформирования ООН. Поводом к этому послужила неудачная миротворческая операция этой организации в Югославии. Правительство Великобритании опубликовало доклад, в котором подвергло серьезной критике низкий уровень проведения миротворческих операций и подготовки миротворческих контингентов. В интервью каналу ВВС занимавший тогда пост главы «Форен Офис» Робин Кук высказался в пользу радикального реформирования механизма проведения миротворческих операций, в частности, создания специального центра обучения миротворцев на территории Великобритании, а также расширения Совета Безопасности ООН за счет включения в него Японии и Германии¹⁵.

Еще более подробно британский проект реформирования ООН был сформулирован на заседании Палаты Общин в 2003 г. заместителем главы британского внешнеполитического ведомства Уильямом Раммелем. Во-первых, предполагается оптимизировать работу ГА ООН таким образом, чтобы на обсуждение выносились в первую очередь наиболее актуальные и приоритетные вопросы. Во-вторых, предлагается расширить состав Совета Безопасности не только за счет предоставления статуса постоянных членов Японии и Германии, но и выделения еще трех мест для развивающихся стран из Африки, Азии и Латинской Америки. Великобритания намерена поддержать кандидатуры Индии и Бразилии. В-третьих, признается необходимость внести коррективы в работу некоторых вспомогательных органов ООН для обеспечения сбалансированности вклада организации в развитие всех регионов мира.

Помимо этого, в своем выступлении Уильям Раммель упомянул о необходимости частичного пересмотра отношения ООН к понятию государственного суверенитета и международного вмешательства. Это связано с тем, что на сегодняшний день любые внутренние решения, принимаемые в том или ином государстве в области экономики, политики, или, скажем, окружающей среды могут иметь серьезные последствия глобального уровня и вызвать международную реакцию. Точно также некорректное управление, уровень внутренней безопасности или нестабильность могут стать причиной международной обеспокоенности и, если потребуется, совместного вмешательства. Поскольку во внутренние конфликты могут быть вовлечены соседние страны, что приведет к

¹³ *Moni M. H.* Japan – UK: Perspectives of Partnership. – Asia Europe Journal. 2006, №4, p. 351–364.

¹⁴ The First Press Conference, 7 July 2008 [Electronic Resource] – Foreign and Commonwealth Office. 2007, p. 7. – Mode of Access: <http://www.mofa.go.jp/announce/press/2008/7/0707-1.html>

¹⁵ UK urges UN reform 4 September 2000 [Electronic Resource] – BBC. 2000, p. 3 -Mode of Access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/909556.stm

большому числу беженцев, росту преступности и дестабилизации целых регионов, международному сообществу не стоит ждать, пока ситуация перерастет в международный кризис, руководствуясь соображениями невмешательства во внутренние дела другого государства¹⁶.

Помимо этого, правительство Великобритании полностью поддержало принятую в 2002 г. программу реформ ООН под названием «Усиление ООН: программа дальнейших преобразований» (Strengthening the UN: An Agenda for Further Change), разработанную Кофи Аннаном¹⁷.

Япония входит в так называемую «группу четырех» (G4) наряду с Германией, Индией, Германией. Эти страны занимают активную позицию в вопросе реформирования СБ ООН, стремясь стать его постоянными членами. 22 июня 2005 г. в Брюсселе состоялась встреча глав внешнеполитических ведомств стран «группы четырех». По итогам встречи было сделано совместное заявление, в котором подчеркивалась необходимость срочного проведения всесторонних реформ с целью усиления ООН для того, чтобы успешно противостоять современным вызовам в области экономического развития, безопасности и защиты прав человека. В заявлении также говорилось о необходимости реформирования Совета Безопасности с целью приведения его в соответствие с современными реалиями. С этой целью предполагалось расширить СБ, включив в него новых постоянных и непостоянных членов на базе сбалансированного представительства и равновесия между развитыми и развивающимися странами.

В настоящее время сотрудничество между Японией и Великобританией по таким вопросам, как нераспространение ядерных и ракетных технологий военного назначения, биологического и химического оружия, а также контроль над распространением обычных вооружений выражается в активном взаимодействии по данным вопросам на разнообразных международных форумах, таких, как АСЕМ. Еще одной формой японо-британского сотрудничества является содействие совершенствованию международного законодательства. Одним из примеров стала поддержка британским и японским правительствами принятия в апреле 2004 г. резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций №1540. Эта резолюция обязывает всех членов ООН принять дополнительные меры для предотвращения распространения ядерных, химических и биологических вооружений и технологий производства средств доставки, а также для ужесточения контроля над циркуляцией необходимых для их производства материалов¹⁸.

Особое значение правительство Великобритании и Японии придают поддержанию и развитию режима ядерного нераспространения. В этой связи важным для обеих стран направлением является содействие вступлению в силу договора 1996 г. о полном запрете ядерных испытаний. Он открыт для ратификации новыми странами-участницами, но в силу вступит только после того, как будет ратифицирован девятью странами, указанными в приложении №2, до сих пор не присоединившимися к нему (США, КНР, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР, Индонезия, Иран, Египет). Великобритания была в числе первых ратифицировавших его стран. Япония и Великобритания всеми доступными средствами стараются ускорить вступление этого документа в силу.

Япония, Великобритания и Евросоюз используют все возможности для укрепления режима нераспространения. В «Особом партнерстве в глобальном масштабе», в частности, говорится о необходимости склонения Индии и Пакистана к присоединению к ДНЯО в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1172¹⁹. Япония и Великобритания также сотрудничают по корейской ядерной проблеме. Правительство Великобритании поддерживает позицию японской стороны в отношении КНДР. В Лондоне уверены в том, что ядерная программа Северной Кореи представляет угрозу не только для Японии, но и для всего региона и решительно поддерживают деятельность Японии в составе международной шестерки посредников по корейской проблеме. Во время своего недавнего визита в Японию (16–18 марта 2009 г.) заместитель министра иностранных дел Великобритании Билл Раммель озвучил позицию британского правительства относительно планируемого Пхеньяном запуска спутника связи, отметив, что подобный запуск в значительной степени перечеркнет успехи, достигнутые в переговорах с Северной Кореей²⁰. В «Совместное заявление Японии и Соединенного Королевства» включен призыв к Ирану согласиться на мирные инициативы, предлагаемые международным сообществом в соответствии с резолюцией СБ ООН №1737, и прекратить обогащение урана. Япония и Великобритания входят в число стран, подписавших Эрриардскую Декларацию Международной Конференции по борьбе с терроризмом 2005 г. В данном документе отражен современный подход международного сообщества по отношению к этому явлению.

Конституция Японии, согласно которой страна отказывается от войны как средства разрешения конфликтов, сильно ограничивает ее возможности по сотрудничеству с другими странами в проведении ан-

¹⁶ REFORMING THE UN [Electronic Resource] – Foreign and Commonwealth Office. London, 2003, p. 6. – Mode of Access: <http://www.fco.gov.uk/en/newsroom/latest-news/?view=Speech&id=1897679>

¹⁷ Strengthening the UN: An Agenda for Further Change [Electronic resource]. Unesco. 2001, p. 5 – Mode of Access: <http://portal.unesco.org/en/files/12698/10545492181unc133e.pdf/unc133e.pdf>

¹⁸ UN Security Council Resolution 1540 [Electronic Resource]. U.S. Department of State. – New York, 2004, p. 2. Mode of Access: <http://www.state.gov/t/isn/c18943.htm>

¹⁹ Action Agenda 21: the UK and Japan in the 21 century [Electronic Resource] – Foreign and Commonwealth Office. Tokyo, 2002, p. 5 – Mode of Access: <http://www.fco.gov.uk/en/newsroom/latest-news/?view=News&id=2242426>

²⁰ Rammell Bill. Minister of State at the Foreign & Commonwealth Office, Visited Japan [Electronic Resource] – Foreign and Commonwealth Office. Tokyo, 2009, p. 2 – Mode of Access: <http://www.fco.gov.uk/en/newsroom/latest-news/?view=News&id=15011148>

титеррористических операций. Тем не менее, Япония сотрудничала с британскими и американскими силами во время афганской и иракской кампаний. Японские суда снабжали топливом британский и американский флот во время антитеррористической операции в Афганистане.

Впервые со времен второй мировой войны японские войска были задействованы за пределами страны в операции в Ираке. Одним из ключевых направлений японо-британского сотрудничества, упомянутым во всех документах, является привлечение максимального количества участников к конвенции, запрещающей противопехотные мины.

Таким образом, японо-британское сотрудничество во многом проявляется в четком обозначении позиций двух стран по ключевым аспектам мировой политики и взаимной поддержке на международной арене. Тем не менее, учитывая динамику развития японо-британских отношений, есть все основания ожидать более активного сотрудничества между Великобританией и Японией в области международной политики.

Сотрудничество в области развития науки и техники

Во всех документах, касающихся современных англо-японских отношений, научно-техническое сотрудничество выделено как одно из наиболее приоритетных направлений. Стороны признают высокий научный потенциал друг друга и считают совместное развитие науки и высоких технологий взаимовыгодным направлением сотрудничества. К наиболее важным областям совместной научной деятельности относятся исследования в области возобновляемых источников энергии и ядерного синтеза, наблюдение за изменениями климата, а также исследования в различных областях биологии.

Научный потенциал Соединенного Королевства признается во всем мире. Япония не уступает Великобритании по вкладу в развитие науки и высоких технологий. Страна является признанным лидером в таких областях, как развитие телекоммуникаций, разработка нанотехнологий и многих других. Краеугольным камнем японо-британского научно-технического сотрудничества стало соглашение, подписанное Джоном Мэйджером и его японским коллегой Хосокава Морихиро в 1994 г., в котором была намечена программа двустороннего сотрудничества в этой области. В соответствии с этим соглашением, регулярно проводятся заседания японо-британского комитета по научно-техническому сотрудничеству.

В июле 2004 г. по результатам встречи лидеров двух стран были подписаны три совместных коммюнике. В одном из них – «Японо-Британское научно-техническое партнерство» (Japan-U.K. Science and Technology Partnership) перечислен ряд проектов, по которым Япония и Великобритания сотрудничают наиболее тесно.

Один из них – ITER (International Thermonuclear Experimental Reactor) – международная программа по созданию экспериментального термоядерного реактора и исследование процессов термоядерного синтеза. В нем ЕС представлено агентством Евратом. В совместном коммюнике говорится о важности данного проекта для двустороннего научно-технического партнерства между Японией и Великобританией²¹.

Еще один международный проект, в рамках которого разворачивается японо-британское научно-техническое сотрудничество, – программа АРГО (ARGO: The Global Array of Profiling Floats), которая предполагает исследования океанов, направленные главным образом на мониторинг динамики климатических изменений²².

Новые инициативы по интенсификации японо-британского научно-технического сотрудничества, выдвинутые в совместном коммюнике, направлены главным образом на координацию работы научных центров. Первая из них предполагает установление более тесных контактов между ведущими представителями научного сообщества двух стран. Для этого правительства Японии и Великобритании было принято решение назначить с каждой стороны одного из наиболее выдающихся ученых для налаживания диалога между группами ученых, который в свою очередь поможет выявить новые потенциальные направления дальнейшего научно-технического сотрудничества.

Предполагается расширение программ академических обменов главным образом по линии научной программы исследовательского совета биологических наук и биотехнологий (Biotechnology and Biological Sciences Research Council). Сегодня Япония и Великобритания стараются сделать участие в академических обменах как можно более привлекательным для молодых ученых.

Научно-техническое сотрудничество с Великобританией и другими западноевропейскими государствами – это будущее японо-европейских отношений. Потенциал только японо-британского сотрудничества по развитию науки и высоких технологий раскрыт еще далеко не полностью. На сегодняшний день Япония и Великобритания на двустороннем уровне, а также в сотрудничестве с другими странами работают над рядом перспективных проектов в области энергетики, нано- и биотехнологий, изучения глобальных климатических изменений. Активизация программ обмена и создание объединений ученых постепенно ведет к углублению связей и интеграции японских и британских институтов НИОКР как между собой, так и с промышленными предприятиями и деловыми кругами в обеих странах. Развитие научно-технического

²¹ Igarashi H. Alliance in Science (Sci-Tech Communication). – Look Japan. 2004, p. 1–3.

²² Argo: The Global Array of Profiling Floats [Electronic Resource] – Office of Climate Observation. 2004, p.1 – Mode of Access: http://www.oco.noaa.gov/index.jsp?show_page=page_argo_global.jsp&nav=observing

сотрудничества создает новые перспективы для японо-британских и японо-европейских отношений.

Сближение народов и культур

В документе «Повестка XXI» программам разного рода обмена и культурному сближению между Японией и странами ЕС посвящен весь первый раздел. Основной упор делается на развитие программ обмена всех уровней, начиная со школьных учителей и заканчивая членами дипломатического корпуса и парламентских комиссий, а также устранение всех препятствий для свободного перемещения специалистов между Японией и Великобританией.

Британское правительство занимается распространением своего культурного влияния и популяризацией британского образования в Стране Восходящего Солнца с 1953 г. Тогда в Токио было открыто представительство Британского Совета. Социально-культурные связи между двумя странами сегодня сильны, как никогда. И Япония, и Великобритания очень много выиграли от процесса глобализации, поскольку количество контактов между корпорациями, неправительственными общественными организациями и гражданами обеих стран заметно возросло. За прошедшие тридцать лет число японских граждан, посещающих Великобританию, увеличилось в три раза и достигло примерно 380 тыс. человек в год. А число граждан Соединенного Королевства, посещающих Японию, увеличилось в пять раз и составило около 220 тыс. человек в год. Благодаря новым технологиям и современному стилю жизни, создается впечатление, что Япония и Великобритания – соседи. Таким образом, существенное значение приобретает и нарастающее количество личных контактов вне официальных двусторонних отношений. Культурные мероприятия, такие, как концерты и выставки все чаще организуются по инициативе частных кампаний и граждан. Похожий процесс происходит и в области программ по получению образования за рубежом, а также уже упоминавшихся ранее программ академических обменов. Наиболее заметно это проявляется в области туризма, и, конечно же, частного предпринимательства. Таким образом, частные контакты играют не последнюю роль в сближении между Японией и Великобританией.

На сегодняшний день почти четверть административных единиц Японии имеют своих официальных представителей в Лондоне. Они распространяют информацию о своих регионах, содействуют проведению программ обмена, способствуют притоку в регионы Японии британских инвестиций и помогают установлению контактов между деловыми кругами двух стран. Они также играют роль своеобразных миссионеров, давая жителям Соединенного Королевства возможность познакомиться с культурой и традициями разных частей Японии. На фоне установления

все более тесных связей между японскими и британскими городами и развития различных программ обмена особенно выделяется наиболее удачная программа обучения в Японии по обмену ДЖЕТ (Japan Exchange and Teaching). Потенциал ДЖЕТ только начинает раскрываться. Растет число молодых британцев, побывавших и учившихся в Стране Восходящего Солнца, которые «наводят мосты» между двумя народами, рассказывая о Японии в своей родной местности. Хотя сегодня программа ДЖЕТ – лишь одна из небольших аналогичных государственных программ, ей предрекают большое будущее. Обучение японскому языку в других странах активно поддерживается правительством Японии. Так, например, лондонский языковой центр, целью которого является популяризация японского языка на всей территории Великобритании, курируется Японским фондом. Результатом его деятельности стало то, что только с 1993 г. по 2003 г. число британских студентов, изучающих японский язык, утроилось и превысило 10 тыс. человек.

26 августа 2008 г. исполнилось 150 лет со дня установления дипломатических отношений между Японией и Великобританией. К этому событию была приурочена широкая программа культурных мероприятий, которые будут проходить в течение 2009 г. по всей территории Великобритании с участием наиболее выдающихся деятелей культуры и искусства из обеих стран. Среди наиболее интересных мероприятий – постановка японским режиссером Нинагава Юкио шекспировской «Двенадцатой ночи» в стиле кабуки в центре Барбикан, выставка работ художника Джона Томаса в музее города Борнмут, выступление в Уигмор-Холле знаменитого англо-японского дуэта-фортепиано – Джо-эфа Тонга и Вака Хасэгава, а также выставка японской гравюры Утагава Куниёси в Королевской Академии искусств. Основной целью этих и многих других культурных мероприятий, приуроченных к памятной дате, является улучшение взаимопонимания и сближение между народами Японии и Великобритании.

* * *

Во второй половине XX в. Великобритания была первой страной, осознавшей новые возможности, которые открывало сотрудничество с Японией. Договорная база, оформляющая двусторонние отношения, довольно разрозненна и в традициях англо-саксонского прецедентного права составлена с расчетом на систематическое обновление и дополнение. Это, однако, не помешало Японии и Великобритании выстроить систему всестороннего сотрудничества и внести большой вклад в развитие отношений между Японией и Европой.

Хотя экономические связи по-прежнему составляют костяк японо-британского сотрудничества, привнесение в них политической составляющей, а также выход на международную арену Евросоюза придали

им дополнительный импульс. Например, в 1984 г. даже «группа Соединенное Королевство – Япония 2000» не предполагала возможности тесного политического сближения, не говоря уже о сотрудничестве при проведении миротворческих операций в мире в столь скором будущем. Тем не менее, политики обеих стран уже тогда говорили о желательности такого сближения, поскольку Япония и Великобритания имели ряд общих геополитических интересов на ближневосточном, китайском, советском и африканском направлениях. Кроме того, общность интересов и внешнеполитических курсов была продиктована сложившейся уже тогда экономической взаимозависимостью.

Для выведения японо-британских отношений на новый уровень, необходимо укреплять сотрудничество по таким направлениям, как научно-техническое сотрудничество, создание совместных предприятий и исследовательских институтов, реализация инновационных проектов в области образования и академических обменов, помощь развитию третьих стран, а также осуществление мероприятий, направленных на повышение результативности сотрудничества при проведении миротворческих операций. Кроме того, практически не раскрыт потенциал сотрудничества в области культуры.

Отношения между Японией и Великобританией сегодня выходят на новый рубеж, предполагающий координацию внешней политики по наиболее актуальным международным проблемам, углубленное экономическое сотрудничество, совместные научные проекты, а также многочисленные связи на уровне неправительственных организаций и отдельных граждан. Ожидается, что, несмотря на сегодняшние экономические трудности, в скором будущем японо-британские отношения войдут в более активную фазу. Учитывая все более возрастающую важность фактора ЕС в отношениях между Японией и Великобританией, эти отношения приобретут существенное значение в общемировом масштабе.

**Экономика Японии в условиях мирового кризиса
(2008 г. – первый квартал 2009 г.)**

Е. Л. Леонтьева

Экономика Японии переживает тяжелый спад, начавшийся в середине 2008 г. после шести с лишним лет экономического роста страны. Подъем шел при невысоких темпах: годовые приросты ВВП в реальном выражении составляли среднем около 2% в год, что примерно соответствует потенциальным темпам, которые оцениваются Банком Японии в 1,5–2%. Приросты промышленного производства тоже были невысокими: 0,9% в 2007 г. и 1,4% в 2008 г.¹

Еще в 2008 г. в Японии считали, что американский кризис страну не затронет, так как японские финансовые учреждения не так уж много потеряли на субстандартных ипотечных облигациях. Прямые потери финансового сектора от сделок с американскими ипотечными облигациями на сентябрь 2008 г. оценивались всего в 896 млрд. иен (8,8 млрд. долл.) – это малая часть общемировой суммы таких потерь в 1,4 трлн. долл. Вероятно, поэтому в ноябре 2008 г. министр финансов Сёити Накагава обещал Всемирному банку и МВФ вложить в фонд рекапитализации банков в развивающихся странах 2 млрд. долл. (из запланированных 3 млрд. долл.). Золотовалютные резервы в 1,3 трлн. долл. придавали уверенность японскому правительству.

Япония уже пережила финансовый кризис в 1990–2002 гг. – так называемое «потерянное десятилетие». Экономика прошла через накопление «плохих долгов» в балансах компаний и банков, банкротства банков, дефляцию цен, стагнацию спроса. Это был кризис национальной экономики. Если бы не благополучные условия на мировом рынке, не рост японского экспорта, этот кризис мог бы стать еще более затяжным. Кабинету Коидзуми Дзюнъитиро и Банку Японии, работавших слаженной командой, удалось выйти из него при помощи санации банковской системы и денежной политики, преодолевшей дефицит ликвидности.

¹ Здесь и далее показатели конъюнктуры приводятся по: Japan Statistics Monthly. 2009, May – www.stat.go.jp

Поэтому в декабре 2008 г. члены этой команды предложили администрации Барака Обамы и Конгрессу США «дорожную карту», основанную на своем опыте.

Но в самой Японии события развивались по другому пути – не медленно, как в 1990-х годах, а стремительно. Нынешний кризис был «наведен» ситуацией на мировых рынках.

В 2008 г. экономика Японии испытала два сильных удара извне: шок от динамики мировых цен на сырье и топливо, и шок от паники на мировых финансовых рынках. Шок от динамики мировых цен в начале 2008 г. был связан с оттоком денежных ресурсов с финансовых рынков на товарные рынки и с ослаблением доллара. В 2008 г. торговый баланс показал дефицит (172,8 млрд. иен, или 1,74 млрд. долл.) впервые с 1975–1976 гг.

Валютный курс поднялся со 113 иен за доллар в конце 2007 г. до 94–96 иен в мае–июне 2009 г. Реальный эффективный курс составляет 116,3 иены за доллар. Это – небольшое отклонение вверх от паритета покупательной способности иены, который оценивается в 120 иен за доллар². Курс евро поднялся со 160 иен за евро в 2007 г. до 135–137 в мае–июне 2009 г. По мнению аналитиков, ревальвация иены – это коррекция после длительной недооценки этой валюты, многие годы стимулировавшей японский экспорт.

Иена оказалась сильнейшей мировой валютой, так как уровень инфляции в Японии и процентные ставки самые низкие в мире. Японские экспортеры начали бегство от доллара и перевод расчетов в евро, юани, иены и даже рубли. Банк Японии не прибегает к валютным интервенциям (продаже иены), не желая подвергать валютные резервы страны (около 1 трлн. долл.) риску растраты и считая, что интервенция была бы эффективной только в случае международной координации действий.

Ревальвация иены компенсировала поднявшиеся цены на топливо, сырье и продовольствие, но затормозила рост экспорта в дополнение к прямой потере спроса на зарубежных рынках.

Движущей силой спада в 2009 г. стала потеря спроса на основных экспортных рынках (в докризисных условиях около 20% экспорта направлялось в США, 18% – в Китай и 15% – в страны Евросоюза). Падение экспорта началось в четвертом квартале 2008 г. В первом квартале 2009 г. его уровень был на 46,9% ниже, чем год назад. При этом экспортные поставки в США рухнули на 58%.

Рецессия стремительно нарастала. В третьем квартале 2008 г. ВВП был меньше, чем год назад, на 4,3%, в четвертом – на 12,2%; в первом квартале 2009 г. – на 15,2%. Такого спада экономической активности в Японии не было с середины 50-х годов прошлого столетия. Снижение ВВП было на 70% обусловлено потерей внешнего спроса и на 30% –

сокращением спроса на внутреннем рынке. Министерство экономики, промышленности и торговли оценивает превышение предложения над спросом (дефляционный разрыв) в 8,5% ВВП.

Падение промышленного производства началось в ноябре 2008 г. с максимального индекса 110,2% (2005 г.=100%) в феврале 2008 г. и дошло до 69,5% в феврале 2009 г. Глубина падения составила 36,9% (40,7 п. п.). Ведущие промышленные компании наметили к закрытию 110 заводов и в январе-марте закрыли уже 94 предприятия во многих отраслях, включая электромашиностроение и пищевую промышленность. Автомобильные гиганты «Тоёта», «Нисан» и «Хонда» останавливали конвейеры, чтобы распродавать запасы. В январе-феврале 2009 г. производство автомобилей сократилось на 50%, но экспорт упал только на 25%.

В марте промышленное производство выросло на 1,6% на месячном уровне, в апреле – на 5,4%. Это – результат распродажи товарных запасов у производителей. Все же в первом квартале 2009 г. уровень промышленного производства оказался на 22,1% ниже, чем год назад. Это означает, что у компаний слишком много заводов и работников.

Правда, министр экономики, промышленности и торговли Каору Ёсано увидел признаки того, что «дно» кризиса уже пройдено, а эксперты частных аналитических центров предположили, что экономика в целом начнет свой рост уже в апреле–июне 2009 г. Правда, все считают ситуацию достаточно зыбкой и не рассчитывают на то, что устойчивый спрос вскоре восстановится.

Начали проявляться социальные последствия промышленного спада – они обычно идут вслед за снижением производства. Уровень безработицы скромнее по международным стандартам, но высок по японским меркам: 5% в апреле 2009 г. Численность безработных – 3,460 млн. в апреле 2009 г. – за год увеличилась более чем на 710 тыс. человек (на 25,8%). Теряют работу главным образом временные работники и part-timers (частично занятые), у которых заканчиваются контракты (это около трети всех работающих по найму и две трети уволенных). Крупномасштабные увольнения начались, когда стали закрываться заводы. Компании стараются не увольнять постоянные кадры, пользуясь государственными целевыми субсидиями для сохранения занятости.

Средний уровень заработной платы в феврале 2009 г. был на 3,2% ниже, чем год назад, уровень потребительских расходов населения снизился на 3,5%. Потребительский спрос инерционен, но давление доходов на него уже чувствуется. Выпадающий спрос снижает цены. Снова забрезжила опасность дефляции – ее страна переживала в 1998–2002 гг. Оптовые цены на внутреннем рынке в январе-марте снижались (на 0,3%, 1,1% и 0,4% на годовом уровне) за счет падения внешнеторговых цен. Индекс потребительских цен «стоит на нуле».

² OECD Purchasing Power Parities – Publications. – www.oecd.org

По оценке газеты «Никкэй», компании, котирующие свои акции на бирже, потеряли 52% прибыли (без учета налога) по итогам 2008/09 фин. г. Брокерский дом «Nomura Securities Co.» прогнозирует в 2009/10 фин. г. дальнейшее снижение прибылей на 20,3%.

Крупные убытки понесли гранды японской электротехнической и электронной промышленности «Хитачи», «Панасоник», NEC, «Тошиба» и «Сони». Убытки понесли автомобильные гиганты «Тоёта», «Нисан» и «Хонда». Так, «Тоёта» потеряла 461 млрд. иен (4,85 млрд. долл.) от сокращения продаж на 22% на всех своих рынках в Северной Америке, Европе, Азии и в самой Японии. Лидеры японской промышленности не ожидают восстановления докризисного уровня прибылей до 2010 г.

Из-за падения прибылей экспортеров и оттока ликвидности с японского рынка ценных бумаг общие потери финансовых учреждений (банков, брокерских и страховых компаний) за 2008/09 фин. г. (на конец марта 2009 г.) составили 4,7 трлн. иен (40,8 млрд. долл.).

Биржевой индекс Никкэй 225 показал очень глубокое снижение курсовой стоимости японских акций: он опустился с высшей точки в мае 2008 г. в 14 400 пунктов до 7560 в апреле 2009 г., но к началу июня поднялся до уровня выше 9700, что тоже внушило оптимизм японским аналитикам. Как и во всех странах, пораженных финансовым кризисом, волатильность рынка очень велика, он реагирует на любые экономические события и новости. Но долгий понижающийся тренд сделал свое дело. Совокупный акционерный капитал 1274 нефинансовых корпораций за год (апрель 2008 – март 2009 г.) снизился на 12%. Капитализация рынка за этот период упала на 35,4%, а месячный биржевой оборот акций – на 30,4%³.

Хотя Япония не была эпицентром мирового финансового кризиса, акции японских компаний обесценились больше, чем акции компаний Европы и США. Аналитики связывают это больше всего с ревальвацией иены, которая подорвала прибыли компаний-экспортеров и обесценила капиталы их зарубежных филиалов. Из 225 акций, включенных в индекс Никкэй 225, у 73 (30%) соотношение рыночной и балансовой стоимости упало ниже единицы. Это означает, что акционеры могут получить прибыль в случае ликвидации компаний-эмитентов. Токийская фондовая биржа снизила требования к минимальному капиталу эмитентов на 40%, чтобы предотвратить их массовый уход (делистинг). Но недооцененность рынка не означает, что он стал привлекательным для иностранных инвесторов, просто у них нет свободных денег.

Ситуация, сложившаяся к весне 2009 г., поставила перед правительством, политической элитой и деловыми кругами Японии фундаментальные вопросы, которые не могут быть оперативно решены. Это вопрос о том, как и насколько можно снизить зависимость от внешнего

спроса (полностью изменить ориентированную на экспорт модель экономики невозможно). Как и насколько можно компенсировать снижение потребительского спроса. Это также вопросы о позиции Японии в качестве крупнейшего (вслед за Китаем) кредитора и экспортера в мире.

В 2005 г. правительство опубликовало долгосрочный экономический прогноз, согласно которому к 2030 г. страна будет иметь дефицит по торговле и услугам, и доходы из-за рубежа будут поступать только от заграничных капиталовложений. Но отток капитала неожиданно ускорился, а дефицит по внешней торговле стал реальностью.

Превышение активов за рубежом над иностранными активами в самой стране увеличилось: 1,51 к 1 в 1999 г. и 1,77 к 1 в 2008 г.⁴ Продукция зарубежных филиалов составляет 31,4% всего объема промышленного производства. Переводы прибылей от вывезенного капитала начали расти в 2005 г., и в 2008 г. они были в 9 раз больше, чем положительное сальдо торгового баланса. Но торговый баланс останется дефицитным и в 2009 г., а экономическая ситуация во многих странах, где находится основная часть зарубежных вложений (США, Европа, Юго-Восточная Азия) не обещает роста доходов от иностранных инвестиций. Статус Японии как мирового экспортера и кредитора, пусть только на время мирового кризиса, может оказаться под угрозой.

Всем известен треугольник международного разделения труда: Япония поставляет в Китай оборудование, материалы, детали; Китай выполняет функцию сборочной мастерской с дешевой рабочей силой и экспортирует готовую продукцию в США. Как и Китай, Япония финансирует государственный долг США своими валютными резервами (в долговые обязательства американского казначейства вложено около 580 млрд. долл. – примерно половина валютного запаса страны). Не будет преувеличением сказать, что долговое финансирование американской экономики «раздуло» мировой спрос на товары японского экспорта.

В условиях мирового кризиса, при всеобщем сокращении спроса, промышленность Японии оказалась избыточной. Обрабатывающая промышленность составляет 21,6% ВВП Японии (2007 г.). Экспортная квота экономики в XXI в., при мировом подъеме, возросла с 11–12% до 15–17% ВВП. Экспорт на 2/3 состоит из продукции машиностроения. На внешний рынок уходит 28% продукции машиностроения, в том числе около 28% продукции транспортного и 30% продукции электротехнического машиностроения⁵.

Конечно, Япония экспортирует и готовую продукцию не только потребительского, но и инвестиционного назначения. Рынки для этой

⁴ Данные министерства финансов. Japan's International Investment Position at CY 2008. – www.mof.go.jp/english

⁵ Подсчитано по данным межотраслевого баланса 2000 г. (более поздний баланс не публиковался).

³ Данные Токийской фондовой биржи (1-я и 2-я секции). – www.tse.or.jp

продукции находятся главным образом в развитых странах и в Китае, и они тоже сильно свернулись.

Структурные изменения в мировой экономике невозможно предвидеть, и единственное, что предпринимает Япония, – это государственная помощь (official development assistance) странам Азии на развитие инфраструктуры, чтобы они могли расширить свои внутренние рынки и снизить зависимость от спроса на американском рынке. На это предполагается ассигновать до 2 трлн. иен (свыше 21 млрд. долл.)⁶.

В настоящее время нет речи о том, что Японии ожидает крах модели роста, ведомой экспортом. Антикризисная политика правительства и Банка Японии решает тактическую задачу, как удержать экономику на плаву и не уничтожить уникальный промышленный потенциал, дожидаясь, когда начнется восстановление спроса на внешних рынках, тем более, что возможности резко расширить внутренний спрос в стране практически отсутствуют. Министр Каору Ёсано заявил, что правительство не собирается полностью возместить недостаток спроса за счет бюджета, но созданием спроса только форсирует поворот в экономической динамике⁷.

Правительство один за другим вводит в действие бюджетные стимулы (пакеты) для поддержания внутреннего спроса, раздувая государственный долг. Бюджетный дефицит превышает 8% ВВП, а накопленный долг – примерно половина ВВП. Еще кабинет Коидзуми (2001–2006 гг.) поставил задачу восстановить бюджетную дисциплину и к 2010 г. свести первичный баланс (баланс поступлений и расходов за вычетом обслуживания госдолга). Затем эта цель сдвигалась на 2011, 2013 гг., а теперь ее выполнение отодвинуто на неопределенное время.

Пакеты бюджетных стимулов проведены через парламент как дополнительные бюджеты (2008 и 2009 гг.) либо включены в основной бюджет на 2009–2010 фин. г. Первый пакет был принят в августе 2008 г. и стоил 11,7 трлн. иен, или 107,8 млрд. долл. Второй пакет был принят в октябре и дополнен в декабре 2008 г. (26,9 и 23 трлн. иен, или 54 млрд. долл.), третий – 27 апреля 2009 г. (56 трлн. иен, или 588 млрд. долл.), четвертый пакет – 29 мая (13,9 трлн. иен, или 146 млрд. долл.).

В первом и втором пакетах львиная доля средств пошла на помощь малым и средним предприятиям в виде гарантирования банковских кредитов. Это – очень важная социальная мера, так как на этой категории предприятий работает 70% занятых по найму. Во второй пакет была включена также Cash Benefit Program – раздача живых денег населению на общую сумму в 2 трлн. иен (200 млрд. долл.) по 12 тыс. иен (120 долл. на душу). Японцы моложе 18 и старше 65 лет получают еще по 8 тыс. иен. Эта программа стоила 0,15% ВВП и была реализована весной 2009 г.

⁶ Здесь и дальше перевод в доллары сделан по текущему валютному курсу. – www.stat.go.jp

⁷ The Nikkei Weekly. 13.04.2009.

У населения есть большая «подушка» накопленных сбережений: они в среднем в пять раз больше годового располагаемого дохода семей. Но 3/5 финансовых активов принадлежит поколению старше 60 лет. «Распотрошить подушку» и стимулировать рост потребительских расходов можно было бы, снизив налоги на наследство и дарение детям. Но это небезопасно для финансовой системы, так как почти 60% семейных сбережений находится на банковских счетах и составляет значительную часть ресурсной базы банков.

Были приняты льготы по налогам на наследование и дарение и снижены тарифы на проезд по платным скоростным автомобильным дорогам. От налога освобождены дивиденды, переводимые в Японию из зарубежных филиалов компаний.

В помощь бизнесу в Японии впервые «распечатали» валютные резервы – 5 млрд. долл. из 1 трлн. долл., предназначенных для кредитов фирмам, которые не могут купить валюту для торговых операций.

В третий пакет включены разнообразные меры для поддержки внутреннего рынка. Это – налоговые льготы на покупку жилых домов и квартир и субсидирование цен на покупку товаров длительного пользования – кондиционеров, холодильников, телевизоров с жидкокристаллическими и плазменными панелями. Владельцы машин, которым больше 13 лет (их в стране 10 млн.), при покупке новой машины получают государственную субсидию в 250 тыс. иен (2600 долл.).

В четвертый пакет включены расходы на инфраструктурное строительство (шоссе, мосты и путепроводы, школьные здания и пр.). В 2009/10 фин. г. объем контрактов на общественные работы увеличен на 20% для немедленного создания рабочих мест и спроса на товары и услуги.

Сейчас, когда снова стали накапливаться «плохие долги», перед властями вновь встал вопрос: кого спасать? Главными получателями льгот на общую сумму в 37 трлн. иен (388 млрд. долл.) стали средние и крупные компании (20 трлн. иен – крупным и 17 трлн. иен – средним).

На октябрь 2008 г. было намечено начать приватизацию Японского банка развития (ЯБР), его превратили в акционерное общество и собирались распродавать его акции в течение семи лет. Но правительство не успело этим заняться из-за мирового кризиса. Сейчас через ЯБР и Центральный банк кредитных кооперативов (Shinkin Central Bank) идут экстренные займы из средств госбюджета крупным и средним компаниям, пострадавшим от потери экспортных рынков. Среди получателей есть даже гиганты «Нисан» и «Мицубиси моторс». Займы даются под залог краткосрочных векселей. С октября 2008 по май 2009 г. по этой программе выдано более 1,290 трлн. иен (около 13,6 млрд. долл.).

Банк Японии поддерживает финансовый сектор покупкой акций, векселей и корпоративных облигаций из банковских портфелей. Кроме того, банк принимает эти ценные бумаги в залог под кредиты сроком

на три месяца по льготной ставке в 0,1% – такой же, как базовая ставка «овернайт» на межбанковском рынке.

Кредитное сжатие из-за недоверия банков к заемщикам – типичное явление в условиях тяжелого кризиса. Агентство финансовых услуг (мега-регулятор финансовых рынков) оказывает административный нажим на банки, требуя, чтобы они активнее кредитовали компании, даже находящиеся на пороге банкротств, и резервировали средства для компенсации будущих «плохих долгов».

Число банкротств в Японии в 2008 г. увеличилось на 15,5%, в первом квартале 2009 г. – на 18,7%. Статистика показывает банкротства в реальном секторе (строительстве, промышленности, торговле, на транспорте и в сфере услуг). В финансовом секторе их пока нет. Дело в том, что японская банковская система пережила тяжелый кризис в 1991–2002 гг. В 1991 г. была введена процедура принудительного банкротства. Ее прошло 181 финансовое учреждение, и несколько крупных банков были национализированы с последующей продажей частным владельцам.

Финансовые власти Японии стремятся не доводить банки до процедуры банкротства. В ноябре 2008 г., когда мировой финансовый кризис дошел до страны, был принят закон о превентивном вливании государственных средств в капиталы банков. По первым запросам правительство в лице Агентства финансовых услуг (это мега-регулятор финансового сектора) в марте 2009 г. предоставило 121 млрд. иен (около 1,27 млрд. долл.) трем региональным банкам – Sapporo Hokuyo Holdings, Minami Nippon Bank и Fukuoka Bank.

Прогноз ОЭСР для Японии на 2009 календарный год – снижение ВВП на 6,6%. Официальный прогноз Банка Японии на 2008/09 фин. – минус 3,1%, а правительства Японии – минус 3,9%. Этот спад будет самым глубоким за все годы после второй мировой войны. Правительство больше всего рассчитывает на начало восстановления спроса на рынках Китая и США и меньше – на собственные спасательные меры. Они направлены на выживание.

Зарубежные производственные базы Японии

И. П. Лебедева

Одним из главных проявлений процессов глобализации является создание промышленными компаниями производственных баз за пределами национальной территории. Япония, занимая второе место в мире по масштабам промышленной мощи, активно участвует в этом процессе. К настоящему времени за рубежом Японии функционируют несколько тысяч принадлежащих японскому капиталу предприятий, которые существенно увеличивают производственный и экспортный потенциал ее национальной промышленности. В целом на зарубежные филиалы приходится порядка 18% общего объема производства японских промышленных компаний, но если принять в расчет только компании, имеющие зарубежные филиалы, то этот показатель окажется существенно выше. Так, по данным Японского банка международного сотрудничества, в 2008/09 фин.г. доля зарубежных филиалов в общем объеме производства этой категории компаний достигла 31,4%, а в общем объеме продаж – 35,2%. В отдельных отраслях – электромашиностроении, автомобилестроении и общем машиностроении – соответствующие показатели даже превысили эти значения, о чем можно судить по данным табл. 1.

Таблица 1
Доля зарубежных филиалов в общем объеме производства и совокупном объеме продаж японских промышленных компаний, 2008/09 фин.г.*

Отрасль	Доля в производстве, %	Доля в продажах, %
Промышленность в целом	31,4	35,2
Химическая промышленность	23,4	31,0
Общее машиностроение	19,7	42,0
Электромашиностроение	44,6	48,7
Автомобилестроение	35,7	35,9

* Survey Report on Overseas Business Operations by Japanese Manufacturing Companies. JBIC, 2008, с. 4 (общий объем производства – сумма объемов производства на зарубежных и национальных предприятиях японских компаний; совокупный объем продаж – сумма объемов продаж зарубежных и национальных предприятий. Учтены компании, имеющие зарубежные филиалы).

Зарубежная филиальная сеть японских компаний охватывает практически все страны и континенты. Согласно данным министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП), общее число зарубежных филиалов промышленных компаний достигло почти 14 тыс., из них около 8,5 тыс. расположены в странах Восточной Азии, около 2300 – в Северной Америке и более 1 тыс. – в Европе. В 2008 г. совокупный объем продаж этих предприятий составил 753,1 млрд. долл., а численность занятых на них – более 3 млн. человек¹. С точки зрения масштабов и функциональной значимости на общем фоне выделяются три главных региона – Восточная Азия, США и Западная Европа.

Производственная база в Восточной Азии

Наиболее мощная производственная база создана японскими компаниями в Восточной Азии – около 8,5 тыс. предприятий. Из них 4 тыс. расположены в Китае, около 2300 – в АСЕАН и около 2 тыс. – в НИЭ Азии. В последние годы на этот регион приходилось 40–45% общего объема продаж всех зарубежных японских филиалов и более 70% занятых (около 2200 тыс. человек)².

Первые японские предприятия появились в Азии еще в 70-е годы. Стремясь преодолеть высокие ввозные пошлины, введенные странами Восточной Азии в рамках проведения политики импортзамещения, японские компании стали создавать здесь сборочные предприятия (в первую очередь, автомобилестроительные и электромашиностроительные), ввозя все необходимые детали из Японии и реализуя продукцию на местных рынках. Всего за 70-е годы японские компании инвестировали в Восточную Азию порядка 9 млрд. долл.

В 80-е годы, особенно во второй их половине, масштабы экспорта японского капитала в Восточную Азию значительно возросли. В этот период страны региона взяли курс на поощрение экспорта, и японские компании начали активно налаживать здесь производство разнообразной промышленной продукции (в таких отраслях, как текстильная, химическая, судостроительная, деревообрабатывающая, металлургическая, автомобилестроительная, электронная и т. д.). Главной их целью было использование местных конкурентных преимуществ для производства продукции на экспорт (как в третьи страны, так и в саму Японию). Абсолютные размеры японских инвестиций в страны Восточной Азии за 1981–1985 гг. составили около 9,6 млрд. долл., а за 1986–1990 гг. – около 17 млрд. долл.³

¹ White Paper on International Trade. METI, 2008; Trends in Overseas Subsidiaries Statistics. METI, 2009, June, p. 1.

² Ibid.

³ Япония: смена модели экономического роста, с. 206–207. М., 1990, с. 206–207; Japan's Outward FDI (www.jetro.go.jp/en/stats)

В 90-е годы и в начале 2000-х годов динамика прямых японских инвестиций в страны Восточной Азии приобрела крайне неровный, скачкообразный характер. В первой половине десятилетия из-за тяжелого финансового положения многих компаний, вызванного глубоким кризисом японской экономики, масштабы вывоза капитала существенно сократились. Так, за 1991–1994 гг. в восточноазиатские экономики было вложено всего лишь 6,5 млрд. долл. С 1995 г. объемы прямых инвестиций в регион стали быстро нарастать, но поступательное развитие этого процесса было прервано азиатским кризисом 1997–1998 гг., поразившим все государства Восточной Азии. В результате, если за 1995–1998 гг. в Восточную Азию было вложено 36,6 млрд. долл., то в 1999–2000 гг. – всего лишь около 4 млрд. долл.

С 2001 г. началось постепенное восстановление инвестиционной активности японских фирм в Азии, в середине десятилетия перешедшее в настоящий бум. Всего за 2001–2008 гг. прямые инвестиции японских компаний в Восточной Азии составили 95,8 млрд. долл., из них 65,5 млрд. долл., или более 2/3 были инвестированы в 2005–2008 гг.⁴

Обычно в японской статистике в составе региона Восточная Азия выделяются три группы: Китай, новые индустриальные экономики (НИЭ) Азии (Южная Корея, Тайвань, Сингапур и Гонконг) и АСЕАН 4 (Малайзия, Индонезия, Филиппины и Таиланд). В распределении потоков японских инвестиций между тремя этими группами в 1990–2000-х годах произошли заметные изменения. Главная их черта – существенное усиление позиций Китая. Если в начале 90-х годов его доля в потоках японских инвестиций в этот регион составляла около 20%, то к концу десятилетия она поднялась до 25% , а в самые последние годы – до 40%. На конец 2007 г. объем накопленных прямых инвестиций Японией в Китае составил 37,8 млрд. долл., или 28,4% общей суммы ее инвестиций в Восточную Азию (достигшей на тот период 133 млрд. долл.)⁵. На промышленных филиалах японских компаний в Китае работает более 1100 тыс. человек, т.е. почти половина занятых на всех азиатских филиалах; на них приходится также почти половина всей выпускаемой азиатскими филиалами промышленной продукции⁶.

Превращение Китая в главный объект для прямых инвестиций японских компаний в Азии предопределили следующие обстоятельства.

Во-первых, с начала 90-х годов здесь были созданы весьма благоприятные условия для деятельности иностранного капитала. Так, например, для предприятий с участием иностранного капитала, расположенных в специальных зонах (так называемых районах развития технологий), вплоть до начала 2007 г. применялась льготная (на уровне 15%) ставка

⁴ Рассчитано по: Japan's FDI by country/region (www.jetro.go.jp/en)

⁵ Japan's Total Outward FDI by country/ region (www.jetro.go.jp/en/stats)

⁶ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February, с. 2.

налога на прибыль (для обычных предприятий она составляла 33%). Прочие виды предприятий с участием иностранного капитала в течение первых двух лет по достижении рентабельности полностью освобождались от налога на прибыль, а в последующие три года выплачивали его по пониженным ставкам. Вступление Китая в ВТО, за которым последовали снятие ограничений на географическое размещение предприятий, смягчение ограничений в отношении доли иностранного капитала в стартовом капитале совместных предприятий, открытие для иностранных инвестиций целого ряда новых отраслей и сфер экономики и т. д., еще больше повысили его привлекательность в глазах зарубежных инвесторов⁷.

Во-вторых, китайская рабочая сила, будучи достаточно хорошо образованной и мотивированной, в то же время остается одной из наиболее дешевых в Азии. Несмотря на существенный рост стоимости рабочей силы, наблюдавшийся в стране в последние годы, в 2008 г. средняя месячная заработная плата рабочих в Пекине составляла 1964 юаня, а в Шанхае – 1703,1 юаня (соответственно 285 долл. и 250 долл. по официальному курсу). Китайские инженеры в Пекине получали в месяц в среднем 5997,8 юаней, в Шанхае – 4163,2 юаня (880 долл. и 610 долл.), а управленцы среднего звена – соответственно 7448,2 юаня и 6601,6 юаня (1100 долл. и 970 долл.). Если вспомнить, каковы среднемесячные заработки японских рабочих, инженеров и управленцев, то становится очевидно, что в глазах японских предпринимателей Китай по-прежнему сохраняет свою привлекательность с точки зрения соотношения цены и качества рабочей силы⁸.

В-третьих, японских инвесторов привлекают размах экономического роста Китая, огромный потенциал расширения его внутреннего рынка и масштабность планов экономического развития страны (выполнение которых представляется вполне реальным даже в условиях мирового финансово-экономического кризиса). Так, по данным ДЖЭТРО, в последние годы среди мотивов, которыми руководствуются японские фирмы при вложении денег в Китай, на первое место вышел расчет на рост внутреннего рынка (а не на расширение экспорта, как прежде).

Масштабы предпринимательской деятельности японских компаний в Китае быстро нарастают, а вместе с этим постепенно меняется и характер разделения труда между двумя странами. Во-первых, в отраслевой структуре японских инвестиций происходит все больший сдвиг в пользу отраслей машиностроительного комплекса, прежде всего электромашиностроения и автомобилестроения. В последние годы на машиностроение

приходилось уже более 85% общего объема производства китайских филиалов (в том числе около 38% – на электромашиностроение и около 36% – на автомобилестроение)⁹.

Во-вторых, наряду с предприятиями по выпуску конечной продукции (как в машиностроении, так и в легкой промышленности) создается все больше предприятий по производству промежуточной продукции – различных деталей, компонентов, пластмасс, химических материалов, металлов и металлоизделий и т. д. Благодаря этому довольно быстро нарастает доля местных предприятий в обеспечении сборочных заводов японских компаний продукцией промежуточного назначения. Так, согласно данным обследования, проведенного ДЖЭТРО в 2008 г., в Китае доля местных предприятий в поставках деталей и материалов уже поднялась до 51,5%, из них около 19% обеспечивают созданные здесь японские предприятия¹⁰.

В-третьих, и на предприятиях, выпускающих конечную продукцию, и на предприятиях, производящих детали и материалы, происходит постепенное повышение технического уровня производства. Так, например, наряду с широким кругом изделий бытовой техники и электроники китайские предприятия японских фирм выпускают сейчас и такую высокотехнологичную продукцию, как компьютеры, информационная техника, лазерные принтеры, факсимильные аппараты, многофункциональные телефоны, цифровые камеры, мобильные телефоны и т. д. В производстве промежуточной продукции, помимо широкого круга стандартных электронных деталей, китайские предприятия освоили выпуск интегральных схем, компонентов для мобильных телефонов и информационной техники и т. д.

Хотя, как отмечалось выше, все большее число японских компаний, пришедших в Китай, в своих бизнес-планах делают ставку на расширение внутреннего рынка страны, созданные здесь филиалы продолжают играть роль и крупнейшей экспортной базы Японии. В последние годы в целом на экспорт направлялось порядка 44–45% всей производимой ими продукции, в том числе более 25% – в саму Японию, а около 20% – в третьи страны¹¹.

Китай, безусловно, является сейчас приоритетным направлением японских инвестиций в Восточной Азии. Более того, судя по опросам оперирующих в Азии японских фирм, он останется для них безусловным фаворитом и в перспективе. Однако, осознавая опасность сильного крена в сторону Китая и, кроме того, сталкиваясь здесь с целым рядом довольно сложных проблем (таких, как нехватка квалифицированных управленцев и технических специалистов, трудности с получением ка-

⁷ Джэтро бозки тоси хакусё. 2006, с. 86.

⁸ Рассчитано по: International Financial Statistics (IMF); Дзайадзия никкэй кигё-но кэйэй дзиттай тёса (Обследование положения дел на японских предприятиях в Азии). – ДЖЭТРО, 2009, март, с.98 (Данные только по филиалам японских предприятий).

⁹ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February, с. 12.

¹⁰ Дзайадзия никкэй кигё-но кэйэй дзиттай тёса. ДЖЭТРО, 2009, март, с. 20–21.

¹¹ Рассчитано по: Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February с. 13–14.

чественного сырья и материалов, проблемы с утечкой технологии и защитой прав на интеллектуальную собственность, массовое производство местными предприятиями подделок японских товаров, особенности правоприменительной практики местных органов власти, а в самое последнее время – укрепление юаня), японские компании продолжают активно инвестировать капитал и в другие страны Восточной Азии, тем более что каждая из них обладает своими конкурентными преимуществами.

Что касается НИЭ Азии, то в последние годы на долю этой группы приходилось порядка 25–30% в общем потоке японских инвестиций в Восточную Азию (в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века – примерно 40–45%), а объем накопленных прямых инвестиций составил на конец 2007 г. 46,6 млрд. долл., или 35% от общей суммы инвестиций в этот регион¹².

Обладая современной инфраструктурой, высоким уровнем техники и технологии производства, подготовленными квалифицированными кадрами, хорошо разработанной законодательной базой и имея достаточно высокий уровень жизни, эти страны остаются весьма привлекательным объектом для прямых японских инвестиций. Однако эти очевидные преимущества в определенной степени нивелируются довольно быстрым повышением стоимости местной рабочей силы. Так, по данным ДЖЭТРО, в 2008 г. в Гонконге месячная заработная плата рабочих составляла 1280 долл., на Тайване – около 1000 долл., в Южной Корее – 1180 долл., в Сингапуре – 1030 долл. Инженеры в Гонконге зарабатывали 2080 долл. в месяц, на Тайване – 1260 долл., в Южной Корее – 2200 долл., в Сингапуре – 1900 долл. По категории «управленцы среднего звена» соответствующие показатели составили: 3200 долл., 1900 долл., 3160 долл. и 3140 долл. Как отмечают специалисты ДЖЭТРО, по сравнению с началом 2000-х годов разрыв в уровнях заработной платы между Японией и этими странами существенно сократился, особенно по категории «управленцы среднего звена»¹³.

С учетом быстрого роста стоимости рабочей силы в НИЭ Азии в последние годы японские компании стремятся развивать здесь, прежде всего, производства с высокой долей добавленной стоимости, в частности деталей для электромашиностроения и точного машиностроения. На местных предприятиях налаживается производство высокотехнологичных деталей, которые еще несколько лет назад выпускала только Япония и которые пока не могут производить ни Китай, ни страны АСЕАН (например, производство цифровых интегральных схем или

плазменных панелей). Одновременно огромные средства направляются на перевооружение сборочных цехов на ранее созданных здесь предприятиях с целью налаживания выпуска новейших видов продукции (ноутбуков, телевизоров на жидких кристаллах, плазменных телевизоров, цифровых камер и т. д.).

В отраслевом составе созданной в НИЭ Азии филиальной сети японских компаний преобладают машиностроительные предприятия, большая часть которых оперирует в электромашиностроении (в целом на машиностроение приходится около 60% стоимости продукции, в том числе 40% – на электромашиностроение). Помимо машиностроительных, здесь довольно много химических предприятий (их доля в общем выпуске продукции составляет порядка 20%). В то же время в отличие от Китая, филиальная сеть которого охватывает весьма широкий круг отраслей и производств, здесь некоторые отрасли либо вообще не представлены (например, цветная металлургия и целлюлозно-бумажная промышленность), либо представлены весьма ограниченным кругом предприятий (пищевая, текстильная, металлообрабатывающая, деревообрабатывающая и т. д.)¹⁴.

На экспорт направляется более 40% производимой местными филиалами продукции. Наиболее высокой экспортной квотой отличается электромашиностроение (55–58%), продукция которого реализуется в основном в развитых странах. При этом если в Западную Европу и США экспортируется в основном конечная продукция, то в Японию поступают и различные виды электронных деталей и компонентов, предназначенных для сборки на японских заводах.

В целом в формирующейся в Восточной Азии системе разделения труда НИЭ занимают более высокую технологическую нишу, чем Китай или страны АСЕАН. При этом по мере роста технического уровня местных предприятий они все чаще выступают прямыми конкурентами японских фирм на внутреннем рынке самой Японии, прежде всего в сфере производства высокотехнологичной электронной техники и деталей.

Страны АСЕАН вплоть до азиатского кризиса 1997–1998 гг. были приоритетным объектом инвестирования японских компаний. На них приходилось порядка 40% в потоках прямых инвестиций Японии в Восточную Азию. Однако после кризиса, особенно в последние годы, они стали все больше уступать позиции Китаю. Их доля в потоках японских инвестиций в регион снизилась до 20–25%. Тем не менее, по данным на конец 2007 г., по сумме накопленных японских прямых инвестиций страны АСЕАН все еще превосходили Китай (соответственно 42,1 млрд. долл. и 37,8 млрд. долл.)¹⁵.

¹² Japan's Total Outward FDI by country/region (www.jetro.go.jp/en/stats)

¹³ Рассчитано по: International Financial Statistics (IMF); Дзайадзия никкэй кигё-но кэйэй дзиттай тёса. ДЖЭТРО, 2009, март, с. 98, 103 (среди НИЭ Азии лишь Тайвань пока заметно уступает Японии по уровню заработной платы рабочих, инженеров и управленцев).

¹⁴ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February, c. 11.

¹⁵ Japan's Total Outward FDI by country/region. (www.jetro.go.jp/en/stats)

Среди основных конкурентных преимуществ стран АСЕАН главным по-прежнему является относительная дешевизна рабочей силы. Так, по данным ДЖЭТРО, в 2008 г. месячная заработная плата рабочих находилась в пределах 130–290 долл. (наименьший показатель – в Индонезии, наивысший – в Малайзии). Зарботная плата инженеров составляла от 257 долл. (в Индонезии) до 790 долл. (в Малайзии), а менеджеры среднего звена получали от 705 долл. (в Индонезии) до 1500 долл. (в Малайзии)¹⁶. Иными словами, рабочая сила здесь практически на порядок дешевле, чем в Японии.

Кроме того, в отношении благоприятности режима налогообложения предприятий с участием иностранного капитала страны АСЕАН в целом не уступают Китаю, а поскольку «правила игры» здесь не меняются так часто, как в Китае, и правоприменительная практика более прозрачна и понятна, условия для иностранных инвесторов здесь весьма комфортны.

Среди прочих конкурентных преимуществ стран АСЕАН следует отметить достаточно высокий уровень стабильности политических режимов, последовательное осуществление национальными правительствами политики индустриализации и поощрения экспорта, усилия по развитию инфраструктуры, повышению уровня образования населения и т. д.

Разумеется, в разных странах эти преимущества присутствуют в разной степени, и если судить по объему накопленных инвестиций, то, очевидно, что японские фирмы отдают явное предпочтение Таиланду – на конец 2007 г. на него приходилось более 47% общей суммы их инвестиций в АСЕАН. Согласно опросам ДЖЭТРО, большинство японских компаний, оперирующих в АСЕАН (70–80%), и в будущем намерены отдавать предпочтение Таиланду.

В последние годы, а именно после заключения в 2003 г. странами АСЕАН соглашения о создании зоны свободной торговли, в реализации которого важным этапом стало снятие в 2007 г. пошлин во взаимной торговле продукцией широкого круга отраслей обрабатывающей промышленности (таких, как деревообработка, резинотехническое производство, автомобилестроение, текстильная промышленность, кожевенное производство, электроника, производство информационной техники и т. д.), привлекательность стран АСЕАН как объектов инвестирования для Японии значительно возросла. Ведь эти соглашения резко увеличивают возможности для расширения и углубления взаимосвязей между предприятиями этих стран, концентрации определенных видов производства в определенных странах или районах, для развития межотраслевой и внутриотраслевой специализации, упразднения

дублирования, а в результате – для снижения себестоимости продукции и повышения ее конкурентоспособности.

Так же как и в Китае, отраслевой состав японской филиальной сети в АСЕАН отличается большим разнообразием. Ввиду дешевизны рабочей силы здесь получили развитие многие трудоемкие производства легкой промышленности, а также отрасли по производству различных промышленных полуфабрикатов. Однако, как и в других азиатских странах, основной упор здесь сделан на развитие машиностроения: в последние годы его доля в общем объеме производства японских филиалов составляла более 3/4, в том числе около 45% приходилось на транспортное машиностроение и около 30% – на электромашиностроение¹⁷.

Филиальную сеть японских компаний в АСЕАН отличает также большая доля предприятий, ориентированных на экспорт (в продажах которых более 70% составляют экспортные поставки). В 2008 г. в среднем по АСЕАН предприятия такого типа составляли более 40% от общего числа филиалов, в том числе в Индонезии – 30%, в Малайзии – 44%, Таиланде – около 25%, на Филиппинах – 66%¹⁸.

В целом на экспорт направляется почти половина производимой здесь японскими филиалами продукции, при этом наиболее высокая экспортная квота (почти 80%) характерна для электромашиностроения. Продукция этой отрасли является и основной статьей экспорта японских предприятий – на нее приходится около половины общей его стоимости, а в целом на продукцию машиностроения – 80%¹⁹. Характерно, что 40% экспорта этой продукции направляется в Японию, а около 1/3 – в другие страны АСЕАН и Китай, что свидетельствует об углублении процесса разделения труда в регионе.

Так же как и в Китае, в странах АСЕАН одной из наиболее острых проблем для пришедших сюда крупных японских компаний является обеспечение поставок качественного сырья, материалов и комплектующих. Одним из путей решения этой проблемы стал приход в эти страны японских мелких и средних фирм-производителей этой продукции. Благодаря этому доля местных предприятий в общем объеме поставок начала довольно быстро повышаться и в 2008 г. составила около 43% (причем половину этих поставок обеспечили именно местные японские предприятия). В то же время сохраняют свое значение и внешние источники поступления материалов и комплектующих, прежде всего импорт из Японии (на него приходится около 60% всех внешних поставок), хотя в последние годы его начинают все больше замещать

¹⁷ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February, с. 9–10.

¹⁸ Более низкие, чем в среднем по АСЕАН, показатели по Таиланду и Индонезии объясняются значительными масштабами внутреннего рынка этих стран, позволяющими большую долю продукции реализовывать на месте.

¹⁹ Там же.

¹⁶ Дзайадзиа никкэй кигё-но кэйэй дзиттай тёса. 2009, март, с. 103 (учтены только японские филиалы).

поставки из Китая и из других стран региона. При этом в самое последнее время возрастание конкуренции со стороны Китая (главным образом в области цен) стало едва ли не главной проблемой для пришедших в АСЕАН мелких и средних японских фирм.

Таким образом, в Восточной Азии сформировалась разветвленная филиальная сеть японских промышленных компаний, выполняющая, по сути, роль второй производственной базы страны. По нашим подсчетам, ее производственный потенциал равен примерно 10% потенциала японской промышленности, т.е. весьма существенно дополняет производственные и экспортные возможности последней.

Характер торговли между Японией и государствами Восточной Азии свидетельствует о быстром расширении и углублении процесса внутриотраслевой и межотраслевой кооперации между японскими и азиатскими предприятиями, центром которого является машиностроение. Так, в 2007 г. на Восточную Азию пришлось около 65% японского экспорта всевозможных промышленных материалов и полуфабрикатов, более 45% экспорта продукции общего машиностроения (станков, машин, оборудования и т. д.), около 65% экспорта продукции электромашиностроения (как конечной продукции, так и деталей и компонентов). Что же касается импорта Японии из Восточной Азии, то в том же году этот регион обеспечил половину всего объема поставок в Японию промышленных полуфабрикатов, более 3/4 ввоза продукции электромашиностроения, 63% ввоза продукции общего машиностроения. Всего же в 2007 г. на долю Восточной Азии пришлось 49,8% японского экспорта и 43,5% японского импорта²⁰.

Иными словами, благодаря расширению и углублению процесса разделения труда между Японией и странами Восточной Азии последние стали не только основным экспортным рынком для японских национальных компаний, но одновременно и их экспортной базой и базой для производства многих товаров, необходимых самой Японии.

В последние годы процесс разделения труда между Японией и Восточной Азией вступил в новую стадию – стадию формирования системы оптимального размещения производства в масштабах всего восточноазиатского региона с учетом конкурентных преимуществ, существующих в каждой стране. В немалой степени этому способствовало заключение странами региона многосторонних и двухсторонних соглашений о создании зон свободной торговли, облегчающих передвижение товаров, капиталов, людей и технологий.

Свидетельством движения в направлении формирования оптимальной системы размещения производства в Восточной Азии являются многочисленные случаи закрытия японскими компаниями своих предприятий в одних странах и открытия – в других, усиление концентрации

производства как готовых изделий, так и промежуточной продукции на определенных предприятиях или в определенных районах, сокращение поставок из Японии деталей и материалов в одни страны и увеличение – в другие, изменение позиций отдельных восточно-азиатских стран в японском импорте готовой и промежуточной продукции и т. д.

Очевидно, что в формирующейся в Восточной Азии единой производственной системе на долгие годы за Японией сохранятся самые передовые, высокотехнологичные виды производства, а за государствами Восточной Азии – отрасли и производства относительно более низкого уровня технической сложности и наукоемкости.

В силу высокой зависимости от экспорта в развитые страны филиальная сеть японских компаний в Восточной Азии довольно сильно ощутила на себе воздействие мирового финансово-экономического кризиса. Согласно данным последнего обследования МЭТП, в 2008/09 фин.г. общий объем продаж всех филиалов сократился на 1,1% по сравнению с 2007/08 фин.г., причем особенно значительно – в первом квартале 2009 г. (на 20% по сравнению с предыдущим кварталом). При этом экспорт в Японию сократился на 6%, а в третьи страны – на 11,3%. Особенно сильно пострадали японские предприятия, расположенные в НИЭ Азии (падение продаж в 2008/09 фин.г. составило здесь 14,5%). В меньшей степени оказались задеты кризисом японские предприятия в АСЕАН (падение продаж – 5,5%). Что же касается Китая, то хотя в первом квартале 2009 г. и здесь было отмечено падение продаж японских филиалов (на 16,2%, главным образом за счет сокращения более чем на 1/4% экспорта в Японию и другие развитые страны), в целом за 2008/09 фин.г. местные филиалы показали прирост продаж на 7,8%²¹.

Разумеется, в нынешней ситуации сложно делать какие-либо прогнозы, но в целом представляется, что мировой финансово-экономический кризис будет способствовать усилению экономической активности японских компаний в Восточной Азии, хотя бы в силу того очевидного факта, что азиатские экономики (прежде всего Китай) переживают кризис легче, чем развитые страны.

Производственная база японских компаний в США

Будучи крупнейшей экономикой мира, США являются чрезвычайно привлекательным объектом для иностранных прямых инвестиций. Между тем долгое время потоки японских прямых инвестиций в эту страну были весьма незначительны. Ситуация начала меняться с середины 1980-х годов. С одной стороны, из-за резкого роста курса иены стала очевидной целесообразность замены экспорта организацией производства за рубежом. С другой стороны, создание предприятий на

²⁰ Japan Export by Product. 2007; Japan Import by Product. 2007. – www.jetro.go.jp/en/stasts

²¹ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, June, с. 1–2.

территории США стало рассматриваться как средство уменьшения положительного сальдо в японо-американской торговле, достигшего к тому времени огромной величины, и преодоления торговых барьеров, воздвигавшихся на пути японских товаров на американский рынок. При этом, помимо огромной емкости внутреннего рынка, японские компании привлекали такие характеристики американской деловой среды, как высокая степень безопасности для иностранных инвестиций, отсутствие проблем с наймом рабочей силы необходимой квалификации, наличие высокоразвитой инфраструктуры, высокий уровень культуры производства и т. д.

Потоки японских прямых инвестиций в США стали быстро возрастать, и уже к началу 1990-х годов их накопленный объем перевалил за 50 млрд. долл., что составило 36,5% от общей суммы зарубежных прямых инвестиций Японии. Депрессия 90-х годов еще больше стимулировала японские компании к инвестированию в США, так как в отличие от японской американская экономика в это время находилась на подъеме, сохранялась высокая деловая активность. В результате к концу 1990-х годов накопленные прямые инвестиции Японии в США составили уже почти 120 млрд. долл. (около 48% от общей суммы зарубежных японских инвестиций). И хотя с начала 2000-х годов доля США в общем объеме накопленных зарубежных инвестиций Японии начала снижаться (в первую очередь за счет роста значения восточно-азиатского региона), по абсолютным показателям – 174,2 млрд. долл. на конец 2007 г. (31,9%) – их позиции намного превосходят как позиции Восточной Азии (126,4 млрд. долл., 23,1%), так и позиции Западной Европы (145,9 млрд. долл., 26,7%)²².

Интересно отметить, что в 2008 г., когда в США уже начался финансовый кризис и акции американских компаний и банков стали быстро дешеветь, потоки прямых японских инвестиций в американскую экономику стали стремительно возрастать и достигли невиданных прежде масштабов: за год их объем составил 44,7 млрд. долл., т. е. увеличился в 2,8 раза по сравнению с 2007 г.²³

В отличие от стран Восточной Азии, где на всех этапах большая часть японских прямых инвестиций направлялась на создание промышленных предприятий, в США на первых порах обрабатывающая промышленность не была приоритетным направлением инвестирования. Так, в период второй половины 80-х – начала 90-х годов, на который пришлась первая волна масштабного притока японских инвестиций, основная часть капиталов – около 60% – была направлена на создание предприятий оптовой и розничной торговли, а еще порядка 20% – в банковскую сферу. Иными словами, на этом этапе первостепенное

внимание уделялось обустройству каналов сбыта продукции японских экспортеров на американском рынке и обслуживанию их финансовых операций. Доля же обрабатывающей промышленности была невелика и составляла порядка 14–15%²⁴.

Однако в последующие годы, когда на передний план среди мотивов инвестирования в американскую экономику выдвинулось стремление обойти разного рода ограничения, воздвигавшиеся на пути японских товаров на американский рынок, абсолютные размеры инвестиций в обрабатывающую промышленность начали быстро возрастать, что привело и к повышению их доли в отраслевой структуре инвестиций. По данным Банка Японии, на конец 2007 г. в накопленных прямых инвестициях Японии в США на обрабатывающую промышленность приходилось уже более половины, в то время как на сферу финансов и страхования – 12%, а на оптовую и розничную торговлю – 13,5%²⁵. При этом по мере роста числа промышленных предприятий и увеличения объемов производства и продаж торговые, финансовые, страховые и прочие компании, созданные изначально для «проталкивания» на американский рынок японского экспорта, стали все больше переключаться на содействие реализации продукции, произведенной на американских филиалах японских компаний.

По данным последнего обследования ДЖЭТРО, проведенного летом 2008 г., в США насчитывалось более 2100 промышленных предприятий, принадлежащих японскому капиталу (20 лет назад, в 1987 г., их было 640). Они представляют весьма широкий спектр отраслей современной промышленности. Так, 140 предприятий оперируют в производстве электронных деталей и компонентов, 120 – в электромашиностроении, 30 – в автомобильной промышленности, 420 – в производстве автомобильных деталей и компонентов, 60 – в точном машиностроении, 145 – в общем машиностроении, 280 – в химической промышленности, 65 – в строительно-керамической промышленности, 80 – в черной металлургии, 80 – в металлообработке, 33 – в цветной металлургии, 170 предприятий – в пищевой промышленности и т. д.²⁶

Наибольшая доля японских инвестиций была вложена в создание сети машиностроительных предприятий. В общем объеме продаж местных филиалов на продукцию машиностроения приходится порядка 80%, в том числе на продукцию автомобилестроения – 57%, электро-

²⁴ Шевченко Н. Ю. Японо-американские экономические отношения на современном этапе. М., 1990 г., с. 176.

²⁵ www.boj.or.jp/en/

²⁶ Хокубэй никкэй сэйдзогё-но кэйэй дзиттай (Положение японских предприятий обрабатывающей промышленности в Северной Америке). ДЖЭТРО, 2006. с. 37; Дзайбэйкоку Канада никкэй кигё-но кэйэй дзиттай тёса (Обследование положения дел на японских предприятиях в США и Канаде). ДЖЭТРО, 2008, сентябрь, с.57.

²² Japan's Total Outward FDI by Country/. Region. – www.jetro.go.jp/en/stats

²³ Ibid.

машиностроения – 16%, общего машиностроения – 6%. Из 430 тыс. занятых на японских филиалах 285 тыс. (2/3) работают в машиностроении, в том числе более 193 тыс. (45%) – в автомобилестроении (на сборочных заводах и в производстве комплектующих).

Важно подчеркнуть, что в отличие от Восточной Азии в США промышленные предприятия, принадлежащие японскому капиталу, работают главным образом на внутренний рынок. Так, в 2007–2008 гг. более 90% продукции этих предприятий было реализовано на американском рынке, около 2% – направлено на экспорт в Японию и около 8% – на экспорт в третьи страны²⁷.

Различия в стратегии реализации продукции между американскими и восточноазиатскими филиалами японских компаний особенно заметны в таких отраслях, как общее машиностроение и электромашиностроение. В то время как в США они реализуют на внутреннем рынке около 90% продукции общего машиностроения и около 85% – продукции электромашиностроения, в странах АСЕАН – соответственно лишь 30% и 16%, а в Китае – 32% и 30%²⁸. Иными словами, если в Восточной Азии местные предприятия японских компаний в значительной степени используются как база для расширения японского экспорта в третьи страны и поставок определенных товаров в Японию, то в США их целью является сам американский рынок.

В составе филиальной сети японских компаний с точки зрения значимости как для японской, так и для американской экономики особое место занимает автомобилестроение. При этом необходимо подчеркнуть, что американский рынок является самым главным экспортным рынком и для национальной автомобильной промышленности Японии. Так, в 2004 г. в США было поставлено 1523, 2 тыс. автомобилей (на сумму 33,1 млрд. долл.), в 2005 г. – 1624, 7 тыс. (36,2 млрд. долл.), в 2006 г. – 2206,3 тыс. (45,4 млрд. долл.), в 2007 г. – 2215 тыс. (45,1 млрд. долл.). При этом в последние годы доля поставок в США в общем выпуске автомобилей в Японии составляла более 20%, а в общей стоимости их экспорта – более 40%²⁹.

Иными словами, для японских автомобильных компаний американский рынок имеет чрезвычайно большое значение, и для расширения своей доли на нем они используют как возможности отечественных предприятий, так и предприятий, созданных ими в самой Америке.

Производство автомобилей на территории США японские компании стали налаживать в 80-е годы прошлого века. Объем выпуска на американских филиалах стремительно нарастал и составил: в 1986 г. – 617 тыс., в 1990 г. – 1494 тыс., в 2000 г. – 2562 тыс., в 2007 г. – 3451 тыс.

автомобилей. При этом в 1993 г. объем производства машин на американских филиалах впервые превзошел объем их импорта из Японии (соответственно 1828 тыс. и 1617 тыс. автомобилей). В последующие годы доля американских филиалов в общем объеме продаж японских автомобилей в США в тенденции продолжала повышаться, а доля экспорта – снижаться (за исключением тех лет, например 2006 и 2007-е гг., когда японские компании, стремясь в максимальной степени использовать возможности, предоставляемые благоприятной конъюнктурой на американском рынке, резко наращивали объемы экспорта)³⁰.

В целом же за 1986–2007 гг. объем производства автомобилей на американских филиалах увеличился на 2800 тыс. (в 5,6 раза), а объем экспорта уменьшился на 1200 тыс. (на 35%). При этом доля американских филиалов в общем объеме продаж японских автомобилей в США в 2007 г. (более 5600 тыс.) составила 63% (в 1986 г. – 12%).

Сейчас на японские автомобили (как импортированные, так и произведенные на американских филиалах) приходится 40% общего объема продаж автомобилей в США, причем особенно быстро японская ниша на американском рынке расширялась в последние годы, когда началось повышение цен на нефть, а соответственно – и на бензин³¹. Помимо экономичности, американцев привлекают отличный дизайн, высокое качество и надежность японских автомобилей, а также отлаженная система послепродажного обслуживания.

В настоящее время в США действуют 30 сборочных заводов, принадлежащих ведущим автомобилестроительным фирмам Японии. По состоянию на 2007 г. их совокупные мощности составили около 4 млн. единиц, инвестиции в оборудование – порядка 32 млрд. долл., а общая численность занятых – более 62 тыс. человек. Всего же в производстве, реализации и послепродажном обслуживании японских автомобилей в США занято около 430 тыс. человек.

Как известно, число деталей, необходимых для сборки автомобиля, составляет 20–30 тыс. Поэтому наряду со сборочными заводами в США функционирует и сеть японских предприятий, производящих детали, компоненты и прочую продукцию, необходимую для сборочных производств. По данным за 2008 г., насчитывалось 420 таких предприятий. Среди них есть как созданные небольшими японскими фирмами, пришедшими в США вслед за своими головными компаниями, так и те, что были приобретены японским капиталом из числа местных производителей. Их роль в обеспечении сборочных заводов деталями и компонентами из года в год возрастает, в то время как роль поставок из Японии, напротив, постепенно уменьшается. Так, если производство японских автомобилей в США за 1993–2006 гг. увеличилось в 1,84

²⁷ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, February 2009, с.5–6.

²⁸ JETRO White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. 2007, с. 85.

²⁹ <http://www.JAMA.org/ststatistics>

³⁰ Driving a New Generation of American Mobility. JAMA, 2008, с. 9.

³¹ Там же.

раза, то объем поставок деталей и компонентов местных предприятий возрос в 3,14 раза³².

В 2007 г. объем закупок японскими компаниями деталей и компонентов местного производства (включая поставки независимых американских фирм) составил 50 млрд. долл., а объем импорта этой продукции из Японии – 10, 7 млрд. долл.³³ Тем не менее, Япония пока остается главным внешним поставщиком деталей и компонентов на американские заводы, обеспечивая примерно половину всех внешних поставок, хотя постепенно ее доля снижается за счет расширения поставок из Китая, стран АСЕАН, а в последние годы – из Мексики.

В стратегии глобализации производства японских автомобилестроительных компаний американской филиальной сети отводится роль не только производителя конечной продукции и комплектующих, но и базы для проведения НИОКР и разработки новых моделей. К настоящему времени большая часть пришедших в США японских компаний уже создали специальные научно-исследовательские центры, где наряду с контролем качества двигателей и комплектующих проводятся работы по дизайну корпуса новых моделей, разработке новых двигателей и новых деталей, созданию опытных образцов. К 2008 г. число таких центров достигло 36, а численность работающих в них ученых и специалистов составила более 3,5 тыс.³⁴ Очевидно, что, приближая научно-исследовательские центры к рынку США, японские компании стремились, с одной стороны, в максимальной степени учесть предпочтения искушенных американских потребителей, а с другой – использовать знания и опыт высококвалифицированных американских специалистов (дизайнеров, инженеров, конструкторов и т. д.).

Безусловно, автомобилестроение – это самый впечатляющий пример освоения японскими компаниями американского рынка. Но вполне успешно действуют на нем и компании других отраслей – общего машиностроения, электромашиностроения, пищевой промышленности, химические, металлургические и т. д. При этом отличительной чертой бизнеса японских компаний в США является то, что он носит комплексный характер. Абсолютное большинство оперирующих здесь японских фирм имеют региональные штаб-квартиры, центры по проведению НИОКР и разработке новых продуктов, располагают собственной сетью торговых предприятий и предприятий послепродажного обслуживания, а также хорошо отлаженной сетью поставщиков деталей, материалов и компонентов³⁵. В частности, благодаря высокому техническому уровню американских предприятий и отсутствию проблем с наймом квалифицированных

специалистов по сравнению с Восточной Азией уровень местных поставок деталей и материалов в США выше (на 60% предприятий он составляет более 50%, а на 1/3 – от 80% до 100%)³⁶.

Вплоть до 2008 г. дела у абсолютного большинства японских филиалов в США обстояли весьма благополучно, и они планировали и дальше развивать здесь свой бизнес. Так, в 2007 г. средняя норма прибыли на промышленных филиалах составила 9,5%, а в общих доходах японских компаний от зарубежного предпринимательства на американские предприятия пришлось более 35%³⁷.

Настроения в сообществе японских производителей, оперирующих в США, начали меняться в середине 2008 г., хотя тогда никто из них еще не мог предвидеть масштабов и глубины потрясений, которые им предстояло пережить в ближайшем будущем. Указывая на такие проблемы, как рост цен на энергоносители и кризис системы ипотечного кредитования в США, многие компании предполагали сократить объемы инвестиций и число занятых на своих предприятиях, а некоторые (порядка 6%) даже планировали перенести свой бизнес в другие страны. В целом же специалисты ДЖЭТРО, основываясь на результатах проведенного летом 2008 г. обследования американских филиалов, пришли к выводу, что настроения, царящие в сообществе японских производителей, гораздо более пессимистичны, чем после терактов 11 сентября 2001 г. и краха «мыльного пузыря» на рынке информационных технологий 2002 г.³⁸

Однако действительность, как известно, превзошла все ожидания. Разразившийся осенью 2008 г. мировой финансовый кризис и последовавшая за ним рецессия мировой экономики нанесли тяжелый удар по японским филиалам в США. Уже в третьем квартале 2008 г. их совокупный объем продаж сократился на 8% по сравнению с предыдущим кварталом, а в четвертом квартале – еще на 8%. Однако все рекорды побил первый квартал 2009 г.: общее падение продаж составило почти 30% по сравнению с предыдущим кварталом, причем особенно впечатляющим оно было в автомобилестроении – 37%. В целом же в 2008/09 фин.г. по сравнению 2007/08 фин. г. падение продаж составило 14,7%, в том числе в автомобилестроении – 23%³⁹.

С середины 2008 г. началось также сокращение объемов инвестиций и численности занятых в американских филиалах. Так, к концу 2008/09 фин. г. общее число занятых сократилось на 11,8% по сравнению с концом 2007/08 фин. г., при этом наиболее масштабные сокращения были

³² Там же, с. 10.

³³ Japan's exports by products. – www.jetro.go.jp/en/stats/

³⁴ Driving a New Generation of American Mobility. JAMA, 2008, с.1.

³⁵ Japanese Manufacturing Plants in the U.S.: JETRO's Annual Survey 2002, с.12.

³⁶ Дзайбэйкоку Канада никкэй кигё-но кэйэй дзиттай тэса. – ДЖЭТРО, 2008, сентябрь.

³⁷ White Paper on International Trade and Foreign Direct Investment. – JETRO, 2008, с. 77–78.

³⁸ Дзайбэйкоку Канада никкэй кигё-но кэйэй дзиттай тэса. – ДЖЭТРО, 2008, сентябрь, с. 5, 34–35.

³⁹ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, June, с.5–6.

осуществлены в автомобилестроении (на 18,7%) и тесно связанной с ним черной металлургии (15,2%). Объем инвестиций в оборудование в 2008/09 фин. г. в целом оказался на 4% ниже, чем в 2007/08 фин. г.⁴⁰

Однако кризис, даже такой глубокий и масштабный, как нынешний – явление преходящее. Он, конечно же, внесет определенные коррективы в стратегию освоения японскими компаниями американского рынка, но несомненно, что в силу своих очевидных конкурентных преимуществ США и впредь будут притягивать немалую часть японских прямых инвестиций и сохраняют свои позиции одной из крупнейших зарубежных производственных баз Японии.

Производственная база японских компаний в Европе

В Европе японские предприятия стали создаваться примерно в то же время и в целом по тем же причинам, что и в США. Столкнувшись с разного рода барьерами, воздвигавшимися европейскими странами на пути японского экспорта (такими, как повышенные тарифы, квоты, требования соответствия местным стандартам и прочие нетарифные ограничения), японские компании стали довольно быстро налаживать здесь производство самой разнообразной промышленной продукции. Как и в случае с США, процесс создания филиальной сети в Европе был ускорен происшедшим в середине 80-х годов повышением курса иены относительно доллара и ведущих европейских валют, удешевившим все виды издержек японских компаний в европейских странах (по сравнению с издержками в самой Японии).

Помимо значительной емкости внутреннего рынка, высокого уровня экономического развития, наличия квалифицированной и хорошо образованной рабочей силы быстрому расширению сети японских промышленных филиалов в Европе способствовало развитие и углубление процессов европейской экономической интеграции. Ведь эти процессы сопровождались снижением или снятием таможенных тарифов во взаимной торговле, упрощением административных процедур при пересечении товарами границ стран-членов Евросоюза, либерализацией и определенной унификацией режимов в отношении иностранных инвестиций, введением общих для Евросоюза стандартов и сертификатов на продукцию и т. д. Дополнительные возможности для развития предпринимательства японских компаний создало расширение географических рамок Евросоюза за счет принятия в него новых членов из числа стран Восточной Европы, где и издержки на труд, и ряд других видов издержек существенно ниже, чем в западноевропейских странах.

На конец 2007 г. прямые японские инвестиции в странах Евросоюза составили более 148 млрд. долл. (порядка 27% от общей суммы накоп-

ленных зарубежных японских инвестиций), в том числе около 70% этой суммы вложено в создание филиалов промышленных японских компаний⁴¹.

По данным ДЖЭТРО, в 2008 г. на территории Европы функционировало более 1020 промышленных японских филиалов, в том числе 785 были расположены в Западной Европе, а 239 – в Восточной. Наиболее крупные филиальные сети созданы в Великобритании (203 предприятия), Германии (146) и Франции (130), т.е. в странах, обладающих наиболее крупными экономиками. Среди стран Восточной Европы по числу японских филиалов выделяются Чехия (84 предприятия) и Польша (70)⁴². В целом же вряд ли сейчас в Европе можно найти страну, где бы не действовало хотя бы одно японское предприятие (как, например, в Словении).

Как и в других регионах, в Европе основу японской филиальной сети составляют машиностроительные предприятия. Наибольшее число филиалов – 222 (более 21% от общего числа) оперирует в автомобилестроении, 149 (14%) – в общем машиностроении, 87 (9%) – в электромашиностроении. На эти три отрасли приходится 3/4 совокупного объема продаж всех европейских филиалов (в том числе на автомобилестроение – 36%, электромашиностроение – 30%, общее машиностроение – 10%,) и 2/3 общего числа занятых (около 200 тыс. человек, из которых 135 тыс. работают в автомобилестроении – как на сборочных заводах, так и в производстве деталей и компонентов).

Еще одной отраслью, достаточно широко представленной в европейской филиальной сети, является химическая промышленность (99 предприятий, более 10% совокупного объема продаж и около 10% занятых)⁴³.

Таким образом, облик японской филиальной сети в Европе формируют, прежде всего, предприятия трех машиностроительных отраслей (автомобилестроения, электромашиностроения и общего машиностроения) и химической промышленности. Что же касается прочих отраслей, то состав их не так разнообразен, как в США, при этом некоторые отрасли (например, черная и цветная металлургия), не представлены вообще.

Хотя в составе европейской филиальной сети автомобилестроение не доминирует так явно, как в США⁴⁴, тем не менее, и здесь оно со-

⁴¹ Japan's Total Outward FDI by Country/Region; Japan's International Investment Position at Year-End 2007. BOJ, 2008, с. 12.

⁴² 2008 нэн дзайосю торуку никкэй сэйдзогё-но кэйэй дзиттай тёса кэкка (Результаты обследования положения дел на японских предприятиях обрабатывающей промышленности в Европе и Турции). ДЖЭТРО, 2008, с. 3.

⁴³ Там же; Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February, с.17–18.

⁴⁴ Так, в некоторых крупных европейских странах, в частности в Германии и Франции, где существует собственная высокоразвитая автомобильная промышленность, более значимыми являются другие отрасли: во Франции – производство продовольствия и переработка сельхозпродукции, в Германии – общее машиностроение, химическая промышленность и электромашиностроение (Japanese Manufacturing Affiliates in Europe and Turkey. – JETRO, 2006, September с.11).

⁴⁰ Там же.

ставляет основу производственной базы японских компаний, превосходя другие отрасли не только по объему производства и числу занятых, но и с точки зрения значимости для развития процессов глобализации японской промышленности.

На европейские филиалы приходится порядка 18% общего количества автомобилей, выпускаемых японскими компаниями за рубежом (на США – 1/3, на Азию – около 45%). По сравнению с серединой 90-х годов к 2007 г. объем местного производства почти утроился и составил 1790 тыс. автомобилей (что почти в два раза превысило импорт автомобилей из Японии, составивший в том же году 919 тыс.)⁴⁵.

К настоящему времени в Европу пришли практически все крупные японские автомобильные компании, а число построенных ими сборочных заводов достигло 16 (3 из них расположены в Великобритании, 1 – во Франции, 1 – в Италии, 2 – в Испании, 2 – в Португалии, 1 – в Нидерландах, 1 – в Венгрии, 3 – в Польше, 1 – в Чехии, 1 – в Германии). Эти заводы дают работу примерно 41 тыс. человек, а еще порядка 100 тыс. человек заняты в системе реализации и послепродажном обслуживании японских автомобилей.

Стремясь, как и в США, максимально учесть потребительские предпочтения местного населения, японские компании развернули здесь сеть научно-исследовательских центров. Сейчас их насчитывается 13 (в том числе 4 функционируют в Великобритании, 6 – в Германии), а общее число работающих на них специалистов составляет 3200 человек. Кроме того, японские компании наладили техническое сотрудничество с крупнейшими европейскими автомобильными фирмами, прежде всего в разработке двигателей. Так, «Мицубиси дзидося» сотрудничает с «Фольксваген», «Тоёта» – с «Пежо», «Исудзу» – с «Фиат», «Ниссан» – с «Рено» и т. д.⁴⁶

Так же как и для США, для Европы характерна очень высокая доля местных предприятий в обеспечении японских сборочных заводов деталями и компонентами: в 2007 г. она достигла 80%, а стоимость закупленных деталей местного производства составила более 15 млрд. евро⁴⁷.

Наряду с европейскими фирмами производством деталей для сборочных заводов занимаются более 200 японских фирм, причем почти половина из них расположена в странах Восточной Европы. Можно сказать, что специализация на производстве автомобильных деталей и компонентов является главной отличительной чертой восточноевропейской филиальной сети: здесь этим занимаются почти 40% от общего числа японских филиалов⁴⁸.

⁴⁵ Common Challenges, Common Future. JAMA, 2008, с. 8.

⁴⁶ Там же, с. 5–10.

⁴⁷ Там же, с.10.

⁴⁸ 2008нэн дзайосю торуку никкэй сэйдзогё-но кэйэй дзиттай тёса кэкка.– ДЖЭТРО, 2008, с. 3–4.

Поскольку главной целью пришедших в Европу японских компаний является завоевание самого европейского рынка, для местной филиальной сети характерна высокая доля в структуре продаж продукции, реализуемой в пределах региона. Так, в целом на местные рынки приходится порядка 98% всего объема продаж европейских филиалов. Заметно ниже эта доля в автомобилестроении: в 2007 г. на экспорт за пределы Евросоюза было направлено 240,5 тыс., или около 13% от общего объема их выпуска⁴⁹.

Как известно, в Евросоюзе приняты весьма жесткие стандарты, устанавливающие предельные нормы выбросов выхлопных газов автомобилей. Наряду с ними действует еще ряд экологических стандартов. Так, в 2003 г. был введен в действие стандарт WEEE (Waste Electrical and Electronic Equipment), обязывающий производителей электрооборудования и электронной техники применять материалы, подлежащие утилизации, а в 2006 г. – стандарт RoHS (Restriction on the Use of Certain Hazardous Substances in Electrical and Electronic Equipment), запрещающий использование при производстве электротехники и электроники ряда вредных субстанций. Наконец, в 2007 г. вступил в силу стандарт REACH (Registration, Evaluation, Authorization of Chemicals), который определил список химических веществ, особо опасных для здоровья людей, и запретил их использование при производстве потребительских товаров (сейчас этот список включает 20 позиций, но будет постепенно расширяться)⁵⁰.

Разумеется, все эти требования обязательны и для японских предприятий, оперирующих в Европе, и для того, чтобы соответствовать им, они направляют огромные средства на техническое перевооружение производства. Так, в 2006–2008 гг. их совокупные инвестиции в оборудование составили более 10,4 млрд. долл.⁵¹

Хотя уровень прибыли на европейских филиалах по сравнению с другими регионами несколько ниже (в 2007 г. он составил 7,1% по сравнению с 9,5% в США и 12,2% в Азии), у подавляющей части оперирующих здесь японских компаний до последнего времени дела обстояли вполне благополучно (о чем свидетельствует, в частности, один из самых низких по зарубежной филиальной сети процент закрытия предприятий). Более того, многие компании планировали в ближайшие годы расширить сеть своих филиалов, прежде всего в восточноевропейских странах. Однако кризис внес существенные коррективы в их планы.

Как и в США, положение дел на японских предприятиях в Европе начало ухудшаться с середины 2008 г., и в целом за 2008/09 фин.г. их совокупный объем продаж сократился на 13,8% по сравнению с 2007/08

⁴⁹ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February, с. 17–18.

⁵⁰ Japanese Manufacturing Affiliates in Europe and Turkey. Jetro. 2006, с. 29.

⁵¹ Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, February, с. 17–18.

фин. г. Особенно тяжелым оказался первый квартал 2009 г., когда продажи упали почти на 1/4 по сравнению с предыдущим кварталом⁵².

В целом же положение дел на японских предприятиях в Европе сейчас мало чем отличается от ситуации, складывающейся на американских филиалах: и здесь, и там падают объемы производства и продаж, происходят увольнения работников, сокращаются объемы инвестиций, пересматриваются планы развития производства. Тем не менее, очевидно, что и в тяжелых кризисных условиях японские компании, делая ставку на высокий уровень техники и технологии производства и высокое качество продукции, будут стремиться удержать свою долю на столь важном для них европейском рынке, а по завершении кризиса продолжат наращивать потенциал своей европейской производственной базы.

* * *

Итак, выше была дана общая характеристика и выделены отличительные черты трех крупнейших зарубежных производственных баз Японии – в Восточной Азии, США и Европе. Каждая из них существенно дополняет возможности японской национальной промышленности и играет важную роль в стратегии глобализации производства японских промышленных компаний.

Как было показано выше, с точки зрения своей функциональной роли американская и западноевропейская производственные базы заметно отличаются от восточноазиатской. Если в США и Европе основной задачей японских филиалов является работа на местные рынки, расширение доли японских компаний на них за счет дополнения (и даже замещения) экспортных поставок возможностями местного производства, то в Восточной Азии японские филиалы используются, во-первых, как база для экспорта японской продукции в третьи страны, и, во-вторых, как база для производства определенной продукции для поставок ее в саму Японию.

При этом если производственные базы в США и европейских странах все больше интегрируются в национальные хозяйства этих стран и становятся все более и более автономными по отношению к японской национальной промышленности, то в Восточной Азии наблюдаются процессы другого рода. Здесь происходит быстрое расширение и углубление разделения труда между японскими и азиатскими предприятиями, развиваются процессы внутриотраслевой и межотраслевой специализации и кооперации, в центре которых находится машиностроение.

Подтверждением этих выводов могут служить данные, характеризующие динамику товарных потоков, связывающих японские промышленные компании с их зарубежной филиальной сетью. Так, за период с 2000/01 фин. г. по 2006/07 фин. г. общий объем экспорта японских

компаний на зарубежные филиалы возрос с 14,2 трлн. иен до 23,9 трлн. иен, или в 1,7 раза. При этом поставки в США возросли в 1,45 раза, в Европу – в 1,7 раза, а в Восточную Азию – в 1,9 раза. Что же касается обратных потоков, то при росте объема импорта продукции с зарубежных филиалов за те же годы в 1,8 раза (с 6,1 трлн. иен до 11,4 трлн. иен) поставки из США возросли в 1,6 раза, из Европы – в 1,8 раза, из Восточной Азии – в 1,9 раза. При этом в последние годы доля Восточной Азии в японском экспорте, предназначенном для зарубежных филиалов, составляла более 40%, а в обратных поставках – более 80%⁵³.

В целом же значение зарубежной филиальной сети для японской экономики из года в год возрастает. Об этом свидетельствует не только повышение доли зарубежных филиалов в общих доходах японских компаний (в последние годы она составляла уже более 30%), но и быстрое возрастание в японском экспорте и импорте доли товарных потоков, связанных с деятельностью зарубежных филиалов. Так, за 1995–2006 гг. доля поставок на зарубежные филиалы в общем объеме японского экспорта повысилась с 17,1% до 32,4%, а доля поставок с зарубежных филиалов в общем объеме японского импорта возросла с 11,6 % до 18,1 %⁵⁴.

Очевидно, что после выхода из нынешнего кризиса, который на время замедлил и даже приостановил процесс расширения зарубежной филиальной сети, японские промышленные компании продолжают наращивать потенциал своих зарубежных производственных баз, вовлекая в этот процесс все новые и новые страны и регионы.

⁵² Trends in Overseas Subsidiaries. METI, 2009, June, c.1–2.

⁵³ Summary of the 37th Survey on Overseas Business Activities. METI, 2008, May, c. 18.

⁵⁴ Там же.

Ю. Д. Денисов

На современном этапе мирового развития в инновационный процесс вовлечены ресурсы беспрецедентно крупных масштабов. Так, только на научные исследования и разработки в мире ежегодно затрачивается около 1 трлн. долл. Хорошо понимая, что передовые технологии являются основой эффективности социально-экономического процесса, и правительства, и предприниматели высокоразвитых государств стремятся укреплять финансовую, кадровую и материальную базу науки. Не меньшее внимание уделяется производственной сфере, особенно, энергосбережению, а также распространению малоотходных и высокоточных технологий. Одновременно совершенствуются методы контроля качества, у персонала воспитывается потребность в непрерывном обучении и повышении квалификации.

Все это особенно хорошо видно на примере Японии, развивающей экономику на основе самых передовых и эффективных достижений мировой науки и инженерного искусства, что позволяет не только снижать производственные издержки, но и регулярно предоставлять массовому потребителю новые виды товаров и услуг. Именно инновации оказываются самым убедительным ответом японцев на многие вызовы, периодически испытывающие на прочность как экономику Японии, так и ее социально-политические институты. Однако следует отметить, что испытанный подход к решению сложных проблем развития за счет интенсификации инновационных процессов сегодня активно используется не только Японией, но и ее конкурентами, что способствует выравниванию позиций и больше не может служить для японцев стратегическим средством борьбы.

Поэтому для Японии становится исключительно важным консолидировать свой научно-технический потенциал, объединить усилия исследователей и разработчиков и сосредоточить их на наиболее актуальных и перспективных направлениях инновационного развития. В этих целях Совет по научно-технической политике Японии (Сого какаку гидзюцу кайги), а также министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий (Монбукагакусё) уделяют постоянное внимание определению мировых научно-технических приоритетов, а также организационным мерам, необходимым для их последующей реализации.

Важнейшим официальным документом, в котором сконцентрированы основополагающие принципы научно-технической деятельности в стране,

является «Базовый закон о науке, технике и технологиях», вступивший в силу 15 ноября 1995 г. Он констатирует, что наука, техника и технологии формируют основы развития как японского общества, так и человечества в целом, и потому главная задача состоит в том, чтобы обеспечить более сбалансированное взаимодействие между различными научными направлениями, а также тесное сотрудничество между участниками исследовательского процесса. Закон требует, чтобы и государственные органы, и общество в целом постоянно проводили эту идею в жизнь. Он предписывает обеспечивать тесную кооперацию между государственными НИИ, вузами и частным сектором, а также указывает на обязательность поддержки и поощрения инициатив частного сектора при организации и проведении исследований и разработок.

Закон устанавливает, что основные положения государственной научно-технической политики должны систематически корректироваться и находить свое отражение в пятилетних «Базовых планах научно-технического развития»¹.

В законе отражены практически все факторы, на которых основывается современный научно-исследовательский процесс, указано, что они должны быть в центре внимания государственных структур и общества в целом, кроме того, подчеркнута необходимость существенно повысить общественный интерес к науке и ее результатам.

В настоящее время в индустриально развитых странах уделяется большое внимание согласованию и оптимизации процессов социально-экономического и научно-технического развития, определению масштабов и источников необходимых ресурсов. В связи с этим все большее значение приобретает деятельность правительственных учреждений, направленная на выявление наиболее актуальной тематики исследований и разработок. В Японии подобная деятельность осуществляется с 1971 г. на регулярной основе. Здесь с периодичностью один раз в пять лет производятся экспертные оценки весьма солидного «слоя» научно-технической тематики, а именно, актуальность различных научно-технических проблем в ближайшей и среднесрочной перспективе, а также вероятные сроки ее практической реализации. Последнее явилось основанием для того, чтобы рассматривать эти работы как прогнозы научно-технического развития, однако в настоящее время их принято характеризовать как «технологический форсайт» (от англ. «foresight» – предвидение).

Результаты выполненных экспертных оценок издаются в форме официального документа, в настоящее время – под грифом министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий. В той или иной форме они публикуются в периодической прессе и вызывают в Японии широкий интерес. Содержащуюся в них информацию активно использует в своих целях предпринимательский сектор, особенно мелкие

¹ С 1 апреля 2006 г. в Японии действует третий «Базовый план» – на период 2006–2010 гг.

и средние фирмы, не имеющие высокоразвитых аналитических подразделений. Из нее они извлекают данные, характеризующие актуальность новейших научно-технических тем и направлений, возможные сроки и пути их практической реализации. Изучение этих материалов позволяет предпринимателям заблаговременно формировать приоритеты инновационной деятельности, создавать новые производства, устанавливать партнерские связи и т. д. Большой интерес результаты экспертного анализа представляют и для тех, кто участвует в формировании научно-технической политики на общенациональном уровне, поскольку по этим результатам можно судить, каким направлениям и на каком временном этапе целесообразно уделить наибольшее внимание.

Работы по выполнению подобного рода экспертных оценок в 1970–1990-е годы возглавляло Японское управление по науке и технике (Кагаку гидзюцу тэ) – правительственный орган, обеспечивавший координацию научно-технической политики в общенациональных масштабах. С начала 2001 г. ответственным за эти работы стало министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий, а ее непосредственное исполнение по-прежнему возлагается на Национальный институт научно-технической политики (NISTEP – National Institute of Science and Technology Policy), ставший одним из структурных подразделений министерства.

На содержание и направленность прогнозных исследований в Японии в немалой степени влияют результаты и выводы одного из наиболее авторитетных аналитических центров США – компании РЭНД. В начале 2006 г. она опубликовала свое очередное исследование по проблематике мирового научно-технического и инновационного развития – «Глобальная технологическая революция: 2020 г.». Оценка перспектив развития мирового сообщества до 2020 г. производилась как в научно-техническом, так и в социально-экономическом плане. Были проанализированы движущие силы современного инновационного процесса и препятствия на его пути. Параллельно обсуждался вопрос о том, какие страны и в каких конкретных областях будут выступать в качестве лидеров.

Эта работа обобщила результаты множества отдельных исследований основных областей мирового научно-технического развития, для чего был проведен детальный анализ статей в научной периодике и монографий, опубликованных наиболее авторитетными издательствами. Библиографический перечень содержит около 800 источников, на которые в тексте дается 623 ссылки. Эта работа, как и аналогичное исследование, выполненное корпорацией РЭНД пятью годами ранее, безусловно, является одним из наиболее успешных результатов аналитической деятельности специалистов развитых стран в области долгосрочного стратегического прогнозирования научно-технического и инновационного развития.

Был сделан вывод, что «глобальная технологическая революция» проявит себя наиболее существенным образом в четырех базовых областях научно-технологического прогресса, а именно, в сфере био- и нанотехнологий, в области новых материалов и в процессах информатизации. Также были выявлены 56 технологий, которые уже в ближайшей перспективе окажут глубокое и многостороннее влияние на формирование нового качества жизни – как ее материального уклада, так и социокультурного процесса. Из числа этих технологий было выделено 16 наиболее важных:

- 1) системы использования солнечной энергии;
 - 2) беспроводные средства подключения к телефонным линиям и Интернету;
 - 3) техника доступа к любым видам информации вне зависимости от места и времени;
 - 4) генетически модифицированные сельскохозяйственные культуры;
 - 5) техника биологического экспресс-анализа;
 - 6) фильтры и катализаторы для очистки и обеззараживания воды;
 - 7) адресная доставка лекарств в опухолевые и патогенные зоны;
 - 8) недорогие жилища с автономным жизнеобеспечением;
 - 9) экологически чистые производственные процессы;
 - 10) радиочастотные методы определения местонахождения любых перемещающихся объектов;
 - 11) транспортные средства с гибридными двигателями (т. е. с обычным и электрическим двигателем);
 - 12) сенсорная техника широкомасштабного применения;
 - 13) биоинженерные тканевые технологии;
 - 14) диагностические и хирургические методы нового поколения;
 - 15) сверхпортативные компьютеры;
 - 16) квантовая криптография (реализующая принципиально новые подходы к кодированию передаваемой конфиденциальной информации).
- Следует отметить, что лишь последняя технология этого перечня отвечает одной базовой научно-технологической области – информатике, другие принадлежат двум-трем или даже всем четырем базовым областям.

Остальные 40 технологий – это «продвинутые» схемы компьютерного интерфейса и передачи информации, квантовые компьютеры, смарт-материалы (надлежащим образом изменяющие свою форму и размеры под влиянием внешних полей); новые методы диагностики и лечения: иммунотерапия, ксенотрансплантация, генетические карты, стволовые клетки, трансплантация чипов в мозг; создание генетически модифицированных организмов, искусственных мышц и тканей; нетрадиционные виды транспорта, в том числе, на водородном горючем; роботы для самого широкого применения и др.² К странам, способным

² The Global Technology Revolution 2020. RAND Technical Report. Santa Monica-Arlington-Pittsburgh, 2006, p. 18–19.

использовать и развивать технологии, входящие в число 16 наиболее важных, как считает РЭНД, относятся США, Япония, Республика Корея, Германия и ряд других высокоразвитых стран.

Были выявлены и оценены факторы, обеспечивающие прогресс технологий. Недостаточные масштабы и интенсивность действия этих факторов рассматриваются в качестве причины торможения научно-технологического развития. К указанным факторам отнесены:

- 1) приемлемые стоимостные параметры нововведений;
- 2) рациональные установки в области права и государственной политики;
- 3) благоприятное общественно-политическое отношение к нововведениям;
- 4) развитость инфраструктуры;
- 5) надлежащая охрана интеллектуальной собственности;
- 6) грамотная политика в области экологии и использования ресурсов;
- 7) существенные инвестиции в исследования и разработки;
- 8) высокое качество образования;
- 9) благоприятные демографические параметры;
- 10) общественная стабильность и управляемость.

Было отмечено, что в Японии не реализуется в должной мере лишь один из этих факторов. Это фактор, связанный с охраной интеллектуальной собственности³.

Сделанный авторами работы вывод о том, что в современных условиях для формирования высокого научно-технического потенциала необходимо держать в центре внимания и активно использовать в практической деятельности столь широкий круг факторов, весьма важен. С ним, безусловно, согласны разработчики японской научно-технической политики, что наглядно подтверждается содержанием Базовых планов, а также серьезным усилением внимания к проблемам интеллектуальной собственности.

В условиях формирования мирового рынка интеллектуальной собственности приобретает новый характер взаимодействие между высокотехнологичными секторами экономик разных стран. При этом проявляют свое влияние не только факторы, ускоряющие инновационное развитие, но и тормозящие его. К последним, в частности, можно отнести несовершенство многих мер по охране результатов творческой деятельности: в одних случаях они являются недостаточно эффективными в плане защиты авторских прав, а в других — чрезмерно жесткими, затрудняющими распространение инноваций.

Хотя в Японии и раньше уделялось внимание проблемам, связанным с интеллектуальной собственностью, однако к началу 2000-х годов потребовалось дополнительно его усилить, поскольку начали про-

являться тенденции к снижению конкурентоспособности японской продукции на мировых рынках. С одной стороны, это касалось продукции, относящейся к информатике и биотехнологиям, в разработке и производстве которой на лидирующие позиции выдвинулись американские компании. С другой стороны, произошел энергичный «вброс» на мировые рынки дешевой и в то же время вполне приемлемой по качеству китайской продукции для массового пользователя. В результате по многим товарным позициям (персональные компьютеры, принтеры, копиры и др.) японцы утратили значительную долю рынка. К тому же стали быстро расти объемы продукции, выпускаемой в азиатских странах с нарушением прав интеллектуальной собственности японских разработчиков.

Все это вызвало самую серьезную озабоченность правительства Японии и ее деловых кругов. Выступая в парламенте в январе 2002 г., премьер-министр Дз. Коидзуми призвал рассматривать интеллектуальную собственность как важнейший национальный ресурс и наращивать усилия по его приумножению. Был сформирован Стратегический совет по интеллектуальной собственности, который тщательно проанализировал сложившуюся ситуацию и подготовил развернутые рекомендации.

Японские эксперты обратили внимание на то, что в США количество патентных заявок не служит главным мерилом творческих достижений. Компании, оценивая итоги изобретательской активности своих подразделений, распределяют предлагаемые заявки на несколько групп, например, для использования в текущей производственной деятельности; потенциально важные в перспективе; интересные, но не обещающие сколько-нибудь существенной прибыли. И они смело идут на снижение общей численности своих патентов за счет последней группы, т. е. не оформляют заявки на практически малозначащие решения. В отдельных случаях подобные меры позволяют в течение нескольких лет сократить объем годового патентования на треть. В численном выражении это может означать отсеивание компанией нескольких тысяч заявок, подготовленных ее сотрудниками, что приведет к экономии, исчисляемой десятками миллионов долларов, которые бы потребовались на оформление и поддержание ненужных компании патентов.

В Японии было проведено специальное обследование, показавшее необходимость позаимствовать у американцев подобный подход к оценке заявок. При этом было установлено, что содержание более 70% патентов, получаемых японскими компаниями, относится к усовершенствованию уже известных технических решений⁴. Это в свою очередь говорит о том, что сама стратегия разработок недостаточно сориентирована на получение оригинальных результатов и что в технической политике фирм изначально присутствуют просчеты, препятствующие

³ Ibid., p. 69.

⁴ Task Force on Industrial Competitiveness and Intellectual Property Policy. METI, Tokyo. 2002, p. 7.

повышению конкурентоспособности. Было также установлено, что по сравнению с американскими и европейскими разработчиками японцы намного менее активны в таких областях, как средства связи, биотехнологии, медицинские приборы и препараты.

Предметом особых забот стало оформление прав на интеллектуальную собственность, относящуюся к национальным приоритетам инновационной политики Японии, к которым относятся: а) живые системы; б) информатика и связь; в) нанотехнологии и материалы; г) средства сохранения окружающей среды. Именно в этих областях ожидаются принципиально новые научные и технические решения, своевременная коммерциализация которых обеспечит инноваторам самые серьезные преимущества – однако все эти решения должны быть быстро и грамотно защищены во избежание использования конкурентами. В этих целях было увеличено число специалистов, работающих в патентной сфере.

Большое внимание уделено и «расчистке» путей прохождения результатов исследований и разработок в промышленность. С этой целью были введены в действие Законы о трансфере технологий из университетов в промышленность, о специальных мерах по оживлению промышленности и о совершенствовании промышленных технологий. Одновременно это способствовало активизации исследований и разработок в университетах и НИИ, поскольку широкое практическое использование их результатов являлось весьма весомым стимулом для ученых и инженеров.

Совершенствование мер по охране интеллектуальной собственности призвано максимально противодействовать таким трудно контролируемым действиям, как несанкционированное использование чужих производственных секретов (ноу-хау). Оказывается, оно не так часто является результатом промышленного шпионажа или сознательного, с целью получения личной выгоды, разглашения внутрифирменной информации работниками компании. Японские обследования установили, что довольно серьезная утечка информации имеет место в процессе демонстрации возможностей фирмы на выставках и в рекламных изданиях. Желая привлечь внимание инвесторов, которые требуют предельно конкретных данных о возможностях фирмы, ее специалисты незаметно для себя выходят за пределы «допустимой открытости», в результате чего информация об особенностях новой продукции и технологиях ее производства вскоре оказывается у конкурентов.

Другой путь утраты внутрифирменных секретов связан с естественной текучестью рабочей силы, переходом работников в другие фирмы. Диверсифицируя свою деятельность или открывая новые отделения, компания привлекает в них новых специалистов, т. е. «носителей секретов» других компаний. В то же время она вынуждена сокращать часть своих работников, теряя при этом часть своего интеллектуального

капитала. Эти процессы в последнее время интенсифицируются и в Японии в силу активного глобального развития новых междисциплинарных направлений. Успешно развивать эти направления без перестройки профессиональной структуры и, следовательно, кадрового состава своих работников компании не в состоянии. Лишь привнесение в их деятельность новых знаний и неординарных практически значимых решений способно обеспечить успех. Однако возникает много вопросов по поводу того, как в дальнейшем делить этот успех, если он будет основываться на множестве фрагментов интеллектуальной собственности десятков различных компаний.

Хотя охрана интеллектуальной собственности с помощью патентов является главным методом, обеспечивающим права авторов, а патентное законодательство и соответствующие процедуры будут и далее развиваться, все более широко применяется и такой метод охраны объектов интеллектуальной собственности, как их засекречивание, т. е. недопущение в открытое пользование описаний, раскрывающих сущность нового технического решения. В условиях короткого жизненного цикла современной продукции конкурентам довольно сложно успеть грамотно воспроизвести это решение без знания многих его деталей. К тому времени, когда они, наконец, справятся с этой задачей, рынок и сервисные услуги будут всецело в руках компании-пионера, которая к тому же будет предлагать и существенно улучшенные модели. Поэтому важнейшей проблемой в сфере интеллектуальной собственности, по мнению японских экспертов, является организация условий, обеспечивающих ее динамичное приумножение, «скоростное поточное производство» новых знаний.

В связи с этим, как следует из Базового плана научного и технического развития на 2006–2010 гг., первоочередной задачей становится создание эффективной национальной инновационной системы, ключевым звеном которой являются высококвалифицированные кадры. Таким образом, их подготовка и «взращивание» до высшего мирового уровня приобретают ранг общенационального приоритета.

Одним из важнейших наукоемких направлений, на котором ожидаются особенно крупные прорывы и к которому приковано внимание во всех развитых странах, становятся нанотехнологии, позволяющие использовать особые свойства живой и неживой материи, проявляющиеся в областях с размером менее 0,1 микрона (т. е. менее 100 нанометров).

В настоящее время исследования по нанотехнологиям приобрели ранг национальных приоритетов в США, Японии, странах Евросоюза, Китае, России, а также во многих других странах. Общемировой объем этих работ в 2006 г. составил 12,4 млрд. долл., а продукции, при выпуске которой применялись нанотехнологии, было произведено на сумму около 50 млрд. долл.⁵

⁵ http://www.luxresearchinc.com/press/RELEASE_Nations_Ranking2007.pdf

Лидирующие позиции занимают американские ученые и разработчики, что вполне объяснимо – на США приходится около 1/3 общемировых расходов на исследования и разработки. Дополнительным ускорителем стала объявленная президентом США в 2000 г. программа «Национальная нанотехнологическая инициатива», которая консолидировала все значительные работы по нанотехнологиям, а также гарантировала их весомое государственное финансирование. Так, в 2006 г. эти работы были профинансированы правительством в объеме 1,35 млрд. долл., на 2007 г. выделено 1,4 млрд., а на 2008 г. предполагалось ассигновать 1,45 млрд. долл. Практически такие же суммы на проведение наноразработок затрачивает и частный бизнес⁶.

Японские бюджетные ассигнования на работы по нанотехнологиям в 2006 г. составили 975 млн. долл., а затраты компаний – 1,7 млрд. долл.⁷ Главным получателем бюджетных средств является министерство образования, культуры, науки, технологий и спорта. Оно курирует нанотехнологические исследования по 47 обобщенным тематическим позициям, уделяя особое внимание объединению усилий государственных НИИ, университетов и компаний. Министерство экономики, промышленности и торговли руководит обширной программой нанотехнологического материалообразования, а также созданием стандартов и баз данных, необходимых для промышленного освоения результатов разработок.

Огромное внимание к созданию и широкому применению нанотехнологий проявляет «штаб японского бизнеса» – Кэйданрэн. Как известно, важнейшей задачей этой предпринимательской организации является повышение конкурентоспособности японских фирм на мировых рынках и сохранение их лидерства в ключевых отраслях науки, техники и производства. В начале 2001 г. Кэйданрэн был опубликован специальный доклад, в котором намечались основные цели и направления развития нанотехнологий в Японии. Особо подчеркивалась необходимость отделить работы ближнего плана от поисковых и фундаментальных исследований и оперативно приступить к освоению промышленностью уже имеющихся достижений. Это выступление представляло собой развитие декларации, с которой Кэйданрэн выступила годом ранее в ответ на американскую «Национальную нанотехнологическую инициативу», и подтверждало правильность курса тех компаний, которые уже проявляли интерес к разработке и освоению нанотехнологий⁸.

Характер деловой активности японских фирм в этой области можно проиллюстрировать на примере компании «Мицуи», которая определила нанотехнологии как одну из ключевых областей своей деятельности

наряду с информационными технологиями и биотехнологиями⁹. В ее планы входит создание нескольких НИИ для проведения нанотехнологических исследований и разработок. В компании высоко оценивают возможности коммерциализации результатов этих работ и готовы к осуществлению инвестиций в нанотехнологический бизнес, которые измеряются десятками миллиардов иен.

Успешно работают два ее исследовательских института. Один из них – это НИИ по углеродным нанотехнологиям (Carbon Nanotech Research Institute – CNRI). В его задачи входит проведение исследований для коммерческого производства наноматериалов на основе углерода и поиск новых областей применения этих материалов, а также осуществление научного руководства следующими работами:

- создание опытного завода для производства углеродных нанотрубок диаметром до 10 нанометров с производительностью 1 т/год;
- создание опытного завода для производства углеродных нанотрубок диаметром от 10 до 20 нанометров с производительностью 40 т/год;
- организация опытного производства фуллеренов с производительностью несколько десятков кг/год;
- организация опытного производства металлофуллеренов с аналогичной производительностью.

Второй НИИ, созданный компанией «Мицуи», – это Bio Nanotech Research Institute (BNRI). Он в основном нацелен на решение двух задач: во-первых, активно продвигать в практическую сферу результаты исследований и разработок по нанотехнологиям, уделяя особое внимание их использованию для решения экологических проблем; во-вторых, обеспечивать производство нанопористых мембран, т. е. молекулярных сит для разделения различных жидкостей и газов путем их пропуска через эти сита.

В «Мицуи» считают, что работы по проблематике нанотехнологий должны быть организованы особым образом. В основу этих работ – от исследований до коммерциализации – должна быть положена организационная модель, предусматривающая активное обсуждение ключевых вопросов всей цепочки «наука – техника – производство» с компетентными представителями таких сфер, как правительство Японии, национальные исследовательские институты, университеты, исследовательские лаборатории промышленных компаний. Также должны привлекаться специалисты по планированию из ведущих фирм, руководители ряда малых и средних предприятий, предприниматели из сферы венчурного бизнеса, представители зарубежных научных кругов. Именно такая организационная схема, по мнению руководства «Мицуи», позволит правильно скоординировать весь круг междисциплинарных вопросов.

⁶ National Nanotechnology Initiative. FY 2008 Budget & Highlights. Wash. DC, 2007, p. 3.

⁷ <http://www.researchinc.com/press/RELEASE/NationRenking2007.pdf>

⁸ <http://www.keidanren.or.jp/english/policy/2001/014.pdf>

⁹ Mitsui in Action. 2001, December, p. 2–5.

С конкретным содержанием наиболее актуальных в настоящее время исследований в области нанотехнологий можно ознакомиться, обратившись к результатам последнего японского прогноза мирового инновационного развития. В этом прогнозе, в отличие от всех предыдущих, появился раздел, в котором содержатся результаты экспертного анализа тематики, относящейся к созданию нанотехнологий. Для удобства ознакомления с результатами прогнозирования эта тематика распределялась по подразделам, которым давалась краткая характеристика в плане их научной и экономической значимости. Ниже приведены названия подразделов, их краткие характеристики и в качестве примеров наиболее актуальные, по мнению японских экспертов, темы исследований и разработок в рамках каждого подраздела¹⁰.

Наноизмерения и наноанализ. Активно влияют на развитие научных дисциплин и экономическую деятельность. Лидируют США и Япония.

1. Система постоянного мониторинга и анализа состояния отдельных атомов и молекул.

2. Техника использования сканирующего датчика для анализа состава и количественных измерений в нанометровом масштабе.

3. Методы трехмерной микроскопии для исследования клеток и других мягких объектов.

Нанотехнологии в производственных процессах. Оказывают существенное и непрерывно возрастающее влияние на научную и экономическую сферы. Лидирует Япония.

1. Производственные технологии, обеспечивающие нанометровую точность обработки деталей.

2. Изготовление материалов с заданной на наноуровне структурой и свойствами, достигаемыми через самоорганизацию.

3. Дешевая и удобная технология объемной штамповки с нанометровой точностью.

Нанотехнологии для получения новых материалов и веществ. Научная актуальность и производственные перспективы аналогичны предыдущей позиции. Лидирует Япония.

1. Технологии синтеза макромолекул с использованием возобновляемых ресурсов вместо обычной нефтехимической переработки.

2. Технологии, позволяющие использовать органические, неорганические и металлические материалы на наноуровне.

Управление структурой материалов на наноуровне. По вкладу в науку и производство полная аналогия с двумя предыдущими позициями. Лидирует Япония.

1. Сверхпроводники с точкой перехода на уровне комнатной температуры или выше.

2. Крупноформатные солнечные элементы из аморфного кремния с эффективностью преобразования энергии более 20%.

Наноприборы и сенсорные наноустройства. Работы в данной области оказывают заметное влияние на науку и быстро расширяют перспективы производства. Лидируют США и Япония.

1. Устройства и сенсоры, изготовленные с нанометровой точностью.

Нанозлектронномеханические системы. По сравнению с предыдущими направлениями характеризуются несколько меньшим воздействием на науку и производство, но развиваются практически такими же темпами. Лидируют США и Япония.

1. Нанохирургические манипуляторы для биомолекул, позволяющие манипулировать ими, а также разрезать их, соединять и обрабатывать.

Нанотехнологии для сферы экологии и энергетики. Помимо быстро возрастающего влияния на науку и экономику приобретают большое социальное влияние, в частности, на качество жизни. Лидирует Япония.

1. Технологии получения водорода путем фотокаталитического разложения воды солнечным светом.

Нанобиологические устройства. Оказывают существенное и непрерывно возрастающее влияние на научную и экономическую сферы, еще больше их влияние на социальную сферу. Лидируют США.

1. Управляемые внешними сигналами наноустройства, доставляющие лекарства и гены в указанные клетки организма.

2. Диагностические системы на биочипах, позволяющие точно диагностировать риск возникновения раковых и иных серьезных заболеваний и в течение очень короткого времени получать информацию для назначения лечения.

Нанотехнологии и качество жизни. Пока умеренное, но возрастающее влияние как на науку и экономику, так и на социальную сферу. В обозримой перспективе обеспечат существенный прогресс в улучшении качества жизни и безопасности жизнедеятельности. Лидируют США и европейские страны.

1. Разработка и принятие стандартов безопасности для материалов и содержимого капсул в микросистемах доставки лекарственных веществ в заданные участки организма.

Сроки получения принципиально значимых решений, которые можно было бы положить в основу их последующего практического использования, для всей указанной тематики не очень близки, – по оценкам японских экспертов, около 2015 г. Что же касается их регулярного коммерческого использования, оно станет возможным спустя еще десять лет.

Как в Японии воспринимается «нанотехнологический бум» и какие ожидания он вызывает? На этот вопрос отвечают результаты социологического исследования, выполненного по заданию Института комплексных проблем промышленных наук и технологий¹¹. Причем, респондентам

¹⁰ The 8-th Science and Technology Foresight Survey. Tokyo, 2005, p. 318–341.

¹¹ Asia Pacific Nanotech Weekly. 2006, № 6, p. 2.

предлагалось выразить свое отношение не только к нанотехнологиям, но и к другим направлениям научно-технического развития – использованию солнечной энергии, информационным технологиям, ядерной энергии, освоению космоса, генной инженерии и др. Самые большие надежды на улучшение условий жизни японцы связывают с освоением солнечной энергии (80,4% респондентов). Далее следуют информационные технологии (66,1%), Интернет (56,1%) и биотехнологии, включая генную инженерию (55,1%). Нанотехнологии занимают лишь следующую, пятую позицию (49,2%). Впрочем, космос и ядерная энергия обнаружили еще меньше приверженцев (соответственно, 48,1% и 31%).

Вместе с тем, обращает на себя внимание и то, что возможность отрицательного влияния нанотехнологий признает лишь 2,9% респондентов. У биотехнологий и ядерной энергии их доля намного больше – соответственно 14,9% и 26,9%. Наконец, особо нужно отметить, что именно на нанотехнологии приходится больше всего ответов об отсутствии у респондента надлежащих знаний для вынесения своей оценки (43,3%). Естественно предположить, что со времени проведения этого обследования (декабрь 2004 г.) уровень осведомленности японцев о нанотехнологиях существенно возрос благодаря их активной популяризации в японском обществе.

Возникает вопрос – могут ли нанотехнологии оказаться тем направлением инновационного развития, на котором Япония осуществит особо значимый прорыв и усилит свой имидж мирового научно-технического лидера? Сфера нанотехнологий достаточно широка, в ней формируется множество различных направлений: нанобиология, наноматериалы, нанoeлектроника и др. Обнаруживается и широкий спектр их практических приложений – промышленность, энергетика, экология, медицина, и т. д. Особый интерес вызывают новые материалы, получаемые методами нанотехнологий и обладающие особыми физическими, химическими и биологическими свойствами. Это в свою очередь стимулирует развитие новых направлений в таких областях, как информатика и живые системы, а также открывает путь к созданию возобновляемых источников энергии и эффективных средств охраны окружающей среды. Естественно предположить, что японцы, чрезвычайно быстро ориентирующиеся в современном технологическом пространстве, непременно сформируют здесь свою «нанотехнологическую» нишу.

Из содержания приведенной выше тематики видно, как важно занять лидирующие позиции на нанотехнологическом направлении и овладеть существенной долей рынка нанотехнологической продукции. Чтобы оценить, насколько успешно Япония сможет справиться с этой задачей, американская аналитическая компания РЭНД предложила группе специалистов охарактеризовать наиболее весомые японские результаты в области нанотехнологий за последние 5–10 лет, сравнить их с лучшими зарубежными достижениями, а также оценить тенденции в развитии японских на-

учных центров и отметить их особенно значимые работы¹². По мнению опрошенных специалистов, особенно заметны последние успехи Японии в области создания новых материалов, имеющих широкие перспективы применения в самых разнообразных технических системах. Была отмечена высокая оснащенность японских лабораторий современным оборудованием. Это относится как к университетам, так и к компаниям.

Вместе с тем, при общении с японскими учеными и инженерами обращала на себя внимание их преимущественная ориентация на совершенствование уже достаточно известных процессов, нежели на поиск принципиально новых подходов. Причем, постоянно обнаруживалось стремление японских коллег искать и находить практическое применение каждому новому результату исследований. Большое впечатление производило их внимание к «мелочам», которые в значительной степени оказывались ответственными за конечный результат. Но при этом нередко японские специалисты, отлично зная, каким образом можно получить необходимый результат, не очень ясно представляли себе внутренний механизм процессов, ведущих к этому результату. При объяснении тех или иных явлений они предпочитали прибегать к аналогиям, не затрагивая их сущности.

В плане постановки исследований отмечалось стремление избегать повышенного риска и не браться за работы, которые с большой степенью вероятности могут оказаться нерезультативными. Предпочтением пользуются исследования в рамках уже апробированной тематики, особенно если уже видны пути последующего практического применения результатов. Практической направленности исследований способствует начавшееся в последнее время укрепление связей между лабораториями университетов и промышленностью. Во многих случаях эти связи более тесные, чем в США.

Что касается кадрового обеспечения, то здесь обратила на себя внимание недостаточность вспомогательного персонала – высококвалифицированные специалисты вынуждены выполнять много рутинной работы, в результате чего у них остается меньше времени на творческие процессы. При сравнении уровня ведущих японских и американских ученых нельзя было отдать безусловное предпочтение американцам – и в Японии есть ученые столь же высокого класса. Однако проблема японской науки заключается в том, что их довольно мало, тем более для страны с такой большой численностью населения.

Следует отметить, что нанотехнологическая продукция («в чистом виде», (например, нанотрубки, нанопорошки, нанобиочипы и др.) будет представлена главным образом в виде отдельных компонентов (наноконструкций), предназначенных для последующего использования в

¹² Science and Technology Research and Development Capacity in Japan. RAND Technical Report. Santa Monica-Arlington-Pittsburgh. 2004, p.108–145.

товарах конечного спроса. Собственно нанокomпоненты как в весовом, так и в стоимостном выражении будут характеризоваться достаточно скромными цифрами, однако объемы товаров, использующих нанокomпоненты, окажутся весьма значительными, поскольку благодаря присутствию в них указанных компонентов они будут иметь существенно «продвинутые» технические характеристики и обладать более высокими потребительскими свойствами. Поэтому рынок многих традиционных товаров должен будет подвергнуться серьезной перестройке – их новые поколения будут производиться с использованием нанокomпонентов, причем, в выпуске этих товаров, по-видимому, преуспеют именно японские фирмы, способные быстрее других вносить в выпускаемую продукцию любые разумные усовершенствования.

Итак, представляется вполне правомерным вывод, что существенное расширение мировой научной тематики благодаря появлению и актуализации нанотехнологического направления, хотя и не выделит Японию в качестве автора особо значимых научно-технических «прорывов», тем не менее, приведет к укреплению ее позиций, как производителя многих новых товаров с существенно «продвинутыми» характеристиками. Высокотехнологичный производственный аппарат японской промышленности и доведенная до высшего уровня совершенства техника обеспечения качества являются реальными гарантами будущих успехов в постановке на поток и выпуске нанотехнологической продукции.

Высокая степень автоматизации производственных процессов, обеспечивающая идеальное соблюдение предписанных технологий, в сочетании с профессионализмом и мастерством японских инженеров и рабочих, безусловно, позволят Японии стать лидером в производстве нанотехнологических товаров подобно тому, как в прошлом она стала лидером в производстве практически всех видов электронной техники. Несомненно, японские компании будут стремиться реализовать и успешно освоенные ими схемы выхода на массовое производство этих видов продукции, что обеспечит снижение ее стоимости и тем самым – еще большее повышение конкурентоспособности.

Подход Японии к энергетической безопасности в Восточной Азии

О. А. Добринская

Обеспечение энергетическими ресурсами является одной из наиболее острых проблем, стоящих перед мировым сообществом в настоящее время. Рост экономики как развитых, так и развивающихся стран увеличивает их потребности в энергоносителях, усиливает глобальную конкуренцию в условиях постепенного истощения природных ресурсов. Как отмечается в принятом на саммите «группы восьми» документе «Глобальная энергетическая безопасность», основными проблемами являются высокие и неустойчивые цены на нефть; возрастающий спрос на энергоресурсы (по оценкам экспертов, к 2030 г. он увеличится более чем в полтора раза, причем приблизительно на 80% этот спрос будет удовлетворяться за счет ископаемого топлива, запасы которого ограничены); растущая зависимость многих стран от импорта энергоносителей; потребность в огромных инвестициях во все звенья энергетической цепочки; необходимость защиты окружающей среды и решения проблемы климатических изменений; уязвимость жизненно важной энергетической инфраструктуры; политическая нестабильность, природные катаклизмы и иные угрозы¹.

В подобной ситуации проблема энергетического обеспечения в Японии стоит особенно остро. Страна, как известно, бедна природными ресурсами и почти полностью зависит от импорта энергоносителей, что делает ее крайне уязвимой для различных внешних факторов. Экономика страны пережила «нефтяные шоки» 1973–1974 гг. (когда арабские страны объявили эмбарго на поставки нефти в Японию, поддержавшую США и Израиль в войне на Ближнем Востоке) и 1979 г. (из-за революции в Иране). Последовавшие кризисы заставили правительство полностью пересмотреть подход к проблеме ресурсного обеспечения страны. Тогда впервые в стране всерьез заговорили о таком понятии, как энергетическая безопасность. Она была объявлена одним из магистральных направлений политики обеспечения национальной безопасности, что нашло отражение в Концепции комплексного обеспечения национальной безопасности, опубликованной в 1980 г. Кроме того, Япония с особым вниманием стала относиться к развитию связей со

¹ Саммит «группы восьми» в Санкт-Петербурге. Глобальная энергетическая безопасность. – www.g8.ru/docs/11.html. 30kb.

странами Ближнего Востока – основными поставщиками нефти. В политическом плане Токио воздерживался от критики арабских стран. Им были предприняты значительные усилия по налаживанию отношений с государствами Персидского залива. В тот же период была начата работа по диверсификации поставщиков энергоресурсов, был дан старт международному сотрудничеству в деле поддержания энергетической безопасности, а также началось создание в стране резервных запасов энергоносителей. И, наконец, на вооружение была взята политика внедрения энергосберегающих технологий. Таким образом, был предпринят максимально возможный комплекс мер, призванных уменьшить зависимость экономики страны от воздействия внешних факторов.

В результате предпринятых мер Японии удалось существенно снизить зависимость от нефти и поддерживать ее на низком уровне по настоящий день. Если в 1973 г. она равнялась 77%, то в 2003 г. составила 50%². Эта цель была достигнута, в том числе, за счет увеличения доли атомной энергии (с 1% в 1973 г. до 10% в 2003 г.) и природного газа (с 2% в 1973 г. до 13% в 2003 г.)³ в производстве энергии. Япония предпринимала попытки диверсифицировать источники углеводородного сырья, в частности, за счет поставок из Индонезии, Мексики, Китая. Благодаря этому уровень зависимости от ближневосточной нефти в 1987 г. понизился до 67,9% (в 1972 г. он составлял 80%). Однако в 1990-е годы экспорт из Индонезии, Мексики и Китая упал в связи с повышением внутреннего спроса на нефть в этих странах, и Япония вновь была вынуждена увеличить импорт из стран Ближнего Востока. В настоящее время у Японии по-прежнему низкий уровень самостоятельного обеспечения в энергетической сфере – около 16%. Нефть остается главным источником энергии в стране, при этом основной ее объем по-прежнему поступает из Ближнего Востока (например, в 2005 г. коэффициент зависимости от стран Ближнего Востока превысил 90%). В первую пятерку поставщиков нефти в Японию входят Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран, Катар и Кувейт⁴. С целью снижения цен на энергоносители в 1990–2000-е годы правительство предприняло ряд шагов, направленных на дерегуляцию энергетического рынка. Была проведена существенная либерализация нефтяной и газовой отраслей, а также электроэнергетики.

В последние годы в Японии особое внимание стали уделять вопросу доступа к мировым энергоресурсам. Это связано, во-первых, с тем, что после выхода из рецессии и активизации экономики внутренний спрос на энергоресурсы увеличился. Во-вторых, можно отметить фактор роста

цен на нефть с учетом перспективы повышения спроса на энергоресурсы. С этим же связано усиление конкуренции на мировом энергетическом рынке. Наконец, необходимо решить проблему чрезмерной зависимости от стран нестабильного Ближнего Востока, которая в последние годы особенно остро сказывается на экономической безопасности Японии. Стала очевидной необходимость пересмотра энергетической политики страны. В 2006 г. была принята новая энергетическая стратегия, основными задачами которой были снижение зависимости от нефти с 50% до 40%, в том числе за счет увеличения доли атомной энергетики с 30% до 40%, а также повышение доли нефти, добытой и импортированной японскими корпорациями, с 15% до 40%.

В силу специфики структуры японской экономики важнейшим направлением ее энергетической политики можно считать внешнеполитический аспект. Основные усилия японской энергетической дипломатии направлены на решение следующих задач:

1. Поддержание и развитие мер, направленных на противодействие чрезвычайным ситуациям. Это осуществляется на международном, региональном и национальном уровнях: через Международное энергетическое агентство; посредством взаимодействия со странами АТР, а также с помощью создания внутренних запасов нефти в соответствии с Законом о нефтяных резервах.

2. Поддержание дружеских отношений со странами-производителями нефти, с государствами, расположенными вдоль международных транспортных путей, осуществляется на многостороннем уровне, например, международном энергетическом форуме; со странами ОПЕК; с другими странами путем двустороннего диалога.

3. Диверсификация поставщиков источников энергоресурсов. В качестве примера можно привести сотрудничество с Россией.

4. Диверсификация источников энергии. В частности, речь идет о возрастающем использовании природного газа (Сахалинские проекты), а также альтернативной и новой энергии.

5. Развитие энергосбережения, эффективного использования энергии, развитие и использование альтернативной энергии, решение вопросов охраны окружающей среды.

6. Создание условий для укрепления глобальной энергетической безопасности.

Ситуация в Восточной Азии является важным фактором, влияющим на политику Японии в области энергетики. На страны региона приходится 60% общемирового потребления энергии и 28% – нефти. Основными потребителями энергии являются Китай, Япония, Республика Корея. Спрос на энергоресурсы в Восточной Азии растет более быстрыми темпами, чем в мире в целом. Несмотря на то, что регион обладает значительными самостоятельными резервами энергоресурсов, в нем наблюдается дисбаланс между запасами, производством и потреблением

² Energy in Japan 2006. Status and Policies, Agency for Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade and Industry. Tokyo, p.5.

³ Ibid., p.4.

⁴ Ibid., p.12.

нефти. В структуре энергопотребления Азии 80% занимают нефть и уголь. С 1993 г. Китай начал ввозить всю необходимую нефть из-за рубежа. Ожидается, что в течение десяти лет Малайзия и Индонезия также станут чистыми импортерами нефти. Такая ситуация приведет к ужесточению конкуренции на рынке энергоресурсов в Восточной Азии. Исходя из этого, можно выделить следующие региональные угрозы энергетической безопасности Японии: во-первых, сокращение возможности импорта ресурсов из стран Восточной Азии; во-вторых, усиление конкурентной борьбы между соседними странами за мировые рынки энергоресурсов; в-третьих, с учетом тесной экономической взаимосвязи стран региона обострение проблемы обеспечения их стабильного доступа к энергетическим ресурсам, прежде всего, создания и поддержания нефтяных резервов. Решение этих проблем требует стратегического комплексного подхода, сочетающего такие меры, как усовершенствование собственных энергосберегающих технологий и содействие развитию их в странах региона, переход на альтернативные источники энергии и оказание соответствующей помощи соседним странам, укрепление позиций национальных нефтяных компаний на глобальном рынке энергоресурсов. Энергетическая политика Японии в регионе в настоящее время направлена на достижение следующих целей. Прежде всего, – обеспечение стабильных поставок энергоресурсов по «разумным ценам», а также поддержание стратегических резервов в стране и в регионе с целью предотвращения энергетических кризисов. Токио также стремится остановить растущий спрос на энергоресурсы в регионе, в частности, за счет снижения активности Китая и Индии по поиску энергоресурсов, для чего содействует развитию энергосберегающих технологий и переходу на новые источники энергии в этих государствах. Одновременно ведется работа по поиску новых вариантов поставок нефти и газа в регион, а также по усилению взаимодействия азиатских стран в этой области.

Энергетическую политику Японии в Восточной Азии можно рассматривать как сочетание двух тенденций – соперничества и сотрудничества с основными потребителями энергии в регионе – КНР и Республикой Корея. Эти страны географически близки друг другу и, естественно, их внимание сосредоточено на одних и тех же государствах, богатых энергоресурсами. С одной стороны, между ними имеет место конкуренция за доступ к энергоресурсам, как на глобальном уровне, так и в регионе. С другой стороны, у этих стран существуют общие интересы в области энергетической безопасности, которые заключаются в обеспечении стабильных поставок энергоресурсов, повышении эффективности энергопользования, сокращении зависимости от традиционных источников топлива, в охране окружающей среды.

Наиболее серьезным соперником Японии с точки зрения энергетики является Китай. Стремительное экономическое развитие страны в на-

стоящем и в будущем приведет к значительному росту потребления энергии. Руководством взят курс на индустриализацию и урбанизацию, а к 2020 г. планируется увеличить ВВП в четыре раза по сравнению с 2000 г. Собственных ресурсов становится недостаточно для обеспечения потребностей экономики. Еще с 1993 г. Китай стал чистым импортером нефти, а в настоящее время вышел на второе место после США по размерам потребления нефти. Помимо углеводородов, значительная часть энергии вырабатывается на основе угля, однако его использование имеет существенные недостатки, поскольку наносит ущерб окружающей среде и здоровью населения.

На нынешнем этапе в Китае реализуется государственная стратегия, которая заключается в осуществлении мер по энергосбережению; ускоренном внедрении технологий «чистого угля»; использовании природного газа и атомной энергетики; активной деятельности, направленной на приобретение энергетических источников за границей. Для этого Пекин активно использует дипломатию, направленную на приобретение прав и влияния на нефтяные и газовые месторождения в мире. При этом Китай стремится к максимальной диверсификации источников и маршрутов доставки энергоресурсов. Помимо государств Ближнего Востока, внимание Китая сосредоточено на проектах в Африке, Латинской Америке. Безусловно, особый интерес для Китая представляет нефть из восточных районов России и стран Каспия. Активность Китая по поиску новых источников энергоресурсов напрямую затрагивает интересы Японии. Соперничество двух стран имеет место на глобальном уровне – например, на Ближнем Востоке, в Африке, в Центральной и Средней Азии, на региональном уровне – здесь можно привести в пример Россию, Индонезию. Энергетический вопрос омрачает и двусторонние отношения, что очевидно из трений, возникших в связи с разработкой месторождений в Южно-Китайском море. С точки зрения соперничества-сотрудничества можно рассматривать и отношения Японии с Республикой Корея. Несомненно, существует конкуренция между двумя крупными потребителями энергоресурсов в регионе, хотя она не настолько жесткая вследствие ряда факторов. Несмотря на резко возрастающий внутренний спрос, правительство Южной Кореи смогло обеспечить стабильные поставки энергоресурсов на внутренний рынок с помощью постоянного наращивания инвестиций в инфраструктуру. За счет мер по повышению эффективности энергопользования удалось снизить зависимость экономики Южной Кореи от поставок нефти. В 2005 г. на нефть приходилось 45% выработанной энергии, 23% – на уголь и 13% – на природный газ (для сравнения, в 1990-е годы доля нефти в производстве энергии составляла около 60%)⁵.

Корея весьма бедна энергетическими ресурсами – нефть отсутствует, запасы газа и угля незначительны. По данным на 2005 г., она занимала

⁵ APEC Energy Overview 2007. Tokyo, 2008, p.83.

четвертое место в мире по импорту нефти и второе – по закупкам природного газа и угля. Основной объем нефти (около 80%) поступает с Ближнего Востока. В результате проведения политики диверсификации поставщиков энергоресурсов зависимость от импорта нефти с Ближнего Востока с начала 1980-х годов снизилась за счет увеличения импорта из Индонезии, Эквадора, Малайзии, Брунея. При этом экономика Южной Кореи потребляет на 20–30% больше электроэнергии, чем экономика Японии и других промышленно развитых стран. Продолжается работа, направленная на снижение зависимости от нефти. Южная Корея планирует значительно повысить долю ядерной энергетики. Как и Япония, Корея в настоящее время переходит на усиленное внедрение природного газа, который импортирует из Катар, Индонезии, Малайзии, Омана, а также ведет переговоры по поводу добычи нефти и газа в районе Каспийского моря. Сеул активно преследует цели диверсификации поставщиков энергоресурсов, а также стремится расширить свое участие в разведке и добыче ископаемого топлива за рубежом. По состоянию на конец 2004 г. Корейская национальная нефтяная корпорация имела долю в 56 проектах по разведке и добыче нефти и газа в 24 странах⁶.

Как видно из сказанного выше, Ближний Восток является традиционной сферой интересов потребителей углеводородных ресурсов из стран Восточной Азии. В 2000 г. японская компания «Арабиан ойл ко.» потеряла концессии в «нейтральной зоне» (между Саудовской Аравией и Кувейтом) на участке Саудовской Аравии, а в 2003 г. истекли концессии на Кувейтской части. По этой причине Токио начал переговоры с Ираном по освоению огромного нефтяного месторождения, о чем в 2004 г. и было подписано соответствующее соглашение. Однако по причине расхождений относительно форм финансового участия и т. д., а на самом деле во многом из-за отрицательного отношения правительства США к сотрудничеству с этой страной, японская сторона медлила с реализацией соглашения. В итоге удалось прийти к согласию, однако Токио сократил свое участие до 10%. Несмотря на то, что Япония является крупнейшим импортером газа из Ирана, а иранская нефть составляет 14% всего экспорта нефти, в Токио приняли решение о снижении объемов поставок из региона. В процессе переговоров Иран пригрозил предложить участие в проекте России и Китаю. Можно предположить, что в дальнейшем он будет предметно рассматривать перспективы сотрудничества с этими странами.

В условиях непростых отношений с Ираном, учитывая неясность перспектив с иракской нефтью, Япония активно лоббирует энергетические интересы в других государствах региона. Так, в апреле 2007 г. С. Абэ совершил турне по странам Ближнего Востока. Состоялись визиты в

Саудовскую Аравию и Египет, где последний раз японский лидер Дз. Коидзуми побывал в 2003 г. ОАЭ и Катар премьер-министр Абэ посетил впервые за последние 29 лет, а его визит в Кувейт вообще стал первым в истории японо-кувейтских отношений. С ним приехала большая группа представителей крупного национального бизнеса. По итогам визитов было подтверждено намерение продолжать сотрудничество в энергетической сфере, а также стремиться к созданию зоны свободной торговли. В сентябре 2006 г. Япония заявила о намерении начать переговоры о создании зоны свободной торговли с Советом сотрудничества государств Персидского залива (ССГПЗ). Заключение таких соглашений является удобным вариантом сближения с этими странами, что позволяет надеяться на благоприятные условия при покупке нефти.

Следует заметить, что шаги японского правительства на этом направлении тесно связаны с деятельностью азиатских соседей, также озабоченных завоеванием прочных позиций на энергетическом рынке Ближнего Востока. Так, вопрос о создании зоны свободной торговли между Китаем и ССГПЗ поднимался в ходе визита Саудовскую Аравию Ху Цзиньтао весной того же года. В начале 2006 г. аналогичное предложение выдвинула и индийская сторона. В марте 2007 г. глава Южной Кореи Ро Му Хён побывал в Саудовской Аравии, Кувейте и Катаре, где он заявил о намерении начать переговоры о заключении соглашений по свободной торговле со странами ССГПЗ, первый раунд которых прошел в июле 2008 г. Таким образом, очевидно, что все упомянутые страны используют похожую тактику в отношениях с поставщиками ресурсов с Ближнего Востока. Приходится констатировать, что, несмотря на возрастающую активность, энергетическая дипломатия Японии по-прежнему имеет реактивный, а не инициативный характер.

Следует отметить, что Китай более терпимо подходит к отношениям со странами, богатыми энергоресурсами, и в отличие от Японии не увязывает экономическое сотрудничество с решением политических вопросов. Например, в Иране Китай заключил соглашения на 25 лет по поставкам нефти и СПГ (с месторождения Ядавара). То же можно сказать об отношениях с африканскими странами. В апреле 2006 г. глава КНР посетил Нигерию, где призвал к развитию двустороннего энергетического сотрудничества, в то время как Япония в отношениях со странами Африки принимает во внимание их политику в области соблюдения прав человека и т. п. Таким образом, можно говорить о том, что позиция Китая открывает более широкие перспективы сотрудничества с мировыми поставщиками энергоресурсов. В глобальном плане Япония имеет меньше возможностей для развития таких связей, поскольку во внешней политике она ограничена ориентацией на США.

Относительно новым направлением энергетической дипломатии Японии являются отношения со странами Прикаспийского региона. После распада СССР японское правительство обратило внимание на

⁶ Там же, с.85.

новые образовавшиеся государства, богатые углеводородными ресурсами. Экономическая составляющая лежала в основе «дипломатии Шелкового пути», которую провозгласил Р. Хасимото. Токио активизировал экономическое продвижение в страны региона после того, как США закрепили военное присутствие в Центральной Азии. В июле 2002 г. из Японии отправилась многочисленная «Энергетическая миссия Шелкового пути», состоящая из представителей деловых, академических и правительственных кругов, которая посетила Казахстан, Узбекистан, Азербайджан и Туркменистан. Япония оказывает экономическое содействие странам региона, а также стремится увеличить политическое присутствие. С августа 2004 г. Токио инициировал диалог «Япония плюс Центральная Азия» (включая Туркменистан), в формате которого обсуждаются, в том числе, и энергетические проблемы. Кроме того, японские компании участвуют в разработке нефтяных месторождений в Казахстане, имеют долю в месторождениях нефти в Азербайджане, а также в нефтепроводе Баку–Тбилиси–Джейхан. Новым направлением сотрудничества стала разработка урановых ресурсов, что особенно важно с учетом планов усиленного развития атомной энергетики в Японии.

Варианты трубопроводов для транспортировки ресурсов Прикаспия из Центральной Азии с выходом к Индийскому океану были бы удобны для Японии. Поэтому Токио проявляет интерес к проекту Центрально-азиатского трубопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан. Соглашение о строительстве такого газопровода было подписано участниками в 2002 г. Помимо прокладки газопровода, инвесторы из Японии, США и Китая заинтересовались строительством нефтепровода по этому маршруту. В то же время его прокладка – проект дорогостоящий и требующий гарантий безопасности территорий, по которым он будет проходить, что на данном этапе весьма проблематично.

Интересам Японии отвечало бы и строительство нефтепровода, соединяющего Казахстан, Туркменистан и Иран. В мае 2001 г. в Казахстане была образована рабочая группа для подготовки рамочного соглашения по проекту строительства нефтепровода, однако пока его реализация не началась. Таким образом, с точки зрения японских интересов в регионе существует несколько перспективных проектов, однако сроки их реализации остаются неясными, поэтому предметно говорить о них преждевременно.

Безусловно, регион Центральной Азии также важен и для Китая. Нефтегазовые ресурсы Казахстана и Туркменистана делают их перспективными партнерами для КНР. Китайская национальная нефтяная компания ведет добычу нефти в Актюбинском районе Казахстана. В ноябре 2005 г. стороны завершили строительство нефтепровода Атасу–Алашанькоу. В ноябре 2007 г. крупнейшие энергетические компании двух стран заключили соглашение, касающееся строительства газопровода Казахстан–Китай. В середине 2007 г. был дан старт практической

реализации проекта строительства газопровода Туркменистан–Китай, проходящего по территории Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и Китая. Таким образом, Китай успешно развивает сотрудничество с соседними странами – поставщиками энергоресурсов.

Поскольку на данном этапе нет ни одного трубопровода, соединяющего Японию со странами Центральной и Средней Азии, приходится констатировать, что в этом регионе экономические позиции Китая сильнее японских. Следует принимать во внимание и политический фактор. Благоприятным для Китая является тот факт, что Казахстан и Узбекистан являются членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), стремительно превращающейся в полноценный военно-политический блок. В то же время страны региона заинтересованы в сотрудничестве с Японией, поскольку она может предоставить финансовое содействие и инвестиции для развития их экономик.

Энергетические интересы Японии распространяются на углеводородные запасы России – ближайшего соседа и крупного глобального поставщика энергоресурсов, в последние годы сделавшего акцент на развитие ресурсов Сибири и Дальнего Востока. С учетом постепенного увеличения доли природного газа в производстве энергии внимание к России возрастает.

Япония давно проявила интерес к разработке ресурсов на шельфе Сахалина. Еще в 1975 г. СССР и Япония подписали соглашение о сотрудничестве в области разведки, обустройства месторождений, добычи нефти и газа на шельфе о-ва Сахалин. Эти работы продолжались с 1975 по 1983 гг. В 1996 г. было заключено Соглашение о разделе продукции между Россией и иностранными компаниями, в числе которых японский консорциум «Содеко» (30% участия), на основании чего был запущен проект «Сахалин-1», с 1999 г. начавший производство нефти. Осенью 2006 г. японская сторона произвела пробные закупки сырой нефти, добываемой в рамках проекта «Сахалин-1», а в начале 2007 г. шесть японских компаний заключили соглашения о поставках российской нефти. Однако Токио не спешит связывать себя с российской стороной долгосрочными обязательствами, мотивируя это отсутствием стабильности на российском рынке.

Примером этому может служить ситуация с проектом «Сахалин-2», в котором в качестве соинвесторов участвуют японские корпорации «Мицубиси» и «Мицуи». Строительство завода по производству СПГ планировалось завершить в 2008 г., и с 2009 г. осуществлять поставки газа в Японию, Корею и на западное побережье Северной Америки. Как известно, после решения об отзыве лицензии у операторов проекта по причинам экологических нарушений в декабре 2006 г. контрольный пакет акций приобрел «Газпром» за счет сокращения доли остальных акционеров (участие японской стороны сократилось с 45% до 22,5%). Хотя российская сторона подтвердила обязательства по поставкам

СПГ в Японию (около 60% всего добываемого газа в рамках проекта «Сахалин-2»), японские компании понесли убытки, что негативно сказалось на отношении к ведению бизнеса с Россией.

Осторожность японской стороны в свою очередь побуждает Китай проявлять активность. Так, например, осенью 2006 г. появилась информация о том, что оператор «Сахалин-1» «Экссон-мобил» ведет переговоры о поставках всего газа в Китай по трубопроводу. Одной из причин таких переговоров называлось отсутствие интереса к поставкам японской компании «Токио дэнрёку». Эта информация вызвала озабоченность в Токио, и вскоре вопрос был вынесен на министерский уровень. В свою очередь российская сторона предложила производить основные поставки газа внутренним потребителям.

Пекин и Сеул также весьма заинтересованы в приобретении российских энергоресурсов. В частности, на настоящем этапе ведутся переговоры об осуществлении транспортировки природного газа с Ковыктинского месторождения в Иркутской области в Китай и Корею. Последние получили бы большую выгоду в случае прокладки трубопровода, позволяющего организовать поставки российских энергоресурсов. Для России прокладка такого трубопровода означает интенсивное освоение восточносибирских месторождений, развитие инфраструктуры Дальнего Востока и укрепление экономического сотрудничества со странами АТР.

Проект строительства трубопровода Ангарск–Дацин был разработан еще в 1999 г. компанией «Юкос» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией. Зимой 2002 г. компания «Транснефть» выдвинула альтернативный маршрут – Ангарск–Находка, предусматривающий транспортировку восточносибирской нефти к российскому порту, а отсюда на танкерах поставки потребителям в Японии и Южной Корее или в других странах АТР. Обсуждение обоих проектов было вынесено на высший двусторонний уровень и приобрело политическую окраску. Японская сторона предлагала внести значительную долю в финансирование проекта в случае выбора маршрута Ангарск–Находка. В КНР заговорили о подрыве доверия в двусторонних отношениях, зазвучали голоса, ставящие под вопрос перспективы сотрудничества в рамках ШОС, а также требовавшие не поддерживать кандидатуру России в ВТО.

С точки зрения российских экономических интересов более выгоден маршрут на Находку. Нефть будет поступать к глубоководному порту, откуда возможен ее экспорт в страны АТР и в США. Реализация проекта оживит инфраструктуру Дальнего Востока и Приморья, будет способствовать развитию восточносибирской части России.

Для Японии импорт нефти и газа с сибирских месторождений был бы весьма удобным вариантом, позволяющим диверсифицировать поставки энергоресурсов. Восточносибирская нефть достаточно высокого качества. Кроме того, в случае строительства нефтепровода Япония получает близкий и дешевый вариант импорта энергоресурсов. Для

сравнения, нефть из Африки, Венесуэлы перевозится на танкерах через несколько океанов. Пробная транспортировка нефти из порта Новороссийск оказалась неудобна из-за чрезмерного времени доставки.

Проект Ангарск–Дацин чрезвычайно выгоден Китаю. Во-первых, он способствует поддержанию и развитию экономических мощностей северо-восточных районов Китая, что особенно важно в связи с тем, что расположенное в районе Дацина нефтяное месторождение, на котором завязана экономика близлежащих районов, постепенно истощается. Во-вторых, проект предусматривает поступление всего объема нефти в Китай, который может полностью распоряжаться ею, включая возможность реэкспорта. В-третьих, проект позволяет миновать территорию Монголии, которую Китай подозревает в поддержке сепаратистов Внутренней Монголии⁷.

В результате длительного рассмотрения вопроса было решено прокладывать трубопровод не от Ангарска, а от Тайшета, с выходом на тихоокеанский порт и с ответвлением на Китай. В ноябре 2005 г. было заключено соглашение о поставках нефти в Японию после строительства нефтепровода Тайшет–Сковородино–бухта Перевозная, а в марте 2006 г. – соглашение о строительстве ответвления нефтепровода ВСТО на Дацин. Начало транспортировки нефти ожидалось в 2009 г. Таким образом, японской стороне удалось пролоббировать выгодный энергетический проект.

Энергетические интересы Японии и Китая сталкиваются и в странах Восточной Азии. В Индонезии компании обеих стран борются за доступ к месторождениям природного газа. Обеспечение стабильности поставок из Индонезии является важной задачей японской энергетической дипломатии в регионе. Индонезия является крупнейшим поставщиком природного газа для Японии. Несмотря на то, что поставки газа из Индонезии сокращаются и в будущем будут снижены, это ближайшее государство, с которым у Японии есть договоренность о поставках газа, что делает Джакарту крайне выгодным энергетическим партнером Токио. Об этом свидетельствует совместное заявление министерства экономики, торговли и промышленности Японии и министерства энергетики и минеральных ресурсов Индонезии о сотрудничестве в сфере энергетики и минеральных ресурсов, принятое в апреле 2007 г. Следующим шагом стало заключение в августе того же года Соглашения об экономическом партнерстве, подразумевающим создание зоны свободной торговли, которое, в том числе, предполагает тесное сотрудничество в энергетической сфере.

Соперничество Японии и Китая в области доступа к энергоресурсам ведет к обострению территориальных противоречий между двумя странами.

⁷ Подробно см.: Маргелов М. В. Россия на глобальном рынке углеводородов. Основные тенденции, противоречия и перспективы, СПб, 2005, с.132–134.

Во-первых, между Японией и КНР отсутствует консенсус относительно определения морских границ в Южно-Китайском море. Решение Китая о проведении разработок месторождений природного газа в спорных водах вызвало протест японской стороны. Кроме того, Китай пытается склонить и Филиппины к совместной разработке месторождений нефти и газа около атоллов в Южно-Китайском море. Во-вторых, существуют разногласия по поводу принадлежности о-вов Сэнкаку, на шельфе которых также возможны месторождения полезных ископаемых.

Несмотря на ряд спорных вопросов в энергетической области, интересы Японии и Китая во многом совпадают, что создает почву для взаимовыгодного сотрудничества. Можно выделить несколько точек соприкосновения. Во-первых, – это усилия по энергосбережению, являющиеся важной задачей экономического развития Китая. Пекин планирует улучшить энергосбережение на 20% к 2010 г. в соответствии с пятилетним планом экономического развития. Япония обладает необходимым опытом, технологиями и специалистами, что может быть полезно Китаю. Во-вторых, КНР планирует повысить долю атомной энергетики в производстве электроэнергии. В Японии эта отрасль интенсивно развивается, и Токио готов сотрудничать с Пекином на данном направлении. Подобное сотрудничество снизит потребности Китая в энергоресурсах и активность в поиске доступа к ним, что выгодно Японии. В-третьих, общей задачей является охрана окружающей среды. Кроме того, многие вопросы энергетики обсуждаются на уровне региональных организаций, таких как Форум азиатско-тихоокеанского сотрудничества (АТЭС), Восточно-Азиатский саммит (ВАС) и другие. Вовлечение Китая в многосторонние структуры позволит повысить прозрачность его энергетической политики, а также создаст благоприятную атмосферу для решения спорных вопросов.

В апреле 2007 г. Япония и Китай подписали Совместное заявление по энергетике. В нем говорится, что стороны намерены содействовать развитию энергосберегающей политики Китая с использованием японских технологий, а также сотрудничать в сооружении атомных электростанций и вести совместную работу, направленную на борьбу с глобальным потеплением. Предполагается, что японские компании будут участвовать в совместных проектах в КНР, а также заниматься строительством реакторов для удовлетворения потребностей Китая в энергетике. Это заявление является примером рационального подхода, делающего акцент на возможностях взаимовыгодного сотрудничества. Представляется, что подписание конкретных соглашений подведет более прочную основу под взаимодействие в этой области.

В целом японо-китайское энергетическое сотрудничество на настоящем этапе заключается в том, что Токио оказывает финансовое и техническое содействие Пекину. Конструктивное взаимодействие Японии и Китая в области энергетики является объективной необходимостью.

Его дальнейшее укрепление будет способствовать разрядке напряженности в спорных вопросах, касающихся доступа к энергоресурсам.

Сотрудничество Японии и Южной Кореи в области энергетики обусловлено следующими факторами. Во-первых, страны относительно близки по уровню развития энергетической отрасли, структуре производства и потребления энергии. Это позволяет взаимодействовать с целью укрепления позиций нефтяных компании на международном энергетическом рынке. Во-вторых, стремительно растущий спрос на энергоресурсы со стороны Китая и Индии является объединяющим фактором, диктующим необходимость сотрудничества Японии и Кореи. В январе 2007 г. крупнейшие корпорации по очистке нефти «Ниппон ойл» в Японии и «СК корпорейшн» в Корее договорились о формировании делового альянса. Стороны приобретают друг у друга по одному проценту акций и сотрудничают в сфере разработки природных ресурсов, взаимных поставок продукции нефтехимической промышленности и т. д.⁸

Еще одним направлением сотрудничества является создание нефтяных резервов. Япония обладает значительными стратегическими запасами нефти. Она неоднократно пыталась на многостороннем уровне инициировать сотрудничество в области создания нефтяных резервов в регионе. В июне 2007 г. государственные нефтедобывающие компании Японии и Южной Кореи подписали соглашение о сотрудничестве в обеспечении стабильных поставок нефти. Документ предусматривает, что Корейская национальная нефтяная корпорация и Японская национальная корпорация по нефти, газу и металлам получают право доступа к нефтяным запасам друг друга на случай кризисной ситуации с поставками энергоносителей. Корея обладает запасами 76 млн. баррелей нефти, а Япония – 320 млн. баррелей⁹. Таким образом, сотрудничество Японии и Южной Кореи в энергетической области приобретает конкретные формы.

Энергетическую политику Японии в Восточной Азии необходимо рассматривать с учетом индийского фактора. Ожидается, что в будущем энергетические потребности Индии значительно возрастут и достигнут уровня китайских запросов. Дели уже активно проявляет интерес к каспийской нефти, к участию в проекте «Сахалин–3», к ближневосточным ресурсам, т. е. становится вполне серьезным соперником глобального и регионального характера для Японии. В этой связи Токио заинтересован в том, чтобы Индия развивала энергосберегающие технологии, а также широко использовала альтернативные источники энергии. В сентябре 2007 г. заключено соглашение о всестороннем сотрудничестве Японии и Индии в энергетическом секторе. Япония

⁸ The Japan Times. 24.01.2007.

⁹ The Japan Times. 19.06.2007.

впервые подписала подобный масштабный двусторонний документ в сфере энергетики. В договоре обе страны предполагают сотрудничество не только в нефтяной и газовой областях, но и в новой термоядерной энергетической отрасли. Япония обеспечит Индию энергосберегающими технологиями.

Взаимодействие Японии с основными потребителями нефти в регионе осуществляется не только в двустороннем формате. Япония, Китай и Южная Корея регулярно обсуждают вопросы сотрудничества на трехсторонних встречах, как в рамках АСЕАН+3, так и вне этой структуры. Энергетическая проблематика постоянно присутствует на многосторонних форумах (например, АТЭС, ВАС).

Взаимодействие между основными азиатскими потребителями энергии представляется перспективным направлением, в частности, в случае подключения к нему Вашингтона. 16 декабря 2006 г. министры энергетики Китая, Индии, Республики Корея, Японии и США выступили с совместным заявлением в области энергетики. Они выразили намерение сотрудничать в области использования чистых и альтернативных источников энергии, сохранения и эффективного использования энергии, при создании стратегических нефтяных запасов, способствовать повышению транспарентности информации на рынке нефти, а также охране окружающей среды. Любопытно, что перед их встречей в прессе появились комментарии о возможном союзе пяти стран – потребителей нефти, который стал бы сдерживающим фактором при формировании ценовой политики странами ОПЕК. Сотрудничество в энергетической области со странами Восточной Азии, как видно из сказанного выше, является важным направлением внешней политики Японии. Безусловно, параметры этого сотрудничества довольно сложно установить, поскольку в регионе представлены страны с разными энергетическими интересами, с неравными уровнями экономического и политического развития. В то же время существует ряд областей, где их интересы совпадают. Кроме того, удалось выработать подход, позволяющий действовать сообща, исходя из возможностей каждой отдельной страны. В числе основных вопросов, касающихся поддержания энергетической безопасности в Азии, присутствуют обеспечение стабильных поставок нефти в регион; разные аспекты глобализации энергетического сектора, в частности, дерегуляция и либерализация рынка энергоресурсов; охрана окружающей среды.

Япония принимает активное участие в определении направлений совместной деятельности азиатских стран в энергетической сфере. Можно выделить несколько важных многосторонних инициатив, направленных на решение энергетических проблем региона. К ним относятся «Инициатива АТЭС в области энергетической безопасности», принятая в 2001 г. Она включает в себя комплекс краткосрочных мер и стратегических шагов, направленных на обеспечение энергетической

безопасности в регионе. В частности, были приняты решения по составлению ежемесячной нефтяной статистики, по обеспечению морских транспортных путей, по обмену информацией о чрезвычайных ситуациях в режиме реального времени, по принятию ответных мер в случае нарушения поставок нефти. В долгосрочном плане идет работа над привлечением инвестиций в энергетику, увеличением объемов торговли природным газом, принятием мер по регулированию атомной энергетики, развитием эффективного энергопользования, внедрением возобновляемых источников энергии и т. д. В дальнейшем «Инициатива АТЭС» была дополнена во время саммитов АТЭС в Маниле и в Сантьяго в 2004 г.

Энергетические проблемы занимают центральное место и в работе Восточноазиатского саммита. На втором заседании этой организации в Себу в январе 2007 г. была принята Совместная декларация по энергетической безопасности. Основными целями названы: повышение использования ископаемого топлива; уменьшение зависимости от традиционных источников энергии; развитие открытых рынков энергоресурсов; снижение выброса парниковых газов; поддержание инвестиций в разработку энергоресурсов и инфраструктуры с помощью вовлечения частного сектора.

Япония также выдвинула инициативу по сотрудничеству в области чистой энергии и устойчивого развития и пакет мер по сотрудничеству в энергетической сфере, включающий развитие энергосберегающих технологий, использование биомассы и утилизацию чистого угля.

Помимо разработки предложений на внешнеполитической арене, японская сторона использует свое традиционное орудие – финансовое содействие. В связи с растущей нестабильностью поставок на рынке сырой нефти Япония намерена помогать азиатским странам в строительстве атомных электростанций и развитии атомной энергетики. Планируется содействие строительству АЭС в Китае, а также реализация совместных проектов во Вьетнаме, Индонезии, Таиланде. Кроме того, выделяются средства по линии финансовой помощи развитию (ОПР) на энергетические нужды стран региона, в том числе с целью обеспечения охраны окружающей среды. Важной задачей является поддержание системы создания нефтяных резервов. Япония как член Международного энергетического агентства участвует в Соглашении по международной энергетической программе, в соответствии с которым несет обязательство поддерживать резервы нефти, которых хватило бы как минимум на 90 дней. Помимо этого, в Японии с 1975 г. действует Закон о создании запасов нефти. Он предусматривает, что правительство и частные компании несут ответственность за формирование и поддержание нефтяных резервов на случай возникновения чрезвычайных ситуаций. Так, по состоянию на май 2004 г. в стране имелись запасы нефти, которых хватило бы на 166 дней. Япония неоднократно выступала с

предложениями о создании единой региональной системы стратегических запасов нефти. Однако ряд факторов, среди которых разница в уровнях экономического развития, различные системы ценообразования, затрудняют реализацию этих предложений. На настоящем этапе все, что может предпринять Токио, – это обмен опытом по созданию стратегических запасов нефти с соседями по региону.

Помимо этого, Япония участвует в расширении и использовании альтернативных источников энергии в регионе, а также пропагандирует меры по эффективному энергопользованию в азиатских странах. Деятельность на этом направлении заключается в передаче технологий энергосбережения и другой необходимой информации, направлении специалистов в заинтересованные страны.

Обеспечение энергетической безопасности неразрывно связано с проблематикой защиты окружающей среды. С 1980-х годов Япония является лидером в области разработки и внедрения технологий, предотвращающих загрязнение окружающей среды и способствующих эффективному энергопользованию. С ноября 1993 г. в стране действует Основной закон по окружающей среде. В 2002 г Япония ратифицировала Киотский протокол и взяла обязательство с 2008 по 2012 гг. уменьшить объем выбросов парниковых газов на 6% по сравнению с уровнем 1990 г.¹⁰ Вопросы защиты окружающей среды присутствуют во всех японских внешнеполитических инициативах в области энергетики.

Например, в рамках ВАС Япония выдвинула следующие инициативы: сотрудничество в области «чистой» энергетики и устойчивого развития, пакет мер, направленных на развитие эффективности энергопользования биомассы и использования «чистого» угля. С этой целью в рамках деятельности ВАС в Японии основаны Азиатский центр по сотрудничеству в области сохранения энергии, Азиатский центр исследования энергии биомассы, офис по содействию сотрудничеству в области энергетики биомассы в Азии. Страны региона имеют большой потенциал для плодотворного взаимодействия, что обусловлено наличием значительных запасов энергоресурсов, рабочей силы, растущим спросом на энергоресурсы. Это порождает почву для возникновения различных проектов энергетического взаимодействия в Азии. Так, например, немало вариантов энергетического сотрудничества в Восточной Азии было разработано в 90-е годы прошлого века. Не вдаваясь в подробности, среди них можно отметить План Азиатско-тихоокеанского энергетического сообщества, продвигаемый японской стороной и предполагавший строительство трубопровода, соединяющего Китай, Корею, Японию, Тайвань и шесть стран АСЕАН. Китай выдвигал Энергетический проект Шелкового пути, соединяющий Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Китай и Японию. Предлагался и проект маршрута Трансазиатской сети газопро-

водов, доставляющей ресурсы с месторождений Западного Байкала в Китай и Японию¹¹. В настоящее время также разрабатываются проекты энергетической интеграции Северо-Восточной Азии, например, строительство сети трубопроводов между Россией, Китаем, Японией и Южной Кореей, которое предлагает японский форум «Газ и газопроводы в Северо-Восточной Азии»¹².

В то же время осуществлению масштабных энергетических проектов мешает ряд факторов. Среди них можно выделить дисбаланс экономической мощи, политические разногласия, разные системы ценообразования, недостаточно развитую инфраструктуру, несовершенные правовые режимы, вопросы обеспечения охраны окружающей среды. Этим можно объяснить тот факт, что, несмотря на большое количество разнообразных проектов, ни один из них не был реализован.

В условиях ужесточения борьбы за энергетические ресурсы актуальной задачей является усиление конкурентоспособности японских компаний на мировом рынке. Существует мнение, что отсутствие лидера в нефтяной промышленности мешает различным компаниям-импортерам занять жесткую скоординированную позицию по защите своих интересов, а также не позволяет эффективно решать еще одну задачу – независимое освоение нефтяных месторождений за рубежом. Отсутствие у национальных нефтяных компаний крупных зарубежных месторождений, которые можно было бы длительное время беспрепятственно контролировать и эксплуатировать, делает нефтяную промышленность Японии более зависимой от цен на углеводороды и приносит убыток в связи с их повышением. Эта проблема была обозначена в Энергетической стратегии, принятой в 2006 г. В соответствии с ней планируется значительно увеличить долю нефти, добываемой японскими компаниями за рубежом.

С 1967 г. основной компанией, занимающейся разработкой месторождений и производством нефти, стала созданная японским правительством Национальная нефтяная корпорация. Однако она была расформирована в ходе реформ Дз.Коидзуми, направленных на создание эффективного и конкурентоспособного энергетического рынка Японии. Сегодня крупнейшей корпорацией в области разработки месторождений за рубежом и производства нефти является «Импекс». В апреле 2006 г. основан «Импекс холдинг», объединивший две крупнейшие нефтяные корпорации – «Импекс корпорейшн» и «Тэйкоку ойл ко.» Такие шаги призваны повысить конкурентоспособность японских нефтедобывающих компаний, способствовать расширению участия Японии в разработке

¹¹ Energy and Security in Northeast Asia: Supply and Demand, Conflict and Cooperation. Institute on Global Conflict and Cooperation. 1998, p.36–47.

¹² Подробнее см.: Kanekiyo K. The Northeast Asia Natural gas Pipeline Network–IEEJ. 2004, March. – www.ieej.org

¹⁰ Energy Policies of IEA Countries. Japan 2003 Review, IEA, Paris, 2004, p.7.

месторождений в разных точках мира. Сейчас одной из важнейших задач является финансирование расширения этой структуры. В то же время стоит заметить, что политику Токио по инвестированию в разработку месторождений и добычу нефти за рубежом зачастую сравнивают с политикой Пекина, которую считают наиболее эффективной. В то время как Япония стремится к разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений за рубежом,¹³ Китай предпочитает приобретать уже разработанные месторождения.

В современном мире доступ к энергетическим ресурсам является не только экономическим вопросом, но и приобретает политический характер, поскольку затрагивает сферу национальной безопасности. В этих условиях можно говорить о существовании «энергетического национализма», росте конкуренции на энергетическом рынке. В частности, это относится к Восточной Азии. В то же время очевидно, что у потребителей энергоресурсов в регионе существует немало общих задач, которые можно решать совместно. Для этого им необходимо преодолеть взаимное недоверие и перейти от соперничества к сотрудничеству.

Энергетическая политика Японии в последние годы формируется во многом под влиянием Китая и Индии – наиболее стремительно развивающихся крупных потребителей энергоресурсов в Азии, а также соседствующего с Японией крупного потребителя энергии – Южной Кореи. В частности, внешнеполитическая активность этих стран побуждает Японию к наращиванию дипломатических усилий в разных регионах мира. Зачастую шаги, предпринимаемые японским правительством, повторяют действия конкурентов. Таким образом, подход Токио можно считать скорее реактивным, чем инициативным. Токио демонстрирует готовность добиваться поставленных целей, прежде всего, экономическими средствами (помощь в финансировании проектов, кредиты, как в случае с Россией, заключение соглашений о свободной торговле, например, на Ближнем Востоке). Япония пытается закрепить экономические позиции в Центральной и Средней Азии, однако в этом она значительно уступает Китаю, что связано как с военно-политическими, так и с культурно-социальными факторами.

Следует также принимать во внимание то, что экономическая дипломатия Японии во многом ограничена соображениями политического характера, что можно проследить на примере отношений с Ираном или некоторыми странами Африки. В этом плане Китай, не придающий столь большого значения таким вопросам, как соблюдение прав человека, отношение к ядерной проблеме, не связанный внешнеполитической ориентацией на США, имеет больше возможностей для развития экономических связей с этими поставщиками энергоресурсов. Кроме того,

следует отметить, что энергетические споры негативно сказываются и в целом на японо-китайских отношениях, в частности, в связи с тем, что затрагивают нерешенный территориальный вопрос между этими странами.

Япония пытается справиться с новым вызовом влияния на спрос на энергоресурсы в странах-потребителях энергии. Представляется, что развитие этого направления принесет значительную выгоду как Японии, так и ее партнерам. В отношениях с потребителями энергоресурсов в Азии Токио делает акцент на содействии мерам по эффективному использованию энергии, распространению энергосберегающих технологий, развитию атомной энергетики. Японские компании участвуют в строительстве атомных электростанций в странах региона. По линии официальной помощи развитию (ОПР) выделяются средства на развитие энергетики в азиатских государствах, осуществляется передача технологий и командирование соответствующих специалистов. Ведется работа по созданию резервов нефти в Азии. Япония и Корея уже приступили к реализации первых шагов по созданию взаимодополняемой системы нефтяных резервов. Поскольку уровень нефтяных запасов других стран в регионе значительно отличается, формирование объединенных стратегических резервов в ближайшее время представляется маловероятным. Основная работа Японии в этой области заключается в обмене опытом и технологиями по формированию запасов нефти.

Политика Токио в энергетической области в настоящее время преследует цели укрепления позиций национальных нефтяных компаний на глобальном рынке энергоресурсов, снижения зависимости от поставок нефти. Значительные усилия направлены на увеличение мощностей в сфере разведки и добычи нефти за рубежом. Идет интенсивное освоение рынка природного газа, урана и плутония. При этом важную роль играет дипломатия, в том числе на высшем уровне, которая нацелена на содействие крупному бизнесу. Об этом свидетельствуют многочисленные деловые делегации, сопровождающие премьер-министра в страны-поставщики энергоносителей. Очевидно, что энергетическая проблематика играет и продолжит играть важную роль в повестке дня японских лидеров в обозримом будущем.

¹³ Tomoko Hosoe. Japan's Energy Policy and Energy Security. – Middle East Economic Survey. 17.01.2005, №3. – www.mees.com

Д. Н. Сухорукова

В 2008 г. мировая экономика вступила в начальную фазу экономического кризиса, который сейчас по силе воздействия на экономики всех стран мира уже приравнивается к Великой депрессии 1929 г. Прежде всего, под ударом оказались мировые финансовые рынки. Это проявилось в дефиците ликвидных средств, обесценении ценных бумаг и резких колебаниях курсов валют. Массовые увольнения, сокращения заработных плат и негативные ожидания потребителей привели к падению платежеспособного спроса практически во всех странах мира. Это стало причиной снижения продаж большой группы промышленных товаров. Покупатели стали воздерживаться от покупки того, что может подождать. Автомобиль для бытового сектора не является предметом первой необходимости. Старая модель в хорошем техническом состоянии не меняется на новую в условиях кризиса. Автомобильные концерны несут огромные убытки.

В данной ситуации интересно проанализировать стратегию одного из лидеров мировой автомобильной индустрии – корпорации «Тоёта». Ее официальное название – «Тоёта Мотор Корпорейшн». Она была основана 28 августа 1937 г.

Согласно результатам деятельности за 2008/09 фин. г. число предприятий, включая дочерние, составило 522; численность персонала – 316 121 человек; чистая выручка – 26 289,2 млрд. иен; прибыль до налогообложения – 2 437,2 млрд. иен; чистый доход – 1 717,8 млрд. иен¹.

«Тоёта» владеет 12 заводами на территории Японии и 53 производственными предприятиями за пределами страны. Основные производственные площадки за рубежом базируются в странах Юго-Восточной Азии, Северной Америки и Европы. Главные направления внешнего развития – Бразилия, Россия, Индия и Китай. «Тоёта групп» насчитывает в своем составе 19 предприятий, образующих законченную и последовательную цепочку (от дизайна и планирования до поставки произведенной продукции конечному потребителю и сервисного обслуживания), в том числе «Айти Стил Корпорейшн», производящую специальные стали, кованую сталь и электромагнитные детали.

¹ www.toyota.co.jp, http://www.toyota.co.jp/en/about_toyota/overview/index.html

Автомобили компании продаются в 170 странах мира. Главная стратегия производственного развития – создание предприятий ближе к рынкам сбыта, постоянно углубляющаяся локализация производства (переход на максимальное использование местных комплектующих в производственном процессе). Углубления локализации требует законодательство стран, где базируется производство «Тоёта». При этом преследуются цели получения новых технологий и вовлечения местных производителей в поставки автомобильных компонентов.

Ключевыми технологиями для «Тоёта» являются разработки гибридных двигателей, обеспечивающих максимальную защиту окружающей среды. Примером этого являются новые модели автомобилей, которые работают на принципиально новом виде топлива – этаноле, а также на его смеси с бензином в любом процентном соотношении. «Тоёта» стремится осуществлять свою производственную деятельность не только в соответствии с законодательством в области экологии тех стран, где расположены предприятия корпорации, но и с учетом собственной экологической политики, которая декларируется в корпоративном документе под названием «Экологическая хартия Тоёта». «Тоёта Мотор Корпорейшн» видит себя как социально ответственную компанию, которая стремится в своей деятельности заботиться об окружающей среде и обществе, в котором она существует и создает производство. Это выражается в упомянутой выше корпоративной политике, направленной на экологичность производства, а также в постоянном образовательном процессе своих сотрудников, создании программ обучения для стажеров инженерного профиля в странах, где расположены заводы компании, и в благотворительной деятельности, направленной на поддержание спорта и культуры.

Взлет и падение в 2008 г.

В 2007 г. «Тоёта Мотор Корпорейшн» впервые превосходит по числу проданных машин «Дженерал Моторз», своего основного конкурента. В 2008 г. она закрепляет за собой титул лидера мировой автомобильной промышленности. В линейке «Тоёта» практически отсутствуют дешевые модели. «Тоёта» в России твердо придерживалась стратегии только своего производства, не создавая совместных предприятий с местными производителями. Отказалась она и от совместного процесса крупно-узловой сборки на калининградском предприятии «Автотор». Причина – верность обеспечению своих высоких стандартов качества. Только в 2007 г. «Тоёта» создала свое первое промышленное производство в России (крупно-узловая сборка модели «Камри» под Санкт-Петербургом). Тем не менее, по статистике, корпорация практически всегда удерживала четвертое место по объему продаж на российском рынке (первое место традиционно занимал национальный производитель «АвтоВАЗ», второе

место с переменным успехом делили между собой американские гиганты «Дженерал Моторз» и «Форд»). Это – хороший результат при отсутствии дешевых моделей.

Представители «Дженерал Моторз» на пресс-конференциях часто утверждают, что «Тоёта Мотор Корпорейшн» гораздо моложе, чем их компания, и не обременена таким количеством пенсионных обязательств, как «Дженерал Моторз». Тем не менее, «Тоёта» долгое время занимает одну из первых строчек в списке корпораций с лучшим уровнем управления в мире, что обусловлено четкой системой внутреннего контроля производства и использования ресурсов, а также большим вниманием к воспитанию персонала и лояльным отношением к нему. Сейчас «Дженерал Моторз» и «Крайслер» полностью зависят от государственной помощи. На данном этапе детройтские гиганты получили кратковременные бридж-кредиты (краткосрочные кредиты до появления основного финансирования) от правительства США.

На фоне мирового финансового кризиса особенно пострадали автомобильные и металлургические компании. Японские аналитики не могут предсказать, когда произойдет переломный момент для японских автомобильных компаний, и их продажи начнут расти. Уже осенью 2008 г. «Тоёта» объявила о падении продаж до рекордно низкого уровня за последние 40 лет. Более того, в декабре 2008 г. были опубликованы первые результаты операционной деятельности – падение продаж на 36,7% по сравнению с 2007 г.² Финансовые результаты деятельности за первое полугодие 2008 г. продемонстрировали снижение прибыли. Операционная прибыль (чистый объем продаж минус затраты на производство реализованной продукции и операционные затраты) составила 582 млрд. иен (падение на 54,2% по сравнению с аналогичным периодом 2007 г.).

По данным Японской ассоциации автомобильных дилеров, продажи новых автомобилей (исключая модели «мини») упали до рекордно низкого за последние сорок лет уровня. В октябре 2008 г. продажи остановились на цифре 233 922 автомобиля (падение на 13,1% за год). Осень считается в автомобильной промышленности периодом подъема продаж после летних отпусков. С 1968 г. (начало ведения официальной статистики Японской ассоциацией автомобильных дилеров) октябрь 2008 г. можно охарактеризовать для этой отрасли в Японии как один из самых сложных месяцев, когда было продано 196 445 автомобилей. И это несмотря на то, что в этом месяце продажи автомобилей модели «мини» составили 145 444 (рост на 6,2% за год)³.

В декабре 2008 г. ситуация не изменилась. Декабрь для автомобильной отрасли также является прибыльным периодом, когда потре-

бители готовы к осуществлению покупки авто в связи с бонусами. Продажи автомобилей в Японии упали ниже отметки 200 тыс. (исключая модели с рабочим объемом двигателя 660 куб. см). Годовые продажи сократились на 6,5% по сравнению с 2007 г. Объем продаж за год составил 5,08 автомобилей (самый низкий показатель за последние 28 лет)⁴.

Стратегия выживания

«Тоёта» принимает решение о снижении производства на территории Японии в два раза. В процессе снижения мощностей за один рабочий день будет производиться 9 тыс. автомобилей, как во времена второго нефтяного кризиса 1979 г. Это составит 35% от уровня ежедневного выпуска продукции в предкризисные годы. Падение ежедневного выпуска ниже отметки в 11 тыс. автомобилей необходимо для эффективного функционирования предприятий «Тоёта». При такой загрузке заводы не будут работать в убыток или с нулевой прибылью. Планируется значительное снижение производства на временно остановленных сборочных линиях, отказ от ночных смен на дополнительных сборочных линиях. В январе 2009 г. производственный процесс был сокращен на 3 дня на 11 заводах в Японии. В феврале и марте он был приостановлен на 11 дней на 12 заводах в Японии. В обычные годы, в период с января по март, производственные предприятия «Тоёта» в Японии находятся в рабочем режиме даже в субботу и в праздничные дни для удовлетворения повышенного спроса в конце финансового года со стороны японских потребителей.

«Тоёта» известила своих основных подрядчиков о пересмотре производственного плана на 2009 г. Подрядчики также пересматривают свои кадровые, закупочные и финансовые программы. Одна из компаний-подрядчиков «Тоёта» приняла решение о том, что ее завод будет функционировать только три дня в неделю.

С начала 2009 г. также наблюдается снижение кредитования финансовыми институтами подрядчиков «Тоёта», хотя ранее они достаточно активно предоставляли заемные средства именно этой группе предприятий. Руководство группы компаний «Тоёта» обратилось к своим подрядчикам с запросом о трудностях с получением оборотных средств, что не свойственно традиционной системе взаимоотношений между этими хозяйствующими субъектами. Обычно «Тоёта» оказывает сильное давление на подрядчиков с целью снижения их цен, что сказывается на снижении их прибыли.

Сложно будет сохранить «Тоёта Мотор Корпорейшн» и рабочие места в том объеме, как это было до начала мирового финансового кризиса 2008 г. Годовой объем производства в размере 3 млн. автомобилей – необходимый минимум для сохранения рабочих мест. Если же

² Асахи симбун. 07.01.2009.

³ Асахи симбун. 06.11.2008.

⁴ Асахи симбун. 06.01.2009.

ежедневный выпуск будет равен 9 тыс. автомобилей, то годовой объем составит лишь 2 млн. машин. В этом случае сокращение ожидает не только временных, но и постоянных сотрудников. Пока же корпорация ограничивается только планами сокращения заработной платы рабочих. Однако «Тоёта» на данном этапе выплачивала своим рабочим заработную плату в полном объеме даже в тех случаях, когда предприятия, на которых они были заняты, не были загружены на полную мощность. Тем не менее, «Тоёта» за последние месяцы уволила большую часть своих временных работников, что вызвало острую критику со стороны профсоюзов и в прессе.

Многие эксперты считают, что «Тоёта» находится в лучшем финансовом состоянии по сравнению со своими конкурентами и борется за сохранение рабочих мест и дивидендов. В отличие от другого представителя отрасли, корпорации «Ниссан», которая предложила своим служащим совмещать основную деятельность на ее предприятиях с дополнительной работой, «Тоёта» с подобными предложениями не выступала.

В условиях кризиса «Тоёта» стремится максимально сокращать издержки. Это касается и сырья, из которого она производит свои автомобили. Как правило, «Тоёта» использует в производстве только сталь японского производства. Впервые за всю историю своего существования «Тоёта» планирует использовать для производства автомобилей в Японии импортную сталь «Поско», основной сталелитейной корпорации в Южной Корее. Сталь, поставляемая «Поско», будет на несколько процентов дешевле, чем та, которую предлагают «Тоёта» японские поставщики. Должное качество южнокорейской стали было подтверждено тестами. Некоторые японские автопроизводители уже пробовали производить машины из стали «Поско» («Ниссан Мотор Ко.» и «Мицубиси Моторз Корп.»). Сама «Тоёта» ограниченно использовала данный вид стали на своих заводах в Таиланде для производства автомобилей, поставляемых на развивающиеся рынки. «Тоёта» также планирует перейти на сталь «Поско» и на своих заводах в Северной Америке. Это намерение было продиктовано тем, что затраты на материально-техническое снабжение «Тоёта» в годовом исчислении поднялись на 300 млрд. иен⁵. «Тоёта» всегда была лидером японских авто-производителей на переговорах с японскими сталелитейными корпорациями. Многие эксперты считают, что японские сталелитейные корпорации, скорее всего, пойдут на снижение цен на сталь в ходе следующих переговоров в 2009/10 фин. г. Можно предположить, что «Тоёта» использует переговоры с «Поско», чтобы таким образом надавить на своих поставщиков в Японии и за ее пределами. Вполне вероятно, что она не будет закупать сталь у «Поско».

Впервые за последние десять лет «Тоёта» изменила стратегию продаж «ближе к сбыту» и будет экспортировать произведенные на своих

заводах в США внедорожники и пикапы в страны Ближнего Востока и Латинской Америки. Главная причина такого решения – падение продаж и спроса на американском рынке. В 2008 г. продажи «Тоёта» на рынке США упали на 18%⁶. Продажи грузовиков и внедорожников сократились из-за роста цен на бензин в середине года. Далее эту ситуацию усугубил финансовый кризис и экономическая рецессия в США.

С января по сентябрь 2008 г. «Тоёта» произвела 33 тыс. внедорожников «Секвоя» на своем заводе в штате Индиана, но затем сократила производство в ходе пересмотра своей производственной программы для США. В конце 90-х годов полноразмерная грузовая платформа (для моделей «Секвоя» и «Тундра») была разработана специально для США, когда низкие цены на бензин спровоцировали повышенный спрос на автомобили. Производство модели «Секвоя» в Индиане и модели «Тундра» в Техасе продолжалось, но продажи падали⁷. В связи с этим происходит региональная переориентация продаж моделей марки «Люкс» и внедорожников (самые дорогие модели в линейке) в Арабские страны. В 2009 г. 15 тыс. внедорожников «Секвоя» будут экспортированы в Саудовскую Аравию и другие богатые нефтедобывающие страны Персидского залива. Кроме того, 1000 пикапов «Тундра» предполагается отправить в страны Латинской Америки.

Кризис и падение спроса на автомобили провоцирует «Тоёта» производить изменения в своем модельном ряду. 20 ноября 2008 г. состоялась презентация самой компактной модели «Тоёта» – «АйКью». Ее создание было вызвано высокими ценами на бензин в 2008 г. и связанным с ними ростом спроса на машины компактного типа. Длина кузова новой модели составляет менее 3 м, рабочий объем двигателя – 1 литр. Потребление топлива: 1 литр бензина на 23 километра. По этому показателю модель находится на втором месте после гибрида «Приус» в модельном ряду «Тоёта»⁸.

В феврале 2009 г. увеличился спрос на модели элитного бренда «Лексус». Корпорация получила 2500 заказов, в основном на модель RX350, которая поступила в продажу 19 января 2009 г., и модель RX450h, которая появилась на рынке в апреле 2009 г. Запланированный выпуск автомобилей «Лексус» – 650 штук в месяц. 40% заказчиков – лица, моложе 30 лет⁹.

У корпорации имеется достаточно средств на финансирование рекламы, так как «Тоёта» участвует в «Формуле-1» – чемпионате мира по кольцевым автогонкам на автомобилях с открытыми колесами. Он проводится каждый год и состоит из отдельных Гран-при. В конце года

⁵ Асахи симбун. 12.01.2009.

⁶ Асахи симбун. 07.01.2009.

⁷ The Financial Times. 31.10.2008.

⁸ Асахи симбун. 17.10.2008.

⁹ ПРАЙМ-ТАСС, 20.02.2009, <http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=867897&ct=news>

выявляется победитель чемпионата. В «Формуле-1» соревнуются как отдельные пилоты, так и команды. «Тоёта» вступила в «Формулу-1» в 2002 г. и пока не собирается выходить из нее, хотя ее конкурент «Хонда» предпочла покинуть данный чемпионат в связи с большими расходами, связанными с участием в нем.

В условиях кризиса многие корпорации идут на смену руководства. Считается, что это одна из возможностей вывести бизнес из сложного положения. Новые молодые руководители способны внедрить новые методы управления и ведения дел.

В начале 2009 г. «Тоёта» произвела кадровые перестановки. Теперь управлять корпорацией будет 52-летний внук основателя «Тоёта», Тоёда Акио. Он сменил на этом посту Ватанабэ Кацуаки, который исполнял обязанности президента корпорации с 2005 г., и займет пост вице-председателя. Тоёда Акио возьмет на себя также многие функции Тё Фудзиро, предыдущего президента и председателя на текущий период, который по состоянию здоровья их исполнять не может. По традиции, сложившейся в Японии, председатель в корпорациях выполняет миссию посла и дипломата, действующего в интересах своей компании. Президент же контролирует производственный процесс и стратегическое планирование.

В 1984 г. Тоёда Акио получил степень Мастера бизнеса и администрирования в колледже Бабсон в штате Массачусетс и стал, как и все члены его семьи, сотрудником «Тоёта». Его первой работой было составление производственных графиков на одном из японских заводов «Тоёта». Это было обучением производственной системе «поставок в срок». Тоёда Акио имеет большой опыт управления – он был вице-президентом «Нумми», совместного предприятия «Тоёта» и «Дженерал Моторз» в Калифорнии, а также возглавлял «Тоёта» в КНР (одно из самых главных стратегических направлений корпорации). Тоёда Акио является внуком Киитиро Тоёда, основателя корпорации. С 1982 по 1992 год компанией управлял его отец, Тоёда Соитиро. С 1992 по 1995 год корпорацией руководил его дядя, Тоёда Тацуру. После этого «Тоёта» посменно управляли три президента, которые не являлись членами семьи Тоёда.

Подобное назначение может показаться необычным в рамках стратегии японских корпораций последнего десятилетия, направленной на отстранение членов семьи основателей от управления и ведения операционной деятельности. Но семейные традиции, как показывает практика, все-таки еще очень сильны в японском бизнесе. Считается, что если менеджер хочет сделать карьеру в компании, он должен прислушиваться к мнению «семьи» и устанавливать с ней более близкие контакты. Не редки случаи женитьбы перспективных управленцев на дочерях акционеров и членов совета директоров. Один из руководителей «Мицуи» даже сказал, что он предпочел бы иметь дочерей, нежели сынов,

так как в этом случае он сам может выбрать себе сына. В подобном браке зять, как правило, берет себе фамилию жены. Это делает его более лояльным компании и заставляет действовать в корпоративных интересах. Поэтому, хотя семья Тоёда и держит всего 2% акций «Тоёта», ее влияние на главные назначения все еще остается преобладающим. Назначение способствовало хоть и незначительному, но росту акций корпорации на Токийской фондовой бирже. Подобное назначение также свидетельствует о возврате к традиционной японской системе управления. Возможно, японцы осознают неэффективность американской модели в современных условиях кризиса и стремятся вернуться к своим устоям. Семейные ценности всегда были одной из главных составляющих общества Японии. Есть вероятность того, что такой шаг, как назначение Тоёдо Акио президентом «Тоёта», свидетельствует о желании сплотить коллектив в условиях всеобщего пессимизма и негативных ожиданий.

2009 год станет для «Тоёта Моторз Корпорейшн» сложным. Скорее всего, корпорация еще больше сократит производство, понесет убытки и сократит свой персонал. Но именно у нее есть все шансы выйти в лидеры по окончании кризисной ситуации в автомобильной отрасли из-за мобильности и гибкости даже в период кризиса. Большие доходы, полученные в течение 2007 г., позволяют «Тоёта» избежать банкротства и больших убытков. Корпорация предполагает увеличить продажи после разрешения трудностей, вызванных затовариванием. После подведения итогов и анализа результатов производства и продаж, руководство «Тоёта» планирует пересмотреть направление и структуру своих поставок. Падение продаж в отдельных регионах сопровождается стабильным или растущим спросом в других. Для преодоления сложившейся ситуации корпорации необходимо переориентировать поставки. В официальных заявлениях руководство корпорации говорит о планах увеличения производства в мае 2009 г. Трудно предположить, реализуемы ли эти планы. В целом, оперативные действия руководства корпорации на данном этапе свидетельствуют о хорошем уровне управления и мобильности.

И. Ю. Авдаков

В первые годы послевоенного периода (1945–1949) потребность в пассажирских перевозках резко возросла в связи с возвращением солдат и персонала предприятий с оккупированных Японией территорий, детей из мест эвакуации, миграцией голодающих горожан в сельскую местность и передвижениями американских солдат. Однако пропускная способность железнодорожного транспорта сократилась на треть. Прибрежное судоходство и автодорожный транспорт не смогли сколько-нибудь значительно разгрузить железные дороги, так как оказалось их ущемленное положение в предвоенный и военный периоды.

Управление железными дорогами в эти тяжелые годы претерпело изменения. Секция гражданских перевозок при штаб-квартире союзных войск установила косвенный контроль над деятельностью министерства транспорта и соответственно его основного подразделения – Совета директоров железных дорог. Секция грузовых перевозок отвечала за общую железнодорожную политику, но оперативная работа, включая перевозки оккупационных сил, вменялась в обязанность Третьей военной железнодорожной службе 8-й армии США, дислоцированной в Иокогаме. Эта служба открыла свой главный информационный офис в здании министерства транспорта в Токио, чтобы иметь оперативную связь с Советом директоров железных дорог. Информационные офисы появились на всех главных станциях железных дорог Японии. В качестве ответной меры министерство транспорта также открыло аналогичные офисы в своих региональных штаб-квартирах. И без того значительно ухудшившееся положение железных дорог Японии усугубилось контролем со стороны американских войск, имевших все возможности диктовать свои условия и использовать лучшую часть оставшейся техники в своих интересах.

С 1946 г. на железнодорожном транспорте происходило резкое увеличение пассажирооборота и сокращение грузооборота. Рост пассажирских перевозок значительно превышал увеличение численности населения. В результате среднее число поездок на душу населения только по железным дорогам Токио увеличилось с 222 в 1930 г. до 439

в 1951 г.² Этот рост объясняется многими причинами, в том числе поездками горожан в деревню в поисках пропитания и поездками людей из разрушенных районов и пригородов в Токио в поисках работы. В результате резко возросла перегруженность на железных дорогах.

Из-за высоких темпов инфляции тарифы пересматривались достаточно часто. Все пять их повышений с 1945 по 1949 г. свидетельствуют, что рост тарифов каждый раз был значительным. Так, уровень тарифов на пассажирские перевозки в марте 1946 г. составлял 0,075 иен/км, в марте 1947 г. – 0,095, в июле 1947 – 0,035, в июле 1948 г. – 0,90, в мае 1949 г. – 1,45 иен/км³.

Основой ценообразования на пассажирские перевозки частными железнодорожными компаниями в послевоенный период, характеризующийся высокими темпами инфляции, являлся уровень тарифов на государственных железных дорогах, определяемый издержками. Одновременно с государственными тарифами каждый год с 1945/46 по 1952/53 фин. гг. пересматривался их уровень и на частных железных дорогах. Для сравнения приведем уровень тарифов частной железнодорожной компании «Тобу Тэцудо». В 1945 г. он составил 0,075 иен/км, в 1946 г. – 0,095, в 1947 г. – 0,035, в 1948 г. – 1,20, в 1949 г. – 1,20 (в этом году пересматривался только минимальный тариф), в 1950 г. – 1,45, в 1951 г. – 2,00, в 1952 г. – 2,30 иен/км⁴.

Сравнение данных показывает, что тарифы на государственных и частных железных дорогах отличались незначительно. Затратный принцип формирования тарифов не способствовал увеличению доходов и росту производительности труда как на государственных, так и на частных железных дорогах. Обычно их руководство заявляло о своем желании повысить тарифы лишь при условии, что их функционирование убыточно. Это подрывало стимулы к снижению издержек производства у отдельных компаний. Несмотря на то, что минимальный тариф как на государственных железных дорогах, так и, например, на частной железной дороге «Тобу Тэцудо» возрос с 20 сэн в 1945 г. до 10 иен в 1951 г., инфляция вела к тому, что реальные доходы не возрастали и новое строительство не велось.

Повышение тарифов отставало от инфляции. Так, например, в 1945/46 фин. г. уровень тарифов на государственных железных дорогах вырос на 150%, а цены на электроэнергию – на 300%. Заниженные относительно уровня инфляции тарифы приводили к ухудшению финансового положения государственных железных дорог. К этому вела и

¹ Первую часть статьи см.: Япония. Ежегодник 2004–2005. М., 2005, с.288–295.

² Watanabe I. Transportation in Tokyo. Tokyo Metropolitan Government Transportation Bureau. Tokyo, 1954, с. 48.

³ Hideki Moriya. Japanese Urban Railways, Markets, Capital Formation and Fares. – Private Railways. Japan Railways and Transport Review № 37, 2004, с. 19.

⁴ Ibid.

низкая производительность труда, вызванная избыточной численностью служащих. После войны их общее число удвоилось и составило 600 тыс. человек в 1948 г. за счет восстановления на прежней работе демобилизованных солдат, рабочие места которых были во время войны заняты в основном женщинами и стариками⁵. Государственные железные дороги также были обязаны принять на работу возвратившийся японский персонал железных дорог из некоторых стран Азии.

Низкая производительность труда и избыточная численность персонала сдерживали рост уровня заработной платы служащих государственных железных дорог, что вызывало недовольство железнодорожников. В марте 1946 г. был образован профсоюз служащих государственных железных дорог «Кокутэцу Родо Кумиай» (сокращенно «Кокуро»). Росла активность профсоюзного движения. Зачастую забастовки парализовывали железнодорожные перевозки, что сказывалось на экономике всей страны и финансовом положении самих железных дорог. В создавшихся условиях реорганизация управления железными дорогами стала неизбежной.

Изменение организационной формы государственных железных дорог происходило под прямым давлением американских оккупационных сил. Главнокомандующий союзными оккупационными войсками генерал Макартур направил 22 июля 1948 г. письмо бывшему в то время премьер-министром Асида Хитоси, в котором содержались обязательные к исполнению инструкции по лишению права работников государственных учреждений и предприятий на коллективные переговоры с администрацией и на проведение забастовок, а также по реорганизации государственных железных дорог в государственные корпорации.

Государственные железные дороги были реорганизованы в государственную корпорацию «Кокутэцу» 1 июня 1949 г. Концепция государственной корпорации железных дорог была неприемлема для японской бюрократии, которая считала, что только казенные железные дороги могут быстро восстановить разрушенную войной железнодорожную инфраструктуру, а забастовки можно преодолеть с помощью компромиссов между правительством и служащими железных дорог. Само слово «корпорация» было настолько непопулярно среди железнодорожников, что оно не было включено в название новой организации государственных железных дорог. Неприятие формы корпорации на железных дорогах выразилось в том, что несмотря на мировой опыт создания корпораций в период между первой и второй мировыми войнами, а также собственный опыт создания корпорации токийского метро «Тэйто косокудо коцу эйдан», образованной в 1941 г. в условиях милитаризации экономики страны, «Кокутэцу» существенно отличалась от них. Созданные ранее корпорации функционировали независимо от госу-

⁵ Ibid.

дарства, теперь же оно активно вмешивалось в деятельность «Кокутэцу», в частности в области определения тарифов на перевозку грузов и пассажиров, а также устанавливало заработную плату служащим железных дорог, но при этом была сохранена прежняя законодательная база.

Так тарифы устанавливались в соответствии с Законом о тарифах на государственных железных дорогах 1948 г., целью которого было снижать высокие темпы инфляции за счет сдерживания и даже замораживания уровня тарифов. Этот закон не был отменен или поправлен, и обременительная и крайне затяжная процедура принятия решения в области повышения тарифов отрицательно сказалась на финансовом состоянии «Кокутэцу». И все же, несмотря на половинчатый характер организационной реформы, «Кокутэцу» следует считать корпорацией, так как в целом оперативное управление государственными железными дорогами было передано от Совета директоров железных дорог министерства транспорта самому предприятию железных дорог. Образование государственной корпорации железных дорог «Кокутэцу» явилось яркой страницей в анналах ее истории. Как справедливо отмечается в японской коллективной монографии «История японских железных дорог. 1872–1999 гг.», реорганизация государственных железных дорог и образование «Кокутэцу» стало «важным изменением в истории японских железных дорог и было таким же важным, как национализация в 1906 и 1907 гг. и приватизация “Кокутэцу” в 1987 г.»⁶.

С момента своего образования руководство «Кокутэцу» приступило к резкому сокращению числа служащих. В мае 1949 г. правительство приняло закон об их уменьшении. Проведение увольнений было вменено в обязанности «Кокутэцу». К 4 июля был осуществлен первый этап сокращений, в результате чего число служащих уменьшилось на 30 тыс. человек. Увольнения с работы вызвали массовые забастовки, организованные левым крылом профсоюза «Кокутэцу Родо Кумиай». Уже 6 июля 1946 г. на железнодорожной ветке Дзёбан сэн (северовосточный пригород Токио) при невыясненных обстоятельствах был найден мертвым первый президент «Кокутэцу» Симояма Саданори. Второй этап сокращений был завершен 12 июля того же года, в результате чего общее число уволенных составляло 95 018 человек⁷.

В результате проведенных сокращений численность персонала железных дорог составила свыше 500 тыс. человек, что все же было избыточным и не могло заметно увеличить производительность труда к 1950 г. по сравнению с довоенным уровнем. Но в целом к этому году железнодорожный транспорт был восстановлен и создались условия, в

⁶ Eiichi Aoki, Matsuhide Imashiro, Shinichi Kato, Yasuo Wakuda. A History of Japanese Railways 1872–1999. East Japan Railway Culture Foundation. Tokyo. 2000, c. 121.

⁷ Matsuhide Imashiro. Dawn of Japanese National Railways. – Japan Railway and Transport Review 1997, № 10, c. 47.

том числе и управленческие, для дальнейшего быстрого самостоятельного развития железнодорожного транспорта Японии. Уже 1 апреля 1952 г. железнодорожные офисы оккупационных сил были отменены.

Корпоративная форма организации государственного железнодорожного транспорта в целом отвечала потребностям экономического развития страны в 50–70-е годы прошлого века. Строительство железных дорог возобновилось уже в 1951 г., и их протяженность, хотя и медленно, но неуклонно стала расти.

Экономические, политические, социальные, экологические, демографические и другие проблемы больших городов (Токио, Осака, Нагоя) привели к тому, что правительство приняло меры для рассредоточения промышленности за счет перевода многих предприятий в индустриально менее развитые районы. Такая политика имела определенный успех. Государству удалось создать зоны с развитой инфраструктурой в прибрежных, сельских и отдаленных районах. Однако правительственные, культурные, научные, образовательные, информационные учреждения и бизнес-центры в основном располагались в крупных городах.

Сосредоточение населения и учреждений в городах вело к росту потребления услуг городского транспорта, а рассредоточение производства – пригородного и межгородского транспорта. Начался расцвет автомобилестроения. Если в 1965 г. число автомобилей составляло 8 млн., а в 1975 г. – 23 млн., то в 1985 г. – уже 48 млн. автомашин. Однако в условиях ограниченной пропускной способности городских дорог назрела острейшая необходимость развития других видов городского транспорта. Пропускная способность железных дорог, связывающих пригороды с центром крупных городов, отставала от растущих потребностей в перевозках. Частные железнодорожные линии, идущие из пригородов, заканчивались окружной линией государственной железной дороги Яманотэ сэн. Поскольку только государственные железные дороги вели непосредственно к городскому центру в Токио, то пассажиры, прибывавшие из пригородов, были вынуждены пересаживаться на поезда Яманотэ сэн или пользоваться трамваем. Особенно загруженными в часы пик были пересадочные станции Синдзюку, Сибуя, Икэбукуро и некоторые другие. В целях нормализации положения, разгрузки основных пересадочных узлов и рационализации перевозок была открыта вторая окружная железная дорога Мусасино сэн, позволяющая связывать между собой отдаленные районы пригородов и разгружать пересадочные станции Яманотэ сэн. Дорога Мусасино сэн использовалась как для пассажирских, так и грузовых перевозок. Городская транспортная стратегия была успешно осуществлена, но опережающий рост населения ставил все новые задачи перед властями.

О размере нового строительства государственных и частных железных дорог городского и пригородного сообщения в 1946–1989 гг. в районе Большого Токио и Кэйхансин можно судить по данным табл. 1

Таблица 1
Длина построенных железнодорожных путей
городского и пригородного сообщения (км)*

Год	Большой Токио		Кэйхансин	
	государственные железные дороги	частные железные дороги	государственные железные дороги	частные железные дороги
1946–1955	0	36,0	0	0
1956–1965	7,5	20,6	7,4	6,9
1966–1975	66,9	76,7	11,0	20,9
1976–1989	101,4	76,9	6,2	41,5
1946–1989	175,8	210,2	24,6	69,3

* Annual Report on Urban Transit. Tokyo, 1990.

Несмотря на то, что за 1946–1989 гг. в районе Большого Токио было построено больше частных дорог, чем государственных, здесь сохранилась их прежняя структура по формам собственности: основу городского и пригородного сообщения составляли государственные железные дороги.

В районе Кэйхансин государственные железные дороги в городах и пригородах играли меньшую роль, чем частные. Только магистральные дороги Токайдо и Саньё, соединявшие Киото, Осака, Кобэ, а также Дзёто сэн, огибавшая часть центра Осака, и Катамати сэн в восточном пригороде были государственными. В 1967 г. в Осака начала функционировать кольцевая железная дорога Кандзё сэн, которая после завершения строительства восточной части железнодорожного кольца замкнула уже существовавшие дороги Дзёто сэн и Нисинари сэн. В Нагоя государственные железные дороги были еще менее распространены, чем в Осака.

Расширение городской и пригородной железнодорожной сети не могло решить транспортную проблему городов без расширения сети метро. Первая линия метро в Японии была построена в Токио между станцией Уэно и Асакуса в 1927 г. (протяженность – 2,2 км). С тех пор строительство линий метро велось крайне медленно, что объясняется особенностями транспортной политики в условиях милитаризации экономики. В результате к концу второй мировой войны протяженность метро в Токио составила 14,3 км, а в Осака – лишь 8,8 км. Для сравнения приведем данные протяженности трамвайных линий в настоящее время: в Токио – 200 км, Осака и Нагоя – по 100 км.

В послевоенном Токио строительство линий метро началось в 1950 г., а первая линия метро, соединившая Икэбукуро и центр Токио, была открыта в 1954 г. В 1959 г. она была продлена до Синдзюку, проходя

под коммерческими центрами Токио, и теперь она известна как Маруно-ути сэн. Расширение сети метро Токио шло по двум основным направлениям. Первое направление – строительство линий метро муниципальными властями в дополнение к существующим линиям, принадлежащим независимой государственной корпорации «Тэйто косокудо коцу эйдан», второе – использование частных и государственных железных дорог для беспересадочных перевозок метро. Последнее стало возможным в результате унификации подвижного состава и ряда других технических и организационных решений⁸. Еще в 1960 г. были соединены между собой линии муниципального метро Асакуса сэн и частной железной дороги «Кэйсэй дэнтэцу», а в 1968 г. – Асакуса сэн и частной дороги «Кэйхин кюко дэнтэцу». В 1962 г. началось совместное использование линии Хибия сэн, принадлежащей «Тэйто косокудо коцу эйдан», и частной железнодорожной компании «Тобу тэцудо», а в 1964 г. Хибия сэн была соединена с линией, принадлежащей частной корпорации «Токио». Можно привести еще немало примеров соединения линий метро с частными и государственными железнодорожными линиями в Токио.

В другом крупнейшем японском городе Осака совместное использование путей по линии муниципального метро Сакайсудзи сэн и двум линиям частной железнодорожной компании «Ханкю» началось в 1969 г. Через 10 лет в Нагоя было налажено прямое сообщение линии метро Цуруми сэн и линии Тойота сэн частной железнодорожной компанией «Нагоя тэцудо».

В результате к 1968 г. общая протяженность линий метро в Токио составила 100 км, а в 1986 г. – 200 км. В Осака в 1990 г. она достигла 100 км. В целом же протяженность линий метро в Японии превысила 600 км. Одновременно наблюдалось уменьшение протяженности трамвайных линий. К 1969 г. трамвайные линии прекратили свое существование в Осака и в 1974 г. – в Нагоя. В Токио подавляющая часть трамвайных линий ликвидирована и в настоящее время функционирует лишь одна – Аракава сэн (12,2 км). Продолжительность жизни троллейбусных линий в крупнейших городах Японии была еще меньше: в Токио – с 1959 г. по 1960 г. и Осака – с 1953 г. по 1970 г.

Растущую роль в транспортной сети стал играть новый вид железнодорожного транспорта – монорельсы. Первая монорельсовая линия была открыта к началу Олимпийских игр 1964 г. между Токийским международным аэропортом Ханэда и центром Токио. До сих пор она является одной из наиболее загруженных монорельсовых линий – 180 тыс. человек в день. В настоящее время в городах Японии насчитывается 10 монорельсовых и 10 дистанционно управляемых линий. Роль новых видов городского транспорта в перевозках пока еще незначительна по сравнению с

обычной городской и пригородной железнодорожной сетью. Традиционно особо важную роль в ней занимают частные железные дороги.

В 50–70-е годы прошлого века частные железнодорожные компании не только и не столько строили новые железные дороги, сколько совершенствовали старые линии. Создание жилых комплексов и городов-спутников явилось продолжением предыдущей стратегии крупных частных железнодорожных компаний и поддерживалось властями. В 1972 г. была провозглашена политика государственной финансовой поддержки частных железнодорожных компаний, строивших линии к новым жилым комплексам. Финансовая поддержка осуществлялась через созданную еще в 1964 г. государственную корпорацию «Нихон тэцудо кэнсэцу кодан». С ее помощью была построена линия Сагамихара сэн протяженностью 22,6 км, идущая к городу-спутнику Тама Нью Таун, и линия железной дороги компании «Хокусо Кайхацу» к Тиба Нью Таун (28 км). В 1984 г. в Токио была введена в эксплуатацию известная 20-километровая линия компании «Токио» Дэн'эн тоси сэн, идущая в Тама Гардэн Сити – жилой комплекс в сельской местности, возведенный корпорацией «Токио».

В 1987 г. организационная структура государственной корпорации «Кокутэцу», осуществлявшей около половины всех перевозок пассажиров во внутригородском и пригородном сообщении, претерпела значительные перемены⁹. «Кокутэцу» была приватизирована, и уже с апреля 1987 г. стали функционировать три крупные приватизированные пассажирские железнодорожные компании на о-ве Хонсю – «Восточная японская пассажирская железная дорога» («Хигаси ниhon рёкаку тэцудо», или «JR East»), «Центральная пассажирская железная дорога» («Токай рёкаку тэцудо», или «JR Central»), «Западная пассажирская железная дорога» («Ниси Рёкаку Тэцудо», или «JR West»). Также были созданы пассажирские железнодорожные компании на островах: на Хоккайдо – «Пассажирская железная дорога Хоккайдо» («Хоккайдо рёкаку тэцудо», или «JR Hokkaido»); на Сикоку – «Пассажирская железная дорога Сикоку» («Сикоку рёкаку тэцудо», или «JR Shikoku»); на Кюсю – «Пассажирская железная дорога Кюсю» («Кюсю рёкаку тэцудо», или «JR Kyushu»). К «Восточной японской пассажирской железной дороге» («Хигаси ниhon рёкаку тэцудо») отошла железнодорожная сеть районов Канто и Тохoku (с 1991 г. – линии синкансэн Тохoku), к «Центральной пассажирской железной дороге» – железнодорожное «пространство» большей части района Тюбу и меньшая часть района Кинки, включая с 1991 г. и линию синкансэн от Токио до Осака, к «Западной железной дороге» («Ниси рёкаку тэцудо») – большая часть железных дорог района Кинки, часть района Тюбу и железнодорожная сеть района Тюгаку, включая скоростную дорогу «Санъё синкансэн» (с 1991 г.).

⁸ См подробнее: Japanese Railway Tehnology Today. Railway Technical Research Institute. East Japan Railway Culture Foundation. Tokio, 2001, с. 79.

⁹ Подробнее см.: Авдаков И. Ю. Роль железнодорожных компаний в социально-экономической жизни Японии. – Япония. Ежегодник 1997–1998. М., 1998, с. 54–67.

После приватизации резко увеличилась производительность труда на железнодорожном транспорте. Прирост производительности труда на бывших государственных железных дорогах ежегодно в несколько раз стал превышать аналогичный показатель на частных железных дорогах. Но и в начале 2000-х годов производительность труда на приватизированных железных дорогах была все же ниже, чем на частных.

После пяти лет крупных успехов, связанных с проведением приватизации, железнодорожный транспорт столкнулся с серьезными проблемами, явившимися, в первую очередь, следствием наступившей экономической депрессии. Начиная с апреля 1992 г. в результате краха «экономики мыльного пузыря» Япония вступила в продолжительную депрессию, характеризующуюся общим ухудшением конъюнктуры, снижением инвестиций, застоем в потребительском спросе и т. д.

На фоне общего снижения доли железнодорожного транспорта в перевозках пассажиров уменьшение значения железных дорог по-разному происходило в городской и сельской местности (включая межгородское сообщение). Если в сельской местности автодорожный транспорт активно замещал железнодорожный, то в городах железные дороги оставались основным видом транспорта. Так, в Большом Токио (где проживает около трети всего населения Японии) свыше половины всех перевозок пассажиров до сих пор осуществляется по железным дорогам. При этом доля перевозок сократилась незначительно. Если в 1995 г. доля железных дорог составляла 55,5% то в 2001 г. — 55,4%¹⁰. Подобная ситуация складывается и в других крупных городах, например, в Осака и Нагоя.

Неблагоприятно на развитие пассажирооборота на железнодорожном транспорте воздействовала демографическая ситуация в стране. Падение рождаемости и старение населения приводили к тому, что те возрастные группы (включающие учащуюся молодежь и молодых служащих), которые чаще пользуются железными дорогами, относительно сокращались. В старшую возрастную группу (пенсионеры свыше 65 лет) попали многие проживающие в спальных кварталах и раньше ездившие на работу в Токио, Осака, Нагоя и другие крупные города. Прогнозы в этой области дают неутешительную картину для дальнейшего развития железнодорожного транспорта. Такая демографическая ситуация неизбежно приведет к абсолютному сокращению численности перевозимых пассажиров. Однако в будущем можно ожидать усиления другой тенденции — увеличения доли железнодорожного транспорта в пассажирообороте и количестве перевезенных пассажиров всеми видами городского транспорта.

Ухудшившееся финансовое положение железнодорожных компаний и сложности финансирования ими нового строительства путей городского

и пригородного железнодорожного сообщения, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области передовых железнодорожных технологий (например, поездов на магнитных подушках) вело к необходимости поисков новых источников финансирования. В этих целях уже в 1991 г. государственная корпорация «Синкансэн хою кико» была преобразована в железнодорожный фонд «Тэцудо сэйби кикин». Однако основной статьей расходов фонда являлось погашение долгов и выплата процентов по ним. Только пятая часть средств фонда шла на развитие железных дорог, основная доля которых направлялась на модернизацию и строительство городского железнодорожного транспорта. Финансовые «вливания» осуществлялись в форме беспроцентных займов, предоставляемых государственной компанией «Тэйто косокудо коцу эйдан», осуществляющей перевозки на токийском метро, и железнодорожным компаниям. Средства выделялись как на модернизацию путей (строительство параллельных линий), так и на строительство новых линий к городам-спутникам Токио и Осака. Однако темпы нового строительства в городах и пригородах Токио и Осака были невелики.

Основными причинами относительного сокращения темпов нового строительства в городах и пригородах Токио и Осака по сравнению с предыдущими годами являлась не только недостаточность средств, выделяемых фондом. Немалая часть этих средств шла на модернизацию, в том числе на проведение параллельных двухколейных путей (четырёхколейные пути), строительство и модернизацию станций и переходов, повышение сейсмоустойчивости железнодорожных объектов. Кроме того, не следует упускать из виду и тот факт, что основа городской и пригородной железнодорожной системы уже была создана намного ранее.

Помимо фонда «Тэцудо сэйби кикин», в 1997 г. преобразованного в корпорацию «Ун'ю сисэцу сэйби дзигэдан», государственная финансовая поддержка железнодорожного строительства в городах и пригородах осуществляется через созданную еще в 1964 г. государственную корпорацию «Нихон тэцудо кэнсэцу кодан». Посредством этих государственных учреждений на 35% финансируется железнодорожное строительство (дорог группы «JR»), еще 15% оплачивается местными властями. Половина всего финансирования приходится на приватизированные компании, которые вкладывают в развитие железнодорожного транспорта собственные средства. Таким образом, государство продолжает играть значительную роль в развитии железнодорожного транспорта даже после приватизации государственной железнодорожной корпорации «Кокутэцу».

Новое строительство ведется не только приватизированными компаниями, но и крупными частными железнодорожными компаниями¹¹.

¹⁰ Japan Railway and Transport Review. 2005, October, № 41, p. 15.

¹¹ Крупными частными железнодорожными компаниями принято считать 15 компаний, обеспечивающих городское, пригородное (к городам-спутникам и другие направления) и

Кроме того, строительство городских и пригородных железнодорожных линий осуществляется смешанными компаниями, созданными государственным (муниципальным) и частным капиталами. Они активно участвуют в создании современного городского транспорта (включая монорельсы, легкий трамвай, легкое метро и т. д., за которыми стоит большое будущее). Последнее становится актуальным в виду таких вызовов человечеству, как ухудшение окружающей среды, особенно характерное для городов, глобальное потепление, старение населения, перегруженность городских автодорог. В связи с этим не удивительно, что частные и приватизированные железнодорожные компании расширяют свою деятельность по развитию общественных городских перевозок автобусами. Общественный городской транспорт становится все более популярным в Японии.

ближнее межгородское сообщение. Их центральные офисы находятся в Токио, Осака, Нагоя и Фукуока. Критерием выделения крупных компаний является не длина железнодорожных линий и даже не пассажирооборот. Например, протяженность железнодорожного полотна присоединившейся в 1990 г. к 14 основным крупным компаниям частной железнодорожной компании «Сотэцу» составляет лишь 35 км. Основой для разграничения железнодорожных компаний служит размер их капитала, а финансовый успех зачастую зависит от степени диверсификации экономической деятельности. Общим для всех этих компаний является то, что они возникли в первой четверти XX в. как железнодорожные компании, укрупнились и диверсифицировали свою деятельность. Все крупные железнодорожные компании состоят из материнской компании и множества дочерних компаний и представляют собой группу компаний.

Роль государственного регулирования в экономике Японии (по материалам исследований российских ученых «застойных времен»)

Н. П. Тебин

Рецензии пишутся для того, чтобы обратить внимание читателей на ту или иную публикацию. Обидно, если это внимание не было привлечено вовремя. Мировой финансовый кризис, разразившийся в 2008 г., вызвал вспышку интереса к марксизму. Никто не отвергает роль марксизма в разрешении противоречий капитализма и в тех социальных сдвигах, которые произошли в мире за полтора столетия. Но и сами эти сдвиги вызвали необходимость по-новому взглянуть на новые глобальные противоречия, возникшие в мире. Их давно предвидели российские ученые.

«Зачем ты хранишь эти мумии?», – спрашивают друзья, глядя на мои книжные полки с работами по политэкономии «застойных времен». Читая работы тех лет, я учусь умению настоящих ученых в условиях всевластия догматизма озвучивать свои мысли и идеи, давать свои оценки. Восхищаюсь предисловиями экономиста Я. А. Певзнера к сборникам коллективных трудов своих коллег. Подобные предисловия в то время не могли выйти без упоминания «марксистско-ленинской методологии». Певзнер, не начетнически, а по-научному глубоко изучивший теорию Маркса, мог убедительно показать, что еще верно в теоретических выкладках марксизма, которые можно использовать, а что нуждается в изменениях.

Честные добросовестные ученые даже в таких научных организациях, как Институт международного рабочего движения АН СССР, еще до начала перестройки пытались отойти от догм марксизма и дать оценку основных противоречий в мире с точки зрения здравого смысла. Так, в коллективной монографии «Рабочий класс и общественный прогресс» В. Загладин в своем очерке «Историческая миссия рабочего класса и современное рабочее движение», пишет, что «каждый общественный класс, выходящий на арену исторического действия, решал свои совершенно конкретные задачи, содержание которых определялось объективными потребностями соответствующей эпохи общественного развития. Такие задачи имела, разумеется, и буржуазия – последний эксплуататорский класс в истории человечества. Эти задачи, а тем самым и свою историческую миссию буржуазия в основном выполнила на протяжении XIX в.»¹.

¹ Загладин В. Историческая миссия рабочего класса и современное рабочее движение. – Рабочий класс и общественный прогресс. М., 1980, с. 17.

Правда, какие «совершенно конкретные задачи» решила, какую «историческую миссию» выполнила и куда делась буржуазия, автор не раскрывает. Ниже он пишет, что с развитием общества социальное противоречие капитализма «труд – капитал» на империалистической стадии сменяется противоречием «монополии – народ»². И делает вывод: если противоречие «труд – капитал» находит свое разрешение в социалистической революции, то разрешение противоречия «монополии – народ» предполагает демократические преобразования, т. е. ликвидацию монополистической собственности и создание такой системы власти, при которой «обязательным является лишь одно – недопущение к кормилу правления монополистического капитала»³. Удивительно, как близко этот вывод перекликается с положениями программных документов правившей уже более полувека Либерально-демократической партии Японии (ЛДП).

В. Загладин пытается защищать «реальный социализм», но в наши дни это уже не актуально. Но вот его вывод о наличии противоречий в связке «монополии – народ» еще достаточно актуален, как и обязательное условие: не допустить к правлению монополистический капитал.

Мало кто в наши дни возражает против необходимости перехода российского общества от авторитаризма и диктатуры в любой форме, в том числе и от однопартийности, к цивилизованному обществу, основанному на сочетании политической демократии с конкурентно-рыночными отношениями. Правда, употребление здесь термина «цивилизованное общество» не очень правомерно, скорее следует говорить о «постиндустриальном обществе», а в нем место, роль, да и сам характер рабочего класса, главной категории марксизма, давно не те, что были полтора века назад.

Цель ясна, примеров государств, где уже сформировались «постиндустриальные общества» много. Их берут за идеал, споры идут о путях достижения этой цели Россией. В спорах выделяются сторонники крайних точек зрения. Кто-то считает, особенно сейчас при кризисе, что рыночная экономика – это вчерашний день, что рынок как регулятор экономики малоэффективен. Поэтому нужно все, в крайнем случае, крупные производства, передать в руки государства.

С другого фланга призывают к продолжению рыночной «шоковой терапии», к скорейшей и неограниченной свободе рыночных отношений, применяя не совсем корректное сравнение с «укорачиванием хвоста у собаки в несколько приемов». Вернее было бы говорить, что «для родов здорового ребенка нужно его вынашивать девять месяцев и в нормальных условиях».

Участники дискуссий почему-то весьма мало уделяют внимания тому, что каждая из стран, относимых ими к разряду цивилизованных, шла к

² Там же, с. 23.

³ Там же, с. 24.

этому статусу своим путем, по большей части столетиями со многими этапами. Путь и этапы определялись многими конкретными факторами – географическими, демографическими, историческими и др. Сейчас важно взять все, что подходит нам из опыта цивилизованных стран. Чаще всего в качестве образцов приводятся развитые страны Европы и США. Возьмем на себя смелость утверждать, что Япония, которая всего за несколько десятилетий прошла перестройку от тоталитарного режима к постиндустриальному обществу, для России – наиболее наглядный пример.

Для того чтобы многое из изложенного ниже было проще понимать, приведу некоторые теоретические позиции упоминавшегося выше Я. А. Певзнера. Правда, наши политики редко прислушиваются к рекомендациям и выводам теоретиков. Они сразу приступают к практике. Еще в 1995 г. в коллективной монографии «Эволюция политической системы Японии» в статье «Политический фактор в современном конкурентно-рыночном хозяйстве: опыт Японии» он писал: «Перед лицом теории и практики двух последних столетий вся история общества предстает не как провозглашенные Марксом и Энгельсом борьба классов и смена формаций, но как история начавшейся вместе со становлением человеческого общества и никогда ни в прошлом, ни в настоящем, ни в сколь угодно отдаленной перспективе не прекращающейся борьбы между монополией и конкуренцией (курс.наш. – Н. Т.) во всех сферах общественной жизни – при огромном многообразии форм этой борьбы»⁴. В экономике борьба между монополией и конкуренцией идет на рынках. При этом рынок определяется Певзнером не как нечто законченное, а как «механизм развивающийся, совершенствующийся в ходе непрерывных столкновений рыночных и антирыночных, демократических и диктаторских сил». В то же время при большом разнообразии форм собственности решающую роль играет не сам характер собственности, «а его взаимодействие с такими категориями, как владение, распоряжение, пользование и управление»⁵.

Максимальная же эффективность «достигается не на основе “чистого рынка”, “чистой конкуренции”, какими они предстают в соответствующих, обязательных для теории моделях, а в виде такого сочетания, при котором неконкурентные, регулирующие, а в некоторых случаях также и монопольные факторы, будучи необходимыми, подчинены цели поддержания и укрепления конкурирующего начала»⁶. Далее автор подчеркивает, что «в достижении такой цели главная и решающая роль принадлежит демократическому парламентскому общественному строю», который противостоит монопольным силам.

⁴ Певзнер Я. А. Политический фактор в современном конкурентно-рыночном хозяйстве: опыт Японии. – Эволюция политической системы Японии. – М., 1995, с. 71.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 71.

Певзнер писал свою статью на основе опыта послевоенного развития Японии, а оно строилось не по волюнтаристской воле представителей правящей элиты, а с учетом прогнозов и рекомендаций ученых. Японские политики в наши дни принимают решения только после изучения проблем в специально формируемых комиссиях. Они публикуют несколько докладов по итогам изучения и свои предложения по мерам разрешения возникшей проблемы.

Что касается экономического курса, то японские специалисты единодушны в том, что успех зависит от правильного сочетания конкуренции и государственного вмешательства, исходя из конкретной обстановки. Красноречива в этом плане приводимая Певзнером мысль японского ученого Фурукава Синдзи. «По моему убеждению, для того чтобы обеспечить динамичный рост современного индустриального общества, мы должны соединить “невидимую руку” рыночной силы Адама Смита с силой, которую я бы назвал “видимой рукой” государственной политики, осуществляемой с пронизательным глубоким анализом и с достигаемым на его основе здравомыслием». При этом, как считает Певзнер, комментируя эту цитату, в наши дни рука рынка становится все более «видимой» и это позволяет шире и эффективнее использовать «руку государства». Но нужно подчеркнуть, что последнее возможно только при демократии.

В Японии послевоенные реформы начались с демократизации. Правда, в весьма специфической обстановке. До войны в стране царил жесткий полицейский режим. Были запрещены политические партии, профсоюзы, общественные организации. У руководства страны стояли милитаристы, управлявшие страной от имени императора, который в сознании японцев был богом на земле.

В годы весьма длительной, почти семилетней оккупации японцы получили сильную прививку демократии. Был до основания разрушен тоталитарный милитаристский режим и его опора «дзайбацу» – финансово-промышленные монополии. Одни из них были национализированы, другие раздроблены на мелкие компании.

Несмотря на то, что демократические принципы насаждались оккупационными властями насильственно, они были поддержаны всем населением и дополнены собственными культурными традициями. Уже в мае 1947 г. вступила в силу новая прогрессивная конституция страны со всеми атрибутами демократического государства. На ее основе были приняты законы и подзаконные акты, позволившие сформировать партийную структуру весьма широкого спектра, создать профсоюзы, отладить систему выборов на всех уровнях. В ходе межпартийных дискуссий, а часто и внутри отдельных партий шла борьба за избирателей, а с ней вырабатывался компромиссный, устраивавший большинство общенациональный курс в различных сферах: в экономике, образовании, в решении социальных проблем.

В этой борьбе формировались, объединялись, раскалывались, прекращали существование разные партии. Важно подчеркнуть, что борьба шла в правовом поле. Принятая в 1947 г. конституция действует без поправок и в наши дни. Лишь незначительные поправки внесены в принятый в 1949 г. Закон о выборах. В первые послевоенные годы в Японии было зарегистрировано более 200 политических партий. Но мелкие партии, не имевшие своего электората, быстро прекращали свое существование.

Осенью 1955 г. партийная структура в стране стабилизировалась. 13 октября объединились в единую партию левые и правые социалисты, сформировав Социалистическую партию Японии (СПЯ). Как бы в ответ на консолидацию на левом фланге, через месяц, 15 ноября две буржуазные партии – либеральная и демократическая, бывшие основными политическими силами в парламенте по числу мандатов, – образовали единую Либерально-демократическую партию (ЛДП). Демократия в Японии победила полностью и окончательно. Важным фактором было то, что в стране сформировалось гражданское общество, которое основывалось на праве, полной независимости судебной власти, на демократии, а главное – на высокой политической культуре и активности членов общества, на принципе «государство – слуга общества».

Фактически во второй половине 50-х годов в парламенте Японии остались только две политические партии – ЛДП и СПЯ, с антагонистическими программами. Алексей Иванович Сенаторов, который тщательно проанализировал документы японских политических партий, подчеркивал: «В конечном счете, программа, – это лицо политической партии, она отражает ее характер и сущность даже тогда, когда покрыта слоем грима и ретуши»⁷.

15 ноября 1955 г. на учредительном съезде ЛДП было принято несколько программных документов. В главном из них – «Политическая программа партии» – ЛДП провозглашалась «прогрессивной политической партией», которая, «сохраняя правильные традиции и порядок, неизменно идет вперед, отвечая требованиям времени, реформирует современную действительность, искореняет зло». Как в этом, так и во всех принятых позднее программных документах ЛДП, декларировался ее «народный характер», подчеркивался ее «внеклассовый подход», провозглашалась идея достижения общего согласия, «сотрудничества труда и капитала» – все это во имя «построения государства благосостояния» при «обеспечении полной занятости» на основе «свободного предпринимательства».

В то же время, как отмечает А. Сенаторов, выдвигая лозунг «построения государства благосостояния», либерал-демократы заявили об «отрицании как социалистической экономики, так и монополистиче-

⁷ Сенаторов А. И. Политические партии Японии: сравнительный анализ программ, организации и парламентской деятельности (1945–1992). М., 1995, с. 8. Ниже все цитаты из документов японских партий взяты из этой монографии.

ского капитализма»⁸. Эта программа оценивала монополистический капитализм как зло. Государство благосостояния ЛДП предлагала строить «на основе свободного предпринимательства», содействия расширению производства путем придания ему «комплексного планового характера» и одновременного проведения «сильной политики социального обеспечения».

Программа, принятая на объединительном съезде СПЯ, была весьма краткой. По мнению Сенаторова, это было следствием компромиссов при ее выработке, рядом уступок друг другу как левых, так и правых сил в партии. Мировой капитализм, утверждалось в программе, «вступил в период тяжелого, системного кризиса», «уже исчерпал свою историческую миссию», «должен уступить место новому строю – социализму путем мирной демократической революции». В то же время в программе указывалось, что «коммунистический лагерь успешно развивал собственную экономику..., расширил сферу своего преобладания». Однако социалисты поддерживали позиции «коммунистического лагеря» с существенными оговорками.

Например, в программе говорилось, что коммунизм при продолжительном существовании «фактически приводит к подавлению демократии, отрицанию права на свободу личности и достоинство человека». В международной напряженности социалисты обвиняли не только империалистический лагерь, но и рецидивы коммунистического курса на «мировую революцию». Прямо говорилось о необходимости «преодоления коммунизма».

СПЯ в своей первой программе декларировала, что является «классовой партией трудящихся масс», прежде всего, рабочего класса, затем крестьян, рыбаков, мелких и средних предпринимателей, интеллигенции. СПЯ намеревалась взять власть мирным, демократическим путем, завоевав абсолютное большинство в парламенте. Правда, позднее, осознав, что такое развитие событий маловероятно, взяла курс на формирование коалиционного правительства из партий оппозиции. Повышение жизненного уровня мыслилось путем подъема производительных сил «на основе обобществления важнейших отраслей промышленности и их планового развития». Вместе с тем отмечалось, что «социализм не означает полной отмены свободы частного предпринимательства и права собственности»⁹. Для полноты картины следует упомянуть еще и о программе коммунистов. Курс революционной борьбы, предлагаемый КПЯ еще с периода оккупации, отвергался избирателями безоговорочно. В годы оккупации коммунисты повышали свой авторитет у избирателей за счет провозглашения «борьбы за национальную независимость». Пик популярности КПЯ пришелся на январь 1949 г., когда на выборах партия

провела в парламент 35 депутатов и получила поддержку 10% избирателей. Однако после принятия достаточно экстремистской «Программы 1951 г.» партия фактически утратила доверие избирателей. В программе отрицалась возможность «мирного пути освобождения и демократического преобразования Японии».

Иными словами, коммунисты не видели возможности своего прихода к власти парламентским путем. В практических делах КПЯ начал проявляться «военный курс», создание в горах баз и формирований самообороны из крестьян. Все это не находило понимания у граждан, поскольку совершенно не отвечало их интересам. Лишь после отказа в 1958 г. от «Программы 1951 г.» КПЯ начала восстанавливать свои позиции. Однако она упорно сохраняла в программных документах положения о «диктатуре пролетариата», «обобществлении средств производства и социалистическом плановом хозяйстве, дающем возможность безграничного развития производительных сил» как основных средств обеспечения построения социализма. Влияния в парламенте коммунисты практически не имели, до конца 1960-х годов в обеих палатах у них было около полутора десятка депутатов. Еще одна небольшая Рабоче-крестьянская партия левой ориентации влилась в СПЯ 16 января 1957 г.

Первые же выборы в парламент так же, как и последующие выборы до 1993 г., показали полную поддержку избирателями программы ЛДП. В то же время СПЯ утрачивала свои позиции, несмотря на неоднократные корректировки своих программных документов. Призывы к социалистическим преобразованиям не находили поддержки у избирателей, хотя бы потому, что в ходе достаточно представительных опросов 80–85% населения уже в конце 1960-х годов стали относить себя к среднему классу. Это означает, что при сравнительно высокой образованности и сохранявшемся значительном влиянии социалистических идей подавляющее большинство населения уже не относилось к числу эксплуатируемых¹⁰. СПЯ, учитывая это, начала менять курс на социал-демократический, но это не помогало.

До 1993 г. ЛДП и СПЯ оставались главными силами в парламенте, хотя иногда небольшие группы политиков, которые были не согласны с генеральными линиями ЛДП и СПЯ, покидали их ряды и формировали так называемые «партии среднего пути» – Партия демократического социализма, Новый либеральный клуб, Социал-демократический союз совокупно имели несколько десятков мест в парламенте. Уже по названиям этих партий можно видеть, что наибольший урон при этом несла соцпартия. К партиям «среднего пути» относятся и клерикальная партия «Комэйто», сформированная в ноябре 1964 г. при поддержке буддийской секты Сока гаккай. После 1965 г. она имела в обеих палатах

⁸ Там же, с. 11.

⁹ Там же, с. 25.

¹⁰ Певзнер Я. А. Политический фактор в современном конкурентно-рыночном хозяйстве..., с. 84.

парламента от 45 до 70 мест, в ключевой нижней палате – от 25 до 57 мест. У «Комэйто» был свой достаточно стабильный электорат.

Почти четыре десятилетия до весны 1993 г. ЛДП удерживала большинство в нижней палате парламента и формировала однопартийные правительства. Но назревал кризис в самой ЛДП. Длительное пребывание у власти привело к развитию коррупции и самоуспокоенности в ней. По этой причине из ЛДП вышли заметные фигуры и сформировали свои партии. ЛДП утратила большинство в парламенте, а семь из восьми партий, имевших в то время мандаты в парламенте, смогли договориться о формировании коалиционного правительства.

Но связующих факторов в коалиции было очень мало, слишком разные по политическим взглядам были входившие в нее партии. ЛДП же оставалась самой многочисленной партией в парламенте, хотя и не имела большинства. Менее чем через год либерал-демократы нашли и затем без труда находили союзников среди оппозиционеров. ЛДП начала формировать коалиционные кабинеты.

Таким образом, ЛДП, находившаяся у власти с 1956 г., единолично определяла экономический курс. Доверие избирателей завоевывалось и поддерживалось тем, что партия в полной мере выполняла обещания, которые она давала в своих программных документах, не пытаясь что-то прикрыть «слоем грима и ретуши», в том числе и в плане выполнения своего экономического курса. Певзнер в своей работе раскрывает особенности этого курса, но начинается с теоретических выкладок, с утверждения, что «методологической основой экономической науки является не столько диалектический материализм, сколько позитивизм»¹¹. При этом связанность экономики и политики, роль нерыночных факторов, привели к тому, что резко усилилась необходимость учета и обращения к национальной специфике. Япония привлекает к себе в этом плане особый и, без преувеличения, всемирный интерес, писал Певзнер¹².

В подтверждение этого интереса приводится тот факт, что при международном научном центре «Восток-Запад» в Гонолулу в 1982 г. был создан специальный Японо-американский исследовательский центр по проблемам политической экономики Японии. В 1987–1990 гг. центр выпустил трехтомный труд японских и американских ученых «Политическая экономика Японии». Каждая страница этого фундаментального труда, комментирует Певзнер, проникнута вполне обоснованной концепцией о неразрывности экономики и политики во всем их многообразии.

Певзнер приводит обширную цитату из статьи руководителей авторского коллектива о трудностях, с которыми столкнулись исполнители. «Вся работа проникнута политико-экономическим подходом, но и этого было недостаточно. Для того чтобы учесть действие социальных и

культурных переменных, из которых одни существенно изменяются, другие важны именно вследствие своего постоянства, требуется широкий, междисциплинарный аналитический подход». И даже в том случае, «когда речь идет лишь о политико-экономическом подходе, возникает необходимость выйти за пределы общепринятой классификации научных дисциплин».

Певзнер в своем анализе подводит читателя к выводу, что «рука рынка становится все более “видимой”». А регулирующий фактор, «формируясь в хаосе непрерывной, острой политической борьбы с непредсказуемыми результатами, во многих отношениях носит скрытый, невидимый, зачастую с трудом обнаруживаемый и не поддающийся точному описанию характер». Это, по мнению Певзнера, можно видеть по содержанию и стилю экономической литературы, из которой можно почерпнуть богатую информацию о рыночных факторах, тогда как экономико-политический анализ и прогнозы зачастую носят характер неточных описаний и смутных догадок»¹³. Как пишет Певзнер, экономический анализ стал сложнее. Отказавшись от прежних постулатов, прежде всего от утверждения, что частная собственность означает эксплуатацию, а общественная – ее отсутствие, экономическая теория XX в. обратилась к анализу многих категорий и переменных, таких как затраты и результаты, цена и стоимость, разные виды собственности и управления, монополия и конкуренция, прибыль и убытки и многое другое.

Все рассматривается в плоскости оптимизации функционирования экономики страны, прежде всего соотношения монополии и конкуренции. При этом, как никогда в прошлом, трактовка экономической теории как политической экономии не была так оправдана, как в послевоенные годы, считает Певзнер. Далее он пишет, что именно во время послевоенного экономического бума в ФРГ родился афоризм, отражающий функционирование экономики этой страны и ставший общепринятым во всем мире: «Конкуренция – везде, где возможно, регулирование – везде, где необходимо». Однако весьма сложно найти грань, где преимущества рынка, свободной нерегулируемой конкуренции исчерпаны, и возникает необходимость управления, пишет Певзнер.

С уверенностью можно констатировать, что все послевоенные годы руководство Японии в лице Либерально-демократической партии успешно находило эту грань, но с некоторой поправкой афоризма. Руководство не подходило к грани, а с самого начала осуществляло жесткое государственное регулирование практически во всех сферах ради эффективного сбалансированного развития индустрии, но при этом регулируя и развивая конкуренцию.

После войны Япония переживала экономический коллапс. Была утрачена четверть машиностроительных мощностей, разорваны внешние

¹¹ Там же, с. 71.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 76.

коммерческие связи, более 7 млн. граждан страны, демобилизованные и репатрианты, возвратились в Японию, что резко обострило проблему с трудоустройством. Решение ряда сложных проблем было невозможно без комплекса разнообразных административных мер. И здесь, как до войны, продолжала играть важную роль «видимая рука», государственное регулирование. Главной целью государственного регулирования стало содействие экспортноориентированной экономике как основы развития страны.

Это хорошо видно в сфере финансов, где был установлен жесткий контроль со стороны государства за внешними операциями. Все они осуществлялись через Экспортно-импортный банк, который как с экспортерами, так и с импортерами вел расчеты в иенах по твердому курсу 360 иен за доллар. Иными словами, экспортер не получал валюту. А те, кому она была нужна для закупки сырья и оборудования, обращались с заявками в банк, который и определял приоритеты, исходя из общегосударственных задач. В 1964 г., после вступления в МВФ, Япония сняла ряд ограничений по текущим расчетам с заграницей. Нельзя не указать, что с 1949 г. Банк Японии удерживал курс национальной валюты явно заниженным – 360 иен за доллар. Лишь в 1971 г. иена стала конвертируемой, да и то в связи с крахом Бреттон-Вудской системы, отказом США от обмена долларов на золото по официальному курсу.

В промышленности была сильная отраслевая регламентация, включавшая лицензирование доступа и согласование капиталовложений на расширение производства с учетом поддержания баланса спроса и предложения. Имела место и регламентация цен, например на рис. В 1960-х годах, когда в Японии был мощный экономический подъем, регулирующие нормы не снимались. Скорее наоборот, вводились новые нормы для предотвращения перегрева экономики и защиты национальных компаний даже в период экономического бума.

В 1962 г., например, был принят так называемый Нефтяной закон. С конца 1950-х годов нефть, дешевая и удобная в транспортировке, становилась основным сырьем для энергетики, развивалась нефтехимия, началась автомобилизация страны. Закон поставил нефтепереработку под жесткий контроль правительства. Нефтяные компании принудительно допускались только в сектор переработки нефтепродуктов и не могли заниматься нефтехимией. Это защищало зарождавшуюся национальную нефтехимию от перехода в руки американских нефтяных компаний, которые доминировали в японской нефтепереработке.

Однако в 1970-х годах после первого «нефтяного кризиса» стало ясно, что в новых условиях регламентация, подавляя конкуренцию, сдерживает темпы роста экономики. Наиболее заметным шагом при проведении Административно-финансовой реформы 1979–1985 гг. стала приватизация крупных государственных корпораций, в том числе и государственных железных дорог. Многие законы были пересмотрены в сторону

либерализации. В 1981 г. в Нефтяном законе было отменено согласование инвестиционных программ, ослаблен ряд других регламентаций. В 1987 г. был пересмотрен Закон о воздушном транспорте, действовавший с 1952 г. В новом его варианте регламентация была сведена к необходимому минимуму, прежде всего, в интересах обеспечения безопасности. Такая же картина наблюдалась и в других отраслях и сферах экономики.

Певзнер обращает внимание на то, что «в Японии преобладает тенденция к дальнейшей денационализации, к повышению и без того высокого удельного веса частного предпринимательства». Тем не менее, делает вывод Певзнер, никогда, ни на каких этапах своего буржуазного развития, «японское государство, не располагавшее большой собственностью, не оставалось нейтральным или пассивным по отношению к подавляющему по своей массе частному предпринимательству. Не остается оно таковым и сейчас». Государство осуществляло и осуществляет управление нефинансовыми корпорациями на отраслевом и более высоком уровне в основном в стратегическом плане мерами индикативного характера», т. е. сохраняло контроль над обстановкой¹⁴.

Государство не только контролировало, но и активно вмешивалось в экономические процессы. Например, уже с конца 1940-х годов начали разрабатываться государственные программы судостроения. При государственном финансировании на верфях страны размещались заказы на строительство судов, которые передавались судоходным компаниям в кредит под низкие проценты и с большой рассрочкой платежей. Это позволяло развивать как национальные судостроительные, так и судоходные компании. Госзаказы, как главное средство воздействия государства на обстановку в судостроении, сохранялись до конца 1970-х годов.

Средства для регулирующего воздействия со стороны государства есть и сейчас, и постоянно действующие и пускаемые в ход только тогда, когда возникает необходимость, пишет Певзнер. Он отмечает, что в мире Япония окружена ореолом страны, «более широко чем другие страны “применяющая невидимые меры государственного регулирования” с юридически неуловимой, но не вызывающей сомнений национальной, монополистической по своей природе солидарностью японского бизнеса в противостоянии иностранному капиталу»¹⁵.

В какой-то мере это справедливо в отношении нефинансовых корпораций и еще в большей степени – сферы кредита, где «стратегический и скорее директивный характер управления сочетается с оперативным»¹⁶. Распорядительные меры в сфере кредита были направлены

¹⁴ Там же, с. 84.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

на то, чтобы повышать общий объем сбережений и концентрировать их не в ценных бумагах, а в банковских депозитах.

Тем самым сбережения обретали государственную гарантию и в то же время попадали под государственный контроль. Для банков устанавливались нормы резервов и размеры процентных ставок. По многим видам кредитов банковские чиновники обязаны были руководствоваться не только состоянием дел заемщика, конъюнктурой, но и «директивами правительства и центрального банка». Это, по мнению Певзнера, представляло собой «что-то похожее на административно-командные методы. Но в условиях преобладания частной собственности и свободного рынка такая система выполняла положительную, стабилизирующую роль»¹⁷. Именно это позволило Японии с меньшими потерями преодолеть в 1973 г. первый «нефтяной кризис», и практически без последствий пройти второй в 1979 г.

Послабления в ходе начатой в конце 1970-х годов административно-финансовой реформы в 1985 г. затронули и сферу кредитного контроля, что развязало руки частным корпорациям и ускорило мобилизацию капитала при помощи выпуска акций. Доля облигаций и акций в общем объеме привлеченных средств крупных предприятий в обрабатывающей промышленности Японии поднялась с 10,6% в 1980 г. до 59% в 1986 г.

Напряженность, вызванная нефтяными кризисами, была снята, но оборотной стороной стали крупные вложения не только в акции, но и в недвижимость. Весь этот неоправданный бум в конечном итоге привел к обвалу курса акций и получил название «мыльного пузыря». Анализируя природу «экономики мыльного пузыря» и возможные последствия, Певзнер приходит к выводу, что «защитные сооружения, созданные обществом, оказались достаточно надежными для того, чтобы надвинувшийся спад не превратился в стихийное бедствие» и чтобы «при этом не пострадала “природная среда” в виде рынка, конкуренции, собственности»¹⁸. Напомним, что это было написано в 1995 г.

Россия находится в стадии реформ и преобразований. Телевидение, газеты заполнены критикой практически всех нововведений, во многом справедливой. У нас формируется своя «природная среда» в виде рынка, конкуренции, собственности. Япония прошла этот этап и ее опыт для нас бесценен. За одно десятилетие, как показано выше, она вывела свое судостроение на передовые позиции в мире. Почему же нам нельзя часть бюджетного профицита использовать для заказов верфям рыболовных судов и передачу их в льготную аренду нашим рыбакам при одном условии – сдавать улов в российских портах или на российские плавбазы?

Обидно, когда труды наших ученых, политологов и экономистов-международников проигнорированы политиками. Судьбоносные реше-

ния в России все еще принимаются келейно и по принципу «мне так видится», «мне так кажется».

Как принимаются решения в Японии – отдельная тема. Многие принципы этого процесса раскрываются в коллективной монографии, написанной сотрудниками Института Дальнего Востока РАН¹⁹. В предисловии монографии подчеркивается, что задачи, которые решаются в ходе японских реформ, во многом схожи с задачами российских реформ. В монографии рассматриваются итоги политической и административной реформ, новые моменты «реформы регулирования», бюджетной реформы, что делается для нормализации работы банковской системы.

Отдельные главы посвящены реформам в сфере социального обеспечения, судебной системы, в системе образования. Каждая системная реформа начинается с формирования специальных исследовательских органов. Например, когда назрела необходимость реформы системы образования, при правительстве был создан Национальный совет по реформе образования в составе 25 специалистов высокой квалификации, кандидатуры которых были отобраны премьер-министром и одобрены парламентом. За три года совет опубликовал три отчета. В первом из них были определены целевые установки, в двух других даны конкретные рекомендации: поворот от равных возможностей «к раскрытию многообразных индивидуальных способностей личности» и «адаптация к новым международным условиям». В результате, у японской общест-венности сформировалась полная ясность в том, что и почему необходимо менять.

* * *

Все послевоенные годы экономика Японии реформируется, при этом меняется соотношение в ролях «видимой» и «невидимой» руки в продвижении к главной цели – формированию демократического, буржуазного, но с человеческим лицом, государства.

Может ли японский опыт достаточно успешного нахождения баланса между «видимой» и «невидимой» рукой в экономике использоваться в России? Безусловно, это возможно, но начинать следует с внедрения на всех уровнях демократических принципов, уважения законов, добиваться прозрачности работы административных органов. Это – как минимум. Только на этой основе можно ожидать оптимальной действенности сочетания «видимой» и «невидимой» руки. При этом целью государственного регулирования должно быть развитие конкурирующего начала и борьба с монополистическими тенденциями.

¹⁷ Там же, с. 85.

¹⁸ Там же, с. 86.

¹⁹ Реформы современной Японии (1994–2006 гг.). М., 2008.

Демографическая ситуация и ее возможные последствия

С. Б. Маркарьян

Япония вошла в полосу серьезных демографических сдвигов в начале XXI в. Эти сдвиги самым непосредственным образом влияют на социально-экономическое положение в обществе – его структуру и межличностные отношения, оказывают серьезное воздействие на такие фундаментальные факторы развития общества, как экономический рост и безопасность страны, общественное благосостояние. Подобная ситуация характерна для всех индустриальных стран, но в Японии она ощущается более остро, ибо она первая столкнулась с абсолютным сокращением численности населения, беспрецедентной быстротой его старения, наиболее низким коэффициентом рождаемости.

В настоящее время проблемы демографических сдвигов стоят в центре внимания японского общества, ибо от их разрешения в значительной степени зависит перспектива дальнейшего развития страны. Встает вопрос о выработке новых подходов к реальной действительности, подходов, которые смогут сохранить высокую степень жизнеспособности и изобилия, достигнутых страной в предыдущие годы.

Изменение возрастной структуры населения

Демографические ресурсы, их количество и качество являются важнейшим компонентом потенциала страны. Согласно официальной японской статистике с 1920 г., когда началась регулярная перепись населения, по 2006 г. его численность постоянно (за исключением 2005 г.) возрастала (см. табл. 1). Однако, что характерно для всех развитых стран, темпы прироста постепенно снижались. Если за 1960–1980 гг. численность населения Японии выросла на 24%, то за последующие 20 лет – лишь на 8,5%¹, а начиная с 1977 г. темпы прироста упали ниже 1%. По подсчетам демографов, к 2050 г. численность населения снизится до 100 млн. человек². Реально же в 2005 г. население по естественным причинам сократилось на 10 тыс. человек³.

¹ Подсчитано по: Кэйдзай токэй нэнкан. Токио, 2001, с.230.

² Правительственный прогноз (The Daily Yomiuri. 02.09.2001).

³ www.jetro.go.jp

Таблица 1
Численность населения Японии (млн. человек)*

Год	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2006
Всего	56,0	64,5	71,9	84,1	94,3	104,7	117,1	123,6	126,9	127,8
Мужчины	28,0	32,4	35,4	41,2	46,3	51,4	57,6	60,7	62,1	62,3
Женщины	27,9	32,1	36,5	42,9	48,0	53,3	59,5	62,9	64,8	65,4

* www.stat.go.jp/data/nenkan

В основе падения численности населения лежит, прежде всего, резкое сокращение рождаемости, которое началось еще в довоенный период, но после окончания войны произошли два бэби-бума, что является особенностью демографического развития Японии. Первый бэби-бум был во всех странах сразу после войны, но второй, в начале 70-х годов, – только в Японии. Причем в отличие от ситуации в других странах, где он растянулся до десяти лет, японский первый бэби-бум продолжался только четыре года: из-за тяжелого экономического положения в стране был принят закон, разрешающий аборт, и коэффициент рождаемости сразу упал.

За исключением упомянутых двух бэби-бумов в остальное время коэффициент фертильности, как показывает табл.2, все время падал. В 2005 г. в Японии почти 74% семей вообще не имели детей, тогда как в 1975 г. таких было менее половины⁴.

Таблица 2
Коэффициент фертильности*

1925	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2002	2004	2005
5,10	4,37	4,11	3,65	2,00	2,13	1,75	1,54	1,36	1,32	1,29	1,26

* Коэффициент общей фертильности (среднее число детей, рожденных женщиной в течение жизни). www/stat.go.jp/data/nenkan.

Показатель фертильности в Японии в настоящее время – один из самых низких среди развитых стран. В среднем, по данным за 2000–2005 гг., он составил 1,33 по сравнению с 2,04 в США, 1,87 во Франции, 1,86 Великобритании, 1,64 в Швеции. Более низкий показатель зафиксирован только в Германии – 1,32⁵.

В то же время Япония занимает первое место в мире по продолжительности жизни⁶, рост которой увеличивался достаточно быстро. В

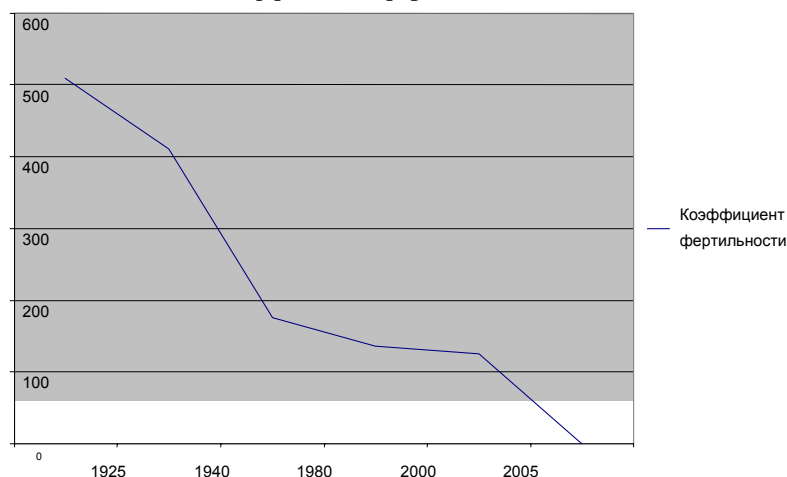
⁴ Facts and Figures of Japan. Tokyo. 2007, p.40.

⁵ Japan. An International Comparison. Tokyo, 2007, p.16.

⁶ В среднем за 2000–2005 гг. средняя продолжительность жизни в Японии составила для мужчин 78,3 года, для женщин – 85,3 года. В Швеции, которая идет вслед за Японией по этому показателю, он был равен соответственно 77,8 и 82,3 годам (Japan. An International Comparison. Tokyo, 2007, p.16).

1947 г. она составляла 51 год для мужчин и 54 года для женщин, в 1960 г. поднялась соответственно до 65 и 70 лет, в 2005 г. – до 78,53 и 85,49 лет.

Диаграмма 1
Коэффициент фертильности

Изменение упомянутых выше двух демографических показателей – ожидаемой продолжительности жизни и коэффициента фертильности – вызвало большие перемены в возрастной структуре населения, в том числе и на перспективу (см. табл. 3 и диаграмму 2).

Таблица 3
Возрастная структура населения, %*

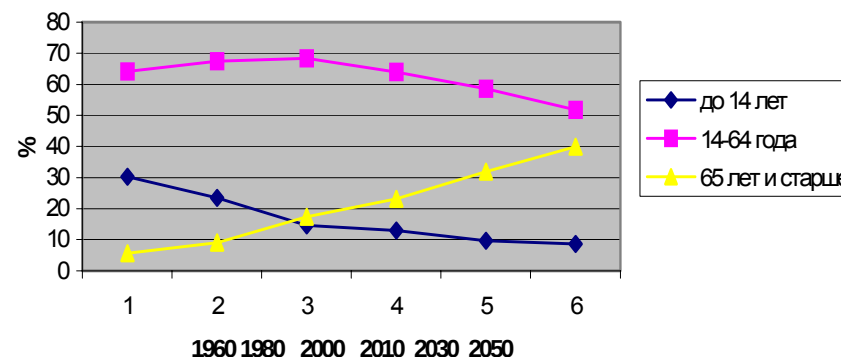
Год	до 14 лет	15–64	65 и старше
1960	30,2	64,1	5,7 (3,4)**
1970	24,0	68,9	7,1 (4,2)
1980	23,5	67,4	9,1 (5,7)
1990	16,2	69,7	12,1 (7,9)
2000	14,6	68,3	17,3 (11,7)
2010	14,4 (13,0)	63,6 (63,9)	22,0 (23,1)
2020	13,7 (10,8)	59,4 (60,0)	26,9 (29,2)
2030	12,7 (9,7)	59,3 (58,5)	28,0 (31,8)
2040	12,9 (9,3)	56,1 (54,2)	30,9 (36,5)
2050	13,1 (8,6)	54,6 (51,8)	32,3 (39,9)

* Facts and Figures of Japan, Tokyo, 2001, p. 10; 2007, p. 26; Кэйдзай токэй нэнкан. Токио, 2001, с. 28.

** В том числе старше 70 лет.

При этом, прогнозные цифры на 2010–2050 гг., опубликованные в 2001 г. (левая колонка), выше для групп населения в возрасте до 14 лет и 15–64 лет (в последней группе – за 2030–2050 гг.), а в группе старших возрастов, наоборот, ниже, чем помещенные в том же справочнике за 2007 г. (и в том и в другом случае приведены данные демографической статистики министерства здравоохранения, труда и благосостояния).

Диаграмма 2
Структура населения

В 2008 г. число детей в возрасте до 14 лет составило 17,25 млн. человек, или 13,5% всего населения. Это – самый низкий уровень среди развитых стран. А в 1950 г., после первого послевоенного бума рождаемости эта цифра равнялась 34,5%. Но потом она постоянно снижалась за исключением периода второго бэби-бума в 1971–1974 гг. По данным Национального института изучения проблем населения и социального обеспечения, к 2015 г. эта когорта составит менее 15 млн. человек, или 12% общей численности населения⁷.

В то же время в несколько раз увеличилось число лиц пожилого возраста, которое впервые оказалось выше этого показателя в группе детей в 1997 г., а на начало 2008 г. составило 21,8%, т. е. превысило ее уже на 8,3 пункта. Еще в середине 90-х годов прошлого века в Японии доля лиц старше 65 лет в общей численности населения была меньшей по сравнению с большинством развитых стран – 14,56%. Однако темпы «старения» японского общества были достаточно высокими: например, доля лиц старших возрастов поднялась здесь с 7 до 14% за 24 года, в то время как во Франции для этого потребовалось 114 лет, в США – 69, в Англии – 46. Особенно ускорился этот процесс с 80-х годов прошлого века. И сейчас японское общество уже не стареющее, а состарившееся,

⁷ The Japan Times. 05.05.2008.

более того, самое старое в мире⁸. В начале XXI в. доля лиц 65-летнего возраста и старше в Японии была 19,4%, в США – 14,5%, Канаде – 7,9%, Великобритании – 6,3%, Германии – 3,4%, Франции – 1,3%⁹.

По прогнозам японского НИИ населения и социального обеспечения, сделанных накануне XXI в., в 2050 г. удельный вес 65-летних достигнет 39,6%, тогда как в Швеции – 27,7%, в Великобритании – 23,2%, в США – 20,7%¹⁰.

Как показывает таблица 3, особенно быстро увеличивается удельный вес группы лиц старше 70 лет. В целом отношение численности старшей возрастной когорты к аналогичному показателю первой группы в 2000 г. составляло 118,7%, в то время как в 1960 г. – лишь 19%. По оценке сотрудников ООН, к 2025 г. средний возраст японцев достигнет 50 лет, при том, что более 35% населения страны составят люди в возрасте свыше 60 лет¹¹.

При этом, что очень важно, с середины 90-х годов XXI в. наметилась тенденция сокращения численности населения трудоспособных возрастов. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), за 2000–2025 гг. численность рабочей силы Японии будет сокращаться в среднем на 0,7% в год, а в 2025–2050 гг. – на 0,9%¹².

Подобная демографическая ситуация чревата серьезными проблемами. Прежде всего, такое положение негативно повлияет на рост производства (непрерывный рост численности населения испокон века считался незыблемым условием экономического развития), приведет к снижению валового внутреннего продукта (ВВП), сокращению налоговых поступлений, личных сбережений и спроса. Что касается объема внутреннего спроса, то он не только напрямую связан с числом жителей, но и с увеличением группы пожилых людей, у которых потребности ниже. В условиях сохранения социальной направленности корпоративной и государственной экономической политики демографическая ситуация скажется и на конкурентоспособности японской продукции и на замедлении роста качества жизни.

Вырисовывается еще одна серьезная проблема, проистекающая из-за сокращения численности экономически активного населения. Это – увеличение сумм социальных выплат и соответственно нагрузки на группу лиц трудоспособного возраста, которая должна будет обеспечивать пенсионерам эти выплаты.

⁸ В среде демографов принято называть общество стареющим, если лица в возрасте старше 65 лет превышают 7% общей численности населения. Общества же с долей 65-летних в 14 % относят к состарившимся.

⁹ Facts and Figures...2007, p.118.

¹⁰ Ibid., p.27.

¹¹ Asia Program Special Report. 2003, January, p.5.

¹² Ibid. p.5.

В. Б. Рамзес в своей последней работе «Экономика демографического кризиса»¹³ всесторонне и весьма обстоятельно проанализировал ситуацию в экономике и определил ее перспективы (примерно до 2030 г.) в связи с происходящими демографическими сдвигами. По его оценке, прогнозируемая демографическая ситуация неумолимо ведет к свертыванию масштабов японской экономики, ибо сокращение рабочей силы не сможет быть компенсировано достижениями научно-технического прогресса.

Такого же мнения придерживаются и многие аналитики за рубежом. Например, Пауль С. Хьюит, директор программы глобального старения (Global Aging Initiative Program) в Центре стратегических и международных исследований, считает, что главные беды Японии произрастают либо непосредственно из создавшейся демографической ситуации, либо под ее воздействием. По его мнению, работники старших возрастов не склонны рисковать, начинать новое дело, менять местожительство, у них старое мышление и старые методы деятельности. Политическая культура в стране, традиционный менеджмент и рынок труда абсолютно не адекватны для решения проблем демографического кризиса. Время для постепенного приспособления к новой ситуации прошло и реструктуризацию надо провести в кратчайшие сроки¹⁴. Но есть ряд экспертов, которые, аналогично оценивая сегодняшнюю ситуацию, все же видят возможности выхода из нее.

Возможности обеспечения необходимой рабочей силой

До настоящего времени вопрос о рабочей силе в принципе не стоял. Даже в период высоких темпов роста, в условиях все увеличивающегося спроса рабочая сила пополнялась за счет притока сельского населения, ухода из деревни молодежи, большим количеством рабочих часов. Однако этот источник практически иссяк. В определенной степени резерв рабочей силы составляет возрастающее число работающих женщин, лица старших возрастов, иммигранты (В.Б.Рамзес считал, что этот резерв не сумеет изменить ситуацию). И, последнее по счету, но не по важности – политика снижения трудозатрат и, прежде всего, внедрение достижений научно-технического прогресса.

Что касается женщин, то в 1980 г. в числе занятых их было 38,7%, в 2006 г. – 41,4%¹⁵. Причем постепенно растет число тех, кто трудится достаточно длительное время: например, в 1985 г. доля работающих 15–20 и более лет составляла 11,9%, в 2004 г. – 20,1% (см. табл. 4).

Увеличение числа работающих женщин (в 2006 г. – около 42% от их общего числа) связано, прежде всего, с их желанием иметь работу, причем зачастую не только для того, чтобы пополнить семейный бюджет

¹³ См.: Япония: свет и тени. М., 2008, с.29–93.

¹⁴ The Gray Roots of Japan's Crisis. –Asia Program... , p. 4–9.

¹⁵ Facts and Figures..., p.192.

Таблица 4
Доля работающих женщин по числу проработанных лет, (%)*

Год	Не работали	1–2 года	3–4 года	5–9 лет	10–14 лет	15–19 лет	20 и более лет
1985 (6,8)**	13,3	23,0	17,0	21,8	13,0	6,4	5,5
1994 (7,60)	10,5	23,0	18,3	21,3	11,3	6,9	8,9
2004 (9,0)	10,9	18,1	13,7	21,7	15,4	8,6	11,5

* Japan. An International Comparison. 2007, p.115. Данные министерства здравоохранения, труда и благосостояния.

** В скобках указано среднее число лет, проработанных женщинами за соответствующий год.

или потратить больше денег на себя. Немаловажной причиной их трудовой активности становятся психологические факторы, потребность раскрытия творческих способностей и самовыражения. Кредо современных молодых женщин выразила студентка факультета социологии Университета Мусаси: «Нас не заботит, как мы выглядим в глазах мужчин, своих потенциальных мужей... Найти мужа – далеко не главное дело в жизни японской женщины, гораздо важнее проявить себя, отстаивать свое законное право жить так, как тебе самой хочется»¹⁶. По мнению социолога Ивао Сумико¹⁷, именно женщине присущ в настоящее время динамизм и творческий дух, в то время как мужчина более пассивен и склонен к соблюдению иерархии.

В основном женщины заняты в сфере услуг и пищевой промышленности, в оптовой и розничной торговле, в производстве электрооборудования. Они составляют свыше половины занятых в сельском хозяйстве. Большая часть женщин работает в семейном бизнесе. Но они трудятся и в таких областях, о которых ранее даже не могли подумать: в школе и высших учебных заведениях, в медицине и юриспруденции. Японки весьма активно осваивают информационные технологии: в Интернете много мелких фирм, занимающихся мелкооптовой торговлей, проведением консультаций и пр., которыми руководят женщины. Фирму «ДоКоМо», являющуюся самым крупным Интернет-провайдером в Японии, возглавляет Мацунага Мари – одна из наиболее известных бизнес-леди страны. Правда, представителей слабого пола все еще ничтожно мало на управляющих должностях – директоров, начальников отделов, глав групп, особенно при сравнении с положением женщин в развитых странах Запада. Совсем немного их и в политике, но и в этой области наблюдаются существенные подвижки.

¹⁶ www.cultura-portal.ru

¹⁷ Ивао Сумико – не только ученый, но и известный общественный деятель, в том числе за границей.

При сравнении с положением в других развитых странах: в 2003 г. в Швеции работало 76% женщин, Норвегии – 69%, в США – 59,5%, в Великобритании – 55,3%, в Германии – 49,3%, в Японии – 48,3%¹⁸, резерв увеличения работающих женщин еще есть. Но при этом надо иметь в виду японские традиции (а здесь они еще достаточно сильны), в соответствии с которыми женщины должны сидеть дома и воспитывать детей и сравнительно небольшой срок активной эмансипации женщин. Хотя и в этой области уже есть значительные подвижки. Так, по данным опросов общественного мнения, число тех, кто считает, что женщины должны сидеть дома, в 2002 г. почти сравнялось с числом оппонентов этой точки зрения, а еще десять лет назад таких было свыше 60%¹⁹.

В настоящее время в стране прилагаются усилия, в том числе законодательного порядка, для создания условий, чтобы женщины могли совмещать работу с воспитанием детей без ущерба для того и другого: увеличивают отпуска по уходу за детьми, пособия на детей, создают дополнительные дневные детские центры и т. п. Рождаемость, конечно, не сможет восстановиться в прежних пределах, но определенный шанс, что она несколько повысится, все же есть. Кроме того, не надо забывать о таких качествах японцев как патриотизм, дисциплина, уважение к законам и вышестоящим и т. п. Другими словами, целенаправленная пропаганда может принести определенные плоды. Конечно, в последнее время произошли большие изменения в направлении отхода от прежних ценностей. Однако традиции и, в частности, уважительное отношение к семье, все еще действуют. По данным опроса, проведенного в январе 2005 г. среди двадцатилетних, 69% заявили, что они хотели бы иметь двух детей, 18% – трех²⁰.

В то же время надо учитывать, что женщин можно использовать не на всех работах. Кроме того, многие из них довольно быстро прерывают работу, либо совсем, либо на достаточно большой срок. В основном они работают по временному найму (многих женщин, имеющих детей, это как раз устраивает), который вообще очень распространен в стране. В 1995–2000 гг. доля временных работников выросла с 20,5 до 31,5%; среди женщин – с 39,1 до 51,6%²¹.

У тех же, кто прерывает работу в связи со свадьбой, рождением и воспитанием детей, а затем в отличие от прошлых лет снова возвращаются трудиться, кривая занятости напоминает букву «М» (см. диаграмму 3), что, конечно, тоже не может приветствоваться работодателем и является для них одним из аргументов, почему они не любят

¹⁸ Japan Almanac, 2006, p.224. Данные Международной организации труда (японская статистика дает несколько другие цифры).

¹⁹ Асахи симбун. 06.02.2005.

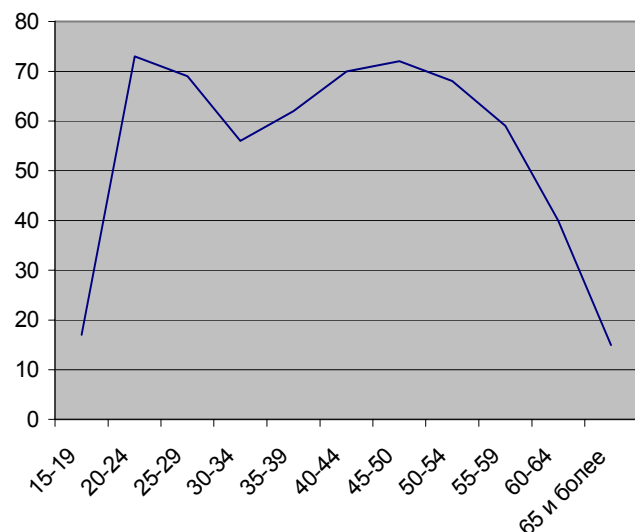
²⁰ Japan Almanac. 2006, p. 31. Данные социологического агентства OMZ (о-эму эмудзу).

²¹ Japan Almanac. 2006, p. 21. Следует при этом отметить, что это означает сравнительно низкий уровень дохода и урезанные гарантии социальной защиты.

принимать женщин на работу и неохотно повышают их в должности. Этот второй этап работы был практически немислим для предыдущего поколения: традиционная поведенческая этика считала это недопустимым, но сейчас некоторые именно так и поступают. В результате наибольший процент работающих женщин в возрасте до 60 лет приходится на тех, кому 20–24 года и 45–49 лет (73,4 и 72,4%). Но в Японии опять-таки в отличие от других развитых стран все еще многие женщины после «перерыва на семью» не возвращаются на прежнюю работу (традиции берут свое), т. е. экономика теряет квалифицированные кадры. В 60 лет свыше 80% женщин прекращают работать (до 56 лет – 4,6 %, в возрасте 56–60 лет – 5,1 %) ²².

Не менее важным резервом рабочей силы являются японские пенсионеры. На государственных предприятиях и учреждениях пенсионный возраст определен в 60 лет. В частных компаниях и учебных заведениях такого потолка нет, но фирмы в принципе имеют право устанавливать предельный возраст своим работникам. Так, по данным на 2006 г., на 90,5% предприятий работники уходили на пенсию в 60 лет ²³.

Диаграмма 3
Доля работающих женщин

²² Данные официальной статистики на конец XX в. (Facts and Figures of Japan.Tokyo, 1999, p.58,59.).

²³ Facts and Figures ..., 2007, p.118. Небезынтересно отметить, что предельный возраст ухода на пенсию в 60 лет в 1973 г. был установлен в 32% компаний, в 1985 г. – в 51%. – См.: Матрусова Т. Н. Государственная трудовая политика в Японии. М., 2007, с.48.

По данным обследования, на середину 90-х годов прошлого века в Японии продолжали трудиться 43,8% лиц в возрасте старше 60 лет (в США – 23%, в Германии – 7%, в Южной Корее – 33%). Некоторые из них работали по специальности, другие обрели новые профессии. И это – в условиях затяжной рецессии в стране, когда многие пожилые люди подверглись увольнениям в связи с плохой конъюнктурой.

Японские пенсионеры в большинстве своем сохраняют трудоспособность и жизнедеятельность и не мыслят себя без работы или какого-либо другого занятия. По данным опросов 2005 г., более 70% японцев пенсионного возраста выразили желание продолжать работать, а среди 69–76-летних 65% мужчин и 73% женщин продолжали считать себя вполне трудоспособными ²⁴. Несмотря на многие перемены, в стране все еще сохраняется ориентация на труд как на непреходящую ценность, особенно среди старшего поколения. О состоянии здоровья пенсионеров свидетельствуют следующие данные: в уходе по болезни в возрастной группе 60-70 лет нуждаются всего лишь 1,5%, 70–80 лет – 3,5%, а старше 85 лет – 20%. Это подтверждают и данные Всемирной организации здравоохранения, согласно которым японцы в возрасте до 75 лет достаточно здоровы.

В ситуации, когда сокращается численность молодой рабочей силы и увеличивается число вполне работоспособных пенсионеров, правительство и предприниматели начинают адаптировать к ней систему занятости и переходить к использованию наемных работников «без возраста». Постепенно при найме на работу приоритет отдается индивидуальным качествам работника вне зависимости от пола, возраста и способности быть в группе, ибо теперь новые производства требуют творчества и самостоятельности на каждом рабочем месте. Серьезное внимание уделяется разработке техники и технологий (например, конструированию легкого в управлении оборудования), которые позволяли бы активно трудиться лицам пожилого возраста.

Еще в 1971 г. был принят Закон о найме лиц пожилого возраста, в который впоследствии не раз вносились поправки. В 1985 г. он стал называться «Закон о стабилизации найма лиц пожилого возраста», в 1995 г. – «Основной закон по проблемам стареющего общества», а в 1996 г. – «Общие принципы политики в условиях старения общества». В «Общих принципах», в частности, говорится о необходимости осуществления программы обеспечения занятости для лиц старших возрастов и создании условий для пожилых людей, желающих проявлять свои способности, а также об организации системы образования на протяжении всей жизни. В 1997 г. для реализации поставленных задач был создан политический совет по вопросам стареющего общества во главе с премьер-министром с привлечением представителей всех заин-

²⁴ Japan Almanac. 2006, p.30.

тересованных министерств и ведомств. Это соответствовало решениям Денверского саммита стран «большой семерки» (1997 г.), который выработал согласованную политику для решения одной из актуальнейших проблем всех развитых стран.

Закон о стабилизации найма лиц пожилого возраста²⁵ непосредственно относится к тем, кто хочет продолжать трудиться. В преамбуле записано, что стабилизация занятости лиц пожилого возраста не только повысит их благосостояние, но и внесет свой вклад в социально-экономическое развитие страны. В первой статье закона предусматривается проведение комплексных мероприятий по созданию возможностей для обеспечения занятости лиц старших возрастов или достигших предельного возраста, гарантирующих стабильную работу на основе внедрения «системы продолжающегося найма».

Во внедрении этой системы должно всемерно участвовать государство, работодатели, местные органы власти и общественные организации. В частности, они должны обеспечивать условия для развития трудовых навыков вновь нанимаемых пожилых людей, оказывать им соответствующую помощь. Имеется в виду законодательное обеспечение условий для переквалификации работников и предоставление им возможности трудиться после достижения 65 лет. Министр здравоохранения, труда и благосостояния может, если сочтет необходимым, своим указом предложить работодателю внедрить «систему продолжающегося найма» для этих работников.

Закон вменяет в обязанность местным бюро по стабилизации занятости собирать информацию о тех, кто хочет работать, и об имеющихся вакансиях и предоставлять ее заинтересованным сторонам, а также оказывать им необходимую помощь и содействие. В случае увольнения пожилого работника, желающего продолжать трудиться, работодатель должен постараться изыскать возможности для вторичного найма и помочь подготовиться к работе на новом месте (обеспечить посещение курсов переподготовки, организовать сдачу экзаменов и пр.). В этом ему обязано помочь бюро по стабилизации найма.

Закон предлагает государственным органам поощрять работодателей, у которых доля работников старших возрастов превышает цифру, определенную соответствующим указом по министерству, а также местные органы власти, которые прилагают усилия для увеличения возможностей занятости лиц пожилого возраста. Этим органам надлежит проводить обследования, сбор и изучение материалов о возможностях расширения сферы применения труда людей старших возрастов и информировать все заинтересованные стороны.

В соответствии с этим законом в центре и на местах организованы Центры по стабилизации найма лиц старших возрастов и Центры по

использованию профессионального опыта лиц в возрасте от 60 лет, а также Центры «серебряных» людских ресурсов – *сэруба ниндзай сэнта*. Эти органы предоставляют временную работу пожилым людям и оказывают им посильную помощь советами, беседами, устройством на курсы переподготовки и т. д.

Безусловно, многие из этих мер направлены, прежде всего, на то, чтобы удовлетворить запросы людей старших возрастов, обеспечить им более обеспеченную жизнь в достаточно зрелом возрасте. Но, так или иначе, эти законодательные положения могут послужить и для привлечения к труду лиц, уже достигших предельного возраста.

Согласно поправкам, принятым в апреле 2006 г., закон предлагает работодателям осуществить в течение 2006–2013 гг. одну из трех мер: 1) поднять пенсионный возраст до 65 лет; 2) внедрить систему найма после достижения предельного возраста; 3) отменить вообще принудительное увольнение²⁶.

Работники старших возрастов находят себе применение главным образом в сфере мелкого бизнеса. Пенсионеры трудятся преимущественно в семейных фирмах, в ремонтных мастерских, в сфере обслуживания – на предприятиях общественного питания или розничной торговли, а некоторые даже переезжают в деревню и начинают заниматься сельским хозяйством, предпочитая провести свою «вторую жизнь» на природе. На новом поприще многие из них добиваются неплохих результатов, часто коренным образом меняя свою жизнь. Научные работники, уйдя из государственных НИИ или университетов, обычно продолжают работать по специальности в частных высших учебных заведениях, на фирмах, в кооперативных организациях, а затем становятся почетными профессорами и т. п. Другой сферой применения сил и способностей пенсионеров является их работа в некоммерческих организациях и в качестве волонтеров не только в Японии, но и за рубежом.

Однако, как бы ни были компетентны в своей области люди старших возрастов и полезны их советы и рекомендации, они не могут в полной мере восполнить недостаток молодой рабочей силы, особенно в век высоких технологий.

В резерве мер по преодолению создавшейся ситуации остаются иммигранты. Они появились в Японии в 70-е годы прошлого века. В конце 80-х годов в связи со спекулятивным ростом экономики на иностранных рабочих стали смотреть уже как на желанных гостей. Несмотря на рецессию 90-х годов поток иммигрантов не прекращался.

Реагируя на приток иностранцев и поддерживая репутацию страны, включившейся в процесс глобализации, был пересмотрен Закон об иммиграционном контроле и признании иностранных граждан беженцами

²⁵ Текст закона см.: Сёроппо (Сборник законов). Токио, 1999, с.1568–1571.

²⁶ www.jetro.go.jp/en/market/trend/special/

(далее Закон об иммиграционном контроле), принятый в 1982 г.²⁷ Он вступил в силу с 1 июля 1990 г. В соответствии с ним, а также поправками, принятыми в последующие годы к нему и к Закону о трудовых стандартах 1947 г., иммиграционный контроль был ослаблен. Была ускорена процедура рассмотрения визовых заявок на въезд, упорядочены статусы пребывания иностранных граждан, увеличен срок их пребывания в стране, урегулированы меры против несанкционированного найма мигрантов на работу.

Согласно закону об иммиграционном контроле (статья 2,19 и приложение 1,2) и нормативным актам министерства юстиции, было установлено 28 статусов пребывания иностранных граждан в Японии, которые в строгом соответствии с каждым из статусов определили возможности получения работы и сроки пребывания в стране.

Таблица 5
Динамика численности иностранных рабочих (оценка)*

Годы		1990	1995	2000	2003
Число мигрантов, имеющих право работать		67 983	125728	168783	185556
Практиканты, стажеры и пр.**		3 260	6558	29749	55048
Студенты и учащиеся		10 935	32366	39435	98006
Этнические японцы		71 803	193748	233187	237808
Нелегалы	Нелегально прибывшие	10 6497	251697	224047	220552
	Работающие вне рамок своего статуса***	—	—	—	—
В с е г о (оценка)		260000 +α	670000 +α	710000 +α	800000 +α

* Подсчеты министерства здравоохранения, труда и благосостояния на основе данных Иммиграционного бюро министерства юстиции (См.: *Kuwahara Yasuo*. Migrant Workers in the Post-War History of Japan. – Japan Labor Review. Vol. 2, № 4, Autumn 2005, p. 33)

** Включая работающих по выходным дням, родственников дипломатов и пр.

*** Произвести подсчеты не представилось возможным.

Например, если раньше речь шла преимущественно о «ротационном» пребывании в стране неквалифицированной рабочей силы, то теперь для некоторой ее части был введен статус «долговременного проживания». Кроме того, прибывшие на учебу или стажировку иностранцы имеют возможность подзаработать, если они обращаются с соответствующей просьбой; увеличены сроки максимального пребывания иностранных граждан, в частности, по статусу «стажировка»; упрощена

процедура получения гражданства лицам, имеющим статус «постоянного проживания в стране», и сокращены сроки рассмотрения этих заявлений; специалист со статусом «техника», имеющий более чем 10-летний опыт работы в области естественных наук, может рассчитывать получить ту же работу, что и японец. Таким образом, приоткрывался и рынок постоянного труда.

Какова будет численность иностранных рабочих, покажет время. По подсчетам ООН, к 2050 г. страна будет нуждаться в 17 млн. мигрантов. Пока по сравнению с другими развитыми странами их еще очень мало (в численности населения в 2004 г. они составляли 1,55%, в то время как в Великобритании - 3,8%, Франции - 6,3%, Германии - 8,9%), но число их постоянно увеличивается.

Политика японских правящих кругов в отношении работы иммигрантов, как это явствует из базисного плана иммиграционного контроля 2000 г., направлена, прежде всего, на прием квалифицированной рабочей силы. Приезд низкоквалифицированных рабочих представляется нежелательным. Не приветствуется и предоставление иностранцам работы, которую могут выполнять сами японцы²⁸.

Работают иностранцы главным образом на мелких и средних предприятиях. В 2003 г. с целью получения работы в страну въехало около 156 тыс. иностранцев (59% – мужчины). Это – самая большая цифра за 1996–2005 гг. (в 1995 г. – 81 тыс., в 2000 г. – 129, 2002 г. – 145 тыс. человек). Подавляющее большинство (85%) претендовало на работу в зрелищных (увеселительных) предприятиях, около 5% въехало по статусу гуманитарного профиля и международных специалистов, 2% – преподавателей, 1,7% – инженеров, 1,5% – по статусу «профессура», 1% – квалифицированных рабочих, далее по убывающей шли религиозные деятели, научные работники, инвесторы и управляющие и т. д.

Но использование этого резерва – весьма болезненный вопрос для японцев, которые, если можно так сказать, на генетическом уровне не воспринимают «чужих». Поэтому пребывание в стране иностранцев ведет к появлению новых проблем для японского общества, причем связанных не только с рынком труда (особенно в условиях плохой конъюнктуры), но и в социальном плане. Недаром, видимо, Коидзуми Дзюнъитиро заявил в 2005 г., что если число иностранных рабочих превысит определенный уровень, «это может принести неприятности; недостаток рабочей силы не означает, что мы с радостью будем принимать их»²⁹. Однако в современных условиях, а особенно в будущем, Япония уже не может без них обойтись. Кроме того, принимать иностранных рабочих ее обязывает развитие процессов интернационализации и глобализации, и в частности, международные договоры. Сейчас

²⁷ Акт об иммиграционном контроле был принят в 1951 г. В 1981 г. страна присоединилась к Конвенции ООН о статусе беженца, принятой еще в 1951 г.

²⁸ www.moj.go.jp/ENGLISH/IB/IB/2000/ib.html

²⁹ www.migrationinformation.org/Profiles/display.cfm?ID=487

полным ходом идут переговоры и уже заключаются двусторонние соглашения с рядом стран о свободной торговле и экономическом партнерстве, условия которых предусматривают прием иностранной рабочей силы.

Еще одна возможность восполнить недостающую рабочую силу Японии – вывод производства в развивающиеся страны, тем более что там она намного дешевле. Однако в начале века зафиксировано возвращение производственных мощностей в Японию (этот процесс характерен и для других развитых стран) по ряду причин: повышение в этих странах уровня заработной платы, неразвитая инфраструктура и трудности в защите прав интеллектуальной собственности. Поэтому фирмы предпочитают производить конкурентоспособные новинки у себя дома.

И, безусловно, важнейшим фактором, компенсирующим нехватку рабочей силы, является повышение производительности труда. Ведь рабочая сила наряду с капиталом и производительностью труда – одна из составляющих роста производства. Именно в росте этого фактора видят ключ к экономическому возрождению страны в условиях стареющего общества некоторые аналитики, занимающиеся этой проблемой (например, Усуи Тикако из университета Миссури³⁰). В настоящее время по этому важнейшему экономическому показателю Япония отстает от других развитых стран. Причиной этого являются, видимо, особенности японского менеджмента – система пожизненного найма, оплата по старшинству, защита неэффективных секторов производства от внутренней и внешней конкуренции и пр., т. е. все те структурные факторы, которые обеспечивают социальную стабильность, но в условиях новой экономики являются тормозом развития. Кроме того, для поддержания экономического роста темпы повышения уровня производительности труда должны опережать темпы сокращения численности рабочей силы.

А для этого в новых условиях нужна другая модель – высокоприбыльное, с высоким уровнем добавленной стоимости, трудосберегающее производство. Важно также проводить мероприятия по расширению спроса, столь необходимого для роста производства, изменить политику в отношении инвестиций в общественные работы, которые в последние годы растрачивались недостаточно разумно. Япония продолжает отставать от других развитых стран в области создания инфраструктуры для поддержания стареющего общества (хотя многое в этом направлении уже сделано) и окружающей среды. Это особенно касается отдаленных сельскохозяйственных районов, где за неимением людских ресурсов трудно поддерживать в надлежащем состоянии дороги и ирригационные сооружения.

³⁰ См. ее статью: Japan's Aging Dilemma? – Asia Program..., p.16–22.

Сможет ли страна преодолеть начинающийся демографический кризис, или ее ждет экономический крах? Как изменятся производство и потребление? Вопрос не риторический, а вполне реальный. Кроме того, старение нации – достаточно длительный процесс, когда меняются не только демографические параметры. Подвергаются изменениям трудовые и семейные отношения, образование, социальное обеспечение, благосостояние и сама экономика. Эти перемены касаются даже таких традиционных отраслей, как сельское хозяйство, ремесленные промыслы. Резко трансформируется и сфера обслуживания.

Что будет представлять собой японская экономика через 20–40 лет, какова будет ее модель? Например, уже сегодня ясно, что постепенно уходит в прошлое система пожизненного найма и оплаты по старшинству³¹, а также группизм – все то, что в период высоких темпов роста и ряда последующих лет было благом, а теперь стоит в известной мере на пути дальнейшего развития. Новая экономика требует гибкости и мобильности. Более того, многие работники уже утрачивают энтузиазм «трудоголиков» и чувство лояльности к своей компании. Так, по данным опроса, проведенного институтом Гэллага в марте 2005 г. и опубликованного в газете «Асахи» 13 мая 2005 г., почти четверть респондентов заявили об отсутствии у них того и другого и лишь 9% ответили, что горят желанием работать³².

Будущая экономика будет зависеть от многих факторов, и в том числе от демографического, который, безусловно, будет очень важным, но нельзя однозначно сказать, что решающим. Об этом, в частности, свидетельствует рецессия 1990–2003-х годов, которая происходила на наших глазах. Она была вызвана не сокращением трудоспособного населения и старением общества, хотя и то и другое уже имели место, а, прежде всего, – структурными проблемами и недальновидной экономической политикой. Развитие японской экономики в первом десятилетии XXI века в условиях не только сокращения рождаемости, но и уменьшения абсолютной численности населения, – тому дополнительное подтверждение. Поэтому вряд ли можно так однозначно говорить о том, что демографические изменения вызовут крах экономики. Эту проблему надо рассматривать в общем контексте развития народного хозяйства – деятельности корпораций и политики правящих кругов, их социальных предпочтений.

Есть вероятность, что японцы сумеют преодолеть и негативное отношение к иммигрантам. Во многом этому могут содействовать процессы интернационализации и глобализации, которые идут полным ходом.

³¹ Правда, следует иметь в виду, что в 2004 г. систему пожизненного найма поддерживали 78% опрошенных, а оплату по старшинству – 67%, т. е. больше, чем, например, в 1999 г. – соответственно 72 и 61% (данные опроса Института трудовой политики: Japan Almanac, 2006, p.16).

³² Ibid., p.18.

И уже совсем нельзя сбрасывать со счетов научно-технический прогресс – главный фактор развития сегодняшней экономики. До 2050 г. еще достаточно времени, в течение которого могут быть такие технические и технологические прорывы, о которых мы сейчас и не мыслим.

В то же время сегодня, в условиях глобального финансового и экономического кризиса, который затронул и Японию, только что вышедшую из серьезной затяжной рецессии, трудно говорить о нехватке рабочей силы. Уже сейчас безработица в стране достигает 4%. По прогнозу специалистов Института японских исследований, к 2010 г. ее пополнил примерно 1,5 млн. человек и она поднимется до 6%. По международным стандартам это совсем немного, но не для Японии, где безработица на протяжении многих лет находилась на очень низком уровне (составляя 1–2%, лишь в 1995г. в условиях рецессии она превысила 3%).

В наихудшем положении сейчас находятся те, кто не имеет постоянной работы. В течение многих лет их судьбой никто не интересовался. Но в условиях современного кризиса политические партии поняли необходимость поддержать и эти категории работников, предоставить им возможность пройти переподготовку. Появилась правительственная программа помощи и безработным иностранным рабочим (которые в подавляющем большинстве не являются постоянно занятыми), в частности этническим японцам, занятым в автомобильной промышленности. Как свидетельствует журнал «Экономист», теперь в случае увольнения они не уедут из страны. Когда японская экономика начнет восстанавливаться, отсутствие квалифицированных рабочих в условиях сокращения населения и рабочей силы создаст серьезные трудности³³.

Демографические сдвиги и рост бремени экономически активного населения

Вторая, не менее важная, проблема, стоящая перед Японией в связи с сокращением численности экономически активного населения, – социальная. Это – увеличение бремени работающих лиц, за счет которых будут выплачиваться пенсионерам различные социальные выплаты. Если в 2000 г. отношение численности 15–64-летних к группе лиц старше 65 лет составляло 3 : 9, то в 2020г. оно будет 2 : 1, т. е. один пенсионер будет приходиться на двух работающих, а в 2050 г. – уже на трех работающих (см. табл.3).

Кроме того, постепенно все большее число молодых людей продолжает учебу после окончания полной средней школы, т. е. не идет работать. А некоторые и после окончания высшего учебного заведения далеко не сразу приступают к работе, либо просто бездельничают, либо выбирают работу «по вкусу», либо подрабатывают время от времени.

³³ www.economist.com/business/displaystory.cfm?story_id=130 (05.02.2009).

Эти молодые люди получили название «фритеры» (от английского слова free и последнего слога в немецком слове работник – *arbeiter*), т. е. не имеющие постоянной работы. Одни подрабатывают, чтобы иметь свободные средства и заниматься любимым делом, другие, чтобы скопить деньги на продолжение учебы, а потом поступить на постоянную работу и т.п. Число «фритеров» выросло за 1982–2003 гг. с 500 тыс. до 2,17 млн. человек, но затем начало постепенно снижаться и в 2006 г. составило 1,87 млн. человек. Те, кто вообще ничего не делают, относятся к категории NEET («not in Employment, Education or Training»). Другими словами, «нииты» – это люди, которые не учатся, не работают, не стремятся менять квалификацию. Кстати сказать, фирмы вряд ли заинтересуются «ниитами», если они вдруг захотят устроиться на работу. И такая ситуация грозит стать социальной проблемой, а в худшем случае – криминальной. Число «ниитов», по официальным данным, составило в 2002 г. 847 тыс. человек, на 180 тыс. больше, чем в 1992 г., но в 2006 г. их уже было 620 тыс. человек³⁴.

В результате страна начинает испытывать нехватку трудоспособного населения, за счет работы которого обеспечиваются пенсионеры. Эта проблема могла бы быть смягчена, если, как предлагают некоторые специалисты (которые опираются в том числе и на результаты опросов общественного мнения), зачислять в группу «пожилых» лиц не с 65, а с 70-летнего возраста. Тогда, по их мнению, «из тех, кого поддерживает система социального страхования», они превратятся в «тех, кто поддерживает эту систему»³⁵. Согласно поправкам к Закону о национальной пенсии, внесенным в 1994 г., предельный возраст получающих пенсию будет постепенно подниматься с 60 до 65 лет, а для работников частных предприятий он повысится к 2025 г. до 65 лет для мужчин и к 2030 г. – для женщин³⁶.

В связи с изменением демографической ситуации, а затем и ухудшением экономического положения в 90-е годы, уже с середины 80-х годов прошлого века в стране несколько раз менялись условия до тех пор весьма благоприятного для пожилых людей пенсионного законодательства³⁷. Постепенно увеличивались страховые взносы и уменьша-

³⁴ The Asahi Shimbun. 24.03.2005; Facts and Figures...2007, p.115.

³⁵ The Daily Yomiuri. 07.11.1999.

³⁶ Facts and Figures...2007, p.198. Подробнее о пенсионной реформе см.: *Сенаторов А. И.* Проблемы реформирования японской пенсионной системы Японии. 2004–2005. Ежегодник.. М., 2005, с.61–83); *Матрусова Т. Н.* Государственная трудовая политика в Японии. М., 2007, с. 213–216.

³⁷ Расходы на социальное обеспечение пожилых людей (включая пенсии, медицинское обслуживание и пр.) выросли за 1975–2004 гг. более, чем в 15 раз – с 3,9 трлн. иен до 60,7 трлн. иен. В 2007 г. супружеская пара пенсионеров получала за счет базисной пенсии и пенсии благосостояния (наемных работников) около 365 тыс. иен в месяц (Facts and Figures...2007, p.198) при средней заработной платы по стране (без бонусов, но с учетом сверхурочных) 299,4 тыс. иен в 2004 г. (Japan Almanac 2006, p. 124).

лись бенефиции, а также продлевались сроки ухода на пенсию. Объяснения этому были весьма простыми: «соблюдение равенства между поколениями». Подобные меры в других развитых странах не раз вызвали серьезные протесты представителей оппозиции, но в Японии все прошло достаточно спокойно. Однако ожидать, что так будет всегда, было бы конечно, весьма недальновидным. Уже сейчас многие молодые работники не выплачивают полностью страховые взносы. По официальным данным, в 2003 и 2004 гг. 36% занятых не выплатили обязательные страховые взносы в систему национальной пенсии³⁸. Согласно опросу, проведенному газетой «Йомиури» в июне 2007 г., 76% респондентов высказали недоверие существующей пенсионной системе, а среди двадцатилетних таких было 87%³⁹. Кстати сказать, как раз пенсионные проблемы, увеличение выплат по медицинской страховке и пр. были не последними в числе причин, которые привели к наблюдаемой в последнее время чехарде премьер-министров.

Небезынтересно отметить, что в опубликованном в 2003 г. докладе Центра стратегических и международных исследований «Индекс уязвимости стареющего общества» к удивлению многих Япония попала в среднюю, а не в высшую группу уязвимости среди 12 главных развитых экономик, расположенных в зависимости от роста уровня поддержки их стареющего населения в перспективе. Так получилось, не потому, что японское общество будет нести не очень большое бремя для обеспечения своих стариков (как раз оно будет очень значительным), а потому, что разработчики индекса учитывали различные возможности, которые то или иное общество может противопоставить таким демографическим вызовам. И именно в Японии, по мнению специалистов, есть факторы, которые могут смягчить эту проблему.

Прежде всего, надо отметить, что в этой стране сравнительно низкий уровень зависимости лиц старших возрастов от государства. Все, что предоставляет старикам правительство, – от пенсий до социальных льгот, включая расходы на здравоохранение, – составляет только 1/3 их дохода. В других странах, за исключением США, доля государства гораздо выше: в Канаде она составляет 42%, в Великобритании, Нидерландах, Швеции и Италии – от 50 до 59%, в Германии, Испании и Франции – от 61 до 67%⁴⁰.

Кроме того, японцы, пока они работают, склонны откладывать деньги. Уровень личных сбережений в стране достаточно высок. Именно они, как известно, в течение долгого времени являлись важным источником инвестиций в экономику высоких темпов роста. Более того, здесь принято работать после достижения пенсионного возраста:

³⁸ Japan Almanac. 2006, p. 221.

³⁹ Japan Economic Currents. 2008, № 69, p. 8.

⁴⁰ Ibid., p. 7.

в конце XX столетия в возрасте от 55 до 59 лет в Японии уровень занятости составлял 94,2%, в то время как, например, в США – 78,4% а в европейских странах (в среднем) – 69,1%; в возрасте 60–64 лет японцы были заняты на 72,6%, американцы – на 54,8% европейцы – на 32,9%; в возрасте 65 лет и старше доля работающих в Японии составляла 34,1%, в США и Европе – соответственно 16,9% и 5,3%⁴¹. И, наконец, семья в Японии продолжает играть важную роль, является поддержкой для всех ее членов в пожилом возрасте. Хотя в настоящее время формат нуклеарной семьи уже преобладает (в 2005 г. – 59,2% всех семей), до сих пор в отличие от других развитых стран все еще очень большая часть детей живет со своими родителями.

Но надо заметить, что эти альтернативные источники поддержки стариков начинают понемногу истощаться. С 80-х годов прошлого столетия все больше пожилых родителей предпочитают жить отдельно (кстати сказать, это им позволяло постепенное улучшение условий социального обеспечения в стране). Да и молодежь, со своей стороны, все чаще начинает придерживаться индивидуалистических настроений, отдавать предпочтение западным ценностям, отходя от основ конфуцианской этики. Но пока традиции все еще достаточно сильны.

Кроме того, когда речь идет о непомерной нагрузке на работающих в связи с большим числом пенсионеров в будущем, то следует учитывать, что в Японии продолжает и сейчас работать часть людей, которые учтены в колонке 65-летних в 1999 г., (см. табл.3): т. е. даже в годы плохой конъюнктуры, например, мужчины уходили на пенсию в среднем не в 65, а в 68,5 лет, женщины в 64,7 лет (для сравнения: в среднем по странам, входящим в ОЭСР, – соответственно в 62,3 и 61,1 год). Другими словами, несмотря на то, что это – люди пенсионного возраста, они являются не только потребителями, но одновременно и платящими страховые взносы, т. е. обслуживающими пенсионеров. Нельзя забывать и о волонтерской деятельности пожилых людей, которая в ряде случаев оплачивается. Ну и, конечно, когда речь идет о бремени работающих в состарившемся обществе, то главное здесь не численность рабочей силы, а объем выпуска ею продукции.

В ОЭСР были проведены подсчеты в настоящее время и в перспективе доли пенсионных выплат в ВВП в странах – членах этой организации. В Японии они должны были вырасти с 7,95% в 2000 г. (это достаточно низкий уровень по сравнению, например, с показателями в европейских странах) до 8,5% ВВП в 2050 г. Подсчеты производились путем экстраполяции данных 2000 г. с учетом существующего законодательства и положений последних пенсионных реформ⁴².

⁴¹ Приводится по: Матрусова Т. Н. Государственная трудовая политика в Японии. М., 2007, с. 200–201.

⁴² Приводится по: Asia Program..., p.12.

Эти цифры вряд ли можно считать угрожающими. Ведь надо учитывать, что произойдет общее сокращение численности населения, в том числе детей, подростков, домохозяек и пенсионеров⁴³, т. е. тех, кого надо поддерживать. По имеющимся данным, эта категория населения сокращалась быстрее, чем росла численность неработающих пенсионеров⁴⁴. Впоследствии это соотношение наверняка изменится, но все же результат будет не столь резким, как это видится из данных таблицы 3. Кроме того, надо также учесть, что «продолжительность жизни» не может расти до бесконечности, и темпы старения будут постепенно снижаться. Следует иметь в виду и то, что сокращение населения школьного и студенческого возрастов соответственно снизит и расходы на государственные школы, университеты, субсидии частным школам и т.п. И в целом так называемые «иждивенческие расходы» не будут столь немыслимо велики.

Наконец, стоимость медицинских услуг возрастает далеко не только в связи с увеличением престарелых. Здесь сочетаются самые разные причины – организация системы предоставления медицинских услуг, появление новых лекарств, новых технологий, аппаратуры и оборудования, больниц и поликлиник и т. д. Определенную роль играет и рост числа лиц старших возрастов, но вряд ли в этом случае ее можно считать решающей. По подсчетам профессора университета Мичиган Дж. Кемпбелла, в Японии за достаточно большой отрезок времени в условиях быстрого старения населения в среднем расходы на здравоохранение росли примерно на 1–4% в год. Это, по его мнению, свидетельствует о хорошо поставленной в стране практике сдерживания других ценовых факторов (помимо стоимости чисто медицинского обслуживания пенсионеров)⁴⁵.

* * *

Нельзя, конечно, не признать, что сегодняшний демографический вызов для Японии очень серьезный. Его можно, пожалуй, сравнить с двумя критическими моментами в ее истории на протяжении последних двух веков – ситуацией в середине XIX в. и после поражения во второй мировой войне. С ними, как известно, страна справилась весьма успешно. Правящие круги сумели мобилизовать нацию и, опираясь на традиции, выйти на новые рубежи.

Выше мы привели ряд факторов, которые в новой ситуации, так или иначе, должны бы смягчить негативные последствия происходящих

демографических сдвигов. Каждый из них в отдельности, конечно, не является панацеей, а некоторые представляют собой даже скорее паллиативы. Но все вместе взятые в условиях адекватной – взвешенной, хорошо продуманной, просчитанной и, конечно, своевременной – политики руководителей корпораций и правящих кругов, безусловно, смогут сыграть важную роль в преодолении демографического кризиса и позволить Японии снова «удивить» мировое сообщество, создать новую модель – модель стареющего общества и показать выход из создавшегося тупика находящимся в таком же положении другим странам, прежде всего, государствам Восточной Азии⁴⁶. Но проводить эту политику надо активно, чтобы процесс не успел пройти «точку невозврата». Определенные структурные изменения уже происходят, а затем может потребоваться еще достаточно много реформ в разных областях. Конечно, небольшая численность населения вряд ли даст возможность на равных иметь такой же ВВП, как и в странах с большим числом трудоспособного населения. Но это абсолютно не означает, что Японии уже не будет среди развитых стран мира.

⁴³ Согласно прогнозам, коэффициент смертности в стране, который составлял в 1970–1975 гг. 6,5 %, а в 2000–2005 гг. – 8,0 %, в 2010–2015, 2020–2025 и в 2030–2035 гг. поднимется соответственно до 9,6, 11,4 и 12,8% (Japan. An International Comparison. 2007, p.15).

⁴⁴ Asia Program..., p.12.

⁴⁵ Asia Program..., p.12.

⁴⁶ В докладе Азиатского банка развития, опубликованного в феврале 2009 г., говорится о необходимости принятия срочных мер в связи с быстро идущим сокращением трудовых ресурсов и старением населения в таких странах как Китай, Сингапур, Южная Корея и Япония (www.rian.ru/society/20090224/163001364.html).

Д. В. Стрельцов

В последнее время внимание японских СМИ все чаще привлекает к себе проблема места и роли теле- и радиовещательной корпорации NHK в государственной политике в области информации. Дискуссия на эту тему приобрела большое общественное значение как в связи с финансово-экономическим кризисом, который поставил на передний план задачу более рационального расходования публичных фондов, так и в более широком контексте. При обсуждении проблем NHK затрагиваются такие вопросы, как основы взаимоотношений государства и общества, роли СМИ в обеспечении демократических основ государственного строя, правовые и экономические гарантии независимости публичных медиакорпораций и т. д.

Телерадиовещательная корпорация NHK пользуется статусом «особого юридического лица» (ОЮЛ), т. е. корпоративного субъекта с общественными интересами. Цель ОЮЛ, находящегося между государством и частным сектором, заключается в том, чтобы выполнять какую-либо важную общественную миссию, используя в своей работе общественные фонды либо бюджетные средства. Типичным примером ОЮЛ являются корпорации по строительству скоростных автомобильных дорог, которые, используя бюджетные средства, но, не являясь государственными компаниями, смогли в кратчайшие сроки выполнить важные задачи инфраструктурного строительства на определенном этапе экономического развития Японии¹.

Важную общественную миссию выполняет и NHK, действующая с 1950 г. на основании специального Закона о вещании как общественная корпорация. В отличие от других частных теле- и радиовещательных компаний, NHK не имеет доходов от коммерческой рекламы. Ее бюджет формируется за счет уплаты специального тарифа всеми гражданами страны. Применяемый принцип заключается в том, что ежемесячный тариф должна оплачивать каждая семья, где имеется телевизионный приемник. Предполагается, что покупка и установка телевизионного приемника влечет за собой обязательство сообщить об этом в NHK для последующего заключения контракта. При этом количество телевизионных приемников в семье не имеет значения, обложению тарифом

подлежит один «счет» на всю семью. В 2007/08 фин. г. стоимость абонентской платы составляла 1395 иен в месяц, с 2008/09 фин.г. – до 1100 иен (около 10 долл.)². С учетом платы за спутниковые каналы, средняя абонентская плата составляла в месяц 2340 иен³.

В Законе о вещании имеется положение об обязанности потребителя вещания заключать с корпорацией контракт о потреблении вещательных услуг (ст. 32, ч.2). Вместе с тем четко прописанное положение об обязанности потребителей вносить абонентскую плату в законе отсутствует. Хотя такое положение и имеется в самом заключаемом контракте, никаких штрафных санкций по отношению к неплательщикам им не предусматривается. Таким образом, с чисто юридической точки зрения в основе контракта лежит принцип наличия «доброй воли» клиентов, соответственно абонентская плата приобретает характер добровольного пожертвования.

Ранее абонентская плата собиралась с помощью сети специальных агентов (не являющихся штатными сотрудниками корпорации и действующих на основании субконтрактов), которые ведут учет всех потребителей вещания. С января 2009 г. агенты лишь готовят контракт к подписанию, а сама плата во избежание финансовых злоупотреблений взимается банковским переводом (путем оплаты счетов через сеть так называемых «удобных магазинов») либо автоматического снятия средств с банковского счета клиентов).

Добровольность абонентской платы наряду с установленным Законом о вещании запретом на трансляцию рекламы (ст.46) имеет принципиальный характер. Именно она определяет «публичную» природу корпорации, обеспечивая ее финансовую независимость как от государства, так и от корпоративного сектора. Телевидение принципиально не транслирует никакой коммерческой рекламы, а в своих передачах делает все возможное, чтобы избежать показа сюжетов, которые бы ассоциировались с определенными коммерческими брендами. Абонентская плата обеспечивает около 90% бюджета компании. Важно и то, что бюджет NHK проходит процедуру одобрения в парламенте, что создает корпорации дополнительные гарантии независимости.

Будучи публичной медиакорпорацией, NHK должна поддерживать сбалансированность своей вещательной политики, распространяя самый широкий спектр информационных продуктов по максимально диверсифицированным направлениям. «Привилегированность» финансирования (указанная выше система сбора абонентской платы и освобождение от корпоративных налогов) налагает на нее обязанность быть устойчивой к корпоративным интересам, подготавливать и проводить вещательную политику без оглядки на политическую конъюнктуру, транслировать те

¹ <https://www.nhk.or.jp/kdns/hatena/01/0908.html>

² Нихон кэйдзай симбун. 15.03.2007.

³ Нихон кэйдзай симбун. 20.02.2007.

программы, которые служат общественному благу. По замыслу авторов Закона о вещании, финансовая независимость должна обеспечивать объективность, беспристрастность и неангажированность вещания, возможность противостоять внешнему давлению, в том числе со стороны политических властей. Как отмечала «Асахи симбун», «NHK не должна кланяться, что бы ни говорили политики, поскольку это равносильно ее отказу от независимости как органа новостной информации»⁴.

По мнению бывшего члена комитета по управлению NHK Масао Хорибэ, характерные черты «публичного» телевидения, во многом отличающие его от частного, заключаются в опоре на принципы свободы выражения, независимости, богатства по содержанию и высокого качества программ, понимания своего особого общественного положения, осознании ответственности в связи с расходованием общественных финансов, ответственности за информирование общества, а также исполнительности⁵.

Важной особенностью NHK является также наличие специфической структуры корпоративного управления. Если должности исполнительных директоров и иные должности в управленческом звене компании представляют собой высшие ступеньки кадрового роста штатных сотрудников компании, то в комитет по управлению NHK, который определяет вещательную политику компании, входят преимущественно внешние специалисты, как правило, менеджеры или специалисты-технократы с богатым опытом работы на медиа-рынке страны, имеющие высокий авторитет в профессиональном цеху. Такая корпоративная система позволяет обеспечить дополнительный общественный контроль над деятельностью компании и усилить транспарентность ее вещательной политики, создает дополнительную «подушку безопасности» против превалирования узкокорпоративных интересов в работе.

Вместе с тем многие моменты, связанные с несовершенством Закона о вещании и прочих законодательных норм, определяющих этот статус, а также с реалиями правоприменительной практики, служат поводом для критики юридического и финансово-организационного статуса корпорации. Так, обязанность вносить абонентскую плату за просмотр идущих в эфире программ вызывает у многих граждан страны справедливый вопрос, чем первый и образовательный каналы NHK принципиально отличаются от платных телевизионных каналов, которые, кстати, имеются не только у частных телекомпаний, но и у самой NHK, располагающей тремя платными каналами спутникового телевидения. Также справедливо указывается, что многие программы NHK, которые транслировались ранее в обычном эфире, распространяются на коммерческих началах (ретранслируются по платным каналам, про-

даются на дисках и т. д.) Сходство с платным телевидением усиливает и тот факт, что сама абонентская плата облагается потребителем налогом.

На этом фоне в обществе стало ослабляться понимание особой публичной природы NHK. По данным одного из опросов конца 90-х годов прошлого столетия, лишь 35% респондентов смогли правильно ответить, что NHK является специфической бизнес-структурой, работающей ради общественного блага. В то же время 19% опрошенных считали, что это – государственная организация, 23% полагали, что NHK – это смешанная корпорация, управляемая совместно правительством и частными компаниями⁶.

У многих серьезные нарекания вызывает несовершенство системы регистрации телевизионных приемников. Отсутствие штрафов и иных санкций в отношении неплательщиков ставит в невыигрышные условия тех, кто добросовестно вносит абонентскую плату. С юридической точки зрения общую картину усложняет и наличие различий между отдельными категориями неплательщиков, в частности, между теми, кто подписал контракт с компанией, и теми, кто по каким-то причинам не сделал этого. Если в отношении первых компания имеет возможность судебного преследования с хорошими для себя перспективами⁷, то в отношении вторых сделать это из-за отсутствия контракта оказывается затруднительным. Так, например, в 2005/06 фин.г. из 46,07 млн. семей, зарегистрированных в качестве потребителей вещательных услуг NHK, никакого контракта с корпорацией не имели 9,89 млн. семей, а десятая часть от общего числа заключивших контракт, или 3,59 млн. семей, не выполняли своих финансовых обязательств⁸.

Свою роль играет также и то обстоятельство, что многие телевизионные приемники, расположенные в корпоративном секторе, а также на территориях, где юрисдикция японского правительства носит ограниченный характер (например, на американских военных базах), оказываются в силу объективных причин недостижимыми для агентов компании, занимающихся сбором абонентской платы. В любом случае столь пестрая и неоднозначная ситуация с различными видами исключений из общего правила усиливает ощущение несправедливости и ставит под сомнение принцип равенства прав потребителей.

В некоторых случаях объектом критики является и определенная ангажированность передач, перекося в пользу определенной позиции, односторонняя направленность и необъективная расстановка акцентов при освещении темы. Наконец, многие указывают на тот факт, что

⁴ Асахи симбун. 26.12.2007.

⁵ Асахи симбун. 20.01.2006.

⁶ The Daily Yomiuri. 03.11.2006.

⁷ Судебные иски возможны в данном случае на основе положений гражданского права, касающихся ответственности за неисполнение условий контракта.

⁸ Асахи симбун. 16.06.2006.

ННК действует в нерыночном поле: в отличие от «рыночных» компаний, она имеет стабильные финансовые источники и освобождена от корпоративного налога, что позволяет неэффективно использовать бюджетные средства и не создает стимула к их экономии. Действительно, последний довод подтверждается астрономическими цифрами бюджетов некоторых передач и наличием у компании явно раздутой системы управления, характерными чертами которой является большое число дочерних компаний, обилие высокооплачиваемых должностей, занимаемых отставными чиновниками и т. д.

На все это накладываются факты прямых финансовых злоупотреблений, которые приобрели особенно вопиющий характер на фоне кризиса государственных финансов начала 2000-х годов. Например, в 2004 г. вскрылись факты неправомерного карьерного роста, сопровождаемого существенным повышением должностных окладов, ряда сотрудников корпорации, служебные обязанности которых, по сути, не претерпевали никаких изменений. В другом случае продюсер ННК на протяжении пяти лет выплачивал одной из партнерских компаний вознаграждение за якобы проведенную работу, хотя в реальности такой работы не проводилось. Было потрачено около 48 млн. иен, из которых до половины средств возвращалось продюсеру в виде «откатов»⁹. Сообщалось, что руководители некоторых корпунктов ННК, например, в префектуре Окаяма или в Сеуле, занимались прямыми приписками, завышая стоимость услуг организаций-партнеров, указывая в финансовых отчетах несуществующие расходы и пр.¹⁰ В японскую печать просочилась также информация о прямом присвоении служащими компании средств, собранных у потребителей по контрактам, о фактах торговли инсайдерской информацией и т. д.

В ходе внутреннего расследования, проведенного компанией в конце 2006 г., было выявлено более тысячи случаев нецелевого либо не отвечающего нормативным требованиям расходования бюджетных средств ННК в 1999–2006 гг. Речь идет о случаях неправильного оформления командировочных, неверных подсчетов сметы, предъявления необоснованных требований к оплате, например, счетов за пользование такси в дни невыхода на работу, а также прямого «накручивания» продюсерских расходов, не вызванных производственной необходимостью. Как сообщала газета «Нихон кэйдзай», во многих случаях общая сумма нецелевых либо необоснованных расходов превышала 100 тыс. иен за один случай¹¹. Примечательно, что, несмотря на выявление фактов прямого должностного подлога, никто из сотрудников не был привлечен

к уголовной ответственности и даже не был уволен; лишь некоторые из них были понижены в должности либо подвергнуты вычетам из заработной платы.

На фоне обнародования в середине первого десятилетия XXI в. фактов, свидетельствующих о достаточно широком масштабе проблемы финансовой нечистоплотности сотрудников компании, собираемость абонентской платы стала неуклонно снижаться. Если ранее доля семей, исполняющих свои обязательства по контракту, составляла около 80%, то после обнародования данных о коррупции она снизилась до 70%. В результате общий объем собранных средств, составлявший в 2004/05 фин.г. 641 млрд. иен, снизился в 2006/07 фин.г. до 594 млрд. иен¹². Отказываясь платить за просмотр передач, многие граждане страны выражали этим свою принципиальную позицию осуждения финансовых злоупотреблений в компании, существующей на «добровольные пожертвования» рядовых граждан. Обоснованная критика привела также к снижению рейтингов отдельных передач, что не могло не отразиться и на общей популярности бренда ННК в глазах общественности. Например, согласно данным опроса Института вещательной культуры ННК, доля респондентов, ответивших, что они в течение недели более пяти минут смотрели передачи первого канала ННК, составляла в 2006 г. 62%, тогда как в 2004 г. – 68%, а в 2005 г. – 63%¹³.

Чтобы сдерживать указанные неблагоприятные для себя тенденции, ННК инициировала поправки в Закон о вещании, предусматривающие наказание за невыполнение клиентами своих финансовых обязательств по контракту¹⁴. Следует сказать, что это была уже третья попытка законодательной «контрактизации» абонентской платы. Соответствующие поправки, предусматривающие обязанность потребителей не только заключать контракт, но и вносить абонентскую плату, в послевоенный период уже дважды вносились в парламент – в 1966 и 1980 гг., но каждый раз снимались с повестки дня еще на стадии обсуждения.

Предложения ННК встретили неоднозначное отношение со стороны общественного мнения. Согласно опросу газеты «Асахи симбун», за «контрактизацию» финансовых обязательств выступило 47% японских граждан, против – 44%¹⁵. Значительная часть граждан с пониманием отнеслась к стремлению компании упорядочить финансовую сторону контрактов. Однако многие с полным на то основанием говорили о том, что ставка только на дисциплинарные методы по отношению к

¹² Асахи симбун. 12.01.2007.

¹³ Асахи симбун. 05.02.2007.

¹⁴ Используемое в дальнейшем понятие «контрактизация» подразумевает внесение соответствующих поправок в Закон о вещании, облегчающих компании судебное преследование неплательщиков.

¹⁵ Асахи симбун. 21.02.2007.

⁹ Тиэдо. Асахи гэндай ёго (Энциклопедический словарь современных терминов). Токио, 2007, с.502.

¹⁰ Там же.

¹¹ Нихон кэйдзай симбун. 26.12.2006.

клиентам, без четкого определения обязательств самой компании, приведет к снижению ее авторитета, тем более что NHK традиционно позиционирует себя как «наша общая NHK» (т. е. компания, принадлежащая и служащая всему обществу в целом).

Свою позицию на этот счет выразило и министерство внутренних дел и телекоммуникаций, курирующее сферу вещания. В ответ на предложения компании оно выразило мнение о неприемлемости односторонней «контрактизации» обязательств без каких-либо подвижек в ее управленческом стиле. Проект поправок, по мнению министерства, есть не что иное как «пир на пепелище» (*якэбутори*), т. е. одностороннее перекладывание на плечи граждан финансовых потерь корпорации, связанных с ее собственными просчетами, а зачастую и прямыми злоупотреблениями¹⁶. По расчетам министерства, введение подобных контрактов позволит повысить собираемость тарифов до 80–85%, что даст компании дополнительно до 75–120 млрд. иен в год¹⁷. В этих условиях министерство внутренних дел предложило, чтобы перед обсуждением вопроса о поправках в Закон о вещании NHK добровольно взяла на себя обязательство снизить абонентскую плату на 20%.

Корпорация в ответ выступила с возражениями, заключавшимися в том, что «контрактизация» абонентской платы не обязательно приведет к существенному росту ее собираемости, так как у компании нет возможностей для точной идентификации адресов неплательщиков. В то же время стоящие перед корпорацией управленческие задачи, связанные с новыми общественными потребностями в сфере телевидения, неизбежно потребуют роста расходов. Компания сослалась на проводимую ей масштабную инвестиционную программу, ориентированную на развитие новейших телекоммуникационных технологий (телевидение высокой четкости, высокоскоростной Интернет, мобильная связь нового поколения с возможностью выхода в Интернет и приема телевидения). По мнению компании, следует учитывать и существенный рост потребительских расходов в секторе информационных услуг. Например, за 20-летний период начиная с 1985 г. доля расходов семьи (из более чем двух человек) на новые виды телекоммуникационные услуги, выросла в 2,3 раза — с 2,1% до 4,4% от общего объема семейного бюджета¹⁸. Поставленная перед корпорацией задача перехода на цифровой формат вещания, которую предполагается завершить к концу 2011/12 фин. г., потребует от корпорации около 200 млрд. иен (примерно 2 млрд. долл.) дополнительных расходов¹⁹. Иными словами, снижение абонентской платы, по мнению корпорации, идет вразрез с рыночными тенденциями и даст

немедленный эффект в виде уменьшения доходов компании, тогда как «контрактизация» в краткосрочном плане не проявит себя в должной мере в силу организационных и иных причин.

Следует учесть, что вопрос о «контрактизации» абонентской платы носит во многом философский характер, замыкаясь на самом предназначении NHK как публичной корпорации. Введение контракта с жесткими финансовыми обязательствами ставит под сомнение принцип «доброй воли» в деле сбора средств, которые из «пожертвований» приобретают характер особого вида налогов, собираемых под страхом судебного преследования. В этих условиях начинает стираться грань между «общественным» и «государственным», что повышает риск превращения корпорации в информационный рупор японского правительства.

С учетом массового характера неплатежей абонентской платы NHK попыталась решить вопрос о судебном взыскании средств с должников в рамках действующего законодательства (используя соответствующие положения гражданского кодекса о невыполнении контрактных обязательств). В 2006 г. было возбуждено несколько показательных исков. Методом случайной компьютерной выборки в Токио 33 семьям был предъявлен иск за неуплату²⁰. Одновременно корпорация выступила с инициативой введения для должников так называемых ускоренных судов, использующих упрощенную процедуру делопроизводства.

Окончательное решение вопроса о «контрактизации» абонентской платы было в марте 2007 г. отложено во многом в связи с незавершенностью процесса финансово-управленческой реорганизации NHK²¹. В этой связи корпорация начала предпринимать активные шаги, направленные на восстановление благоприятного для себя общественного климата. В октябре 2008 г. NHK впервые с момента основания компании в 1950 г. объявила о решении начать с 2012 г. снижение абонентской платы в среднем на 10%. Дальнейшее снижение, намечаемое на период после 2012 г., будет проводиться по решениям Комитета по управлению NHK, который, как ожидается, будет принимать их на основе изучения рыночной конъюнктуры. Компания также декларировала цели социальной политики, в соответствии с которыми для потребителей пожилых возрастов будут предусмотрены дополнительные скидки²².

Одновременно компания декларировала широкий комплекс мер, направленных на оптимизацию производственной структуры NHK. В 2008 г. был принят долгосрочный план управления, предусматривающий уменьшение числа дочерних компаний с 17 до 12–13 в течение пяти лет, сокращение штата корпорации, упразднение неэффективных подразделений, ужесточение финансовой и производственной дисциплины²³.

¹⁶ Тезис о «пире на пепелище», в частности, высказал министр внутренних дел и коммуникаций Й. Суга, выступая в парламенте 27 февраля 2007 г. (Асахи симбун. 28.02.2007).

¹⁷ Нихон кэйдзай симбун. 15.03.2007.

¹⁸ Нихон кэйдзай симбун. 20.02.2007.

¹⁹ Нихон кэйдзай симбун. 18.10.2008.

²⁰ Асахи симбун. 23.12.2006.

²¹ Асахи симбун. 02.03.2007.

²² Нихон кэйдзай симбун. 18.10.2008.

²³ Там же.

Новый план управления предусматривает, кроме того, существенное усиление надзорных функций комитета по управлению NHK, ужесточение требований к обязательному внешнему аудиту корпорации, создание комитета пользователей вещания (аудитории теле- и радиовещания) с целью усиления обратной связи с обществом, получения объективной информации об общественной реакции на передачи, обеспечения большей прозрачности в работе. В целом следует отметить, что главный упор в предпринимаемых мерах управленческого характера делается на усиление механизмов внешнего наблюдения и контроля, которые должны будут повысить доверие зрительской аудитории и ослабить внутреннее неприятие гражданами «контрактизации» их финансовых обязательств перед компанией, призванной заменить принцип добровольности²⁴.

План управления ставит задачи по освоению новых видов информационного пространства и новых форматов вещания, к числу которых относится вещание на мобильные телефоны с использованием каналов мобильной связи, а также так называемое веб-вещание, т. е. вещание на персональные компьютеры через Интернет. Новые виды вещания, как ожидается, позволят расширить финансовую базу корпорации. Вместе с тем они потребуют новых подходов к подаче информации, а также существенной управленческой перестройки корпорации.

На первый план также выходит задача объединения систем связи и вещания. Так, с декабря 2007 г. была запущена услуга «NHK on demand», предоставляющая возможность посмотреть ранее вышедшие в эфир программы в удобное для клиента время. Введению этой услуги способствует также то обстоятельство, что NHK почти всегда обладает авторским правом на транслируемые передачи, что позволяет максимально гибко и оперативно решить вопрос с повторным вещанием. Именно это позволяет корпорации быть здесь «законодателем мод» и диктовать прочим участникам медиа-рынка стратегические направления развития сферы вещания²⁵.

NHK планирует многое сделать для расширения международного вещания, которое предполагает теле- и радиотелеинформационное обслуживание находящихся за границей японских граждан, а также создание вещательных каналов на иностранную аудиторию, подобных тем, которые имеют такие телерадиовещательные корпорации зарубежных стран, как CNN и BBC. К настоящему времени у NHK имеется большой «задел» в этом направлении. В 1995 г. была запущена система международного телевещания NHK World TV. Помимо трех собственных спутников вещания, корпорация активно осваивает национальные медиа-рынки зарубежных стран, активно работая с кабельными каналами.

²⁴ Асахи симбун. 12.01.2007.

²⁵ Нихон кэйдай симбун. 19.10.2008.

Экспортные программы NHK, 70% которых транслируются на английском языке, смотрят 72 млн. семей 180 стран мира²⁶.

Долгое время обсуждается вопрос о создании в рамках NHK специальной службы вещания на иностранную аудиторию. Первоначально, когда проект реформы находился на стадии обсуждения, предлагалось создать отдельную дочернюю компанию зарубежного вещания. В июне 2006 г. на этот счет было достигнуто соглашение между правящей Либерально-демократической партией и партиями оппозиции. При этом финансовое обеспечение новой компании планировалось наладить путем активного привлечения средств частных компаний. Однако по мере обсуждения стало ясно, что создание новой крупной управленческой структуры потребует существенных финансовых расходов, что противоречит общему курсу на экономию средств. В конечном счете, было решено выполнять поставленную задачу в рамках самой корпорации.

Большую актуальность для NHK приобрела в последнее время проблема ее независимости от государства. Речь идет о праве политического руководства навязывать компании свою точку зрения и в первую очередь на международные события. Поводом для широкой общественной дискуссии по данному вопросу стали высказывания министра внутренних дел и телекоммуникаций Японии Суга Ёсихидэ, который 13 октября 2006 г. заявил о том, что собирается заставить NHK уделять в своих передачах больше времени вопросу о японских гражданах, похищенных из страны спецслужбами КНДР. Речь шла о передачах входящей в корпорацию службы международного радиовещания Radio Japan.

Проблема, которую высветило высказывание японского министра, заключалась в противоречивости положения NHK как независимой общественной корпорации и как организации, действующей по поручению правительства и использующей в своей деятельности бюджетные средства. С одной стороны, как общественная корпорация NHK пользуется полной свободой рук при определении своей вещательной политики, самостоятельно определяя, что и как ей освещать. С другой стороны, согласно Закону о вещании, если вещательной корпорацией используются государственные средства, министр внутренних дел и телекоммуникаций вправе давать ей приказы, предписывающие содержание передач и объем вещания. Это положение распространяется в первую очередь на сферу международного радиовещания, в которой используются средства японских налогоплательщиков²⁷. Из 8,5 млрд. иен, необходимых корпорации на проведение международного радиовещания, 2,3 млрд. иен составляют государственные субсидии²⁸. Именно их наличие определяется действующим в Японии законодательством как

²⁶ The Daily Yomiuri. 03.11.2006.

²⁷ Асахи симбун. 12.01.2007.

²⁸ The Daily Yomiuri. 03.11.2006.

достаточное условие для реализации так называемого «вещания по приказу» (*мэйрэй хосо*).

Весной каждого года японское правительство направляет в корпорацию письмо, где указаны три основных сферы, в которых корпорация при подготовке программ должна отражать официальную точку зрения: текущие события (новостной блок), важные виды государственной политики и основные международные проблемы. Неконкретность положений о «важных видах государственной политики» (*куни-но дзюёна сэйсаку*) всегда позволяла избегать острой постановки вопроса о праве государства напрямую диктовать содержательную сторону идущих в эфир программ «Radio Japan». Теперь же в том, что Ё. Суга потребовал коррекции вещательной политики корпорации в соответствии с преследуемыми правительством целями, многие увидели проявление зависимости NHK от государства, ее несамостоятельность, неполноту конституционных гарантий свободы информации. Случай с высказываниями Ё. Суга привлек внимание многих СМИ именно к этому аспекту вещательной политики NHK. «Если программы корпорации будут лишь обеспечивать дополнительное обоснование утверждениям правительства, кто будет верить ее репортажам? Телекомпания может рассчитывать на доверие лишь в том случае, если она будет объективно отражать позицию зарубежных государств, даже если эта позиция противоречит официальной точке зрения», – высказала свое мнение «Асахи симбун»²⁹. Как заявлял нынешний председатель оппозиционной Демократической партии Японии Хатояма Юкио, «правительство должно уважать свободу печати и свободу выражения. Если допустить чрезмерное вмешательство, это будет означать, что правительство может диктовать содержание программ. Это будет ужасно»³⁰.

Хотя в большинстве европейских стран правительства также выступают спонсорами национальных вещательных корпораций, они не вмешиваются в рутинный процесс подготовки программ и не досаждают продюсерам мелочной опекой. Хороший пример здесь – британская телерадиовещательная корпорация ВВС, которая пользуется большим кредитом доверия со стороны общественного мнения внутри страны и за ее пределами. Известно, что авторитет ВВС основывается, прежде всего, на том, что во главу угла политики вещания поставлены принципы нейтральности, объективности и равноудаленности, которые выдерживаются даже в тех случаях, когда вещание может нанести ущерб репутации британского правительства. Хорошим примером здесь служит освещение ВВС фолькландской войны, давшее повод правительству обвинить телевидение в «непатриотизме», но позволившее телекомпа-

нии укрепить свой авторитет в глазах общественности за проявленную бескомпромиссность.

Во многих странах мира, где имеется общественное телевидение, декларирующее свою независимость от государства и корпораций, неизбежно встает проблема финансовых источников. Эта проблема в каждом случае решается по-разному (см. табл.1). В некоторых странах (например, в Великобритании) действующим законодательством предусмотрены жесткие судебные санкции за неуплату абонентской платы, вплоть до тюремного заключения, в других (например, в Италии) используется «мягкая» модель, во многом похожая на японскую систему.

Таблица 1
Системы взимания абонентской платы за просмотр общественного телевидения в некоторых странах мира*

Страна	Наличие системы принудительного сбора абонентской платы	Судебные санкции за неуплату	Сумма годовой абонентской платы (в иенах)
Япония	Нет	Штрафные санкции отсутствуют, но имеется начисления пени за просрочку	16 740
Великобритания	Нет	Имеется система штрафов по решению суда в рамках ускоренного делопроизводства. В случае неуплаты штрафов не исключается тюремное заключение.	25 300
Франция	Есть	С 2005 г. абонентская плата взимается вместе с налогом на проживание. В случае неправомерной подачи декларации о проживании взимается штраф 150 евро	15 660
Южная Корея	Есть	Штрафы отсутствуют. В случае неуплаты начисляются пени. При запоздании в регистрации телеприемников плата взимается за весь неоплаченный период пользования.	3 000
США	Общественное телевидение управляется некоммерческими организациями, работающими на пожертвования частных лиц и корпораций		

* Асахи симбун. 05.02.2007.

Вопрос о независимости общественного телевидения от властей периодически встает перед корпорацией, руководство которой имеет

²⁹ Асахи синбун. 12.01.2007.

³⁰ The Daily Yomiuri. 03.11.2006.

особые связи с политическим миром. Например, в 2006 г. корпорация была вынуждена защищаться в суде в связи с иском против нее от одной из общественных организаций. Суть иска заключалась в том, что корпорация внесла перед самым эфиром существенные изменения в передачу образовательного канала NHK о так называемых «комфортных женщинах» – корейках, насильственно обращенных в сексуальное рабство в период оккупации Кореи японской императорской армией³¹. Изменения эти заключались в том, что из передачи были вырезаны многие интервью бывших японских военнослужащих, в неприглядном свете выставляющих политику японских оккупационных властей. В суде вскрылось, что дополнительное редактирование уже готовой передачи было произведено сразу после встречи руководящих работников NHK с депутатами нижней палаты японского парламента от ЛДП, на которой обсуждался вопрос об утверждении парламентом бюджета компании на предстоящий финансовый год. Несмотря на попытки компании представить дело так, будто редактирование передачи было частью творческого процесса, суд признал факт давления со стороны политической власти и оштрафовал NHK на 2 млн. иен. Примечательно, что в вердикте суда прямо говорилось об отказе компании под давлением правительства на собственное мнение в редакционной политике³².

Весьма поучителен опыт NHK в проведении финансово-управленческой реорганизации, поиск ею оптимальной модели менеджмента, которая позволит наилучшим образом обеспечить ее деятельность как общественной телерадиовещательной корпорации. Этот опыт, возможно, даст ответ на принципиальные вопросы. Возможно ли в современном мире создать подлинно независимое общественное телевидение? Есть ли в современном мире механизмы, гарантирующие такому телевидению финансовую, управленческую и юридическую независимость от внешнего вмешательства? Именно такая независимость, наряду с профессионализмом журналистского корпуса и соблюдением им строгих этических норм создают общественному телевидению высокий уровень доверия со стороны зрительской аудитории. В этом смысле пример Японии, где бюджет NHK по-прежнему формируется за счет добровольных пожертвований граждан, которые ассигнуют свои средства не под страхом судебного преследования, а сознательно, заслуживает самого пристального рассмотрения.

³¹ Асахи симбун. 30.01.2007.

³² Асахи симбун. 30.01.2007.

Китайская община в Японии: вчера и сегодня

Н. Е. Ковригин

Япония в 1990-х годах встретилась с новым феноменом – весьма быстрым расширением присутствия этнических китайцев на своей территории. Пока что этот процесс весьма строго контролируется японским законодательством, и сейчас численность выходцев из Китая в стране составляет около 700 тыс. человек. Но в принципе отток, скажем, 5–6 млн. китайцев, едва заметный для КНР, был бы способен существенно изменить социальную и этническую ситуацию в Японии, особенно учитывая то, что ее население с 2007 г. стало сокращаться. Вероятнее всего, отток китайцев на Восток будет продолжаться, причем результаты этого процесса, скорее всего, будут противоречивы, а порождаемые им проблемы – достаточно сложными и неоднозначными. Сразу же следует подчеркнуть, что перебазирование в Японию сильно отличается от китайских миграций в другие страны мира и стоит в этом смысле как бы особняком.

Нужны ли Японии китайские мигранты?

В мире сложно найти страну, где бы не было китайских мигрантов. В настоящее время за пределами КНР (не считая Тайваня) на постоянной или временной основе проживает около 40 млн. этнических китайцев (*хуацяо*), а сама история китайской миграции насчитывает не одну сотню лет. За века общины *хуацяо* сумели глубоко внедриться в экономику и, в особенности, в торговлю многих сопредельных, а порой и весьма удаленных от Китая стран. В Индонезии, Малайзии, Камбодже, на Филиппинах, в Таиланде и прочих государствах им удавалось установить контроль над внутренней и внешней торговлей. В 1990-х годах в Индонезии, например, составляя около 4% от общей численности населения, этнические китайцы контролировали около 70% экономики. Не чужды они (или лица со смешанной китайско-туземной кровью) и политических амбиций: в жилах бывшего президента Филиппин Корасон Акино течет китайская кровь, а палач камбоджийского народа Пол Пот был наполовину китайцем. Естественно, этническими китайцами являются и руководители города-государства Сингапур. Даже в таком отдаленном месте, как канадский город Ванкувер (провинция Британская Колумбия), около 20% населения составляют *хуацяо*, а в главном университете провинции число китайских студентов достигает 25% от общего контингента. На выборах 2007 г. в Австралии лейбористская

партия победила (а ее лидер Кевин Радд стал премьер-министром) во многом благодаря поддержке именно китайской общины.

Возвращаясь к Восточной Азии, отметим, что только три страны избежали контроля китайцев над своей экономикой. Это – Северная Корея, Южная Корея и интересующая нас Япония. Однако численность китайцев в Японии продолжает неуклонно расти. В иностранной диаспоре Японии китайцы еще совсем недавно занимали второе место, слегка уступая корейцам (28,7%). По официальным данным, на конец 2006 г. в Японии проживала 561 тыс. китайцев, а в 2003 г. – 462 тыс. человек. К 2008 г. китайская община обогнала по численности корейскую, став самой крупной иноэтнической группой в Японии. В городах сплошь и рядом можно услышать китайскую речь. Таким образом, налицо весьма стремительный абсолютный и относительный рост численности китайцев в Японии.

Принципиально важно то, что этот процесс накладывается на серьезный демографический кризис, который переживает принимающая страна. Это – кризис, заключающийся в старении населения и сокращении численности его работающей части. Японское население стареет настолько быстро, что если верить прогнозу ООН, до 2050 г. стране потребуется ежегодно «импортировать» около 600 тыс. рабочих, чтобы поддерживать численность экономически занятого населения, не говоря уже о международной конкурентоспособности Японии; встречаются прогнозы и до 1 млн. человек в год. Уже сейчас многие отрасли японской экономики – автомобильная и химическая промышленность, строительство и т. д. – функционируют в основном за счет трудовых (легальных и нелегальных) мигрантов. Острая нехватка рабочих рук ощущается в ресторанно-гостиничном бизнесе, а также в сфере ухода за пожилыми людьми – пенсионерами, чья численность с каждым годом растет. Очевидно, в настоящее время только Китай обладает достаточными ресурсами для того, чтобы обеспечить потребности Японии в рабочей силе. Расширение китайской диаспоры оказывает влияние как на повседневную жизнь социумов крупных городов, так и на внутреннюю политику государства. Японское правительство, с одной стороны, ощущает необходимость в привлечении иностранных мигрантов, но с другой – ограничено иммиграционным законодательством и общественным настроением. Стремясь сохранить социальную стабильность, руководство страны вынуждено создавать полуофициальные механизмы, обеспечивающие приток иностранных трудовых мигрантов в страну.

Демографический кризис переживает не только экономика Японии, ее сфера услуг и социальной защиты. На пороге затяжного кризиса стоит большинство японских университетов, что, в первую очередь, связано со снижением рождаемости и начавшимся сокращением населения страны. Система высшего образования очень скоро начнет испытывать нехватку студентов из числа собственного населения. Болезненному

сокращению преподавательского состава (в целях экономии) может противостоять только приток иностранных студентов из-за границы. Из-за иероглифической системы письма, принятой в Японии, рассчитывать приходится в основном только на молодых китайцев и в определенной степени на корейцев. Жители других азиатских стран, а тем более европейских и американских, в качестве студентов будут приезжать в Японию лишь в минимальных количествах. Фактически в стране уже развернулась конкуренция за студентов и стажеров из Китая.

Между тем, сыграв в 1980-х годах роль авангарда китайской миграции и заложив основы «новой» китайской общины в Японии, китайские выпускники японских вузов в последнее время все более активно участвуют в расширении японо-китайских торгово-экономических связей и как сотрудники японских компаний, и как частные предприниматели. На почве соприкосновения деловых интересов наметилась тенденция на сближение мигрантов новой волны с бизнесменами из «старой» китайской общины в Японии. Вероятно, в перспективе, в лице китайской диаспоры мы сможем наблюдать появление на японских островах новой экономической силы.

В основе формирования и развития миграции китайцев в Страну Восходящего Солнца лежит сложный комплекс внутренних и внешних факторов, а путь этой миграции весьма извилист. Как явление миграции обычно разделяют на постоянную (эмиграцию) и временную. Эмиграция заканчивается интеграцией в местное общество чаще всего уже во втором поколении. Поэтому наибольший интерес и значение представляет временная миграция, поскольку временный резидент, с одной стороны, взаимодействует с принимающим обществом, влияет на него и испытывает влияние с его стороны. В то же время, он сохраняет активные связи с домом, выступая своеобразным связующим звеном между двумя мирами. На нынешнем этапе среди временных китайских мигрантов в Японию выделяется несколько основных категорий: студенты, технические стажеры и нелегальные мигранты. Поведение каждой из них имеет характерные, и даже уникальные, особенности как в самом миграционном процессе, так и во взаимоотношениях с японским обществом.

Люди в принимающих странах, за исключением специалистов, редко задумываются о географии и районировании Китайской Народной Республики, о том, что это многонациональная страна. Для них все приезжие отсюда являются просто китайцами, которых становится все больше и больше. Между тем, не все так однозначно. Основную миграционную базу до сих пор формировало население преимущественно трех южных приморских провинций – Гуандун, Чжэцзян и Фуцзянь. Исторически именно в этом ареале были развиты традиции мореплавания, а их жители знали о внешнем мире намного больше, чем другие китайцы. Именно здесь располагались основные центры контактов с западной

цивилизацией – Шанхай, Гуанчжоу (Кантон), Гонконг и т. д. Поэтому жителям этой части страны традиционно присуща так называемая «миграционная ментальность», служащая одним из главных стимулирующих факторов для длительных отлучек за рубеж. Именно здесь зародились основы сложного механизма, в котором переплетены уже существующие зарубежные диаспоры, родственные отношения, государственные органы, отвечающие за экспорт рабочей силы, а также преступные организации, переправляющие нелегальных китайских мигрантов в другие страны.

Временный характер пребывания большинства китайских поселенцев, с одной стороны, обуславливает способы адаптации к принимающему обществу, а с другой – сам обусловлен наличием ряда структурных факторов. Среди них важную, если не ключевую, роль играет миграционная традиция и миграционный менталитет. Именно наличием миграционной традиции в южных приморских провинциях объясняется то, что многие местные семьи издавна выбирают «командировку за границу» как средство подъема благосостояния и расширения своей экономической базы.

В приморских провинциях именно семья формирует экономические ожидания в отношении потенциального мигранта, она стимулирует его выезд за границу, обеспечивает связь мигранта с родиной и его поддержку, она же является гарантом легкой реинтеграции возвращающегося мигранта. Таким образом, отправка мигранта за границу – это семейная стратегия: члена семьи отправляют на заработки, когда вернется один, за рубеж отправляется другой (или другие). Для жителей регионов-экспортеров ротация за границу и обратно является способом экономического воспроизводства.

Население же внутренних провинций, хотя и активно меняет местожительство в пределах КНР (внутренняя миграция ежегодно достигает гигантских объемов – около 100 млн. человек), фактически не имеет отношения к росту внешней миграции. Здесь (за небольшими исключениями) отсутствуют и традиция, и механизм миграции в другие страны.

Таким образом, имеются три традиционные провинции, поставляющие трудовые ресурсы из Китая, три категории «временных» мигрантов. Схожим образом, и история проникновения представителей китайского этноса на соседний архипелаг делится на три этапа, очень непохожих друг на друга.

В 1842 г. Сянган (Гонконг) стал британской колонией, и вскоре после этого через него началась миграция китайцев в различные уголки земного шара. Этим было положено начало первому после открытия страны этапу китайской миграции. Отмечались заметные всплески выездов после «опиумных» войн 1840–1842 и 1856–1860 гг., а после того как в 1860 г. цинским правительством были официально сняты запреты

на выезд из страны, миграционные потоки набрали еще большую силу. Второй период охватывает социалистическую эпоху Мао Цзэдуна и его непосредственных преемников. Третий период миграции начинается с приходом к власти руководства КНР во главе с Дэн Сяопином в 1978 г. и провозглашения «политики реформ и открытости», после чего миграционные потоки из КНР год за годом начали набирать все большую интенсивность.

Историческая ретроспектива китайской миграции в Японию

Разумеется, и до «опиумных» войн Китай и Японию, как ближайших соседей, связывали многовековые отношения. Однако всплеск межгосударственных контактов, обмена посольствами, людскими потоками и пр. пришелся на время правления в Китае династии Тан (618–907 гг.).

Документально подтвержденные данные о присутствии китайцев на территории современной Японии относятся к нашей эре. Китайская община в Японии со временем стала весьма многочисленной и состояла из политических эмигрантов (членов или сторонников очередной свергнутой династии), монахов-проповедников, ремесленников, торговцев и представителей прочих профессий. Китайцы не только проживали на территории Японии, но и играли важную роль в знакомстве японцев с достижениями китайской цивилизации.

Несмотря на самоизоляцию Японии от внешнего мира после издания в 1630-х годов сёгуном Токугава Иэмицу указов о закрытии страны и ряда других антииностранных актов, отношения Японии с Китаем не прервались. Китайцам (конечно, в ограниченном количестве) было и дальше позволено приезжать и жить в Японии. Но в XVII – первой половине XIX вв. миграции из Китая в Японию препятствовала также и изоляционистская политика самого цинского государства. Конец политике «обоюдной» самоизоляции и запрету на выезд был положен лишь с приходом в эти страны западных держав в середине XIX в.

Началу миграции из цинского Китая за рубеж способствовали как ухудшение экономической и политической ситуации внутри страны, так и ряд внешних факторов, а именно, ситуация в принимающих странах. Фундамент, заложенный первыми китайскими мигрантами во второй половине XIX в., обусловил характер и схемы дальнейшей миграции китайцев во многие регионы мира, которые и по настоящее время являются основными пунктами ее назначения.

После окончания первой «опиумной» войны (1840–1842 гг.) китайское правительство было вынуждено открыть для иностранной торговли портовые города: Гуанчжоу, Сямынь (Амой), Фучжоу, Нинбо и Шанхай. Через эти порты, а также через Гонконг и Макао началось активное продвижение китайцев за рубеж. Обнаружение золота в горах на западе Соединенных Штатов в 1848 г., в Южной Австралии в 1851 г. и на западе

Канады в 1858 г., а также начало крупномасштабных инженерных проектов в этих странах дало толчок началу мощного миграционного движения из Китая, особенно в США. Однако, несмотря на полезную роль, которую играли китайцы в американской экономике преимущественно в качестве чернорабочих (*кули*), достаточно скоро обозначилось существенное ухудшение в отношении к ним белого населения и политиков. Именно в связи с китайцами уже в 1870-х годах возникло алармистское понятие «желтой угрозы»¹.

Ширящиеся социально-этнические противоречия вынуждали правительство США, а также власти Канады, Австралии и Новой Зеландии вводить антикитайские законы и постоянно ужесточать иммиграционную политику. В результате подобных действий вокруг этих стран постепенно выросла так называемая «Великая белая стена». Миграция китайцев была фактически запрещена, а уже проживающие там *хуацяо* становились объектом дискриминации как со стороны властей, так и со стороны местного населения. Реакцией китайцев стала консолидация китайских общин в локальные анклавные – чайнатауны.

В отличие от Соединенных Штатов и британских владений в Новом свете, китайские общины в странах Западной Европы стали формироваться позже, поскольку там возможности получения такого высокого дохода как в США были меньше; да и ситуация на европейских рынках труда во второй половине XIX в. отличалась от положения на аналогичных рынках США. Тем не менее, и в европейских центрах сформировалась принимающая база, хотя и в меньших масштабах.

Китайские общины в Северной Америке, Европе и Океании поддерживали почти неразрывную связь с отправляющим их китайским обществом, обеспечивая ротацию мигрантов – возвращение «старых» и приезд новых. После открытия КНР и начала нынешнего этапа миграции китайские диаспоры, сложившиеся еще до начала XX в., стали принимающими базами для новых мигрантов. В Японии, несмотря на значительный в прошлом объем миграции из Китая, к 1980-м годам такой базы фактически не оказалось.

Первыми китайцами, начавшими приезжать в Японию во второй половине XIX в., были торговцы, компраторы и обслуга представителей западных держав, включая также и ремесленников. Именно благодаря торговцам-компраторам и трудовым мигрантам в Японии начали появляться китайские анклавные в Нагасаки, Иокогама, Кобэ, Осака и т. д., развитие которых пришлось на очень сложный этап японо-китайских отношений: ломки старых стереотипов взаимного восприятия и формирования новых. Поначалу роль китайских купцов в экономике, прежде всего во внешней торговле Японии, была велика. Они контролировали торговлю Японии не только со своей страной, но также значитель-

ную часть товарооборота с Индией, Гавайями и другими территориями. Китайские мигранты, как это ни парадоксально, вносили весомый вклад и в «вестернизацию» Японии. Они были первыми, кто начал импортировать в страну керосин и керосиновые лампы, познакомили японцев с производством черного чая. В 1874 г. китайская община получила разрешение на установку на улицах Нагасаки газовых фонарей, которые в то время были новинкой.

По вполне понятным причинам в Японии китайские общины не могли восприниматься в качестве «желтой угрозы», как это случилось в США и Австралии (скорее, наоборот, в мире со временем этот эпитет укрепился за Японией). Более того, на первоначальном этапе своего существования эти общины обладали значительными привилегиями. В них существовали организации взаимопомощи, собственные банки и даже разветвленные органы самоуправления, официально признаваемые японскими властями. Более того, до 1899 г. китайские подданные пользовались в Японии правом экстерриториальности. Китайцы были крупнейшей иноэтнической группой в стране.

Между тем, успехи Японии на пути модернизации, знакомство с внешним миром, разочарование в ослабевшей цинской империи как источнике силы и культуры способствовало развитию у японцев чувства превосходства по отношению к китайцам. В прессе и на высшем уровне ширилась дискуссия о том, есть ли необходимость в нахождении китайцев в Японии. Однозначного отношения к китайским мигрантам не существовало ни на одном уровне. Несмотря на наличие определенной взаимной неприязни между китайцами и японцами, в стране не было расового антагонизма, сравнимого с тем, что имел место в США. Удар по китайской общине нанесла японо-китайская война 1894–1895 гг. Вследствие войны изменилась расстановка сил в Восточной Азии, структура торгово-экономических отношений и политические устремления японского руководства. Китайские торговцы утратили лидирующие позиции, необходимость в компраторах отпала, и китайская община стала терять свой вес.

Однако раны войны отодвинулись на второй план, и на смену торговцам на рубеже XIX–XX вв. пришли китайские студенты. По выражению Джона Фэрбэнка, «китайская студенческая миграция в Японию в первом десятилетии XX в. была, пожалуй, на тот период крупнейшим массовым выездом студентов за границу за всю мировую историю»². В отличие от миграции торговцев и рабочих, студенческая миграция из Китая в Японию определялась не объективными экономическими факторами, а внешне- и внутривнутриполитическими соображениями руководства обеих стран. В отправке китайских студентов в Японию были заинтере-

¹ Decornoy J. Peril jeune, peril blanche. Paris, 1970, p.269.

² Fairbank John King, Twitchett Denis Crispin. Liu Kwang-Ching. The Cambridge History of China, vol. 11, Late Ch'ing, 1800–1911, Part 2, Cambridge University Press, 1980, p. 348.

ресованы как цинское правительство, так и японские правящие круги. Решение о массовой отправке в Японию студентов определили новые взгляды китайской правящей элиты, пришедшей к выводу, что реформа общенациональной системы образования – это ключевой фактор модернизации страны. Переход к обучению за границей явился результатом ломки традиционного этноцентрического сознания китайского правящего слоя, осознания слабости Китая перед техническими достижениями западной цивилизации и более прагматичного подхода к развитию страны. Хотя китайские студенты отправлялись и в США, и в Европу, Япония стала основным пунктом их назначения. В 1902 г. число студентов достигло 400–500 человек, в 1903 г. – 1000, а к 1906 г. в Токио обучалось от 8 до 9 тыс. студентов из Китая; некоторые источники сообщают о 20 тыс.³ При этом в университетах США в тот период обучались лишь чуть более 100 студентов из Китая.

Появление китайских студентов приветствовала и японская правящая элита. Их прием на учебу казался ей частью миссии Японии как лидера Азии. В подходе японской стороны отражался и чисто практический подход. В Токио рассчитывали, что китайские учащиеся по возвращению на родину будут способствовать распространению влияния Японии и лояльности к ней, смогут продвигать ее политические и экономические интересы. Специально для студентов из Китая были созданы такие учебные заведения, как военная школа Сэйдзё Гакко. В числе прочих школ были Никка Гакудо, Кото Дайдо. В 1902 г. был основан Кобун Гакуин, в котором в разное время обучались: будущий первый главнокомандующий армии республиканского Китая Хуан Син, писатель Лу Синь и революционер Чэнь Дусю⁴. Курсы для китайских студентов открывались и при частных университетах, в том числе и в известном университете Васэда.

Поскольку первоначальный стимул для учебы за границей дали цинские власти, то в первые годы основную массу студентов составляли отпрыски элиты и лица с государственными стипендиями. Однако пример оказался заразительным, и в начале XX в. большую часть составляла уже молодежь, прибывшая за свой (или родительский) счет. Впрочем, японские образовательные учреждения оказались не готовы дать надлежащий уровень знаний такой массе студентов, многие из которых были слабо подготовлены в принципе и не смогли активно овладеть даже японским языком. Это приводило к низкому качеству обучения. Большинство студентов посещало сокращенные курсы и, как

следствие, их пребывание в Японии было недолгим. Непосредственно в университетах обучался всего 1% китайских студентов⁵.

Период студенческой миграции совпал с периодом роста в Японии националистических и шовинистических настроений. Китайские студенты, как и прочие категории азиатских мигрантов, часто становились объектами презрительного отношения со стороны японцев. Тем не менее, это не оказывало негативного влияния на развитие китайской общины в Японии. Численность студентов-мигрантов росла за счет цепной реакции, вообще характерной для китайской миграции: возвращавшиеся на родину агитировали других отправиться на учебу в Японию. Для большинства китайского студенчества того периода Япония не являлась источником материальных благ – у мигрантов не было стимула оставаться в этой стране и укреплять свои позиции. Студенты рассчитывали, прежде всего, на то, что возвращение с японскими дипломами обеспечит им карьеру и более высокий статус у себя дома.

В конце концов, схлынула и «студенческая» волна. Негативное влияние на численность китайских студентов, их положение и характер миграции оказала растущая политическая активность этой категории мигрантов, вызвавшая противодействие как цинского, так и японского правительства. В первом десятилетии XX в. Япония из места учебы превратилась в площадку политической борьбы против цинской монархии и развития диссидентских настроений. Крайняя политика студенчества привела к тому, что сразу после Синьхайской революции студенты стали массово возвращаться в Китай, считая, что они больше нужны на родине. К 1912 г. численность китайских студентов в Японии упала до 1,5 тыс. человек.

Вслед за резким спадом студенческой миграции с 1917 г. численность китайцев в Японии вновь стала увеличиваться, в этот раз за счет такой категории, как рабочие. После первой мировой войны японская экономика испытывала временную нехватку рабочих рук. Правительство решило справиться с этой проблемой путем привлечения иностранной рабочей силы – корейских и китайских рабочих. Они рассматривались как удобная и недорогая рабочая сила, чей въезд и срок пребывания, как казалось, можно легко контролировать.

Хотя японское правительство регулировало приток китайских трудовых мигрантов законодательными актами, их численность корректировалась скорее реальной экономической ситуацией в стране и потребностью в рабочей силе. Введение разовых ограничений на легальный въезд приводило лишь к увеличению числа нелегальных мигрантов. За период «восстановительного бума» в Японии, длившегося с 1923 г. до начала «великой депрессии» 1929–1932 гг. численность китайской

³ Harrell Paula. *Sowing the Seeds of Change: Chinese Students, Japanese Teachers, 1895–1905*. Stanford University Press, 1992, p. 2.

⁴ Fairbank John King. *Twitche Denis Crispin, Liu Kwang-Ching*. The Cambridge History of China, vol. 11, Late Ch'ing, 1800–1911, part 2, p. 351.

⁵ Harrell Paula. *Sowing the Seeds of Change: Chinese Students, Japanese Teachers, 1895–1905*, p. 72.

общины непрерывно росла и достигла к концу 20-х годов, по разным оценкам, 30–40 тыс. человек. Китайцы преимущественно трудились в качестве докеров в портах, а также на шахтах. Значительную массу составляли поденные рабочие.

На фоне общего недружелюбного отношения японцев к выходцам из Китая нарастали конфликты между китайскими «гастарбайтерами» и японскими рабочими, которые нередко переходили в открытые столкновения. Одно из таких столкновений, в котором участвовало несколько сотен человек, произошло 13 февраля 1923 г. в Иокогаме между китайскими и японскими докерами, занятыми на разгрузке угля с судов⁶. Подобные инциденты стали частыми, однако, наибольшего накала националистические настроения достигли в сентябре 1923 г., когда произошло печально знаменитое Токийское землетрясение, уничтожившее большую часть Токио и Иокогамы. Широко известно, что после землетрясения было убито несколько тысяч корейцев, которых обвинили в организации поджогов и мародерстве. Меньшее внимание привлёк факт, что, наряду с корейцами, было убито около 700 китайцев. Однако решающим фактором снижения миграции стали не межэтнические противоречия.

Реальный удар по общине *хуацяо* нанесло вторжение японских войск в Манчжурию в 1931 г. Японская агрессия вызвала к жизни новый взлёт националистических настроений среди китайцев, проживавших в Японии. Только из Кобэ, где китайское население насчитывало около 3 тыс. человек, в Китай вернулись более половины. Общая же численность китайцев в Японии упала до 17 тыс. человек⁷. Вдобавок, японская агрессия на северо-востоке привела к росту национального самосознания и сплочению оставшихся в Японии членов китайской общины. Японские власти, стремились поставить под контроль деятельность общинных институтов, но добились противоположного результата: разрозненные региональные ассоциации и связанные с ними организации китайцев (школы и т. п.), ранее фактически не контактировавшие между собой, стали вливаться в более крупные объединения. С одной стороны, это законсервировало ставшую немногочисленной китайскую общину, которую теперь принято называть «старой», а с другой – все-таки позволило ей просуществовать в течение следующих 40 лет, т. е. до начала новой волны китайской миграции в Японию.

На протяжении второго периода миграции, пришедшегося на 1940–1970-е годы, китайские общины в западных странах имели возможность, пусть и минимальную, поддерживать связь с родственниками на материке (в основном через Гонконг). Контакты же малочисленной

китайской общины в Японии с родиной отсутствовали. Другими словами, для нее второй этап как бы прошел мимо. Это привело к некоторому ее размыванию, частичной «японизации» и утрате связей с родными «регионами-экспортерами». Когда после 1978 г. начался очередной этап миграции китайцев за рубеж, новым китайским мигрантам в Японии пришлось формировать базу и налаживать миграционный механизм с «чистого листа». Рассмотрим вкратце, в какую среду они попадают на этом новом витке «командирования» на японский архипелаг.

Иноэтнические и инокультурные группы в современной Японии

Ситуацию, в которой оказываются иноэтнические и инокультурные группы в Японии, нельзя всерьез рассматривать без учета этнопсихологии ее коренного населения, ее миграционной (если не сказать «антимиграционной») ментальности. Эта ментальность вырастает из организационной структуры японского общества, где дистанции между существующими в нем группами обусловлены давлением ряда моральных категорий. Только уяснив характер этих отношений, можно понять место и самоощущение китайских поселенцев и других «чужаков» (корейской общины и «никкэйдзин», т. е. этнических японцев – репатриантов из Южной Америки) в современной Японии.

Большинство исследователей, в том числе такие мировые авторитеты, как Наканэ Тизэ и Дои Такэо, представляет структуру японского общества в виде схемы внутренних и внешних кругов (модель «сото-ути»), в которые входят те или иные индивидуумы. Такая схема характеризует структуру отношений как в пределах одной семьи, так и в масштабах всего общества. По мнению японцев, иностранцы не знакомы с этическими нормами, на которых базируется местное общество, и соответственно не вписываются ни в один из внутренних кругов, фактически всегда оставаясь для японцев чужими. Японцы попросту отторгают представителей «чужих» этносов, поддерживая с ними лишь ограниченные (необходимые) контакты. А учитывая чувство превосходства, с которым современные японцы относятся к выходцам из остальной Азии, можно понять, что степень инкорпорированности китайцев в данном обществе минимальна, и если будет углубляться, то весьма медленно.

Японское общество глубоко структурировано. Но существует нечто, что делает японцев единой нацией. Это нечто – национальное сознание и японский национализм. В основе японского национализма лежит идея уникальности японского народа. Одно из важнейших положений тезиса о национальной уникальности – вера в гомогенность японской нации. Степень близости «чужака» к японскому обществу зависит от степени «кровной» и «культурной» близости. В международной научной среде пока отсутствует единое мнение по поводу основных компонентов идеи о гомогенности японцев. Ведь даже среди самих японцев существуют группы, дискриминируемые по разным основаниям.

⁶ Ники Фумико. Канто дайсинсай тьококудзин дайякусацу (Резня китайцев во время Токийского землетрясения). Токио. 1991, с. 42.

⁷ Friman Richard H. Evading the Devine Wind Through the Side Door: The Transformation of Chinese Migration to Japan. – Globalizing Chinese Migration: Trends in Europe and Asia, p. 11.

Например, так называемые «парии», потомки бывших неприкасаемых *эта*, ныне именуемые «буракумин», (т. е. люди из особых поселений) подвергаются дискриминации, а точнее, даже отторгаются большинством именно вследствие своего происхождения и низкого социального статуса. Даже *хибакуся*, т. е. люди, пережившие атомные бомбардировки, и их потомки считаются генетически нечистыми. Дети самих японцев, долгое время проработавших за границей, подвергаются остракизму и издевательствам со стороны товарищей по школе. При этом и те, и другие, и третьи являются чистой воды японцами как в культурном, так и в этническом плане.

Особое место в структуре японского общества занимают *никкэйдзин* – потомки бывших эмигрантов из Японии, покинувших страну во второй половине XIX – первой половине XX в. На волне экономического бума на рубеже 1980–1990-х годов японский рынок труда испытывал нехватку рабочих рук. Японской администрации казалось, что в лице *никкэйдзин*, «импортированных» преимущественно из Бразилии и Перу, она нашли отличную замену нелегальным и полулегальным рабочим с Ближнего Востока и Восточной Азии. Предполагалось, что благодаря их этнической близости они будут легко приняты японским обществом, потому что они не выглядят как иностранцы. Для них были созданы особые условия, и даже внесены изменения в иммиграционное законодательство. Однако *никкэйдзин* не удалось вновь стать частью японской нации. «Кровная» близость оказалась не единственным определяющим фактором. При межкультурном взаимодействии очень резко обозначились культурные и поведенческие различия.

До самого последнего времени самой крупной общиной Японии были корейцы. Они и по сей день являются наиболее влиятельной этнической группой, оставаясь при этом одновременно и самой дискриминируемой частью общества. Причиной такой ситуации, помимо воздействия исторических стереотипов, является этническое или «кровное» различие. Оберегая свою кровь от «загрязнения», японцы отторгают тех, кто, по их мнению, является носителем «нечистой» крови, тем более неапонской. А ведь, помимо иной этнической принадлежности, представители корейской общины, особенно последних поколений, в культурном смысле являются чистыми японцами. Многие из них даже не говорят по-корейски. В этом случае причина дискриминации лежит в области «этнических» различий и предрассудков (парадоксально, что при этом японские женщины, в особенности среднего возраста и старше, поголовно влюблены в южнокорейских актеров из телевизионных сериалов). Принятию японизированных корейцев в ряды «своих» не помогло даже недавнее признание императора Акихито в том, что в жилах династии течет корейская кровь.

Практика функционирования корейской общины имеет и еще один аспект, на который обращает внимание как японский истеблишмент,

так, вероятно, и рядовые японцы. Корейцы пользуются поддержкой со стороны правительства Южной Кореи и весьма успешно отстаивают свои права. В частности, они добились статуса так называемых «особых постоянных резидентов», т. е. получили право на въезд и выезд из Японии без виз и без снятия отпечатков пальцев. По широко распространенному мнению, в руках корейцев (связанных в основном с Сеулом, но также и с Пхеньяном) находится контроль над гигантской сетью игровых автоматов «*патинко*» (которые приносят доход, больший, чем вся сталелитейная промышленность Японии)⁸. Мысль о возможности превращения китайской диаспоры в столь же, если не еще более, сильный механизм, учитывая все возрастающую международную роль Китая, не может не вызывать опасения у японцев. Эта возможность может стать реальностью, поскольку в КНР существует закон о защите китайцев за границей, а развитию связей с *хуацяо* Пекин придает большое значение. Пока что этот закон практически не применялся (в частности, во время антикитайских погромов в Индонезии в конце XX в.), но в зависимости от ситуации он может быть задействован.

Структура взаимоотношений внутри японского общества, особенности национального менталитета, «антимиграционная» ментальность, глубоко укоренившийся национализм и одержимость идеей чистоты крови обуславливают отторжение этим обществом иностранных мигрантов. Если даже этнически близкие *никкэйдзин* и культурно близкие корейцы оказываются за пределами внутренних кругов системы общественных взаимоотношений, то китайским мигрантам, по крайней мере на данном этапе, уготовано место на самой периферии японского общества, поскольку с японцами их объединяет разве только внешний вид и иероглифика (да и то глубоко разошедшаяся после второй мировой войны).

Формирование «новой» китайской общины

Для жителей регионов-экспортеров миграция является нормальным способом экономического воспроизводства. За годы «закрытия» страны при Мао Цзэдуне практика командирования за рубеж кого-то из членов семьи, естественно, сократилась до минимума (единственным, хотя и опасным, окном оставалось бегство через Гонконг или Макао), но менталитет не успел измениться. С началом политики «реформ и открытости» миграция китайцев в страны «белого» запада вновь начала набирать обороты: активизировались механизмы транспортировки, возобновились связи регионов-экспортеров с зарубежными диаспорами, вновь включились внутрисемейные связи, нашлись родственники,

⁸ *Kajita Takamichi*. The Challenge of Incorporating Foreign Workers in Japan. Temporary Workers or Future Citizens, p. 131.

земляки или их потомки в Лос-Анджелесе и Ванкувере, Сиднее и Лондоне, Гонолулу и Париже.

Миграция же в Японию начиналась в совершенно иных условиях. На рубеже 1970–1980-х годов она была едва заметной, развивалась медленно, и ни о каком «буме» в этот промежуток времени говорить не приходится. В Японии отсутствовала принимающая база; сравнительно немногочисленные этнические китайцы в японских *чайнатаунах* к тому времени потеряли связь с материком, сохраняя их разве что с Тайванем. Сыграло роль и то обстоятельство, что Япония в глазах китайского народа по историческим обстоятельствам не принадлежит к числу «любимых» стран.

Главным фактором, обусловившим начало и рост людских потоков в Японию, оказалась не экономика, а политика, конкретнее – текущая политика властей как КНР, так и Японии по отправке и привлечению китайских мигрантов, соответственно. Решающую роль сыграли внесистемные факторы, которые не вписываются в рамки существующих миграционных теорий. Ведь и неоклассическая экономическая теория, и теория человеческого капитала, и новая экономическая теория миграции, так или иначе, во главу угла ставят экономическую причину в качестве стимулирующего фактора миграции, что справедливо лишь отчасти. С помощью этих теорий невозможно объяснить, почему в одном и том же уезде мужское население одной деревни почти полностью перебралось за границу, а в соседней деревне к миграции не прибегали никогда. На этот факт, в частности, обратила внимание китайская исследовательница Ли Минхуань⁹. Из всех миграционных теорий, пожалуй, только так называемая теория «push-pull» факторов (побуждающих и стимулирующих) наиболее близко подходит для обоснования китайской миграции в Японию. Смысл теории состоит в том, что в принимающем обществе порой возникают факторы, мотивирующие, побуждающие человека к миграции (pull), в то время как в отправляющем обществе формируются условия, подталкивающие его к этому действию (push). При резонансе push-фактора и pull-фактора происходят всплески перемещения людских ресурсов из страны-донора в принимающую страну. При этом политические инициативы правительств, а также миграционная традиция предстают одними из факторов миграции.

Итак, современная миграция китайцев в Страну Восходящего Солнца формировалась практически с нуля. Ее начало было обусловлено задачами, которые ставило перед собой независимо друг от друга руководство обоих государств. Китаю для осуществления реформ и модернизации страны были необходимы новые квалифицированные кадры, но система образования была почти разрушена в годы «культурной» рево-

люции. Единственный выход состоял в отправке студентов за границу, т. е. в полном разрыве с предыдущей практикой, когда образование и наука «варились в собственном соку». В то же время японское правительство во главе с Я. Накасонэ, озабоченное идеей «интернационализации» страны, решило резко увеличить число студентов из других стран. Не последнюю роль в этом сыграли соображения международного престижа. Таким образом, совпали «pull» и «push» факторы; сложились предпосылки и возникли условия для поступательного роста миграционных потоков из КНР, пока только по линии учащихся и студентов. Ситуация конца XIX в. повторилась на новом витке истории.

Как и в позднецинском Китае, первыми мигрантами в Японию после 1978 г. стали в основном студенты, отправленные на учебу за рубеж по правительственным программам, а позже и за свой счет. Именно они заложили фундамент, на котором зиждется современная китайская община в Японии.

Стремясь привлечь больше иностранных студентов, японское правительство пошло по пути упрощения визовых требований и расширения категорий студентов. Помимо студентов вузов (*рюгакусэй*), развивались и возможности для «довузовских» студентов (*сюгакусэй*), т. е. учащихся кратковременных курсов, в первую очередь языковых школ. Из-за несовершенства японского законодательства, языковые школы (многие из которых оказались фиктивными) стали играть роль механизма для привлечения и трудоустройства китайской неквалифицированной рабочей силы; размеры новой китайской общины стали быстро расти. В 1983 г. в Японию прибыли 160 студентов по линии «довузовского» образования, а в 1988 г. их было уже 28 256 человек. Бывшие студенты, просрочившие визу и незаконно оставшиеся в стране, помогали другим перебраться в Японию – очень часто для обеспечения собственного бизнеса дешевой рабочей силой. Увеличению числа *сюгакусэй* объективно способствовали растущие потребности японской экономики в трудовых ресурсах, которые собственное население не восполняло. Приток трудовых мигрантов извне соответствовал интересам страны, но противоречил нормам японского законодательства, да и японскому «антииммиграционному» менталитету.

Осознав, что языковые школы – своеобразная лазейка для обхода закона, японское правительство начало вводить ограничения и дополнительные требования к оформлению визы. С ужесточением процедуры миграция по линии довузовского образования стала постепенно утрачивать популярность среди китайцев, хотя еще в 2002 г. их насчитывалось 35 450 человек, притом, что общее число всех иностранных *сюгакусэй* на этот год составило 47 198 человек¹⁰. Таким образом, сложилась

⁹ Li Minghuan. To Get Rich Quickly in Europe! Reflections of Migration Motivation in Wenzhou. – The Chinese Overseas, p. 60.

¹⁰ Hatsuse Ryuhei. Governance, Asian Migrants and Civil Society. – Contested Governance in Japan, ed. by Hook Glenn D. Routledge, 2005, p. 161.

конфликтная ситуация: японская экономика требовала расширения источников иностранной рабочей силы, а иммиграционное законодательство запрещало приезжим заниматься неквалифицированным трудом. Японское правительство было вынуждено искать легальные лазейки, чтобы, с одной стороны, обеспечить рынок рабочей силой, контролируя при этом процесс, а с другой – не раздражать общественность.

Такая лазейка была найдена в форме «Программы обучения техническим специальностям иностранных граждан», проще говоря, в форме стажировки. С начала 1980-х годов программа для стажеров (*кэнсюсэй*, в англоязычной литературе – *trainee*) и в настоящее время является единственным законным способом трудоустройства для неквалифицированных рабочих, преимущественно из Китая. Программа импорта стажеров осуществляется при участии большого числа японских министерств, ведомств и межведомственных организаций. С китайской стороны в программе принимают участие государственные органы вплоть до Госсовета КНР. Китайские организации, сотрудничающие с японскими и обеспечивающие отправку стажеров, имеют отделения как в крупных городах, так и в провинциях. Благодаря этому в миграционную схему включаются новые провинции, что приводит к увеличению объемов миграции.

Реальная цель создания системы стажеров предельно ясна – поставить поток неквалифицированной рабочей силы под контроль (но все же сохранить его) и не позволить рабочим слишком долго оставаться в Японии (срок стажировки изначально не превышал двух лет), чтобы избежать проблем, которые иностранные рабочие создают на Западе. Впрочем, учитывая ухудшение демографической ситуации в стране, японское правительство вынуждено идти на расширение сферы применения китайских стажеров и увеличения срока их пребывания (в 2003 г. максимальный срок нахождения *кэнсюсэй* в Японии был увеличен до пяти лет). С начала 1990-х годов число стажеров стремительно росло: 7624 в 1990 г. и 10 688 в 1991 г. по сравнению со 3496 в 1989 г. В 1997–1999 гг. из КНР в Японию ежегодно въезжало в среднем по 20 тыс. человек по линии программы технической стажировки. Всего же с 1992 по 2005 г. только по линии ведущей организации по содействию импорту стажеров (Japan International Training Cooperation Organization) в Японии проработало 287 тыс. китайцев.

По сравнению с предыдущим потоком *сюгакусэй*, программа стажеров превратилась в работающий и, главное, контролируемый механизм снабжения японской экономики трудовыми ресурсами, который позволяет японским компаниям практически не нарушать закон.

Но заметную долю в общем объеме китайской миграции в Японию занимают и нелегальные иммигранты. В этом плане, прежде всего, интересны мотивы и механизм их проникновения в Японию. Нелегальные мигранты используют два доступных пути проникновения в Японию –

морской и воздушный. Мигранты, прибывающие воздушным путем, имеют при себе краденые, фальшивые или «взятые напрокат» тайваньские, сингапурские или тайские паспорта, с подлинными японскими визами. В настоящее время в распоряжении преступных группировок находятся современные технические средства, позволяющие подделывать различные документы высочайшего качества¹¹. В организации нелегальной миграции принимают участие коррумпированные сотрудники китайских государственных агентств по экспорту рабочей силы. Сотрудники этих контор снабжают потенциальных мигрантов документами, необходимыми для выезда за рубеж за вознаграждение, колеблющееся по различным данным от 10 тыс. до 40 тыс. долл. В дополнение к экспортным агентствам в незаконной деятельности, связанной с контрабандой людей, принимают участие чиновники местных органов власти, включая Службу общественной безопасности, Пограничной службы и даже Народно-освободительной армии Китая¹². Размах коррупции трудно даже представить.

В других случаях мигранты получают разрешение на транзит от иммиграционной службы в японском аэропорту, предъявляя документы, свидетельствующие о том, что пассажир следует в третью страну. Покинув аэропорт, человек, естественно, дальнейший путь не продолжает. Так, газета «Асахи» приводит пример: группа китайских граждан, прибывших в Осака в 1999 г. для участия в бизнес-конференции, попросту исчезла. По словам представителя японской Иммиграционной службы, подобные случаи происходят довольно часто¹³.

Наряду с воздушным путем с начала 1990-х годов все большую популярность среди нелегальных мигрантов стал приобретать морской путь. Практически все морские префектуры подверглись «атакам» китайских мигрантов. В марте 1994 г. в префектуре Вакаяма недалеко от Осака полиция задержала 89 китайцев, пытавшихся проникнуть на берег с борта индонезийского грузового судна. В мае того же года в префектурах Фукуока и Симанэ было задержано два судна со 139 и с 47 пассажирами соответственно. Суды с китайскими нелегалами перехватывались даже у берегов о-ва Хоккайдо¹⁴. В мае 1997 г. полиция задержала 59 китайцев на необитаемом о-ве Кадзура в префектуре Нагасаки¹⁵. Вообще, на 1997 г. пришелся пик нелегальных проникновений. Правоохранительными органами Японии было задержано 1209 человек. Вероятнее всего, подобный всплеск был обусловлен внезапно возникшей потребностью

¹¹ Hood Marlowe. Sourcing the Problem: Why Fuzhou? – Human Smuggling: Chinese Migrant Trafficking and the Challenge to America's Immigration, p. 120.

¹² Chin, Ko-lin. Smuggled Chinese: Clandestine Immigration to the United States, p. 45.

¹³ Асахи симбун. 21.02. 1999.

¹⁴ Friedland Jonathan. Traffic Problem. – Far Eastern Economic Review. 04.08.1994.

¹⁵ National Police Agency Report. 1997, May.

в большом числе рабочих, что было связано с проведением восстановительных работ после землетрясения в г. Кобэ и подготовкой к зимним Олимпийским играм в Нагано в 1997–1998 гг. После 1997 г. количество подобных инцидентов начало уменьшаться, упав до 44 попыток и 701 задержанных в 1999 г.¹⁶ Истинные размеры нелегальной миграции оценить почти невозможно – данные, предоставляемые различными источниками, сильно отличаются друг от друга. При всей противоречивости данных, около 80% всех задерживаемых при попытке нелегального пересечения японской границы составляют китайцы¹⁷.

Нелегальная миграция во многом порождается неспособностью японских официальных и полуофициальных механизмов абсорбировать всю массу китайцев, желающих найти работу в Японии. Для остающихся «за бортом», но непреклонных в своем стремлении перебраться в Японию граждан КНР, незаконный переезд представляется единственным возможным выбором, являясь при этом дорогостоящим и по-настоящему опасным предприятием. С самого начала им приходится иметь дело с преступными группировками, которые по-китайски именуются «*шэтоу*» (змеиные головы). Как на Западе, так и в отечественной научной литературе отсутствует общепринятое определение этого явления. Так, по версии журнала «Time», *шэтоу* – «китайские гангстеры, заправляющие синдикатами по контрабанде людей, имеющие связи с китайскими общинами по всему миру. Изворотливые, агрессивные люди, носящие золотые часы и перстни размером с гайку, *шэтоу* обладают в Фуцзяни репутацией безжалостных [бандитов]»¹⁸. С. Б. Маркарян пишет, что «все более активно начинают действовать такие преступные международные синдикаты, как, например, занимающаяся контрабандой “Голова змеи”»¹⁹. В японской прессе *шэтоу* часто отождествляются с самими нелегальными мигрантами, несмотря на тот факт, что первые представляют собой всего лишь организаторов транспортировки. В действительности, сам термин «*шэтоу*» относится, скорее, к сленгу и происходит от образа змеи, которая переползает из одного места в другое скрытыми путями. В Китае любой человек, имеющий отношение к незаконной переправке людей за границу, называется «*шэтоу*». Так что в отношении сообществ, занимающихся контрабандой людей, термин «*шэтоу*» используется как собирательный. С середины

1990-х годов наблюдается тенденция к организации сотрудничества между группировками *шэтоу* и представителями японской мафии – якудза. Ширящееся сотрудничество между китайскими *шэтоу* и якудза уже давно вызывает обеспокоенность японских правоохранительных органов. «Теперь можно с уверенностью говорить о том, что якудза и организованные преступные группировки с Тайваня, Гонконга и Китая работают рука об руку», отмечал Оэ Тадао, пресс-секретарь Токийской иммиграционной службы²⁰. Китайские чиновники также признают этот факт: «Нелегальная деятельность осуществляется при активном содействии членов якудза. По выражению одного китайского чиновника, без помощи хорошо информированных и организованных группировок якудза китайские агенты (по найму. – Н. К.) не имели бы такой возможности провозить нелегальных мигрантов в Японию»²¹.

В сущности, нелегальные мигранты выполняют полезную для японской экономики функцию: они заняты на неквалифицированных работах, которыми не хотят заниматься сами японцы. Однако сам факт их «нелегалности» и предполагаемая склонность к правонарушениям глубоко антипатичны законопослушному японскому обществу. Кроме того, объемы нелегальной миграции и степень ее общественной опасности сильно преувеличены как в японских средствах массовой информации, так и на официальном уровне. Утрированная подача проблемы оказывает негативное воздействие на отношение японцев к новым китайским мигрантам в целом, еще сильнее подпитывает застарелые чувства недоверия, существующие в японском обществе по отношению к китайцам. Задержанных «нелегалов» японская иммиграционная служба депортирует в Китай. Сообщается о случаях, когда отправленные на родину китайцы снова отправлялись в Японию, поскольку были должны выплатить долг *шэтоу* еще за первую поездку.

Различные категории мигрантов внесли и продолжают вносить свой особый вклад в развитие китайской общины в современной Японии. В основе китайской миграции лежали, как уже отмечалось, внесистемные факторы – политические и экономические устремления правительств обеих стран. В таких условиях миграция продемонстрировала гибкость и адаптацию к быстро меняющимся условиям. Именно за счет способности быстро реагировать на изменения японского законодательства, экономической ситуации в стране и развития новых направлений японо-китайского сотрудничества китайцы, используя различные миграционные схемы, сумели за короткий по историческим меркам срок сформировать в Японии прочную и динамично развивающуюся общину.

¹⁶ Friman Richard H. Evading the Divine Wind through the Side Door: the Transformation of Chinese Migration to Japan. – Globalizing Chinese Migration: Trends in Europe and Asia, p. 25.

¹⁷ Официальный сайт Береговой охраны Японии: <http://www.kaiho.mlit.go.jp/info/kouhoushi/kouhoushi3.htm>. Доступ, 10.06.2009.

¹⁸ Coming to America: The Long, Harsh Odyssey of a Chinese Illegal Smuggled from Fujian Province to New Jersey. – Time. 18.01, 2000, p. 42.

¹⁹ Маркарян С. Б. Новые подходы к проблеме иммиграции. – Япония 2002–2003. Ежегодник. М., 2003, с. 136.

²⁰ Friedland Jonathan. Traffic Problem. – Far Eastern Economic Review. 04.08.1994.

²¹ Kowalczyk Magda. Snakehead-yakuza Links Help Illegal Chinese Immigrants. – Inter Press Service. New York. 02.04.1997.

Современные китайские мигранты: проблемы адаптации в японском обществе

Характерной чертой современного этапа жизнедеятельности этнических китайцев в Японии являются постепенное затухание прежней традиционной общины и общинообразующих институтов. «Новая» община *хуацяо* создает собственные организации и механизмы, более приспособленные под свои интересы. Более того, мигранты новой волны стремятся дистанцироваться от старой общины, в противовес ей называя себя «*синь хуацяо*» (новые *хуацяо*). Новая община развивается очень быстрыми темпами, создавая элементы обеспечения жизнедеятельности: банки, местные газеты и другие СМИ, магазины и т. п. Облик некоторых районов крупных японских городов уже начал меняться, приобретая черты классических чайнатаунов, характерных для стран Европы и Америки. А китайскими ресторанами и закусочными, которыми пользуются ежедневно сотни тысяч коренных жителей, покрыт весь Японский архипелаг.

За последнюю четверть прошлого столетия, несмотря на серьезные этносоциальные противоречия, китайская община в Японии, начав с нуля, значительно окрепла и стала заметной частью жизни крупных японских городов. Общая численность китайцев, проживающих в Японии, превысила 700 тыс. человек, сделав их самой крупной иноэтнической группой в стране. Китайцы сумели глубже проникнуть в жизнь местного общества. И главную роль в этом сыграли бывшие студенты японских университетов. Особо следует отметить быстроту, с которой приезжие китайцы овладевают японским языком. В то же время, в учебных программах японских университетов после обязательного английского языка на втором месте по рейтингу уже несколько лет неспроста стоит именно китайский язык.

Можно утверждать, что на фоне постоянного роста двусторонних торгово-экономических связей произошло некоторое смыкание экономических интересов китайских мигрантов и японского бизнеса. Все большее число китайцев занимают позиции консультантов и представителей в японских компаниях, работающих с их страной. Часть их, набрав опыт и связи, открывает собственный бизнес. Новые мигранты, постепенно осваивая все более высокую социально-экономическую нишу в японском обществе, неизбежно приходят к соприкосновению с представителями общины «старых *хуацяо*», многие из которых издавна заняты в своем успешном бизнесе. Возможно, уже сейчас за счет сближения и тех и других – при доминировании «новых мигрантов» – начинает формироваться новый мощный сегмент всемирной сети китайских мигрантов – экономически активная китайская община в Японии.

Обратимся к повседневной жизни китайских мигрантов в японских городах и к специфике их контактов с местными жителями. Особое

внимание здесь привлекают такие важные элементы адаптации, как поиск жилья, виды работ, на которых заняты мигранты, психологические проблемы, с которыми сталкиваются китайцы в Японии.

Китайцы, как правило, компактно расселяются в префектурах с высокой деловой активностью, причем в сфере притяжения центров этих префектур. Большая часть китайцев проживает в таких городах, как Токио, Иокогама, Нагоя, Нагасаки, Киото, Осака, Кобэ и Фукуока. Данные о расширении общины позволяют предположить, что в среднесрочной перспективе новая община изменит, хотя бы частично, социальный и культурный облик крупных японских городов. Именно этого опасается и население Японии, и ее политическая элита. На обыденном уровне китайская миграция воспринимается как вторжение в нормальный и привычный уклад жизни японцев. Ведь временные мигранты не стремятся приспособливать свои привычки и мировоззрение к укладу жизни принимающего общества. Более того, они непосредственно переносят свои повседневные нормы поведения в новую среду. В этой связи не вызывает удивления, что, например, политика многих риэлтерских фирм не предполагает оказание услуг выходцам из континентальной Азии.

Совершенно очевидно, что жизненные условия и стандарты в Японии находятся на гораздо более высоком уровне, чем в Китае. Таким образом, японцы, привыкшие к порядку и чистоте, находят атмосферу, окружающую китайцев (беспорядок, грязь и пр.), «неприятной». Повседневный образ жизни немалой части китайцев является поводом для конфликта между ними и местным населением, поскольку японцы ощущают нарушенным свой привычный образ жизни. На китайцев, как и на прочих выходцев из Восточной Азии, в Японии привыкли смотреть свысока и не относиться к ним как к равным. Было бы упрощением считать, что подобное отношение является результатом работы средств массовой информации или иного рода пропаганды. Этот предрассудок существовал с XIX столетия и может усиливаться за счет каждодневных контактов с некоторыми китайскими мигрантами. Даже те, кто по роду своей работы имеет дело с китайцами и другими азиатами, порой считают их «людьми третьего сорта» (*дайсанкокудзин*, дословно: люди из третьих стран). Интересно, что сам этот термин появился в Японии давно, в конце XIX в. – еще до японской оккупации Китая и Кореи.

Помимо проблем с наймом жилья, китайцы и прочие мигранты сталкиваются с определенной дискриминацией по месту работы или учебы. Китайские студенты жалуются на «пренебрежение, скрытые и открытые формы дискриминации, отсутствие уважения со стороны японских сверстников». Виды работ, на которых заняты мигранты, оказываются важным фактором, определяющим их статус в социальной иерархии японцев. Китайцы наряду с другими азиатскими мигрантами трудятся, как правило, на работах, которые японцы называют

«три К» – *китанай* (грязный), *кицуй* (трудный), *кикэн* (опасный). Другими словами, это те виды работ, которыми не хотят заниматься сами японцы. Большое число мигрантов занято в таких низкооплачиваемых областях сферы услуг, как мытье посуды и доставка, работают официантами, уборщиками и т. д.

Впрочем, не только японское общество отторгает китайских мигрантов, но и сами китайцы демонстрируют отсутствие интереса к сближению с японцами. Отношение местного населения – только один из факторов, способствующих такому отчуждению. Действительно, создание замкнутой общины – это своего рода защитный механизм, призванный оберегать ее членов от враждебной среды. Подобные явления характерны для иностранных общин во многих странах. Еще одним важным фактором, упомянутым ранее, оказывается то, что у временных мигрантов отсутствуют какие-либо внешние и внутренние побуждающие мотивы для углубления контактов с японцами²². Это особенно касается нелегальных мигрантов, которым приходится скрывать свою личность.

Особый и частично нездоровый интерес вызывает вопрос о китайской преступности. Исходя из количества публикаций в японских СМИ на эту тему, нарушение местных законов является одним из ключевых оценочных моментов, касающихся жизнедеятельности мигрантов в Японии. Столь пристальное внимание прессы к этой проблеме часто дает козыри в руки националистически настроенным политикам и общественным деятелям, требующим ужесточить контроль или вообще изгнать китайцев из Японии. Более или менее детальный анализ позволяет сделать вывод, что уровень преступности (как и проблема нелегального проникновения в страну) во многом раздут прессой и заявлениями полицейских чиновников.

По словам главы Отдела безопасности Национального управления полиции Сугита Кадзухиро, «преступления, совершаемые китайскими преступными синдикатами, представляют серьезную опасность для национальной безопасности страны»²³. Представители полиции не раз заявляли, что из общего числа преступлений, совершаемых иностранцами, 40% приходится на долю китайцев (между прочим, это даже ниже пропорции выходцев из Китая в общем числе иностранцев в стране). Помимо преступлений, сопряженных с применением насилия, китайцев также часто обвиняют в похищениях людей, торговле наркотиками, кражах и изготовлении поддельных карточек для игры в «*патинко*».

²² Подробнее см.: Интервью известного российского японоведа А. Н. Мещерякова. – *Куланов А. Обратная сторона Японии*. М., 2008, с. 287.

²³ *Friman Richard H. Immigrants, Smuggling and Threats to Social Order in Japan*. – *Global Human Smuggling: Comparative Perspectives*, ed. by David Kyle and Rey Koslowski, Baltimore, 2001, p. 300.

Очень часто на входе в павильон игровых автоматов «*патинко*» можно видеть надпись, гласящую – «иностранцам вход воспрещен». Интересно, однако, что надписи выполнены на китайском языке; американец или европеец их не поймет.

Криминальные проявления почти всегда и в любой стране сопутствуют временной миграции (особенно нелегальной). Как показывает практика, любому обществу свойственно обвинять в существующих проблемах иностранцев, просто потому что они всегда на виду и не принадлежат к домашнему социуму. Тема иностранной преступности вообще является очень привлекательной для газетных публикаций, при этом пресса обходит стороной позитивную информацию. Японские СМИ, пожалуй, являются мировым лидером в плане публикаций о китайской преступности и раздувании этой проблемы.

Подобное преувеличение истинного состояния дел имеет несколько причин. Во-первых, в официальных заявлениях японских чиновников, публикуемых и тиражируемых газетами, зачастую стираются различия между различными категориями иностранцев (легальные, нелегальные) и их общим количеством в стране, включая постоянных жителей. В действительности же, иностранцами совершается менее 1% всех преступлений в Японии²⁴.

Во-вторых, как отмечает Р. Фрайман, полиция, арестовывая одного и того же человека за различные преступления, суммирует статистику, и при наложении этих данных на соотношение местного и приезжего населения возникает искажение реальных цифр²⁵. В-третьих, он также отмечает, что криминальная статистика не делает различий между географией происхождения китайцев, включая в одни отчеты выходцев из КНР, Сянгана и Тайваня. К тому же, в данных, представляемых для широкой публики, отсутствует классификация преступлений, совершаемых китайцами, по степени их тяжести²⁶. Помимо чисто журналистских факторов, ведущих к преувеличению обсуждаемой проблемы, существует еще ряд причин. Одна из них – это скрытая конкуренция за экономические ресурсы и влияние между определенными министерствами. Жалобы в прессе представителей японских правоохранительных ведомств на трудности в борьбе с нелегальной миграцией и китайской преступностью, включая страшные истории про триады и их сотрудничество с якудза, направлены на увеличение государственного финансирования.

Несмотря на тот факт, что большинство китайских мигрантов в Японии являются добросовестными тружениками, преступления, совершаемые небольшим процентом их соотечественников, дают повод

²⁴ *Crime by Illegal Aliens*. – *Japan Echo*, vol. 25, № 1, 1998, February.

²⁵ *Friman Richard H. Immigrants, Smuggling, and Threats to Social Order in Japan*, p. 300.

²⁶ *Ibid.*

местной общественности отождествлять преступников со всеми мигрантами, что еще больше разжигает антикитайские настроения уже на национальном уровне. В глазах местного населения, во многом благодаря СМИ, нелегальная китайская миграция оказалась прочно связанной с *шэтоу* и континентальной мафией, или триадами.

Между тем, происходят значительные перемены в самом характере китайской миграции. На наших глазах развивается совершенно новая тенденция, которая заставляет по иному взглянуть на весь характер китайской миграции, а главное на ее будущее. Все большее число ее субъектов стремится к получению статуса «постоянного резидента» (*эйдзюся*). Этот факт говорит о том, что все больше китайцев легально проводят в Японии более 10 лет (срок, определяемый законом для предоставления статуса «постоянного резидента»). По данным на 2005 г., 20% всего китайского населения Японии, которое тогда составляло чуть более 500 тыс. человек были «постоянными жителями» (этот статус немногим отличается от статуса гражданина). А в период с 1990 по 2005 г. 58 879 человек стали гражданами Японии, при этом 46 тыс. из них натурализовались уже после 1996 г. Ежегодно, после 2000 г., более 4 тыс. китайцев становились гражданами, и более 11 тыс. получали статус постоянного жителя²⁷. Получение японского гражданства – исключительно сложная процедура, каждый раз она осуществляется в строго индивидуальном порядке. Прирост же категории постоянных жителей обусловлен увеличением численности квалифицированных специалистов, привлекаемых японскими компаниями и университетами на длительный срок, и числа китаянок, выходящих замуж за японцев (дети от таких браков автоматически получают японское гражданство и, скорее всего, будут обладать японским менталитетом).

Подобные тенденции позволяют предполагать, что в будущем изменится сама схема китайской миграции в Японию. Ведь, если до сих пор роль механизма, обеспечивавшего набор новых мигрантов, играли правительственные организации, крупные корпорации, китайские *шэтоу* и брокеры в самой Японии, то в будущем «новые» японцы (бывшие граждане КНР) и «постоянные резиденты» на вполне законных основаниях смогут выступать в качестве формальной приглашающей стороны. Иными словами, может возникнуть очередная цепная миграция неопределенных размеров.

Но только этим дело не ограничивается. Японский истеблишмент, пусть с неохотой, приходит к пониманию того, что без существенного притока рабочей силы из-за рубежа, перспектив поступательного движения у страны, в общем-то, нет. Летом 2008 г. большая группа депутатов парламента (80 человек) от ЛДП вручила премьер-министру заявление

со словами: «Для того чтобы Япония могла выжить, она должна открыть двери всему миру в качестве международного государства и, впуская иммигрантов, двигаться по пути превращения в нацию иммигрантов»²⁸. Говоря более конкретно, они предложили со временем довести число иностранцев до 10% населения. Более того, депутаты внесли предложение о предоставлении японского гражданства всем «постоянным резидентам», причем парламентариев поддержала и влиятельная Торгово-промышленная палата Японии. Конечно, от деклараций до стадии практической политики должно пройти какое-то время. Но вполне вероятно, что за 15–20 лет национальный облик городов Японии может существенно измениться, и нетрудно догадаться, какая нация будет лидировать в этом процессе. Временная по своей изначальной природе миграция может превратиться в китайскую эмиграцию в Японию. Пока на пути этого процесса стоит мощный психологический барьер как со стороны местного населения, так и стороны большинства китайских мигрантов.

* * *

Подведем некоторые итоги. За прошедшие полтора века китайская миграция прошла сложный путь, пережив несколько взлетов и падений. На некоторых этапах своего развития китайская община в Японии претерпевала сокращение численности и влияния. Но каждый раз, когда в Японии и в Китае одновременно совпадали условия, хотя бы как-то способствовавшие продолжению миграции, китайцам удавалось в максимальной степени использовать новые возможности. Благодаря своей гибкости и потрясающей способности к адаптации в чуждой среде, в начале XXI в. общине китайских мигрантов удалось стать уже самой крупной иноэтнической общностью в Японии. Начав играть заметную роль в жизни страны, «новые» китайцы в новых условиях успешно повторяют путь предшественников, проделанный ими на столетие раньше.

Всего за три десятилетия после 1978 г., начавшись почти с нуля, общность китайских мигрантов заняла передовые по сравнению с другими иноэтническими общинами позиции. Особенностью китайской миграции в Японию явилось то, что, как и на рубеже XX–XXI вв., она оказалась необходимой для социально-экономического развития обеих стран. Объективно обе страны извлекают огромную пользу от присутствия в Японии мигрантов из КНР. Япония спасает от упадка целые сектора своей экономики. Для КНР же, особенно для прибрежных провинций, китайская община генерирует значительные денежные потоки, питающие экономику страны.

²⁷ Liu-Farrer Gracia. Creating a Transnational Community: Chinese Newcomers in Japan. – Japan's Minorities: the Illusion of Homo Geneity, p.123.

²⁸ Цит. по: Ковригин Е. Б., Суслов Д. В. Новое во внешнеэкономической политике Японии: двусторонние соглашения о свободной торговле. – Знакомьтесь – Япония. 2009, № 49, с. 16.

Наличие гастарбайтеров в любой стране создает какие-то проблемы, однако при грамотной политике их можно свести к минимуму. Если взять, например, Германию, то в этой стране только выходцы из мусульманских стран (в основном турки) составляют 5,2% населения²⁹. При этом там, несмотря на спорадические осложнения, постоянной конфронтации между немцами и мусульманами не наблюдается. В Японии зарегистрированные китайцы составляют пока около 0,7% жителей архипелага. Таким образом, латентные возможности *хуацяо* в Японии просто колоссальны. Приток свежего человеческого материала, тем более трудолюбивых китайцев, объективно представляется благом для Японии. Важно, что даже при многократном росте числа китайцев исключены, например, религиозные конфликты. Другое дело, что к «нашествию» китайцев японское общество в своей массе не готово психологически (хотя, как мы видели, часть истеблишмента смотрит на перспективу более широко). Многие, по-видимому, даже большинство японцев скорее готово к снижению конкурентоспособности и международного влияния своей страны, чем к наличию «чужаков» рядом со своим домом.

За истекшие 30 лет взаимное восприятие китайцев и японцев не претерпело особых изменений, а негативные чувства, если верить опросам общественного мнения, даже усилились. По-видимому, китайцы пока готовы это терпеть. Вместе с тем, в настоящее время наблюдается появление новых тенденций в отношениях китайцев с местным обществом. Ширятся случаи, когда образованные китайцы занимают более высокую нишу в кадровой системе японских предприятий и вузов и соответственно переходят на более высокий социальный уровень. Подобное встречное движение объективно ведет к более тесному взаимодействию двух социумов, возникновению новых деловых отношений и дальнейшему взаимопроникновению в экономику друг друга. И все же, пока китайцы-мужчины, даже решившись надолго остаться в Японии (что само по себе является сложной процедурой), в основной массе ощущают себя чужими в этой стране и ориентируются в конечном итоге на возвращение в Китай. Правда, такое мироощущение вряд ли будет касаться детей от браков японцев и их китайских жен. Эти юные индивидуумы, скорее всего, будут обладать японским менталитетом.

Интерпретация образа монаха-бодхисатвы в учении школы Тэндай

Е. С. Лепехова

Одной из специфик учения японской буддийской школы Тэндай является образ «монаха-бодхисатвы», сформулированный ее основателем Сайтё (Дэнгё-дайси) (767–822). На его создание во многом повлияла «Сутра о сетях Брахмы» (санскр. «Брахмаджала-сутра», яп. «Боммокё»), переведенная на китайский язык Кумарадживой в 406 г. считается сутрой заповедей (*кайкё*). В ней описывается так называемый «путь бодхисатвы», состоящий из десяти этапов, каждый из которых характеризуется специфическим уровнем подготовки и видом деятельности бодхисатвы. Прохождение этапов увязывается в свою очередь с соблюдением бодхисатвой десяти фундаментальных заповедей (*дзюдзюкай*), определяющих его поведенческие установки: не продавать вино; не рассказывать о преступлениях и ошибках как монахов, так и мирских приверженцев буддийской веры; не хвалить себя и не поносить других; не быть алчным; не гневаться; не клеветать на «Три Сокровища»; не убивать живых существ; не воровать; не лгать; не вести себя непристойно. Эти десять основных заповедей дополняются 48 «легкими»¹.

Собственно, понятие «бодхисатвы» в буддизме Махаяны подразделяется на две категории. Во-первых, – это класс небесных существ, достигших Просветления, но продолжающих рождаться в *сансарё*, помогая другим освобождаться, во-вторых, – это особый класс монахов (и даже мирян), давших обет достигнуть Просветления из сострадания к другим существам, а не для себя².

Соответственно бодхисатва не только должен сам следовать десяти предписаниям, но и наставлять на путь истинный других людей. Только благодаря этому он приобретает свойства бодхисатвы: терпимость, интуицию, отречение, сосредоточение, добродетель, практику, а также врожденную аналитическую и созерцательную умственную силу. Он не только может, но и должен принимать активное участие в мирской жизни, если его основная цель – забота о всех страдающих существах.

Многие положения, созданные Дэнгё-дайси, сохранились в учении и уставах школы Тэндай на протяжении многих лет, но в наше время они неожиданно оказались актуальными для новой религиозной политики, которую вынуждена вести школа Тэндай в современной Японии.

²⁹ Газета.ру.24.06.2009.

¹ Groner P. *Saicho: The Establishment of the Japanese Tendai School*. Berkley, 1984, p.123.

² Андросов В. П. Учение Нагарджуны о срединности. М., 2006, с.602.

Это связано, прежде всего, с теми значительными изменениями, который претерпел японский буддизм в последние 200 лет.

После реставрации Мэйдзи в 1868 г. новое правительство решило отделить буддийскую церковь от государства. Прежде всего, оно провело секуляризацию земель, принадлежавших буддийским храмам. Тэндай пострадала от этого в большей мере, нежели секты Дзёдо, Нитирэн и дзэнские школы, поскольку большинство ее земельных владений было даровано сёгунатом Токугава³.

Вторым шагом правительства, который также привел к значительным переменам в среде буддийских священнослужителей, была отмена целибата. Это, с одной стороны, приравнивало буддийских священников к представителям мирских сословий, лишив их прежнего особого положения. С другой стороны, это привело к появлению так называемых «храмовых семей», т. е. семей священников, в которых отношения между отцами и сыновьями заменили связь между наставником и послушником, а передача буддийского учения трансформировалась в наследственное право сыновей священников на управление буддийским храмом.

Несмотря на это, буддизм продолжал играть активную роль в общественной и внутриполитической жизни страны.

Участие Японии в военных действиях на Дальнем Востоке (японо-китайская война 1894–1895 гг. и русско-японская война 1904–1905 гг.) а также война на Тихом океане 1941–1945 гг. вновь предоставило буддийской сангхе возможность выступить в качестве «защитников страны» (*тинго кокка*). Так, при буддийском университете Тайсё из обучавшихся студентов были созданы специальные «отряды верности» (*хококутай*). С 1939 по 1941 гг. они участвовали в военных действиях в Манчжурии⁴.

Лидеры Тэндай, как и других буддийских школ, входивших в состав Тайсё (Сингон и Дзёдо), не только не протестовали против войны, но, напротив, старались включить молодых буддийских монахов в государственную военную кампанию.

Ямада Этай, один из наиболее влиятельных первосвященников Тэндай вспоминал разговор со своим наставником перед отправкой на фронт. На вопрос молодого священника, что ему делать, когда ему прикажут убивать людей и есть скоромную пищу (мясо и рыбу), его наставник ответил: «Есть два вида буддийских заповедей, Хинаяна и Махаяна. Заповеди Хинаяны запрещают убийство независимо от времени или ситуации. Даже если на пути у хинаянистов оказывается гусеница, они отбрасывают ее и не топчут. Вот в чем предназначение метелки священников. В заповедях Махаяны, если что-то мешает соблюдению Дхармы, это следует отбросить как зло. Если ты видишь множество

людей, стремящихся причинить зло, то тебе не остается ничего другого, как убить их. Бесспорно, тот, кто убивает, попадет в ад и будет страдать, но, поскольку он берет на себя страдания многих, это называется “брать на себя страдание из-за великого милосердия”. Если война – только сражение, и это твой гражданский долг, то ты должен будешь стрелять и есть мясо»⁵.

Речь наставника Ямада Этай по форме напоминает рассуждения Сайтё о заповедях *винаи* и *шиллы*⁶ в петиции, поданной императорскому двору в 818 г. с просьбой основать на горе Хиэй систему посвящения, основанную на традициях Махаяны. Она также начинается со слов: «Есть два вида буддийских заповедей. Первый вид – это заповеди для посвящения в монашество в соответствии с Махаяной, состоящие из 10 трудных и 48 легких заповедей [взятых из «Сутры о сетях Брахмы»]. Второй – это заповеди для посвящения в монашество в соответствии с Хинаяной, которые состоят из 250 правил. Также есть два других вида обетов посвящения»⁷.

В прошении Сайтё, как и во многих его сочинениях, Хинаяна часто противопоставляется Махаяне, как учение, ориентированное на шравиков и пратьека-будд, т. е. предназначенное для людей, стремящихся, прежде всего, к собственному спасению. Поэтому в отличие от Махаяны, дающей возможность спастись всем живым существам, Хинаяна не может привести к состоянию Будды. Эту метафору Сайтё часто использовал для того, чтобы показать уникальность основанной им «общины Бодхисатв» в отличие от нарских буддийских школ, которые он упрекал в хинаянизме. В контексте речи наставника Ямада Этай последователи Махаяны выступают рьяными защитниками Дхармы, способными на крайние меры, по сравнению с хинаянистами, являющимися в действительности не более чем формалистами.

Очевидно, речь наставника Ямада Этай подразумевала, что его ученику следовало отождествить себя с тэндайским монахом-бодхисатвой, для которого защита государства должна стоять превыше формального

⁵ Ibid., p. 71.

⁶ Виная – буддийский канон по монашеской дисциплине и нравственному воспитанию, который регулировал поведение членов Сангхи и был составлен примерно в I в. до н.э. Виная также обозначает общее название нравственно-этических учений, правил, заповедей, обетов и т. д. всех школ, задача которых создать внешние и внутренние условия для духовного совершенствования члена общины и мирян-буддистов. Шила (санскр. нравственность) является важной составной частью «Винаи». Ее следовало соблюдать как монахам, так и мирянам для того, чтобы очистить сознание и достичь просветления. Хотя в раннем буддизме эти два понятия являлись взаимодополняющими, Сайтё разделял заповеди шиллы и винаи как два альтернативных метода буддийского посвящения и утверждал, что подвижники его школы должны следовать заповедям Великой Колесницы и полностью отринуть винаю Хинаяны.

⁷ Обращение к буддам и бодхисатвам для Сайтё имело также и эзотерическое значение. Передача адепту заповедей бодхисатвы непосредственно от Будды Шакьямуни, Бодхисатв Манджушри и Майтрейи придавало им подлинно сакральный смысл

³ Covell S. G. Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation. University of Hawaii Press. Honolulu, 2005, p. 64.

⁴ Ibid., p. 70.

соблюдения буддийских заповедей. Таким образом, рассуждения Сайтё о том, что буддийские храмы и монастыри подобны военным крепостям, а буддийские монахи, населяющие их, – доблестным воинам, приобрели националистическую окраску в интерпретации тэндайских священников в годы войны.

Справедливости ради следует отметить, что не все тэндайские священники поддерживали военную политику правительства. Члены созданного в 1931 г. «Молодежного объединения за новый буддизм» («*Син-кобуккё сэйэн домэй*») выступали против войны, одновременно призывая буддийские секты вернуться к первоначальным заповедям Будды Шакьямуни⁸.

Хотя в годы войны тэндайские священники, участвовавшие в антивоенных демонстрациях, исключались из списков секты и лишались своего духовного звания, в послевоенный период лидеры Тэндай признали ту неблагоприятную роль, которую буддизм сыграл в поддержке участия Японии во второй мировой войне.

Так, в 1995 г. ведущий лидер Тэндай Сугитани Гидзюн к 50-й годовщине окончания второй мировой войны написал обращение, в котором публично признавал, что представление Сайтё об основополагающей роли Тэндай в качестве «защитницы страны» было искажено националистами в годы войны: «С эпохи Мэйдзи идея нашего основателя Дэнгё Дайси о “защите страны” (*кокка тинго*) была интерпретирована как националистическая. И я верю, что она не несет в себе ни малейшей ответственности для использования ее в поддержку войны. Вот в чем мы должны искренне раскаяться. С самого начала замысел основателя заключался в том, чтобы вскормить первых монахов-бодхисатв Махаяны и только потом защищать государство»⁹.

В сентябре 2002 г. на саммите представителей различных конфессий, организованном Ватиканом, главный представитель Тэндай – Ни-сиока Рёко принес личные извинения за поддержку сектой войны¹⁰.

Послевоенный период принес традиционному японскому буддизму новые перемены и испытания. Экономический подъем в Японии 60-х и 70-х годов прошлого века способствовал росту урбанизации и, как следствие, разрыву связей огромного числа прихожан с местными буддийскими храмами. Кроме того, отток последователей буддизма был вызван появлением в эти годы новых религиозных течений. Некоторые из них сочетали в себе черты христианства, буддизма и синтоизма одновременно. Экономические перемены последних лет в Японии также отразились на положении буддийских храмов и духовенства. Если

прежде они находились на государственном обеспечении, то теперь многие местные храмы существуют за счет доходов от пожертвований и храмовых служб. Из-за сокращения числа прихожан (связанным с урбанизацией) средства, выделяемые на содержание храма, как правило, невелики, что вынуждает местных священников увеличивать расценки на проведение ритуальных богослужений (похорон и заупокойных служб) и заниматься заработками на стороне. Все это в современном японском обществе способствовало формированию восприятия буддизма как «корруптированного» (*дараку буккё*).

Проведенный буддийской сектой Сото (Дзэн-буддизм) в 1975 г. опрос об образе буддийского священника в глазах прихожан показал, что 75% опрошенных прихожан не знали истории своей секты и имени ее основателя, 40% затруднились ответить, какому именно буддийскому божеству поклоняются в их родовом храме, а 80% заявило, что считают буддийский храм местом обитания душ предков, а священника – хранителем храма.

На волне социальных волнений 60-х и 70-х годов (студенческие выступления, антивоенные демонстрации в период войны во Вьетнаме, активизация коммунистического движения и т. д.) буддийские секты выступили с программой социальных движений *минсю кёдан*.

Тэндай-сю также не осталось в стороне от этих событий и в 1969 г. организовало собственное социо-религиозное движение «Освети свой угол» («*Итигу во тэрасу*»). Само название движения было взято из сочинения Сайтё «Рокудзёсики».

«Что есть сокровище страны? Сокровище – мысли о пути к просветлению. Если давать имена тем, кто несет в себе мысли о Пути, то они – сокровище страны ... Мудрец прежних времен говорил, что десять драгоценностей не являются сокровищем страны, но он, который освещает все уголки страны (*итигу во тэрасу*), является ее истинным сокровищем»¹¹.

Вокруг термина *итигу во тэрасу* сразу же разгорелся спор между японскими исследователями – буддологами и представителями движения. Некоторые исследователи (Фукуи Кодзюн) придерживаются мнения, что иероглиф *во* 壱 в тексте оригинала должен быть прочитан как *сэн* 千 (тысяча). Тогда фраза будет означать: «*сэн во тэрасу, итигу во мамору*» (просвети тысячу и храни свой угол). Другие (Окубо Рёсин) настаивают на чтении *во*, поскольку считают, что этот знак имеет особое значение в классическом китайском языке, на котором было написано большинство сочинений Сайтё¹².

Хотя эти дебаты не утихают до сих пор, они никак не повлияли на общую направленность движения – привлечь новых последователей,

⁸ Covell S. G. Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation. – University of Hawaii press. Honolulu, 2005, p. 71.

⁹ Ibid., p. 72.

¹⁰ Ibid., p. 73.

¹¹ См.: «Рокудзёсики». – «Буддизм в Японии». М., 1993, с. 126.

¹² Covell S. G. Japanese Temple Buddhism: Worldliness in a Religion of Renunciation. – University of Hawaii Press. Honolulu, 2005, p. 46.

укрепить связи с прихожанами и создать в глазах общественности новый привлекательный образ секты. Образ основателя школы Сайтё при этом призван играть вдохновляющую роль.

Одним из достижений движения «Итигу во тэрасу» можно считать создание специальной программы «Три практики», направленной на укрепление связей с прихожанами и совместное участие буддийских монахов и мирян в социальных проектах как в Японии, так и во всем мире.

Первым пунктом этой программы является «Гармоничное сосуществование», подразумевающее охрану окружающей среды и бережное обращение с природными ресурсами, в основе которого лежит буддийский принцип взаимозависимости. Так, к тридцатой годовщине существования движения в префектуре Сайтама была организована кампания по лесопосадке взамен деревьев, пострадавших от тайфуна¹³.

Поскольку в современном мире проблемы экологии и загрязнения окружающей среды все чаще выходят на первый план и, соответственно, в движении «Итигу во тэрасу» им уделяется особое внимание. В 2009 г. школа Тэндай осуществила специальный выпуск электронного журнала «Тэндай дзянару», посвященный проблеме глобального потепления и загрязнения окружающей среды. Его основное содержание составляет обсуждения проблемы увеличения аридных зон и эрозии почв в Монголии, связанные с сокращением площадей лесных массивов. По мнению авторов выпуска, все это является следствием интенсивной экономической деятельности США и Китая¹⁴.

Одновременно «Гармоничное сосуществование» в программе Тэндай подразумевает возвращение к традиционному японскому обществу. Экономический рост в Японии, по мнению лидеров Тэндай, привел к тому, что в погоне за материальными ценностями общество утратило представление об истинном счастье и человеческих ценностях, чем объясняется распад семей, снижение уровня рождаемости и высокий процент самоубийств. При этом часто цитируются слова Дэнгё Дайси, сказанные им своим ученикам на смертном одре: «Можно найти одежду и пищу в мыслях о пути Будды, но мыслей о пути Будды нет в одежде и пище». Это утверждение, которое содержится на официальном интернет-сайте Тэндай в портале «The words of Dengyo Daishi» («Слова Дэнгё Дайси»)¹⁵, подразумевает, что материальные ценности (одежда и еда) и культура потребления не приносят постоянного счастья (просветления). Однако в поисках истинного смысла жизни (пути Будды) можно обрести и материальное благоденствие.

Второй практикой является «Служение», направленное на добровольное участие в общественных проектах. Это – самый обширный

пункт в программе движения Тэндай, поскольку он подразумевает участие в волонтерском движении всех без исключения последователей Тэндай, как монахов, так и мирян. Достаточно сказать, что практика «Служение» имеет два направления – международное и внутреннее.

Международная практика «Служения» движения «Итигу во тэрасу» выражается, прежде всего, в сотрудничестве Тэндай с фондом ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН, или ЮНИСЕФ – *UNICEF, United Nations International Children's Emergency Fund*), а также в создании фондов для помощи нуждающимся в странах третьего мира. Так, в Таиланде и Лаосе действуют программы Дуанг Пратип (социально-образовательная программа для помощи детям из трущоб, названная по имени основательницы фонда Пратип Унсонг Тхам), направленные на создание школ для детей и образовательных программ в отдаленных районах Лаоса и Таиланда. С 2007 г. к ним добавилось участие Тэндай в ассоциации «Панья метта» («Сиротский приют») для помощи детским домам в Индии.

В Японии же программа «Служение» направлена на привлечение добровольцев для социальных проектов и благотворительности. Ее девизом стали следующие слова Сайтё из «Рокудзёсики»: «А именно сынов Будды, несущих в себе мысли о пути, на Западе называют бодхисатвами, а на Востоке именуют благородными мужами. Принимая на себя зло, дают счастье другим, забывая о себе, служат другим – вот предел сострадания»¹⁶.

В данном отрывке Сайтё сравнивал «благородного мужа» – конфуцианский идеал социального человека и бодхисатву-монаха, дабы показать, что оба они являются «сокровищем страны» (*кокубо*). Сравнение тэндайского монаха – бодхисатвы с конфуцианским «благородным мужем» означало, что деятельность обоих направлена на служение государству для его блага и процветания.

На сайте Тэндай в портале «The words of Dengyo Daishi» также выложена эта цитата и там она интерпретируется следующим образом:

«Те, кто желает достичь просветления, верят, что помощь другим имеет преимущество над личными интересами. Бодхисатвы в индийских сутрах или «благородные мужи» в китайской философии названы разными именами, но эти имена обозначают того, кто стремится к просветлению... Обычно мы думаем только о себе и склонны считать наши интересы превыше других людей. Мы должны знать, что очень важно приносить пользу другим, не думая о себе»¹⁷. Здесь выражена основная суть понятия «Служения» – индивид, действуя для блага общества, способствует собственному самосовершенствованию (просветлению).

На практике «Служение» проявляется в благотворительности и социальных программах для малообеспеченных семей. В последнее время

¹³ Ibid., p.51.

¹⁴ <http://tendai.or.jp/journal/kiji.php?nid=76>

¹⁵ <http://www.tendai.or.jp/thewordsofdengyodaishi/>

¹⁶ См.: Рокудзёсики. – Буддизм в Японии. М., 1993, с.126.

¹⁷ <http://www.tendai.or.jp/>

при некоторых местных храмах стали организовываться детские сады для работающих матерей и пункты по уходу за инвалидами, умственно отсталыми, неизлечимо больными и пожилыми людьми. Как правило, в них работают молодые священники, недавно принявшие посвящение. В последнее время в связи с экономическим кризисом последних лет движение «*Итигу во тэрасу*» стало уделять больше внимания малообеспеченным слоям японского общества. Его представители поддерживают программы, дающие возможность получить образование детям из малообеспеченных семей и организуют по всей стране кампании в поддержку бездомных¹⁸.

Последней из трех практик является практика «Жизни». Смысл ее заключается в осознании счастья родиться в человеческом теле, поскольку по буддийской классификации из всех видов десяти живых существ только люди могут постигнуть учение Будды. В качестве подтверждения приводятся следующие слова Сайтё: «Человеку трудно получить человеческий облик, но легко потерять его. То, что трудно появляется, но легко забывается, – это добрые мысли (намерения)»¹⁹. Это подразумевает, что человеческая жизнь является бесценным даром и потому следует относиться ко всем людям с почтением и уважением.

Поскольку мы обязаны своей жизнью нашим родителям и предкам, то должны относиться к ним с особым почтением. Для этого, как полагают представители движения, следует возродить традиционный институт японской семьи, почитающей своих предков и тем самым тесно связанной с буддийским храмом. Возрождение в Японии традиции почитания «культа предков» в каждой отдельно взятой семье приведет не только к возрождению моральных и духовных ценностей в целом, но и традиционного буддизма в частности.

Этот пункт программы движения «*Итигу во тэрасу*» в действительности был реализован лишь частично, поскольку Тэндай так и не удалось задействовать в движении большое число прихожан по той причине, что все ведущие роли в нем играли священники. Однако сейчас движение по-прежнему продолжает свою деятельность, участвуя во многих международных проектах и организовывая собственные мероприятия, приуроченные к годовщинам основания школы Тэндай.

Интересно, что вопрос о будущем школы Тэндай в современном мире поднимался в западном научном сообществе еще в конце 80-х годов прошлого века. Так, исследователь Дэвид Чэпелл в статье «Какое значение имеет буддизм Тэндай для современного мира?» указал на сходство тэндайской доктрины «четыре учения о доктринах обращения» (*кэхо сикё*) с результатами исследований в области современной психологии. Как сообщает Чэпелл, Лоуренс Кольберг, директор Центра

морального образования Гарвардского Университета обнаружил сходство этой доктрины с определенными этапами морального развития индивидуума²⁰.

Согласно тэндайской доктрине, разработанной еще основателем школы Чжиин, все буддийские учения делятся на четыре категории:

«Учения о трех хранилищах» (*сандзокё*) – доктрины *хинаяны*, Трипитака;

«Учения проникновения» (*цукё*) – учения ранней махаяны;

«Особые учения» (*бэккё*) – учения, предназначенные только для бодхисатв;

«Учения круга» (*энгё*) – учения будд, и, соответственно, доктринальный комплекс школы Тэндай²¹.

Исследуя различные этапы морального развития личности, Кольберг обратил внимание на сходство их характеристики с доктриной о «четырех учениях» в следующих областях:

1. Есть сходные и различные ступени в моральном развитии людей.

2. Одни и те же слова, понятия и действия могут иметь различные значения, причины и следствия на разных уровнях развития.

3. Как правило, ступени развития являются прогрессивными, и, поскольку, развитие на новых уровнях является более удовлетворительным и убедительным, то возможность деградации на предыдущих ступенях представляется низкой.

4. Дискуссия о моральных поступках будет беспорядочной и конфликтной, если в ней будут участвовать люди с различными уровнями развития.

5. Даже если содержание обсуждений может различаться в зависимости от культур, основные принципы каждой стадии морального развития являются универсальными и кросс-культурными.

По мнению Кольберга и Чэпелла, сравнительный анализ догматических концепций Тэндай и методов исследований современной психологии может помочь не только лучше понять смысл древних буддийских трактатов, но и духовно обогатить современную религиозную жизнь. По мнению автора статьи, связь буддийской философии и современной психотерапии может направлять и стимулировать духовное развитие современных людей²².

Исследование, проведенное Д. Чэпеллом, на наш взгляд, позволяет частично прояснить, почему практика «Служение» движения «*Итигу во тэрасу*» во многом направлена на международное сотрудничество.

²⁰ Chapell D. W. Is Tendai Buddhism Relevant to the Modern World? – Japanese Journal of Religious Studies. 1987 14/2–3, p. 247–266.

²¹ Буддизм в Японии, с. 100.

²² Chapell D. W. Is Tendai Buddhism Relevant to the Modern World? – Japanese Journal of Religious Studies. 1987, 14/2–3, p. 247–266.

¹⁸ <http://www.tendai.or.jp/>

¹⁹ См.: Сайтё «Гаммон». – Буддизм в Японии, с.126.

Это связано, прежде всего, с повышенным интересом к буддизму в современном западном мире, который наблюдается последние 40 лет. Вместе с тем, на Западе наряду со школами тибетского буддизма *ваджраяны* и японского Дзэн-буддизма все более уверенно набирают позиции и новые религиозные течения нео-буддийского толка, как, например, Сока Гаккай (Общество установления ценностей), создавшая обширные конфессии в Бразилии²³. Возможно, что лидеры движения «*Итигу во тэрасу*», понимая важное социально-политическое значение буддизма в современном мире, не хотят оставаться в стороне от этого процесса. Следует отметить при этом, что программа международного сотрудничества и взаимопомощи тэндайского движения часто вызывает нарекания и критику со стороны японской общественности, призывающей тэндайских лидеров обращать больше внимания на проблемы духовенства внутри страны. С одной стороны, их критика совершенно справедлива. Однако, с другой стороны, можно предположить, что, чем более успешной окажется деятельность Тэндай в участии по разрешению социальных, политических и экологических вопросов в современном международном сообществе, тем больше вероятность, что оно сможет найти альтернативные пути выхода из идеологического кризиса, в котором находится традиционный японский буддизм.

Духовное наследие основателя школы Тэндай Дэнгё Дайси продолжает оставаться его идеологической основой. Как следует из сказанного выше, в ходе новейшей истории Японии идеи Дэнгё Дайси не раз подвергались различным толкованиям (порой взаимоисключающим) в зависимости от политической и социальной обстановки в стране. В современных условиях традиционный буддизм в Японии утрачивает свои лидирующие позиции из-за появления значительного числа новых религиозных сект. Не исключено, что в дальнейшем сочинения Сайтё обретут новую трактовку для сохранения школы Тэндай.

²³ *Pereira Ronan Alves*. A Japanese New Religion in the Age of Globalization: The Role of Leadership within the Neo-Buddhist Soka Gakkai International. – International Institute of Asian Studies Newsletter. №. 47.

Астрономия культуры

Е. В. Южакова

В глубокой древности люди в поисках ответов на волнующие их вопросы обращали взоры к небесам. Мы, их далекие потомки, все реже интересуемся тем, что происходит над нашими головами. Мы не ищем поддержки у небесных светил, а если иногда и советуемся с ними, прислушиваясь к астрологическим прогнозам, то едва ли придаем этому серьезное значение. Но бывают моменты, когда небесные события полностью завладевают нашим вниманием. В 2008 г. для жителей Западной Сибири таким событием стало полное солнечное затмение. Автору данной статьи тоже довелось пережить его на личном опыте и, как это ни странно, живые впечатления того дня удивительным образом помогли ему по-новому взглянуть на давно известные факты японской культуры в сопоставлении с всеобщими тенденциями и послужили отправной точкой для написания этой статьи.

1 августа 2008 г. лунная тень начала свое движение по Земле на Канадском арктическом архипелаге, пересекла Северный Ледовитый океан, прошла по архипелагу Новая Земля и стала продвигаться по материковой России. На пути лунной тени лежали города: Ноябрьск, Нижневартовск, Новосибирск, Барнаул, Горно-Алтайск. Миновав пределы России, лунная тень покинула земную поверхность на территории северо-западного Китая.

В тот день на юге Кемеровской области погода была облачной и к половине шестого вечера, когда должна была наблюдаться полная фаза затмения, не прояснилось. Тем не менее, благодаря этому обстоятельству появилась возможность не обращать все свое внимание на пыльное созерцание небесного действия, ради которого тысячи людей готовы ехать за тридевять земель в качестве астрономических туристов (такая категория «охотников» за солнечными затмениями появилась недавно даже среди людей, не имеющих прямого отношения к астрономии), а прочувствовать ситуацию. Пристально наблюдая все фазы затмения, боясь пропустить какой-то момент, люди, как правило, не обращают внимания на то, что происходит в это время вокруг, а впечатления на самом деле незабываемые. Солнечный свет и без того рассеиваемый облаками постепенно стал меркнуть. Мгла сгустилась до такой степени, что очертания предметов стали неясными. Золотой живой свет покинул землю, и все поглотила мертвенно-зеленоватая тьма. Даже располагая научным объяснением этого явления природы, переживаешь его довольно

эмоционально. Признаться, мы с большим энтузиазмом встретили первые признаки возвращения света, а явившееся к концу дня во всем своем блеске Солнце стало для нас настоящим подарком!

У древних к затмениям было совершенно особое отношение. Поклоняясь Солнцу как главному источнику жизни и света, они должны были испытать ни с чем не сравнимый ужас, когда в середине дня Солнце перестало давать свет и тепло. Естественно, люди пытались объяснить, что происходит во время затмения, и зачастую фабулой этих сказаний становился конфликт. Индейские племена, жившие в окрестностях нынешнего Сан-Франциско и Сакраменто, видели в затмениях признаки постоянной борьбы за власть между Солнцем и Луной. К северу от их территории, индейцы помо называли затмение «схваткой с небесным медведем» и рассказывали историю о медведе, бродившем по Млечному Пути. Он встречается с Солнцем, которое не хочет уступить дорогу, и они начинают бороться. Пока они сражаются друг с другом, Солнце затмевается. Затем медведь оставляет Солнце в покое и бежит к его сестре Луне, обуреваемый кровожадными помыслами. Так, следом за солнечным затмением наступает лунное затмение.

Затмения часто сталкивались как следствие нападения на Солнце или Луну какого-нибудь чудовища. Прибалтийские народы были убеждены, что змеи, драконы и ведьмы время от времени пытаются уничтожить Солнце. Жители северного Алтая связывали лунные затмения с людоедом, обитавшим на звезде. Жившие на островах неподалеку от побережья Венесуэлы карибы обвиняли в затмении дьявола Мабойю. По их поверьям, он тайком подкрадывается к Солнцу или Луне и обрезают их волосы, а затем заставляет их пить кровь ребенка и пытается убить их. В Новой Зеландии маори описывали солнечное затмение как внезапную атаку демонов, пожирающих Солнце. Несмотря на явно смертельный исход происшествия, Солнцу всегда удается воскреснуть.

Этимология слова может многое объяснить. Проследившая английское слово «затмение» (eclipse) до греческого оригинала eclipsis, мы узнаем, что для греков оно означало «упущение» или «оставление». Когда Солнце или Луна затмевались, они как будто исчезали с неба, оставляя людей на волю тьмы. В Древнем Китае затмение называли «ши». Вырезанное на гадательных костях династии Шан, это слово означает «есть».

В японском языке солнечное затмение обозначается двумя иероглифами: «*нити*» – «Солнце» и «*сёку*» «есть», что слитно произносится как «*ниссёку*» – «поедание Солнца». Следовательно, в японском языке сохраняется самая архаичная трактовка смысла затмения. Она представляется первичной в силу явной натуралистичности. Ситуация затмения, когда Солнце или Луна пожираются каким-то чудовищем или демоном¹, очень распространена в мифах народов мира. Древние китайцы

верили что Солнце, Луна и звезды стали жертвами прожорливой космической жабы, а в Центральной Америке считали, что солнце проглотили змея или ягуар. Есть сведения о существовании сходного мифологического сюжета на Японских островах.

Во время затмений предписывалось производить большой шум, чтобы напугать чудовище и помешать ему съесть солнце. Некоторые народы пускали в небо стрелы с прикрепленными к ним факелами, дабы укрепить слабеющий свет. Согласно одной из древнеяпонских легенд в момент затмения некий добрый бог-избавитель послал на помощь Солнцу ворону, которая залетела в рот злому богу. Так Солнце было спасено².

Более поздним вариантом осмысления данного явления считается миф об уединении солнечной богини Аматаэрасу в Небесном скалистом гроте и о последующем ее извлечении оттуда. Очевидно, что к моменту записи этого мифологического свода (712 г.) в Японии уже прочно утвердились институты аграрного общества, что послужило причиной к переосмыслению события на более высоком витке социокультурного развития. В том же Китае бытовала история о Солнце, которое отвернуло от людей свой светлый лик, разгневавшись на них за их грехи. Это очень напоминает японский миф о том, как богиня солнца Аматаэрасу оо-ми-ками разгневалась, а точнее, ее оскорбило безобразное поведение своего младшего брата – бога ветра Сусаноо, который «...межи на возделанных полях Священной Богини Аматаэрасу оо-ми-ками снес, [оросительные] каналы засыпал».

А еще – в покоях, где отведывают первую пищу, испражнил и разбросал испражнения.

И вот, хотя [он] так сделал, Великая Священная Богиня Аматаэрасу оо-ми-ками, [его] не упрекнув, сказала: «На испражнения похоже, но это, братец мой, бог, наверное, наблевав спьяну, так сделал. А то, что межи снес, каналы засыпал, – это, наверное, братец мой, бог,

точки лунной орбиты – точки ее пересечения с солнечной эклипкой – имеют большое значение в связи с затмениями. Время, необходимое для луны, чтобы вернуться к прежней узловой точке, и соответствующий промежуток времени для солнца называются драконическим месяцем и драконическим годом. Латинское draco и греческое drakon означают «дракон». Архаическое название верхней узловой точки («голова дракона») и нижней узловой точки («хвост дракона») безошибочно связывает затмения с этим мифическим существом, жадным до небесного лакомства.

Знаки затмения в лунных текстах «Дрезденского кодекса» – иероглифического гадательного сборника индейцев майя периода постклассического Юкатана – свидетельствуют об их убеждении, что какое-то существо пожирает солнце во время затмения. В двух случаях знак затмения изображен над раскрытой пастью зубастой змеи. В «Chilam Balam of Chumayel» («Глашатай Ягуара города Чумайель») – книге пророчеств майя, написанной после Конкисты, – солнечное затмение называется «пожиранием Солнца».

² Барская Наталья. Весенний ветер – ветер перемен. – www.megapolis.org/forum/viewtopic.php?p=1092484 – 64к –

¹ Наиболее часто у разных народов мира встречается образ дракона, пожирающего солнце. Идея драконоборчества сохранилась в астрономической терминологии до наших дней. Узловые

землю пожалев, так сделал», – так оправдала [его], но все же его дурные деяния не прекращались, а стали еще безобразнее. В то время, когда Великая Священная Богиня Аматаэрасу оо-ми-ками, находясь в священном ткацком покое, ткала одежду, что положена богам, [бог Суса-но-о] крышу тех ткацких покоев проломил и небесного пегого жеребчика, с хвоста ободрав, внутрь бросил.

Тут небесные ткачихи, увидев это, испугались, укололи себя челноками в тайные места и умерли. И вот тогда Великая Священная Богиня Аматаэрасу оо-ми-ками, увидев [это], испугалась и, отворив дверь Амэ-но-ивая – Небесного Скалистого Грота, укрывшись [в нем]»³.

Что касается истолкования затмений, как знаков ниспосланных свыше, то повсюду их расценивали как вестников грядущих бед и несчастий. В «Кодзики» сказано: «Тут вся Равнина Высокого Неба погрузилась во тьму, в Тростниковой Равнине-Серединной Страны) повсюду темень стала. Из-за этого вечная ночь наступила.

Тут голоса множества злых богов, как летние мухи [жужжанием] все наполнили, всюду беды произошли»⁴.

Тема вины-греха, приведшей к нарушению порядка вещей, его пагубности для всего сущего и средства избавления от божьего гнева (в случае с Аматаэрасу – от божьей обиды) трактована в «Кодзики» своеобразно. В наличии персонаж, повинный в катастрофе, однако он не принимает никакого участия в мероприятиях, предпринятых восемью мирадами богов, хотя в это время он еще не изгнан и находится среди них. Кроме того, никому и в голову не приходит устроить над ним показательную расправу и тем самым вернуть милость оскорбленной богини. Вместо этого оказавшиеся в бедственном положении обитатели Равнины Высокого Неба поступают следующим образом:

«Тогда восемьсот мирiad богов собрались-сошлись у Амэ-но-ясу-но кава – Небесной Спокойной Реки, сыну бога Така-ми-мусуби но ками Омоиканэ-но ками – Богу Размышляющему наказал размышлять, собрали долгопоющих птиц из Вечного Царства, заставили петь, добыли небесную крепкую скалу с верхнего течения Амэ-но-ясу-но кава – Небесной Спокойной Реки, добыли железо из небесной рудной горы, нашли небесного кузнеца [по имени] Амацумара Исикоридомэ-но микото – Богине-Литейнице наказали изготовить зеркало, Тама-но-я-но микото – Богу-Предку Гранильщиков наказал изготовить длинную нить с множеством [нанизанных] магатам, призвали Амэ-но-коянэ-но микото – Бога Возносящего и Футодамано микото – Бога Приносящего и заставили [их] у оленя-самца с небесной горы Кагуяма вывернуть лопатку, взять небесное дерево Хахака с небесной горы Кагуяма и исполнить гадание.

Густоветвистые деревья Масакаки с небесной горы Кагуяма, выкопав с корнями, к верхним веткам прикрепили длинные нити с множеством магатама, на средние ветки навесили большое зеркало, к нижним веткам подвесили белые, голубые лоскуты нигитэ, и все эти различные вещи бог Футодама-но микото благоговейно, для преподношения [богине Аматаэрасу], держал, а бог Амэ-но коянэ-но микото сильное молитвословие благоговейно вознес, а Амэ-но-тадзикара-о-но микото – Небесный Бог-Муж Могучих Рук у двери [грота] притаился...»⁵.

Позже он понесет наказание за содеянные бесчинства⁶, но пока последствия его преступлений приходится ликвидировать ценой немалых усилий и изобретательности другим персонажам. Сначала происходит принесение жертв, которое успело перевоплотиться в преподнесение даров в сопровождении приличествующих случаю обрядов. Затем на сцену в прямом смысле этого слова выходит Амэ-но Удзумэ и в состоянии транса исполняет свой экстатический танец, восстанавливая тем самым мировую гармонию между Светом и Тьмой.

«А Амэ-но-удзумэ-но микото – Небесная Богиня Отважная, рукава подвязав лозой, “с небесной горы Кагуяма, из небесной лозы Сасаки сетку кадзура сделав, листья Саса с небесной горы Кагуяма пучками связав, пустой котел у двери Небесного Скалистого Грота опрокинув, ногами [по нему] с грохотом колотя, в священную одержимость пришла” и, груди вывалив, инурки юбки до тайного места распустила.

Тут Равнина Высокого Неба ходуном заходила – все восемьсот мирiad богов разразились хохотом.

Тогда Великая Священная Богиня Аматаэрасу-но оо-ми-ками, странным это сочтя, дверь Небесного Скалистого Грота чуть открыла и молвила изнутри: “Я соккрыться изволила, из-за этого Равнина Высокого Неба вся погрузилась во тьму, да, я думаю, и Тростниковая Равнина-Серединная Страна тоже вся во тьме. С какой же стати Амэ-но удзумэ потешает [вас], да и все восемьсот мирiad богов хохочут?” – так молвила.

Тогда Амэ-но-удзумэ сказала: “Есть высокое божество, превосходит тебя – богиню. Вот [мы] и веселимся-потешаемся”, – так сказала. А пока так говорила, боги Амэ-но коянэ-но микото и Футодама-но микото, то зеркало принеся, Великой Священной Богине Аматаэрасу оо-ми-ками [его] показали, и тогда Великая Священная Богиня Аматаэрасу оо-ми-ками еще больше в удивление пришла, постепенно из двери

⁵ Там же.

⁶ «Тут восемьсот мирiad богов, посовещавшись, бога Хая-Сусано-о-но микото заставили тысячу столов заполнить [искупительными дарами], а еще [ему] бороду обрезали, ногти на руках и на ногах заставили сорвать, и [с Равнины Высокого Неба] изгнали [его] божественным изгнанием» – там же, с.13..

³ Золотая книга мифов, легенд и сказок Японии. М.,1996, с. 10–12.

⁴ Там же.

вышла-выглянула, и тут тот бог Амэ-но тадзикара-о-но микото, что у дщери [грота] притаился, взял ее за священные руки и вытащил [наружу], а бог Футодама-но микото тут-то веревку-заграждение позади нее и протянул и сказал: “Отныне возвращаться туда не изволь”, – так сказал.

И вот, когда Великая Священная Богиня Аматаэрасу-но оо-ми-ками выйти [из грота] изволила, тут и Равнина Высокого Неба, и Гростникова Равнина-Серединная Страна, сами собой, озарились светом»⁷.

Любопытно сравнить этот отрывок из «Кодзики» с фрагментом из седьмой книги «Флорентийского кодекса», составленного Бернардино де Саагуном. В ней содержится описание того, что происходило, когда солнечное затмение наступило над средневековой Мексикой.

«Солнце сделалось красным; его лик омрачился, и дневной свет померк. Начались смятения и беспорядки. Все были встревожены, испуганы, обескуражены, многие плакали. Простолюдины подняли великий крик, возвысив свои голоса, и вопль стоял повсюду.

Люди со светлым цветом кожи были убиты [принесены в жертву]; пленников тоже предавали смерти. Все предлагали свою кровь и продавали соломинки в мочки ушей, где раньше носили серьги. В храмах раздавалось пение или чтение молитв; на улицах слышались причитания и воинственные кличи. Кто-то сказал: “Если солнечное затмение завершится, то наступит вечная тьма. Демоны тьмы спустятся вниз и поглотят людей”»⁸.

Безусловно, необходимо учитывать, что в первом примере мы имеем дело с мифологическим сюжетом, а во втором – с реальным событием. Однако в традиционных культурах поведение людей часто определяется мифологическими образцами. Поэтому очень вероятно, что, принося человеческие жертвы, индейцы прибегали к принятым в их культуре стереотипам ритуального поведения, основанного на примерах из их легенд и мифов. В случае, описанном в «Кодзики», скорее можно говорить о церемониале с четко распределенными ролями действующих лиц, со своей специфической драматургией. Участники строго придерживаются заранее продуманного сценария. За одним действием следует другое. Подробно разработана атрибутика каждого акта этой первой в истории пьесы. В конечном итоге желаемый результат был достигнут. Совершенно понятно, почему в традиционном японском театре до сих пор жив мистический дух перевоплощения, когда актер не просто исполняет свою роль, но осуществляет служение. Цель этого служения – гармонизация стихий, восстановление мирового порядка. Тот факт, что в «Кодзики» в качестве жертв уже фигурируют произведения древних ремесел и мистерия, иными словами, высшие достижения культуры того

времени, говорит о том, что архаика, где слой культуры еще настолько тонок, что самым действенным средством умиловления богов является отданная им жизнь, осталась в прошлом. Постепенно происходившие изменения в устройстве общества также находили отражение в освещении этой темы.

Присутствие среди даров изделий из металла указывает на наступление медно-бронзового века и, следовательно, на переход власти от женщин к мужчинам. Общеизвестно, что каменный век прошел под знаком матриархата. Неолитические фигурки, изображающие, как считается, мать-прародительницу, свидетельствуют об этом. Среди прочих причин, объясняющих высокий статус женщины в первобытном мире, возможно и наличие связи с астрономией. Это, скорее всего, обусловлено тем, что именно женщины стали первооткрывательницами и хранительницами очень важной культурной информации. Причиной этого стала сама природа женского организма, которой присущ определенный ритм физиологических процессов. По-видимому, женщины сумели сопоставить фазы Луны и собственный биоритм и найти первые закономерности периодичности времени, легшие в основу лунного календаря. За изменчивой луной, как ни странно, проще наблюдать, нежели за солнцем, служащим символом постоянства. Сроки беременности, созревания злаков и плодов, появления потомства у промысловых животных, время нереста промысловых рыб – все эти важные события высчитывали с большой точностью древние жрицы. Мужчины в то время могли жить отдельно от групп, состоящих из женщин с детьми и, не имея встроенной в самое свое существо природной подсказки, подталкивающей к наблюдению за периодичностью смен лунных циклов, вначале не постигали, каким образом женщины способны делать это. Отсюда мистический трепет и поклонение женщине в первобытном обществе. Не случайно Луна во многих традициях представляет женское начало, а Солнце – мужское. Поэтому вполне естественным кажется присутствие борьбы между ними в сюжетах мифов и легенд разных народов.

Нельзя не заметить коренного отличия японской версии от версий, приведенных выше. Во-первых, главное противоречие возникает не между Солнцем и Луной, а между Солнцем и Ветром; во-вторых, возникают сомнения в гендерной идентификации солнечного божества. В японском фольклоре мы также находим косвенное подтверждение нашего предположения. В сказке «Мышиное замужество»⁹ рассказывается о том, как красавицу мышку ее родители хотели выдать замуж, но только за самого достойного мужчину на свете. И первым делом, они повели ее на смотрины к Солнцу. Однако Солнце от почетной роли самого первого на свете мужа отказалось и направило мышиное семейство к Облаку Солнце закрывающему, а то, в свою очередь, к Ветру Облако

⁷ Там же с. 12.

⁸ Ru.wikipedia.org/wiki/Месоамериканские_кодексы - 83k -

⁹ Легкое чтение на японском языке. Сказки старой Японии. М., 2008, с. 64–75.

уносящему. Итак, выступая в ряду кандидатов в мужа, Солнце явно не может быть женщиной. Да и в самом имени Аматаэрасу оо-миками, переводимом как «Великая Священная Богиня Сияющая на Небе», не содержится указания на принадлежность солнечного божества к прекрасному полу. Обычно в именах японских богинь присутствует иероглиф, означающий «женщина», как, например, в имени Амэ-но Удзумэ но микото.

Итак, отношения между Аматаэрасу и Сусаноо становятся весьма запутанными. В них просматривается явное противоречие. Казалось бы, Аматаэрасу как божество созидательное, под чьим покровительством процветает мировой порядок, скорее ассоциируется с женским началом в противоположность необузданной дерзкой натуре Сусаноо. В знаменитом эпизоде сокрытия в Небесный грот также можно усмотреть женский стиль поведения Аматаэрасу: сначала она долго терпит несносные выходки брата, находит оправдание его скверным поступкам, а затем, вместо того, чтобы призвать нарушителя к ответу и сурово его наказать, предпочитает сама запереться в пещере без воды и питья, т. е. готова погибнуть, лишь бы не сталкиваться лицом к лицу с нечестивцем. Это ли не демонстрация женской позиции – нежелание открытого столкновения и стремление замкнуться в своей обиде?

Между прочим, в «Кодзики» есть эпизод, прямо относящийся к интересующему нас вопросу. Так, в 11-й главе мы читаем:

«Тут бог Суса-но-о-но микото сказал в ответ: “Обменяемся клятвой и родим детей”, – так сказал.

И вот, когда они, встав по обе стороны Амэ-но-ясу-но кава – Небесной Спокойной Реки, принесли клятву, Великая Священная Богиня Аматаэрасу оо-миками первым делом попросила меч в десять пядей, что бога Суса-но-о-но микото опоясывал, разломил его натрое, со звоном [его] поболтала-омыла в небесном колоде, раздробила-разгрызла и выдула».

Следом дано описание появившихся таким образом на свет трех богинь. В данном случае предложение Сусаноо невольно наводит на мысль о заключении брака. Действительно, принесение взаимных клятв до сих пор является главным атрибутом, а последующее рождение детей – главным содержанием брачных отношений. Это своего рода брачные универсалии, присущие любой культуре. Незадолго до того Сусаноо получил повеление отправиться в изгнание за нерадение в управлении вверенной ему страной и можно предположить, что брак с сестрой мог бы на тот момент существенно поправить его дела.

Интересно, что описанный здесь обряд отличается от обряда бракосочетания богов прародителей Идзанаги и Идзанами. Возможно, это связано с иным его содержанием, если речь не идет о брачной церемонии, или, если развивать предлагаемую здесь гипотезу, все дело опять же в двойственно-неопределенной природе Аматаэрасу. Ведь рождение детей – естественный удел женщин, а вот мужчины с этой целью

должны прибегать к иным методам. Вспомним Идзанаги, который дал жизнь множеству богов и богинь, оставшись без любимой супруги. Дети появлялись в процессе очищения от скверны страны мертвых из вещей ему принадлежавших и из вод, омывавших его тело. А завершился этот процесс появлением на свет героев нашего повествования:

«И вот, имя божества, что явилось, когда [бог Идзанаги] свой левый глаз омывал, [было] Аматаэрасу оо-миками – Великая Священная Богиня, Освещающая Небо.

Имя бога, что явился затем, когда свой правый глаз омывал, [было] Цукуёми-но микото – Бог Счета Лун.

Имя бога, что явился затем, когда свой нос омывал, [было] Такэ-хая-Суса-но-о-но микото – Доблестный Быстрый Ярый Бог-Муж».

Вообще в «Кодзики» часты описания появления различных божеств из вещей или частей тела в случаях, когда не имеется в виду рождение от супружеской пары. Если Аматаэрасу – не женщина, только такой способ получения потомства и был возможен.

Исследователи уже давно обратили свое внимание на расхождение в трактовке образа верховного солнечного божества в «Кодзики» и «Нихонги». В последнем источнике она зовется О-Хирумэмути – «Великая солнечная женщина». Она сама ухаживает за своими полями, устраивает празднество «Первого риса», приносит подношения богам. На основании этих данных выясняются ее функции богини-жрицы. У древних японцев считалось, что жрицы являются женами богов (так называемый священный брак)¹⁰ и их высокий социальный престиж зиждился на этой сакральной связи. Кстати, возможно, поэтому в «Кодзики» нет упоминания о браке Аматаэрасу. Есть мнение, что в древности существовал культ мужского солнечного божества Аматаэрасу, а жрица Хирумэ была его супругой. Затем оба культа слились в один – поклонение солнечной богине. Однако некоторые признаки мужественности у нее все же остались.

Переход верховного божества японского пантеона из мужского в женское явился отражением культа жриц в период Кофун и в более раннюю эпоху. Самой известной из них была Химико (ум. в 248 г. н.э.). Она была теократической правительницей Ямато и осуществляла управление с помощью своего младшего брата-медиума. Сама же Химико не позволяла видеть себя простым смертным¹¹.

* * *

Культура – во многом явление космическое. Ход небесных светил указывал на ход времени. Благодаря тысячелетним наблюдениям за передвижением Солнца и Луны, а также других планет относительно

¹⁰ Мифы народов мира. М., 1991, т. 1, с. 65–66.

¹¹ История Японии. Т. I. С древнейших времен до 1868 г. 2-е изд., М., 1999. с. 63–64.

созвездий появились календари. На основании все тех же наблюдений возникли математические вычисления, положившие начало точным наукам. Мир небесных светил и мир людей с незапамятных времен оказывали друг на друга взаимное влияние, так как в поле культуры они были обоюдным отражением друг друга – звезды определяли судьбы народов и людей, люди своими неблагоприятными поступками нарушали небесный порядок и тогда на небе являлись грозные знамения. Чтобы избежать их страшных последствий, губительных для всего живого, возникали древние ритуалы и обряды, впоследствии послужившие источником сценических представлений. Очень вероятно, что солнечное затмение, происшедшее когда-то в глубокой древности, стало одним из первых событий, оставшихся в культурной памяти жителей японского архипелага в качестве первого осознанного вызова, преодоленного собственными культурными средствами. Может быть, оно послужило тем мощным толчком, который запустил механизм культурного развития.

Япония на рубеже XIX–XX вв.:

технологии создания позитивного образа на Западе

Д. Б. Павлов

В конце XIX в., одновременно с превращением Японии в полноправный субъект международных отношений, и, особенно, накануне и в годы ее войны с Россией 1904–1905 гг. перед японским правительством встала задача благоприятного позиционирования своей страны в мире с сопутствующим идейно-политическим «наполнением» и организационным обеспечением. В Токио, задумываясь над сценариями развития мировых событий в ходе конфликта с Россией, наименее благоприятной посчитали гипотетическую возможность вступления в войну на стороне своего противника Франции и Германии при сохранении союзной Великобритании и дружественной Америкой строгого нейтралитета. Подобный расклад сил лишал Японию шансов в грядущем военном противостоянии, но состояться он мог лишь в случае, если бы эта война была воспринята на Западе как агрессия «желтого» мира против «белого», как реальная угроза христианской цивилизации. Поэтому важнейшими задачами стратегического порядка для правящих кругов стали корректирование сложившихся стереотипов восприятия своей страны в Старом и Новом Свете, завоевание симпатии и доверия Запада, нейтрализация его страха перед «желтой опасностью» и противопоставление России западной цивилизации.

В современной русскоязычной японоведческой политологии тема японского внешнего имиджмейкинга находится на подъеме. Проблемы японской национальной идентичности, пути и способы достижения ею мирового лидерства, образ Японии в современном мире активно исследуют историки, политологи и социологи¹. Известный вклад в ретроспективное изучение тех же проблем внес и автор этой статьи². В своей

¹ См.: Молодяков В. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX в. М.–Токио, 1996; *Его же*. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи. – Глобальные вызовы – японский ответ. М., 2008, с. 41–58; Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии. – Япония 2007. Ежегодник. М., 2007, с. 116–130; *Его же*. Между миром и собой: трансформация имиджа Японии в эпоху глобализации. – Глобальные вызовы – японский ответ, с. 59–76; Жуков А. Е. Япония в мире: эволюция самооценки. – Япония, открытая миру. М., 2007, с. 39–62 и др.

² См.: Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004; *Его же*. Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское проти-

недавней популярной работе о российско-японских «имиджевых войнах» А. Е. Куланов и В. Э. Молодяков уделили внимание интересующим нас историческим сюжетам³. Однако, поскольку они сознательно акцентировали «приватный» уровень российско-японского имиджевого соперничества, деятельность официальных токийских пропагандистов за рубежом в их книге обозначена, но не изучена. Учитывая это, автор настоящей статьи исследует официальный западно-ориентированный имиджмейкинг Японии накануне русско-японской войны и в годы самого этого конфликта с упором на организационно-финансовую сторону этой работы и технологии ее ведения. При этом под «официальным», или «государственным» имиджмейкингом понимаются не только усилия японских дипломатов. Особенностью японской правительственной пропаганды и тогда, и сегодня является участие в ней людей неофициальных – деятелей науки, культуры, искусства и т. д., деятельность которых дополняет информационную и разъяснительную работу, ведомую по официальным каналам. Идеологический конструкт, созданный и пушенный ими в оборот, заслуживает детального изучения, но в данной статье рассматривается лишь в общих чертах. Другая тема, требующая самостоятельного исследования, – имиджмейкинг Токио тех же лет на своей собственной территории, а также в колониальных и полуколониальных государствах Африки и, особенно, в странах Востока, в содержательном плане в корне отличный от адресованного Западу; его мы не будем здесь касаться вообще.

Настоящая статья основана на мемуарах очевидцев и участников описываемых событий и на документальных публикациях, в первую очередь патриарха изучения русско-японской войны 1904–1905 гг. британского историка Яна Ниша⁴ и председателя японской Ассоциации историков этой войны профессора Мацумура Масаёси⁵. Но основным источником являются материалы мировой повременной печати второй половины XIX – начала XX в. В подавляющем большинстве они остаются слабоизученными, хотя именно пресса тех лет выступала и главным «зеркалом» общественного мнения, и его основным «генератором», и «полем» идейных баталий.

востояние. – Acta Slavica Iaponica (Саппоро). 2005, vol. 22; *Его же*. «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством (по материалам мировой печати). – Acta Slavica Iaponica. 2009, vol. 26.

³ Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007, с. 67–141.

⁴ Ian H. Nish. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires. 1894–1907. University of London, 1966; The Russo-Japanese War, 1904–1905. A Collection of Eight Volumes. – Compiled & Introduced by Ian Nish. L., 2003.

⁵ *Suyematsu Kencho* (1855–1920). The Risen Sun (1905). Introduction by Matsumura Masayoshi. – Japanese Propaganda. Selected Readings. A Collection in Ten Volumes. Series 1: Books 1872–1943. Peter O'Connor ed. Vol. 3. London: Global Oriental, 2004.

* * *

Книги о Японии на европейских языках стали появляться еще в XV–XVI вв., но непосредственное знакомство западного сообщества с этой страной состоялось лишь в 60-х годах XIX столетия. На Второй всемирной промышленной выставке, прошедшей в Лондоне в 1862 г., посланник Великобритании в Токио сэр Рутерфорд Элкок (R. Alcock) представил коллекцию произведений японского ремесла и искусства. Посетителям следующей такой же выставки в Париже в 1867 г. демонстрировался уже целый японский павильон. В результате японское искусство вошло на Западе в моду, к 80-м годам XIX в. увлечение им достигло зенита, западный мир охватил «japonisme». Этот термин в 1872 г. ввел в оборот французский искусствовед Филипп Берти (Ph. Burty), понимавший под ним «новое направление в исследованиях в области изобразительного искусства, истории и этнографии». Однако вскоре «японизм» превратился в более сложное явление, которое стало включать не только художественные и научные, но и социально-политические и экономические аспекты⁶.

В изысканной словесности Запада, на его театральных подмостках, в произведениях художников и музыкантов и даже в коммерческой рекламе все явственнее зазвучали японские мотивы⁷. Бум японской тематики затронул и книжно-журнальное дело западных стран. Если с конца XV в. и до середины XIX столетия на основных европейских языках, по данным французского библиографа Леона Пажа (L. Pages), появилось около 660 печатных произведений, посвященных Японии, то за неполную вторую половину XIX столетия их количество исчислялось уже тысячами, причем без учета русскоязычных⁸. Наиболее известными и читаемыми были ознакомительные работы, выходившие из-под пера дипломатов, ученых и миссионеров. В эпоху Мэйдзи (1868–1912) Японию в общей сложности посетили более тысячи христианских проповедников и несколько сотен профессоров из США и европейских стран. Побывав в этой стране, многие из них увлеклись ее политической и интеллектуальной историей, литературой, искусством, языком. Их произведения многократно переиздавались. Книга британского филолога Бэзила Чемберлена (B. H. Chamberlain) – «Things Japanese» к началу XX в. выдержала три издания (и переиздается по сей день); дважды публиковались труд дипломата сэра Элкока «Three Years Residence in Japan», впервые

⁶ Подробнее см.: Gabriel P. Weisberg, Yvonne M. L. Weisberg. Japonisme. An Annotated Bibliography. New York-London, 1990.

⁷ См.: Rosamund Bartlett. Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness. – The Russian Review. 2008. № 1(67), p. 8–33.

⁸ См.: Wenckstern Fr. von. A Bibliography of the Japanese Empire. Being a Classified List of all Books, Essays and Maps in European Languages Related to Dai Nihon (Great Japan), Published in Europe, America and in the East from 1859–1893. Leiden-London, 1895.

вышедший в Лондоне в 1863 г., а также его работа, посвященная японскому искусству (первое издание 1878 г.). В 1870–1880 гг. на французском, немецком и русском языках увидели свет книги по истории Японии русского географа и социолога Л. И. Мечникова, читавшего лекции в Токийском университете. Но рекордсменом, вероятно, следует считать американского священника Уильяма Гриффиса (W. E. Griffis), который в 1870–1874 гг. преподавал в одном из учебных заведений Токио и одновременно обучал представителей самурайского клана Фукуи. Мечников был первым «нанятым иностранцем» (*оятай гайкокудзин*) в Японии эры Мэйдзи. Только одна его двухтомная «Империя микадо», впервые напечатанная в США в 1876 г., впоследствии выдержала 12 изданий. К появлению и дальнейшей циркуляции этих произведений токийское правительство, вероятно, непосредственного отношения не имело.

Другим каналом знакомства Запада с «things Japanese» стали работы тех немногих «пишущих» иностранцев, которые поселились в Японии, что опять-таки стало возможным лишь в эпоху Мэйдзи. Об американском журналисте греческого происхождения Лафкадио Херне (L. Hearn), которого сами японцы считали «наиболее компетентным выразителем Японии в англоговорящем мире»⁹, и его литературной деятельности нет нужды говорить особо – они широко известны. Многочисленные и талантливо написанные эссе Херна, большого поклонника и тонкого ценителя японской культуры, всегда были популярны на Западе. Зато такая фигура, как ирландский капитан Фрэнк Бринкли (F. Brinkley), сегодня незаслуженно забыта. Явившись в Токио в 1867 г. 26-летним охранником британской миссии, он навсегда осел в Японии и с годами превратился в признанного знатока истории и культуры этой страны, известного в мире коллекционера восточного фарфора¹⁰. В отличие от университетского профессора Херна, Бринкли со временем занял в Токио значительные официальные посты. В 70-е годы XIX в. он стал советником МИДа, в 1881 г. основал и до конца жизни редактировал официозную англоязычную газету «Japan Daily Mail», которую негласно субсидировало японское правительство, а с 1892 г. и также вплоть до своей кончины в 1912 г. состоял токийским корреспондентом лондонской «Times». В 1893 г. в Чикаго на английском языке вышла его книга об истории Японии, в 1896 г. в Токио – составленный им японо-английский словарь (один из лучших в мире на тот момент), в 1897 г. в Бостоне – 10-томное иллюстрированное описание Японии под его редакцией. Деятельность Бринкли получила высокую официальную

⁹ The Japan Times. 21.12.1904, № 2349, p. 6 (некролог Херна и интервью с его вдовой-японкой). Работы Херна о Японии выходили и в России в русском переводе.

¹⁰ В 1883 г. на английском языке он издал в Иокогаме «Историю японской керамики» в шести частях.

оценку – еще до войны он был включен в список трехсот наиболее заслуженных подданных микадо.

С середины 70-х годов XIX в. на Западе стали появляться сочинения и самих японцев о Японии, прошлой и настоящей, разумеется, на европейских языках¹¹. Из них наибольший общественный отклик получила популярная брошюра Нитобэ Иназо «Бусидо. Душа Японии», написанная им в бытность в США и впервые изданная там же в 1899 (или 1900) г. Судя по сохранившимся сведениям, своим появлением эта книга была обязана инициативе самого японского профессора и преподавателя У. Гриффиса. Средства жены-американки позволили ее издать, но политическую элиту Америки с ее содержанием знакомили уже японские официальные лица. Немного позже эта «книжечка», как ее скромно называл сам автор, была издана на японском языке, а в 1905 г. дважды напечатана в России на русском языке. Работа Нитобэ сделала поклонником его страны Теодора Рузвельта, в 1901–1909 гг. президента США. Если верить К. Кусахара, американского лидера с ней познакомил Такахира Когоро, тогдашний посол Японии в Вашингтоне¹². Вскоре, по признанию британского писателя Джорджа Мереди-та (G. Meredith), «бусидо, или “путь самурая” превратилось почти в английское слово», настолько глубокое впечатление сочинение Нитобэ произвело и на рядового западного читателя¹³. В общем, благодаря Нитобэ портрет Японии на Западе обогатился новыми красками. В последующие годы число публикаций японских авторов в англоязычной печати продолжало расти, причем особую активность в этой области проявлял посланник в Лондоне виконт Хаяси Тадасу¹⁴. Его биограф утверждал, что он первым из государственных деятелей Японии «осознал и использовал силу *фудэ* (кисти для письма. – В. М.)»¹⁵.

К концу XIX в. в западном мире сложился в целом привлекательный, но весьма поверхностный и чрезмерно романтизированный образ Японии, к тому же почти целиком обращенный в ее прошлое. В массовом сознании Япония воспринималась тогда как «заморское чудо», красивая, но отсталая страна изящных гейш, кукольных «мусмэ» и «дам-Хризантем», обитавших в «домиках-шкатулках»¹⁶. «Большинство

¹¹ См.: Iwao Saburo. On the Establishment of a Parliament in Japan. L., 1875; Genji Monogatari, the Post Celebrated of the Classical Japanese Romances, Translated into English by Suyematz Kenchio. L., 1882; Yoshida Sakuya. Geschichtliche Entwicklung der Staatsverfassung und des Lehnswesens von Japan. Bonn, 1890; Kaneko K. Outline of Constitution of Japan. Boston, 1891; Kaneko Kentaro. Les Institutions Judiciaires du Japon. Bruxelles, 1893 и др.

¹² Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны, с. 90–91.

¹³ George Meredith. Introduction. – Okakura Yoshisaburo. The Japanese Spirit. L., 1905, p. XI.

¹⁴ См.: Hayashi Tadasu. For His People. L., 1903; Ibid. Introduction. – Stead Alfred. Mysteries of China. L., 1903; Ibid. Introduction. – Lloyd Arthur. Everyday Japan. L., 1903 и др.

¹⁵ The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi. New York–London, 1915, p. 11.

¹⁶ См.: Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1897, с. 474.

американцев, – писал, вспоминая начало XX в., американский посланник в Токио Ллойд Гриском (L. C. Griscom), – все еще представляло себе Японию цветущей сказочной страной, населенной маленькими людьми в кимоно, с веерами и зонтиками в руках»¹⁷. Однако компетентные и внимательные наблюдатели пытались предостеречь сограждан от подобного верхоглядства. В западной печати призывы относиться к Японии всерьез зазвучали еще в начале 1890-х годов¹⁸. В российском обществе, отмечал в 1902 г. преподаватель Восточного института Н. В. Кюннер, утвердилось искаженное представление о характере преобразований в Японии последних десятилетий, основанное на сочинениях западноевропейцев, в большинстве – «случайных туристов, или топтателей земного шара (globe-trotters)»: «Критики Японии называли происходившие на их глазах прогресс и перерождение дореформенной Японии, в особенности создание ею нового флота и армии – призрачными и поверхностными и видели во всех серьезных попытках японских государственных деятелей... лишь неумелые усилия слепо копировать с европейских моделей, усваивая себе внешние формы чуждой цивилизации». Отсюда – неспособность понять, что в действительности эта страна уже превратилась «в сильную нацию, с мнением которой надо считаться при каждом новом шаге в политике Дальнего Востока»¹⁹. Увы, в довоенной России эти предостережения не были в полной мере осознаны ни в императорском дворце, ни в министерствах, ни в армии, ни в обществе.

Сама Япония созданием благоприятного для себя уже не только общекультурного, но и политического имиджа на Западе более или менее целенаправленно занялась в середине 1890-х годов. Первоначально ее акции такого рода не были систематическими, имели скорее ответный характер и не всегда достигали успеха. В 1894 г. токийское правительство озабочилось реакцией западной общественности на резню, которой сопровождался захват японскими войсками Люшунью (Порт-Артура) в ноябре этого года в ходе японо-китайской войны. Желая смягчить тягостное впечатление Запада, японские военные попытались подкупить корреспондента «The New York World» Джеймса Крилмана, сопровождавшего их армию. Крилман от взятки отказался и его статья о порт-артурских событиях, по словам американского исследователя, «мгновенно» переменяла общественное мнение США о Японии²⁰. Победа Японии над Китаем резко изменила отношение к ней и официальной России, но уже не столько из морально-этических, сколько из стратегических соображений. До этого в Петербурге Японию считали своим

«естественным союзником» (именно в японских портах зимовала русская тихоокеанская эскадра), но с весны 1895 г., с подачи министра финансов С. Ю. Витте, Токио превратился в потенциально опасного противника на Дальнем Востоке. В русской официозной прессе стали появляться воинственные статьи, предостерегавшие Японию от попыток утвердиться на азиатском материке²¹.

Иначе обстояли дела в Западной Европе. В январе 1895 г. секретарь японской миссии в Лондоне барон Александр фон Сибольд передал в редакцию «Times» документы, из которых следовало, что Китай еще с 1882 г. «замышлял вторжение в Японию», почему в нынешних условиях ее нельзя считать агрессором. Газета перепечатала присланные материалы, а в передовой статье скорректировала свои прежние обвинения Японии в «необузданной агрессивности». Анализируя итоги японо-китайской войны 1894–1895 гг., в «Times» пришли к выводу, что ситуация на Дальнем Востоке кардинально изменилась, и начали отстаивать необходимость сближения с Японией. Так состоялся поворот в позиции этого, по общему в те годы мнению, «могучего столпа всей мировой печати». Прояпонские симпатии «Times» особенно отчетливо обнаружились после того, как в 1899 г. ее международный отдел возглавил Валентин Чирол. К моменту оформления англо-японского союза в 1902 г. «Times» писала о Японии уже не иначе, как «с самой горячей симпатией»²². Колоссальный и казавшийся незыблемым авторитет этой газеты способствовал распространению японофильских настроений во всем англоязычном мире.

Если говорить о ситуации в континентальной Европе, то с весны 1898 г. в Берлине на немецком языке, но с красным солнечным диском и японскими письменами на обложке под редакцией японца Тамаи Кисак²³ начал выходить общественно-политический и экономический ежемесячник «Ost-Asien». По словам российского комментатора, этот первый открыто прояпонский журнал Старого Света публиковал материалы «о единственном в мире достойном внимания и удивления государстве “Великой Империи Восходящего Солнца”, являющейся в глазах японских патриотов воплощением чистейшей идеи прогресса и цивилизации»²⁴. Журнал не пользовался в Европе особой популярностью,

²¹ Подробнее см.: Лукьянов И. В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008, с. 195–201. Организованный затем Петербургом демарш трех великих держав, который вынудил Токио отказаться от своего самого весомого военного трофея – Ляодуна и на долгие годы превратил Россию в глазах японцев в главную угрозу своей стране.

²² The History of «The Times». The Twentieth Century Test, 1884–1912. L., 1947, p. 191, 193–196, 354–355, 373–374.

²³ Так в оригинале. – В. М.

²⁴ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». С 25 июля [1900 г.] по 15 августа 1901 г. Владивосток, 1901, с. 76.

¹⁷ Lloyd C. Griscom. Diplomatically Speaking. New York, 1940, p. 224.

¹⁸ См., например: Piggot F. T. New Japan. – The Fortnightly Review. 1892, vol. 52, p. 335–345.

¹⁹ Известия Восточного института. Владивосток, 1903, т. 9, с. 5–6, 9, 11.

²⁰ Knightley Phillip. The First Casualty. The War Correspondents as Heroes and Myth-makers from the Crimea to Kosovo. Baltimore and London, 2002, p. 61.

однако свою лепту в создание благоприятного образа Японии все же внес. В 1910 г. его выпуск прекратился.

Одновременно в самом Токио занялись систематическим изучением западной прессы. Эта задача была возложена на Бюро по политическим делам, которое появилось в составе МИДа в том же 1898 г. Сбору разнообразной информации о зарубежных странах в японском внешнеполитическом ведомстве придавали чрезвычайное значение с момента его возникновения в конце 1860-х годов²⁵. В годы русско-японской войны «дом в Касумигасэки» стал мозговым центром и дирижером зарубежной и во многом внутренней пропагандистской деятельности японского правительства. Сюда стекались донесения его зарубежных представителей об отношении печати данной страны и ее общественного мнения к Японии, к ходу военных действий в Маньчжурии и событиям вокруг них²⁶. Анализ поступавших данных становился основой для корректировки тактики имиджмейкинга, внесения ситуативных изменений в содержание пропаганды и ее координации. По данным российской внешней разведки, возглавлял Бюро сам министр Комура Дзютаро, а экспертами выступали высшие японские офицеры (генералы Нагаока, Усагава) и несколько особо доверенных иностранцев, преимущественно журналистов-англичан, включая упомянутого Бринкли²⁷.

Полномасштабная проба сил японского имиджмейкинга на мировой арене состоялась в 1900 г., сразу после того, как летом 1899 г., по простому уведомлению Токио, рухнула система неравноправных договоров Японии с Западом. Наконец-то Япония на равных допущена в «спесивый и исключительный круг» великих держав! – ликовала в этой связи официозная «Japan Times»²⁸. Тогда же впервые была отработана новая технология обработки зарубежного общественного мнения. С этого времени Токио перешел к активному воздействию на информационную политику мировых новостных корпораций и тех крупных газет, с которыми удалось «договориться». Пропагандистская активность Японии образца 1900 г. имела и конкретный повод – она была вызвана ростом страха Запада перед «желтой угрозой» в связи с «боксерским» восстанием в Китае летом этого года. Хотя Япония приняла активное участие в подавлении движения ихэтуаней, опровергнув таким образом опасения, касающиеся возможности японо-китайского военно-политического союза, официальные представители Токио в Западной Европе получили указание министра Аоки Судо воздействовать в успокоительном духе на прессу страны пребывания. С 1900 г. в японской столице и

сами начали готовить информационно-пропагандистские тексты, которые после их перевода на английский язык телеграфом направлялись в Берлин послу графу Иноуэ Кацуносукэ (а тот уже рассылал их своим коллегам в западноевропейских столицах) и все тому же немцу фон Сибольду. Барон устраивал их публикацию в европейских газетах за подписью «Ariston»: псевдоним использовался, чтобы скрыть действительное – официальное токийское – происхождение предлагаемых к публикации материалов. Предписав Сибольду обеспечить тиражирование присылаемых из Японии статей в центральной печати Великобритании, Германии, Франции, Австрии и США, в июле 1900 г. министр Аоки переправил ему на эти цели 10 тыс. иен²⁹.

К концу лета 1900 г. Сибольд сумел установить контакты с крупнейшими западными телеграфными агентствами – германским «Континентальным» (Вулфа), британской новостной империей барона Рейтера, французским «Гавас» и американским «Associated Press». Японский поверенный в делах в Вашингтоне известил Токио, что еще со времен японо-китайской войны 1894–1895 гг. у его миссии установились доверительные контакты со здешней прессой, и посол Такахира выхлопотал у Аоки 4 тыс. иен на поддержание и упрочение этих связей. Из 3,5 тыс. иен, выделенных на пропагандистские цели послу в Париже Курино Синитиро в августе того же года, 1 тыс. предназначалась агентству «Гавас», которое за это добавочное вознаграждение согласилось распространять любую информацию, доставляемую японским дипломатом. Вдобавок, указание обеспечить благоприятное для правительства микадо освещение «боксерских» событий зарубежными корреспондентами в Китае получил представитель МИДа при японском экспедиционном корпусе³⁰.

В итоге, дебют Токио на мировом информационном «поле» прошел успешно – на время удалось погасить опасения Запада по поводу «желтой угрозы». Вслед за подавлением «боксерского» восстания пугало «желтой опасности» почти исчезло с газетных полос. О нем продолжала регулярно напоминать лишь российская официозная и консервативная печать³¹; иноязычная японская пресса также периодически выступала по этому вопросу, но уже с успокаивающими заявлениями³². К марту 1901 г. зарубежная пропагандистская кампания была свернута, но изучение иностранной печати, хотя и в урезанном виде, в японском МИДе продолжалось и в межвоенный период.

²⁹ Эта сумма примерно соответствует 350–400 тыс. долл. США.

³⁰ См.: Valliant R. The Selling of Japan. Japanese Manipulation of Foreign Opinion, 1900–1905. – Monumenta Nipponica. 1974. № 4, с. 415–421.

³¹ См.: «Новое время». 12(25).06.1903, № 9794, с. 3; 17(30).06, № 9799, с. 2; Приамурские ведомости. 30.11.1903, № 565, с. 2 и др.

³² См., например: «New Press» (Иокогама), 17(30).03.1901.

²⁵ См.: Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988, с. 65–66, 93.

²⁶ См., например: The Japan Times. 22.09.1904, № 2276, с. 3 (выдержка из телеграфного донесения посланника в Лондоне Хаяси министру Комура в Токио).

²⁷ Павлов Д. Б. Русско-японская война. Секретные операции на суше и на море, с. 435.

²⁸ The Japan Times. 18.07.1899, № 703, p. 1.

Заключение в январе 1902 г. англо-японского договора вновь оживило интерес западной общественности к Японии. В том же году в Лондоне появилась книга «Япония – наш новый союзник» журналиста Алфреда Стэда, только что совершившего поездку на Дальний Восток. Восхитившись прогрессом, которого Япония достигла за последние десятилетия, специальную главу своей работы Стэд посвятил доказательству «всеобъемлющего преобладания» этой страны в дальневосточном регионе. «Сегодня Япония является не только одной из величайших в мире наций, – писал он, – но в союзе с Англией выступает на Дальнем Востоке поистине великой державой. Остальные нации должны признать за ней право решающего голоса во всех дальневосточных делах»³³. Говоря об отношении рядовых японцев к западным людям, Стэд сообщил, что если англичане и американцы пользуются у подданных микадо «огромной симпатией», то русских, французов и немцев здесь «ненавидят безмерно»³⁴. То, что предисловие к работе Стэда написал старейший и самый на тот момент авторитетный японский государственный деятель маркиз Ито Хиробуми, показывало, что оценки британского журналиста соответствовали взглядам и намерениям официального Токио. С тех пор тема японского прогресса превратилась в один из излюбленных сюжетов западной японофильской печати.

Хотя в 1900–1901 гг. Японии удалось притушить опасения мировой общественности, касавшиеся «желтой угрозы», в самом Токио о них не забыли. Обдумывать способы нейтрализации неизбежного роста на Западе тревог такого рода в связи с началом вооруженного конфликта с Россией здесь начали еще в ходе переговоров с ней. 30 декабря 1903 г.³⁵ вопрос был вынесен на обсуждение японского кабинета министров. На заседании прозвучало опасение, что в случае, если к Японии в грядущей войне присоединится Китай, страх «желтой угрозы» толкнет Францию, Германию и, возможно, другие западноевропейские страны на вмешательство в конфликт на стороне России³⁶. Стремление всеми способами избежать превращения русско-японской войны в мировую на базе опасений Запада по поводу все той же «желтой угрозы» и максимально ограничить этот конфликт во временном и территориальном отношениях официальный Токио демонстрировал на всем протяжении войны. Здесь понимали, что длительное и широкомасштабное противостояние с коалицией мировых держав Япония выдержать не в состоянии, а для последующего урегулирования взаимоотношений с северным соседом без вмешательства авторитетного посредника не обойтись. Всем этим и был продиктован последующий взрыв японского имиджмейкинга, ориентиро-

ванного на Запад. В общем, по замечанию историка С. Окамото, в Токио «готовились к раннему заключению мира еще до того, как война началась»³⁷.

До начала войны оставался месяц, а японский МИД уже предписал послу в Германии вновь оказать необходимое воздействие на германскую и австрийскую прессу³⁸. В Токио не забыли и о бароне Сибольде, которому в феврале 1904 г. было установлено ежемесячное пособие в 500 иен, не считая возмещения путевых издержек. По отзыву обозревателя «Русского вестника», мартовская (1904 г.) «тетрадка» берлинского «Ost-Asien» оказалась наполнена «дикими и бессмысленными нападениями на Россию и русских»³⁹. И тогдашние российские разведчики и пресса, и современные исследователи, включая японских, сходятся во мнении, что в годы войны Токио стремился манипулировать и своей, формально свободной, повременной печатью, и мировой прессой и информационными агентствами⁴⁰. Во Франции, учитывая пророссийские симпатии французов и соответствующий настрой местной печати, посол Мотоно Итиро предложил ограничиться «смягчением» ее нападок на Японию, для чего, по его соображениям, ежемесячно требовалось 4–5 тыс. франков. Токио согласился, и 5 марта 1904 г. Мотоно рапортовал о заключении секретной договоренности о сотрудничестве с парижскими газетами «Le Temps» и «Siecle». Министр Комура предложил развить успех, ассигновав на подкуп французской прессы 6500 франков в виде ежемесячной субсидии⁴¹. Несмотря на эти денежные вливания, в целом французская печать до конца войны осталась умеренно русофильской. Позицию германоязычной прессы военных лет можно определить как дружественно нейтральную к обеим конфликтующим сторонам примерно в равной степени.

В Лондоне японские дипломаты стремились извлечь максимальную пользу из особых отношений, которые сложились у главы их миссии с редакцией «Times». С шефом ее международного отдела Хаяси сблизился еще в середине 1890-х годов, когда тот был пекинским корреспондентом этой газеты (сам Хаяси в те годы работал посланником в Китае). Частота, с которой на страницах британской печати с первых месяцев войны выступал Хаяси, дала повод одному из современников в шутку назвать его «внештатным сотрудником информационного агентства». Обозреватель «Fortnightly Review» (это был тот же А. Стэд) отметил, что во всем мире японские официальные представительства

³⁷ Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003, с. 312–313.

³⁸ Мацумура М. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904–1905 гг. – Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 4, с. 65.

³⁹ Русский вестник. 1904, т. 290, март, с. 235.

⁴⁰ См.: Tosh Minohara. The 'Rat Minister': Komura Jutarō and US-Japan Relations. – The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden-Boston, 2007, vol. 2, p. 559.

⁴¹ Valliant R. The Selling of Japan, p. 430.

³³ Stead Alfred. Japan, Our New Ally. L., 1902, p. 224.

³⁴ Ibid, p. 97–98.

³⁵ Здесь и далее все даты даются по «новому» стилю.

³⁶ МИД Японии. 1969, т. 1, с. 219 (на яп. яз.). – Цит. по: Valliant R. The Selling of Japan, p. 421.

оказались «несколько неожиданно превращены в центры по распространению военных новостей». По его мнению, это – опыт, который в будущем следовало использовать и другим государствам⁴². «Японские победы одержаны были в редакциях лондонских газет и телеграфных агентств», – ядовито комментировало сложившийся неформальный альянс петербургское «Новое время»⁴³.

Самостоятельным направлением деятельности японских официальных представителей в странах Запада являлось издание пропагандистских материалов, изготовленных по их заказу самими европейскими перьями. Летом 1904 г., по заданию Макино, «звезда» европейской тюркологии, публицист и полиглот, 72-летний профессор Будапештского университета Арминиус Вамбери, который ранее не раз выступал в печати (включая англоязычную японскую) с анализом «российской агрессивной политики в Азии»⁴⁴, написал брошюру с критикой концепции «желтой угрозы». Брошюра была издана 10-тысячным тиражом на немецком и французском языках. Японской казне этот проект обошелся в 1,7 тыс. иен⁴⁵. 34-летний журналист Отто Эльтцбахер, публикуя в июньском (1904 г.) номере англо-американского ежемесячника «Nineteenth Century» статью о той же «желтой угрозе», также использовал материалы, негласно предоставленные ему японской стороной. Этот британский автор⁴⁶ трактовал проблему принципиально иначе. Он доказывал, что «по своей расе, обычаям, искусству, мысли и общей культуре» Россия «более желтая, чем белая, более азиатская, нежели европейская страна», почему в отличие от Японии или Китая и является основным источником опасности для Запада. При этом Эльтцбахер цитировал высказывания видного японского политика и государственного деятеля графа Окума Сигэнобу, сделанные последним накануне на родине по-японски⁴⁷.

Свой вклад в западно-ориентированный имиджмейкинг Японии вносили публикации англоязычных газет, выходивших в самой Японии, особенно «Japan Daily Mail» Бринкли и «Japan Times» (создателем последней был выпускник Йеля Дзумото Мотосада, который в годы войны состоял пресс-атташе токийского внешнеполитического ведомства).

⁴² Stead Alfreed. Japan's Aspirations and Internationalism. – Fortnightly Review. 1904. August, p. 314.

⁴³ Новое время. 05.02.1904, № 10030, с. 4.

⁴⁴ См., напр.: Vambery A. England and Russia in Asia. – The Japan Times. 27.02.1902, № 1494, p. 4; Ibid. The Agitation against England's Power. – The Nineteenth Century and After. New York and London, 1903, January–June, vol. LIII.

⁴⁵ См.: Valliant R. The Selling of Japan. p. 429.

⁴⁶ Немец по рождению, в конце XIX в. Эльтцбахер эмигрировал в Великобританию. С главой японской миссии в Лондоне его, вероятно, свел министр колоний Джозеф Чемберлен, который привлекал Эльтцбахера к сотрудничеству как публициста.

⁴⁷ The Nineteenth Century and After. London, 1904 (June), vol. LV, p. 925.

«Везде в газетах торжество победы японцев над русскими на реке Ялу, – записал в дневнике 7 мая 1904 г. глава японской православной церкви епископ Николай Токийский. – Особенно английская “Japan Daily Mail” расписывает в восторгах. Captain Brinkley, издатель, напоминает ужасного отвратительного сластену, который, когда попадетсся ему лакомый кусок, смакует его и чавкает до бесконечности... и японцы у него – герои и гении, а о русских, где упомянет, то только для того, чтобы плюнуть на них злой насмешкой или руганью»⁴⁸. Сообщения и оценки японской англоязычной печати широко использовала и тиражировала западная русофобская пресса, и наоборот. Австралийские «ежедневные издания, печатаемые в главных городах, – сообщал из Мельбурна российский консул в марте 1904 г., – ... суть исключительно английские органы..., пресса явно стала на сторону Японии, все получаемые сведения тенденциозны, подтасованы и, безусловно, враждебны нам. Частные сведения и корреспонденции, получаемые из Европы и с Дальнего Востока, по направлению не отличаются от телеграмм. А что касается передовых статей, разбора и толкования известий, то я никогда не видал ... ничего столь несправедливого, столь тупо-враждебного и ядовитого, как печатаемое в здешних газетах ... Благодаря этому дошли до полного извращения фактов и нестеснения никакою ложью – выставляют на вид корректность, человеколюбие, цивилизованность и рыцарство японцев, обвиняя нас во всем обратном. В России сверху донизу никто не обойден беззастенчивою клеветой; нет гадости, которая бы не приписывалась нам – все сплошное глумление и издевательство»⁴⁹.

В распоряжении Токио имелись и другие рычаги воздействия на информационную политику газет и крупнейших мировых новостных корпораций, а значит, и на мировое общественное мнение. Телеграмма агентства «Рейтер» о намерении японцев в ближайшее время атаковать Порт-Артур, отправленная из Токио 7 февраля 1904 г., пришла в Лондон и Нью-Йорк, но в Петербург передана так и не была. «Сегодня Япония высадит свои войска, Корея будет захвачена», – гласил аншлаг утреннего выпуска «New York Times» от 8 февраля, и это нападение действительно состоялось в тот же день. В течение всей войны в Токио в качестве руководителя местного бюро «Associated Press» находился Мартин Иган, который, по мнению русской разведки, служил связующим звеном между этим новостным синдикатом и Бюро прессы японского МИДа. Помимо этого, Иган выступал докладчиком на собраниях и парадных обедах с участием видных японских чиновников и (что в данном случае важнее) зарубежных корреспондентов в качестве свое-

⁴⁸ Дневники Святого Николая Японского. СПб., 2004, т. 5, с. 75–76.

⁴⁹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 184, оп. 520, д. 1127, л. 27–28, 29 об. Письмо консула А. Устинова послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу. Мельбурн, 03.03.1904, № 45.

образного «камертона» для настройки на нужную тональность всего здешнего журналистского сообщества. Председательствуя на банкете в токийском Кленовом клубе в марте 1904 г., он (по газетному отчету) «выразил восхищение западных людей тем прогрессом, которого Япония добилась за последние годы, и восхвалял терпение ее народа, проявленное в ходе недавних переговоров с Россией». Последнее замечание вызвало особенное одобрение заместителя министра иностранных дел Тинда Сотэми, который находился в зале. Дальнейшие указания Игана на «отвагу японских моряков» под Порт-Артуром настолько воспламенили слушателей, что корреспондент «The New York Globe» и «Collier's Weekly» Фредерик Палмер под одобрительные возгласы коллег поклялся следовать за японской армией куда угодно – «вплоть до Москвы и Петербурга»⁵⁰.

Открытие военных действий на Дальнем Востоке превратило Токио в журналистскую «мекку». Уже к концу февраля – началу марта 1904 г. в японскую столицу съехалось около 50 зарубежных журналистов, в дальнейшем их число приблизилось к 200. Еще ни одна война в истории человечества не привлекала такого наплыва иностранных корреспондентов, заметил в этой связи один из ветеранов американской военной журналистики⁵¹. Японские власти радушно принимали заморских гостей, размещали их в лучших гостиницах Токио, устраивали для них экзотические экскурсии и банкеты, организовывали пресс-конференции и интервью руководителей кабинета министров и других крупных чиновников, но в Маньчжурию и Корею категорически не пускали. «Более десятка журналистов приехали в Токио из США и Европы с тем, чтобы собирать информацию и освещать войну и дипломатию. Ежедневно они ходят в министерство иностранных дел, но им не дают фактов, – писала токийская “Хэймин симбун”. – ...Поэтому журналисты начали собирать информацию другими способами и попытались отправить ее домой телеграфом. Однако большинство этих телеграмм было цензурировано почтой, причем без ведома отправителей... Затем они попытались писать письма, но и те были подвергнуты цензуре... Иностранные корреспонденты написали об этом статьи и отправились в Йокогаму просить матросов переправить эти статьи из третьих стран..., но ни одна из токийских газет не сообщила об этом инциденте»⁵². В январе 1905 г. японские власти запретили выход «Хэймин симбун», которая тогда была единственной в стране, относительно высокотиражной оппозиционной газетой.

Американский посланник в Японии также вспоминал о жестокой цензуре, которой подвергалась переписка иностранных корреспондентов,

причем отметил, что «раньше никто даже не слышал о таких строгих ограничениях»⁵³. По его же свидетельству, с началом войны в Токио заработала «хорошо отлаженная система шпионажа» за иностранцами, не исключая тех, кто открыто (как и сам мемуарист) объявил себя сторонником Японии. Л. Гриском со временем убедился, что содержание его секретных депеш в Вашингтон становится известно министру Комура, а дворецкий его посольства – переодетый полицейский, причем «сходные проблемы были и у англичан»⁵⁴. Позднее военный корреспондент лондонской «Daily Telegraph» рассказывал, что в Токио он сам и его коллеги из «Chicago Daily News» находились «под постоянным надзором японских властей и им неоднократно угрожали арестом». Из записной книжки одного из них, оставленной в отеле, некий японский офицер в отсутствие хозяина вырвал «все листки с заметками о войне и старательно положил ее на прежнее место»⁵⁵. Писатель Джек Лондон, который прибыл в Японию в качестве военного корреспондента «San-Francisco Examiner», и вовсе попал в полицейский участок за попытку сфотографировать прибрежные укрепления Внутреннего моря, а его фотокамеру власти конфисковали. Для освобождения писателя понадобилось личное вмешательство американского посланника⁵⁶. Несмотря на это, общий настрой англоязычной печати в отношении Японии остался позитивным, но хвалебные отзывы о японском гостеприимстве, воспитанности и добросердечии звучали заметно реже.

В годы войны в японском МИДе было продолжено фронтальное изучение материалов зарубежной повременной печати, так или иначе посвященных Японии, России или их конфликту. Теперь речь шла уже о десятках англо-, германо- франко- и русскоязычных газет и журналов, не только центральных, но и таких специальных и сравнительно редких, как «Victoria Colonist», «Methodist Recorder», «Colombo Observer», а также туземной и иноязычной прессы Гонконга, Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Гонолулу и других крупных азиатско-тихоокеанских центров. После их тщательного изучения статьи, благоприятные для Японии и критические в отношении России, направлялись в центральные японские периодические издания для перепечатки, указания на недостатки Японии и достоинства ее противника, если упоминались, то получали должный отпор. Японская пропаганда тиражировала через свою прессу материалы откровенно антироссийской направленности, которые появлялись в зарубежных англоязычных периодических изданиях. Наибольшей популярностью пользовались статьи полковника Чарльза Корт-Репингтона, военного обозревателя «Times». Уже в 1905 г.

⁵⁰ The Japan Times. 05.03. 1904, № 2105, p. 3.

⁵¹ Palmer Frederick. With Kuroki in Manchuria. New York, 1904. p. 28.

⁵² Цит. по: Macdermid Susan Ch.. Print Capitalism and the Russo-Japanese War. Master of Arts thesis. University of British Columbia, 1990, p. 81–82.

⁵³ Griscom Lloyd C. Diplomatically Speaking, p. 245–246, 249.

⁵⁴ Ibid., p. 244.

⁵⁵ Приамурские ведомости. 24.12.1904, № 730, с. 2. (Перепечатка из «The China Gazette»).

⁵⁶ Griscom Lloyd C. Diplomatically Speaking, p. 245–246.

они были собраны под одной обложкой и изданы сначала в японском переводе газетой «Дзи-Дзи Симпо», которую негласно патронировал виконт Т. Хаяси, а затем и на английском языке – в Лондоне в виде 600-страничного фолианта с посвящением автора микадо и его подданным, достоинства которых всячески превозносились⁵⁷. То, что статьи британского военного журналиста были наполнены разного рода домыслами в отношении России и ее армии, никого не смутило.

Сотрудник российской внешней разведки утверждал, что вообще всякое известие с театра войны либо о внутренней жизни России или Японии, прежде чем попасть в печать, поступало в «Пресс-бюро» токийского внешнеполитического ведомства. «Там оно цензурировалось, редактировалось (или упразднялось) и затем уже посылалось в агентство «Рейтер» и «Associated Press», а также в немного измененной форме сообщалось японским консулам для передачи в субсидируемые газеты как частные телеграммы под заглавием: «*From our own correspondent*» или «*Special to the*»⁵⁸.

Большое внимание было уделено иноязычным газетам и журналам, которые выходили в крупнейших городах Китая. Именно в этом «котле» варилась новостная и, во многом, оценочная картина маньчжурской бойни. Из него, ввиду ограничений, введенных японскими властями для представителей прессы, зачастую были вынуждены черпать сведения ведущие органы печати и мировые информационные корпорации. Между тем, японцы негласно контролировали китайский информационный рынок еще с довоенных времен. Главным его дирижером выступало японское генеральное консульство в Шанхае во главе с Одагири Масуносукэ⁵⁹. «В момент объявления войны, – сообщал тот же российский чиновник, – в Шанхае издавалось шесть китайских, пять английских, одна французская, одна японская газета и одно немецкое еженедельное издание. Из них субсидировались японцами – все пять английских, пять китайских газет... и японская. Обходилось это японскому правительству приблизительно в 30 тыс. долл. в месяц». «Таким образом, – заключал автор доклада, – вся печать Шанхая контролировалась японцами до и в начале войны. Если теперь добавить к этому, что то же самое делалось в Гонконге и Тяньцзине с газетами “Hong-Kong Telegraph”, “China Mail”, “Hong-Kong Daily Press”, “China Times”, “Peking and Tientsin Times” и всей китайской печатью, то получится полная картина японской деятельности в области прессы»⁶⁰. Такими

методами Токио стремился установить тотальный контроль над средствами массовой информации, ориентированными на западного потребителя, где бы те ни издавались.

Но и это было не все. С первых дней войны за работу взялись профессиональные пропагандисты, направленные Японией на Запад. Еще в начале января 1904 г. барон Суэмацу Кэнтэ, зять бывшего премьер-министра и действующего председателя *гэнро* маркиза Х. Ито и сам бывший министр внутренних дел Японии, направил Ито и военному министру маршалу Ямагата Аритомо записку, в которой предложил себя в качестве посланца на Запад. Он считал себя способным «увеличить симпатии» к Японии в Англии и США⁶¹. Действительно, Суэмацу как выпускник Кэмбриджа, много лет проживший в Великобритании и свободно владевший английским языком, обладатель научных степеней и человек высокоодаренный (в печати, и не только японской, он выступал как публицист, историк, правовед, переводчик и театральный критик) идеально подходил для подобной роли. К тому же в тот момент 49-летний барон был свободен от государственной службы.

4 февраля премьер-министр, граф Кацура Таро, вызвал его телеграммой из загородного поместья в Токио и на следующий день в резиденции министра-президента между ним и министром иностранным дел Комура произошел важный разговор. Кацура одобрил проект Суэмацу и предложил ему без промедления отправиться в Европу со специальной пропагандистской миссией. Если России удастся привлечь симпатии европейцев и американцев на свою сторону, указал он собеседнику, Японию ждут большие неприятности; ввиду этого ей следует максимально прояснить миру собственную позицию, оттенив свои отличия от России. Проблема финансов не должна беспокоить барона, заметил премьер, поскольку этими вопросами на Западе будет заниматься «специальный агент». Накануне – вечером 4 февраля – аналогичное собеседование маркиз Ито провел в своей резиденции с бароном Канэко Кэнтаро, членом Палаты пэров парламента и бывшим министром сельского хозяйства и министром юстиции Японии. Суэмацу предстояло отправиться в Великобританию, а 50-летнему питомцу Гарварда Канэко – в США. Перед отъездом, о котором японская печать сообщила уже 9 февраля⁶², оба пропагандиста были снабжены письменной инструкцией, важнейшие пункты которой звучали так:

«1. Мы должны убедить британцев, что наше правительство употребило все средства для достижения компромисса с российским правительством и что война стала неизбежной вследствие действий последнего.

⁵⁷ См.: The War in the Far East, 1904–1905 by the military correspondent of «The Times». London, 1905.

⁵⁸ «От нашего собственного корреспондента», или «специально для» (англ.).

⁵⁹ Подробнее о его деятельности см.: Павлов Д. Б. Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние. – Acta Slavica Iaponica (Саппоро). 2005, vol. 22, с. 53–73.

⁶⁰ Цит. по: Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море, с. 435–436.

⁶¹ Matsumura M. Introduction. – Suematsu Kencho. The Risen Sun. p. 1–2.

⁶² The Japan Times. 09.02.1904, № 2084, p. 2.

2. Поскольку чувства “желтой опасности” находятся в числе потаенных мыслей европейцев и американцев, а Россия их всячески подогрывает, нам следует предотвратить их грядущую вспышку».

Отсылая копию этой инструкции в Лондон посланнику Хаяси, в сопроводительном письме министр Комура подчеркнул: «Манипулируя британской прессой, мы должны настойчиво объяснять правоту нашего дела и отстаивать свои интересы, показывая, что японское правительство оказалось вынужденным взять в руки оружие для самозащиты и что опасения “желтой угрозы” беспочвенны»⁶³. Если верить воспоминаниям Канэко, Ито инструктировал его сходным образом с той лишь разницей, что провидчески указал, что именно США выступят посредником в будущем урегулировании российско-японских отношений⁶⁴.

Суэмацу вместе со специалистом по буддийской философии, профессором Токийского университета Такакусу Дзюндзиро и знатоком немецкого языка Томозэда Такахико прибыл в Ливерпуль 14 марта, оттуда сразу переехал в Лондон, где, поселившись в отеле, уже через два дня дал первое на британской земле интервью агентству «Рейтер»⁶⁵. 18 числа его принял глава британского министерства иностранных лорд Лансдоун (Lansdowne), которому Суэмацу передал личное послание маркиза Ито. В дальнейшем, в бытность в Лондоне японский барон пользовался полным расположением и поддержкой со стороны отца и сына Чемберленов, представителей известнейшего клана британских государственных деятелей и крупных бизнесменов⁶⁶. Со временем доверительные отношения у него сложились и в редакции «Times». Шеф международного отдела этой газеты мог запросто огласить текст обширного доклада Суэмацу от его имени на собрании почтенного ученого общества (в данном случае – лондонского «Central Asian Society»⁶⁷), не говоря уже о той, открыто прояпонской позиции, которой это издание придерживалось практически на всем протяжении дальневосточного конфликта. За полтора года своего пребывания в Лондоне японский пропагандист выступал с публичными лекциями в научных обществах и клубах («Society of Arts», «Constitutional Club», «Reform Club» и т. д.), дал множество интервью, опубликовал две книги и не менее 25 эссе и статей в западноевропейской повременной печати.

⁶³ Цит. по: *Nish Ian H.* The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires, 1894–1907, p. 388–389.

⁶⁴ См.: *John Albert White.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton University press. Princeton, New Jersey, 1964. P. 156–157.

⁶⁵ The Japan Times. 15.03. 1904, № 2113. p. 3; *Matsumura M.* Introduction. – *Suematsu Kencho.* The Risen Sun, p.6.

⁶⁶ Старший – Джозеф Чемберлен (1836–1914) в 1895–1903 гг. был министром колоний и одним из самых влиятельных политиков Великобритании поздневикторианской эпохи; младший – Остин (1863–1937), с которым Суэмацу познакомился еще в годы учебы в Кембридже, занимал в кабинете А. Бальфура пост канцлера казначейства (министра финансов).

⁶⁷ См.: The Japan Times. 06.04.1905, № 2434, p. 4.

Барон Канэко отправился в Новый Свет 24 февраля, формально – для ознакомления с японской экспозицией на всемирной выставке в Сент-Луисе. Компанию ему составил вице-президент Банка Японии Такахаси Корэкиё, задача которого заключалась в добывании иностранных займов. Благополучно сойдя на берег в Сан-Франциско 25 марта, Канэко 29 марта прибыл в Вашингтон, тут же встретился со своим сокурсником по Гарварду президентом Рузвельтом и с ходу включился в бурную агитационно-пропагандистскую деятельность, которую в США развернули его коллеги-дипломаты. В ходе последующих встреч с американским президентом и госсекретарем Дж. Хэем Канэко обсуждал со своими высокопоставленными собеседниками проблему «желтой угрозы», отношение Западной Европы к победоносной Японии, вопрос об уважении Японией прав великих держав в Китае, перспективы окончания войны и возможные условия мирного договора с Россией⁶⁸.

Отправляясь за океан, Канэко намеревался негласно субсидировать несколько крупных американских газет. Однако, ознакомившись с ситуацией на месте и убедившись, что подкуп российским послом графом А. П. Кассини «New York Herald» и «Washington Post» не принес российской стороне ожидаемых дивидендов, отказался от этой затеи. Взамен он начал давать американским журналистам банкеты, устраивать с ними вечеринки, в общем, стремился расширить круг знакомств в газетном мире путем светского общения. Не менее активно и успешно он устанавливал и развивал контакты с американскими университетами, организациями ученых, общественных и религиозных деятелей, часто выступал на многочисленных митингах, парадных обедах, банкетах и на собраниях различных обществ, читал лекции в университетах и клубах, и содержание этих выступлений так же подробно освещала мировая печать. Одних лекций он, по собственным подсчетам, прочитал более ста. Текст только одного из десятков его публичных выступлений (лекции в Гарварде, прочитанной 26 апреля 1904 г.) был опубликован не только повременной печатью (газетой «Boston Herald»), но и распространен в виде отдельной брошюры тиражом в шесть тысяч экземпляров⁶⁹.

«Если Россия игнорировала общественное мнение Великобритании и Америки, то Япония использовала любую прямую и косвенную возможность, чтобы успокоить его, – отмечал современник, британский журналист. – Ее платные агенты читали для британцев лекции о красотах и величии Японии. Была начата тщательная и умная пропаганда в прессе, поддержано издание всевозможных книг и статей, начиная с серьезных политических научных трактатов и кончая популярными

⁶⁸ См.: *White J.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War, p. 158–163.

⁶⁹ *Valliant R.* The Selling of Japan, p. 425.

произведениями, все из которых воспевали ее славу. Япония сумела создать вокруг себя благоприятную атмосферу»⁷⁰. «Чрезвычайно характерно для Японии, – писала в 1904 г. в передовой статье “New York Times”, – стремление использовать всякую возможность, дабы объяснить и оправдать в глазах мировой общественности свои действия, которые в итоге привели ее к войне с Россией. Она поведала миру о каждом своем шаге, тогда как Россия придерживается тактики уклончивой и тайной дипломатии»⁷¹.

В результате Япония сумела завоевать почти всеобщие симпатии Запада и в первой половине 1904 г. в идейно-пропагандистском плане, безусловно, доминировала. Угрозу зачисления в агрессоры и «варвары» ей удалось от себя отвести. Мрачным предчувствиям Запада японская зарубежная пропаганда, с одной стороны, противопоставляла настойчивые указания на духовную близость японской культуры и западной цивилизации (барон К. Канэко неоднократно заявлял в печати, будто на Дальнем Востоке Япония «сражается в интересах англо-американской цивилизации», а не в своих собственных⁷²) и опровержение тезиса о войне Японии с Россией, как о столкновении христианского государства с языческим, а с другой – стремилась всячески дистанцировать свою страну от Срединной империи. Многие американские и западно-европейские журналисты, политические и общественные деятели охотно высказывались на тему об агрессивности России, возлагая именно на нее ответственность за развязывание конфликта. Нередко их рассуждения на этот счет оказывались приправлены и русофобством почти в расистской дозе. В вышедшей весной 1904 г. книге под названием «Русские дела» англичанин Джеффри Дрейг (G. Drage) писал о российской «византийской дипломатии», с помощью которой она «тихо, но непрерывно продолжала утверждаться в Маньчжурии, категорически, однако, отрицая наличие у себя подобных намерений». По мнению британского публициста, этот опыт является наглядным уроком для понимания методов российской политики вообще. «Никакие договоры никогда не остановят наступления русских, пока они не убедятся, что за их следующим шагом неизбежно последует война», – заключал Дрейг⁷³. Рецензент Дрейга не только согласился с его выводами, но от себя указал на «фундаментальные различия славянского и западного характеров»; «англо-саксонские и русские идеалы», по его мнению, «разделяет пропасть»⁷⁴.

Как бы красноречиво и успешно ни доказывали токийские пропагандисты близость японской культуры христианской цивилизации,

неразумно было бы совершенно отбрасывать такую выигрышную и уже успевшую утвердиться на Западе грань образа Страны Восходящего Солнца, как ее очаровательная «диковинность». Для возобновления этого пропагандистского мотива вскоре представился подходящий повод. Весной 1904 г. в американском Сент-Луисе открывалась очередная всемирная выставка, которая могла стать хорошей «площадкой» для Токио в плане обработки мирового общественного мнения и, одновременно, явиться удобным предложением для отправки своих эмиссаров на Запад. Япония не поспешила на аренду большого участка земли для размещения своих павильонов, причем, когда стало известно, что Россия отказывается от участия в выставке, стала первой, кто заявил о готовности выкупить и ее территорию (организаторы отказали).

10 февраля 1904 г. из Токио в Сент-Луис отправилась группа деятелей культуры во главе с 42-летним Окакура Какузо, искусствоведом и публицистом националистического толка, в недалеком прошлом – куратором токийского Императорского музея, руководителем Японской академии изящных искусств и вице-президентом Общества японских художников, которые находились под патронатом императорской семьи. Непосредственная цель миссии Окакура заключалась в популяризации и продаже предметов японского искусства западным музеям и частным коллекционерам, причем вырученные средства предназначались для пополнения японского военного фонда. Но искусствоведу Окакура это задание явно было не по душе: «Из-за войны Япония лишится многих самых замечательных своих коллекций», – сокрушался он в интервью «New York Times»⁷⁵. Тем не менее, часть коллекции одного из богатейших токийских торговцев, видного собирателя предметов традиционного японского искусства Окура Кихатио была выставлена на продажу в США за астрономическую сумму в 1 млн. долл.⁷⁶

Но, как показала практика, у миссии Окакура была и более общая пропагандистская задача. В американской, а затем и британской печати стали появляться его искусствоведческие и философско-религиозные труды, которые, по словам его биографа, завоевали широкую популярность, «оказав большое влияние на восприятие японской культуры на Западе»⁷⁷. Еще в июле 1903 г. вышла работа Окакура о влиянии на японское и все азиатское искусство буддизма, которая до конца 1905 г. выдержала три англоязычных издания. Содержание книги передал американский обозреватель, который свою рецензию на нее озаглавил:

⁷⁵ The New York Times. 20.03.1904, p. 6.

⁷⁶ Японская официозная печать сообщала, что Окура добровольно, из патриотических побуждений, выставил свою коллекцию на продажу, а представители западной прессы в Японии довели это его желание до западного читателя. – The Russo-Japanese War. [Tokyo]. 1904, June, № 2, p. 282.

⁷⁷ Kodansha Encyclopedia of Japan. Tokyo, 1986, vol. 6, p. 79.

⁷⁰ McKenzie F. A. The Tragedy of Korea. London, 1908, p. 105.

⁷¹ The New York Times. 1904. July 9. № 17009, p. 8.

⁷² The Japan Times. 26.07.1904, № 2226, p. 4.

⁷³ The Times Literary Supplement. 01.04.1904, № 116, p. 98.

⁷⁴ Ibid.

«Азия, мать идей»⁷⁸. В своей следующей работе («Пробуждение Японии», ноябрь 1904 г.) Окакура прямо писал о проникновении в Японию западных влияний как о «черном дне Азии», о том, что «сердце Старой Японии еще громко бьется» и т. п.⁷⁹ Так у «Януса» внешнего японского имиджмейкинга стало проступать второе, прежнее, но уже несколько подзабытое, лицо.

Тема своеобразия японской культуры и уникальности национального менталитета зазвучала и из уст не вполне официальных. Выступая в феврале 1905 г. в лондонской Школе экономики, токийский профессор Окакура Ёсисабуро (младший брат упомянутого искусствоведа), приглашенный Лондонским университетом, отличие «жизненной философии» японцев «от всех ныне существующих западных наций» обосновал тем, что его соотечественники «с незапамятных времен управляются наследниками Богини Солнца». Затем японский лектор сообщил британским экономистам, что сын этого божества «послал своего внука вниз на землю управлять Японией, а правнук Дзимму основал императорскую династию, которая правит страной непрерывно вот уже 2500 лет», из чего, между прочим, следовало, что японская государственность намного древнее европейской. Отдавая должное влиянию западных идей («наш мыслительный прожектор сегодня направлен на Европу и Америку в поисках тех новых идей для последующего развития, которые мы ранее черпали из Китая и Индии»), основной пафос своего выступления японский лектор все же построил на противопоставлении жизненного уклада своих соплеменников западным стандартам, начиная с представлений о женской красоте и кончая обстановкой жилого помещения (убранство европейского жилья, заметил он, «довольно отвратительно на наш вкус»)⁸⁰. В том же году Окакура-младший издал свои лекции отдельной книгой, которая вышла в Лондоне с авторским посвящением старшему брату и хвалебным предисловием Дж. Мередита.

Смысл и тон публичных выступлений официальных токийских пропагандистов к тому времени также заметно изменился. Рассуждая в мае 1905 г. на страницах «Deutsche Revue» о характере взаимоотношений Запада и Востока по окончании войны, барон К. Суэмацу убеждал европейцев не бояться «ненависти со стороны Японии», ныне вставшей в один ряд с мировыми великими державами. «Если Запад не будет демонстрировать своего презрения к азиатам по расовому и религиозному признакам, — обещал он, — никаких осложнений не возникнет»⁸¹. О близости японской и западной культур и готовности его страны и впредь отстаивать интересы последней речи, понятно, идти уже не могло.

* * *

Таким образом, рубеж XIX–XX вв. стал временем резкой активизации Японии в деле целенаправленного создания собственного благоприятного международного имиджа. Полномасштабный дебют японского имиджмейкинга, рассчитанного на западную аудиторию, состоялся на исходе XIX столетия. С началом русско-японской войны в 1904 г. Токио пошел уже на чрезвычайные меры, направленные на дальнейшую популяризацию Японии при одновременной дискредитации соответствующих шагов и самого образа противной стороны. Перед японскими пропагандистами, направленными на Запад, была поставлена задача нейтрализовать пугало «желтой угрозы», затушевать представление о войне как столкновении христианской страны с нехристианской с тем, чтобы не допустить объединения против себя западных государств в любой форме и предотвратить перерастание локального дальневосточного конфликта в мировой. В общем, речь шла как о создании во многом «выдуманной реальности» (по терминологии Бенедикта Андерсона⁸²) в виде специфического идеологического конструкта, так и о его внедрении в западное общественное мнение.

В значительной степени этих целей удалось достичь уже к середине 1904 г. Особенно впечатляющих успехов японская пропаганда добилась в англоговорящем мире. Учитывая это на фоне собственных военных побед, в Токио сочли, что последующее развитие международной обстановки по наиболее пессимистическому для Японии сценарию уже маловероятно, и не ошиблись в этом. Сверхзадача западно-ориентированного имиджмейкинга оказалась, таким образом, в основном выполненной. Поэтому клише пропагандистского репертуара в их первоначальной редакции начали постепенно сходить на нет. Западному сообществу все настойчивее стала внушаться мысль, что западные и традиционные японские этика, нравственность, философия, искусство, религиозные предпочтения и весь жизненный уклад весьма и весьма различаются. Ко времени окончания дальневосточного конфликта тема японской уникальности превратилась уже в ведущую.

По меркам своего времени, японский имиджмейкинг был беспрецедентно масштабным. Он охватил полмира — США и крупнейшие западноевропейские государства с их колониями, территорию самой островной империи и сопредельных ей стран. Токио стремился не просто контролировать весь тот огромный информационно-оценочный поток, который обслуживал интерес западного сообщества к самой Японии, а затем и к ходу русско-японской войны, но самостоятельно создавать его или, как минимум, манипулировать им в выгодном для себя направлении. По

⁷⁸ The New York Times. 25.06.1904, p. 1.

⁷⁹ Okakura Kakuzo. The Awakening of Japan. Tokyo, 1940 (по английскому изданию 1904 г.).

⁸⁰ Okakura Yoshisaburo. The Japanese Spirit. L., 1905, c. 37, 43–45, 100–101, 127.

⁸¹ Цит. по: The Japan Times. 27.06.1905, № 2505, p. 6.

⁸² Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London-New York, 1991.

данным русской разведки, в период войны на пропагандистские цели японское правительство в совокупности тратило до 10 млн. иен в год.

Эта пропагандистская деятельность была тщательно продумана и сбалансирована, хорошо организована, велась в активной наступательной манере и использовала важнейшие из существовавших тогда способов воздействия на общественное мнение. Ее главными «площадками» стали повременная печать, книжное и выставочное дело, различные по составу массовые аудитории, второстепенными – частные беседы с крупными государственными деятелями, влиятельными политиками, известными журналистами. В дело шли убеждение, лесть, игра на амбициях и противоречиях, прямой или завуалированный подкуп, конфиденциальное ознакомление со всякого рода сенсационными материалами, эксплуатация ранее установленных личных отношений. Но таково были пропагандистские приемы в «экспортном» исполнении. На своей же территории к ним добавлялись контроль и строгое дозирование информации, негласная цензура частной переписки, тайная слежка, обыски и изъятия документов у строптивых или подозрительных журналистов, их профилактические аресты. Большим подспорьем для японского имиджмейкинга стала западная японофильская пресса. Историк Наоко Симазу верно подмечает, что японская пропаганда питалась антиславянскими и антирусскими идеями из британских и американских источников, но затем «резэкспортировала их на международную арену» через ту же прессу Великобритании и США⁸³.

Общую стратегию японской пропаганды вырабатывали первые лица токийского кабинета, а ее «штабом», мозговым центром и дирижерским пультом выступало министерство иностранных дел, в котором одновременно был налажен постоянный мониторинг иностранной печати. Бессменными участниками зарубежного японского имиджмейкинга являлись официальные представители токийского внешнеполитического ведомства, частные лица (или изображавшие из себя таковых), которые как актеры второго плана в дело вступали лишь от случая к случаю. В годы русско-японской войны ключевую роль в создании на Западе выгодного Японии образа сыграли специальные правительственные посланцы – барон К. Канэко, направленный в США, и барон К. Суэмацу, действовавший в Великобритании. Фактически официальный статус обоих не был секретом для современников, да никто особенно и не пытался его скрыть. Их образованность, «светскость», хорошее знание английского языка и давние личные знакомства способствовали тому, что оба быстро стали «своими» во влиятельных политических кругах англоязычного Запада. На страницах десятков западноевропейских

и американских газет и журналов регулярно появлялись их пространственные статьи, тексты лекций, речей и интервью, в которых содержались общие характеристики конфликта на Дальнем Востоке, проводились соответствующие исторические параллели, делались прогнозы, а текущие события в Маньчжурии получали нужное для Японии освещение и толкование. Так же синхронно и скоординировано они вносили в нее ситуативные изменения и коррективы, расставляли нужные акценты. По мнению современного японского историка, «выверенная зарубежная пропаганда» явилась одним из факторов, которые обеспечили Японии победу в конфликте с Россией⁸⁴. С этим трудно спорить. Технологии этого имиджмейкинга и его организационные приемы стали не менее важными составляющими конечного успеха.

⁸³ Naoko Shimazu. «Love Thy Enemy»: Japanese Perceptions of Russia. – The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1, John W. Steinberg & others eds. Leiden-Boston, 2005, p. 366.

⁸⁴ Matsumura M. Introduction. – Suematsu Kencho. The Risen Sun, p. 8.

М. П. Герасимова

Одной из самых продаваемых книг на протяжении последнего десятилетия в Японии была изданная в 1999 г. и трижды переизданная (последний раз в 2008 г.) книга исследователя и переводчика немецкой литературы Хирако Ёсио «Принципы перевода – как следует представлять иностранную культуру». В названии книги употреблено выражение, которое буквально означает *«переводить иностранную культуру»*. Выражение *«перевод культуры»*, в основе которого лежит понимание художественного перевода как проводника духовных ценностей другого народа, чрезвычайно популярно в Японии в последнее время. Его можно услышать и в образовательных телевизионных программах, и на художественных выставках, и на конференциях и симпозиумах в университетах и исследовательских центрах.

В Международном центре по исследованию японской культуры в Киото в течение 2003 г. разрабатывался совместный с иностранными учеными проект, под названием «Культура перевода в Японии». В рамках этого проекта рассматривались особенности перевода с одного языка на другой и значение, которое имели переводные произведения в Японии, как они влияли на развитие ее культуры в разные исторические периоды. Иными словами, целью исследования были теоретические и культурологические проблемы, связанные с переводом иностранной литературы, рассмотренные в исторической ретроспективе.

В частности, рассматривались переводы мифов айну и Окинавы, переводы с китайского и корейского в «маньчжурский период»¹, а также общие и отличительные черты переводов, выполненных женщинами и мужчинами, и, разумеется, особенности перевода с западных языков, которые стали осуществляться в Японии достаточно поздно, со второй половины XIX в.

Не будет преувеличением сказать, что в последние годы такие темы, как «японоведение в разных странах мира – язык и способы преодоления языкового барьера», «роль переводных произведений в понимании инокультур», «культура перевода», «влияние переводных произведений на японскую культуру» и пр., связанные с проблемами перевода, в первую очередь художественного, обсуждались на всех уровнях и там, где была связь с образованием, культурой и литературой.

¹ Период оккупации Японией Маньчжурии и Кореи.

В частности, в университете Хосэй (Токио) были проведены международные симпозиумы «От перевода культуры к культуре перевода» («*Бунка-но хонъяку кара – Хонъяку-но бунка э*») и «Взаимосвязь культуры с культурой перевода» («*Хонъяку канкэйсэй кара кангаэру бунка-рон*») в 2006 г., «О непереводаемых словах и выражениях» в 2007 г., в университете Кумамото «Бунка-но хонъяку – Хонъяку-но бунка» в 2008 г. Университет Рицумэйкан в Киото планирует проведение международной конференции на эту же тему в 2010 г. В работе трех конференций (дважды в университете Хосэй, 2006 г. и в университете Кумамото, 2008 г.) принимал участие и автор данной статьи, предложивший свой взгляд на проблему перевода с японского языка, полагая, что актуальность темы «культура перевода» в наши дни стоит с особой остротой не только в Японии, но и во всем мире, в том числе и в России.

Среди причин, выдвинувших проблему перевода в число наиболее обсуждаемых, следует назвать глобализацию и коммерциализацию всех областей человеческого бытия. В результате первой появилась угроза нивелирования не только образа жизни разных народов, но и их культур, и, как следствие, стремление к углубленному познанию особенностей каждой отдельной культуры (в отличие от популярного до недавнего времени стремления выявлять общности и закономерности развития). В результате второй угрозы книжный рынок оказался наводненным переводными произведениями весьма сомнительного достоинства.

В Японии же проблемы перевода вызывают особенный интерес еще и потому, что история возникновения в этой стране переводной литературы и теоретическое осмысление особенностей переводческого процесса, равно как и практика перевода, имеют недавнюю историю². Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет о переводах с западных языков.

Переводная литература в современном понимании в Японии появилась, как уже упоминалось, только во второй половине XIX в., после реставрации Мэйдзи (1868 г.), когда стало возможным свободное общение с иностранцами и было разрешено заниматься переводами западной литературы. С переводами с китайского и корейского языков дело обстоит иначе. В средние века китайский язык играл роль латыни,

² На Западе история теории перевода с одного языка на другой уходит в далекое прошлое и охватывает период от первых попыток осмысления принципов перевода, предпринятых Марком Туллем Цицероном (106-43 гг. до н.э.) в трактате «О лучшем роде ораторов», Иеронимом (348-420 гг.) в «Письме Паммахию», до XX в., когда теория перевода сформировалась как самостоятельная наука. Первой «хартией переводчиков» можно считать трактат Этьена Доле (1509–1546) «О способе хорошо переводить с одного языка на другой», в котором он выделяет «правила хорошего перевода». В России основателем теории перевода считается ученый и переводчик, профессор Петербургского университета А. В. Федоров (1906–1997 гг.), творческая деятельность которого началась в 20-е годы прошлого века. Первые труды Федорова по теории перевода написаны в соавторстве с К. Чуковским.

им владели все образованные люди и в переводах не было острой необходимости. В эпоху же Токугава (1600–1867 гг.), когда появилось городское население, отличавшееся довольно высоким уровнем грамотности, управление государством опиралось на китайское учение о морали и труды китайских ученых на эту тему были весьма популярны. Западная же литература была запрещена, как и все, имеющее западное происхождение, как грозящее подорвать устои японской государственной системы.

Одной из первых переведенных книг была книга английского писателя-моралиста Сэмюэла Смайла (1812–1904) «Помощь себе» («Self-help»³), в которой достаточно просто и ясно говорится о нравственных идеалах, к которым должен стремиться каждый человек. По-японски книга называлась «О том, как воспитывают волю на Западе». Затем появились в переводе басни Эзопа и в 1877 г. перевод Общественного договора Руссо. В ту эпоху более всего японцев волновали вопросы преобразования общества. Книги для перевода выбирались случайно, но с предпочтением общественной, социальной проблематики.

Общественная мысль Японии в первые десятилетия после реставрации Мэйдзи развивалась под лозунгом «За свободу и народные права». Самым модным в это время было слово «свобода». При переводах стремились употребить слово «свобода» в названии произведения, даже если его не было в оригинале. Так, «Юлий Цезарь» Шекспира назывался «Удар меча свободы», а «Вильгельм Телль» Шиллера «Стрела свободы». Ну, а если невозможно было вставить слово «свобода», то названия переводных произведений изобретались переводчиком в духе старых традиций. Так, например, «Записки врача» («Жозеф Бальзамо») назывался «Кровавые потоки и бурные вихри на западном море», «Граф Монтекресто» Дюма – «Рассказы о мести на Западе», а «Мария Стюарт» Шиллера – «Весенний снег или смертный час Мэри».

В Мэри превратилась и Маша из «Капитанской дочки», у которой «стан был как ива» и «благоухала она как цветок», Гринев же стал Смитом. Особенно прославился подобными адаптированными переводами Куроива Рю, который известен и как автор многочисленных произведений, представляющих собой легкодоступное чтение. Так продолжалось в течение первых двух десятилетий, пока не вступил в литературный мир талантливый переводчик по имени Фтабатэй Симэй (1864–1909). Его переводы рассказов Тургенева оказали огромное влияние и на японскую литературу, и на смысл и значение такого сложного дела, как перевод, в особенности художественный. И все же не будет ошибкой сказать, что теоретическое осмысление процесса перевода с одного языка на другой началось сравнительно недавно. В прежние времена попытка охарактери-

зовать перевод сводилась лишь к информации о том, кто, где и когда перевел. Сегодня в Японии активно приступили к изучению теоретических и практических проблем перевода, справедливо полагая, что это – одно из средств постижения иностранной культуры.

А на Западе тем временем перевод, которым ранее интересовались в основном историки, литературоведы и языковеды, стал исследоваться психологами. Последние, считая перевод психологически сложным творческим процессом, усматривают в нем «парадоксальную диалектику»⁴. Причиной этого является тот факт, что перевод художественного произведения должен быть репродукцией, но не механической, а осуществляемой переводчиком путем «творческой интерпретации»⁵, под которой понимается перевод, который переносит на другой язык все заложенные в оригинале возможные интерпретации произведения. При этом зачастую автор сам до конца не осознает, что в его произведениях проявляется множество пластов. Движимый своими эмоциями, порожденными его богатым духовным миром, интуитивно ощущаемое он передает бессознательно, пользуясь приемами, при помощи которых намекает на то, или другое. Благодаря этим приемам содержание произведения расширяется и выходит за пределы написанного. Доказательством того, что многозначность толкований, вытекающая из самого произведения, является результатом бессознательного творческого порыва писателя, могут служить слова Гете, сказанные им о переводе «Фауста», выполненного Жераром де Нервилем: «Он показал мне моего “Фауста” таким, каким я его доселе не видел!»⁶ Подобную вариативность толкований, результатом которой является множество вариантов перевода одного и того же произведения, психологи называют «диалектикой, не совпадающей с теорией перевода». «Теоретической» же проблемой считается стоящая перед переводчиком задача сохранить особенности художественных приемов писателя, передать все пласты, существующие в произведении, все то, что скрыто между строк на другом языке. Что же получается на практике? Рассмотрим эту проблему на примере перевода романа Кавабата Ясунари «Стон горы».

Содержание романа составляют события, происходящие в жизни героя, и связанные с ними переживания. Не давая развернутых характеристик, Кавабата создает образ человека, внезапно почувствовавшего себя старым и задумавшегося о смерти, но живо сохранившего светлые воспоминания о давней любви, человека, продолжающего жить, работать, испытывать страдание от безнравственности своего сына, неосознанную нежность к невестке.

⁴ Одной из основополагающих работ в этой области считается исследование Р. Г. Джаршейвили «Психологическая проблема художественного перевода». Тбилиси, 1984.

⁵ Подробнее см.: там же.

⁶ Трибуна переводчика. – Иностранная литература. 1979, № 4, с. 211–221.

³ Книги Смайла были популярны в России до революции. Его главная книга «Selfhelp» (в русском переводе «Самодетельность») издавалась с 1866 до 1903 г. десять раз.

Одним из художественных приемов Кавабата, к которым он прибегает во всех крупных произведениях, является (как и в поэтическом жанре *хайку*) сопоставление двух планов: реального, соотносимого с действительностью, в которой живут и действуют герои, и космического, который служит выражением Вечности, откуда возникает и куда возвращается все. Символом Вечности всегда служит природа. Так и в романе «Стон горы» герой однажды ночью слышит будто вздохнула гора и воспринимает это, как зов из Вечности, продолжая при этом ходить на работу, встречаться с друзьями, испытывать недовольство поведением сына и беспокоиться о невестке.

В оригинале роман называется «Звук горы». В немецком переводе он назван «Вишня зимой», в английском «Звук горы», а в русском «Стон горы». Название романа в немецком переводе «Вишня зимой» не случайно. Так называется одна из глав романа, в которой рассказывается о том, как герой в середине января увидел цветущую вишню и подумал, что «попал в весну иного мира». По всей вероятности, переводчик, усмотрев в этом аллерегию запоздалого чувства далеко не молодого героя к невестке, именно этот аспект романа счел определяющим его смысл и значение. Это и дало ему опубликовать роман на немецком языке под названием «Вишня зимой».

В английском переводе роман, как уже говорилось, называется «Звук горы», что есть дословный перевод с японского. Переводчик этого же романа на русский язык В. Гривнин предпочел слово «стон», которое ни разу не встречается в романе, позволив себе определенную вольность, неточность в переводе. Однако это именно тот случай неточного перевода, о котором К. И. Чуковский говорил как о «неточной точности», поскольку, по его мнению, «именно эта неточность часто является залогом художественности и, значит, верности. И это особенно дает о себе знать по сравнению с огромным множеством таких переводов, где каждое слово передано с максимальной точностью»⁷. Действительно, словом «стон» переводчик спроецировал название романа на мучительные сомнения, страдания и усталость, которые испытывают герои, воссоздав тем самым характерный для автора романа Кавабата Ясунари прием – шифровать содержание романа в его названии.

Однако в силу особенностей японского языка и письменности это не всегда возможно сохранить при переводе. Так, например, в романе «Тысяча журавлей» ассоциативный подтекст, заключенный в содержании, заложен в названиях двух частей, из которых состоит роман. Первая часть, давшая название всему произведению, называется «Тысяча журавлей», вторая часть – «Кулики на волнах». «Кулик» (по-японски «*тидори*») – записывается иероглифом «*ти*» – тысяча и «*тори*» – птица. Давая название второй части романа, писатель прибегает одновремен-

но к ассоциациям по зрительному подобию (в иероглифическом написании иероглиф «тысяча» является общим компонентом в словах, в которых два других компонента означают соответственно «журавль» и «птица») и по контрасту: «тысяча журавлей» – символ счастья и исполнения желаний, птица *тидори* в поэзии традиционно – образ одиночества. Роман «Тысяча журавлей» начинается ожиданием счастья двух главных героев, во второй же части предстает их одиночество вдвоем.

Японскому читателю при чтении своей литературы открывается гораздо больше граней, чем иностранному. Так, например, в романах того же Кавабата Ясунари постоянно встречаются ключевые слова, написание которых в зависимости от вкладываемого в них автором значения, может быть написано разными иероглифами. В рассказе «Луна, отраженная в воде» (где героиня с мужем, прикованным к постели, любовно отражением в зеркале сада перед домом), пронизанном дзэн-буддийскими реминисценциями, само название является образом из дзэнской поэзии и философии, смысл которого заключен в том, что отражаемое и отражение – суть одно и то же, и отражение имеет самостоятельную ценность. Японский читатель, не просвещенный в этих вопросах, может не знать всех тонкостей, и не обратит внимание на то, что имя героини – Кёко, традиционно ассоциируется по звучанию со словом «*кёка*», означающим «цветы, отраженные в зеркале», но он обязательно заметит, что слово «отражение», «отражаться» Кавабата записывает иероглифом «*уцусу*» – означающим «копировать», «дублировать», но не иероглифом, который также читается «*уцусу*» и означает «отражать», «бросать тень», т. е. не изображение, воспроизведение чего-то одного в других условиях, а, если можно так сказать, «тиражирование», означающее существование «отдельной копии». Тем самым Кавабата намекает на существование двух миров: мира реального и мира, отражаемого в зеркале. Более того, чтобы устранить смысловой нюанс, привносимый иероглифом и подчеркнуть значимость самого отражения, в чем также прослеживается аллюзия из дзэнской поэзии, в эпизоде, когда после дождя супруги любовно отражением в зеркале луны, отражавшейся в лужах в саду, слово «отражаться» записано не иероглифом, а слоговой азбукой.

В названии романа, который на русский переведен как «Красота и печаль», а на английский как «Beauty and sadness», исчезает нюанс, который порождает тезу «красота печальна, а печаль красива», так характерную для японцев, поскольку ни слово «печаль», ни слово «sadness» не передают нюанса, который несет в себе иероглиф, одновременно означающий и «печаль», и «очарование». Очевидно, что при переводе, как бы искусно он ни был выполнен, все эти нюансы пропадают.

Кроме того, иностранный любитель японской литературы, да и японский читатель, если он не очень образован, могут не заметить намека,

⁷ Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1968, с.58.

который удивительно тонко и изящно вплетает Кавабата в названия своих произведений из цикла «Рассказы об Асакуса». Это – цикл произведений, в которых рассказывается о тяжелой жизни озлобленных, разочарованных людей, которые пытаются забыть свои горести, предаваясь сомнительным развлечениям в злачных местах токийского квартала Асакуса.

Даже без прочтения, при одном только взгляде на названия этих рассказов, в глаза бросается повторение в них иероглифов, означающих «алый», «красный», – например, рассказ «Алые группы из Асакуса», который обычно переводят как «Бродяги из Асакуса», «Общество красных поясов из Асакуса», «Румяна Асакуса». Очевидно, что это повторение не случайно. К тому же, еще в древности, во времена, когда слагались танка, составившие антологию «Манъёсю», упоминание алого цвета в поэзии не было редкостью. Алый цвет ассоциировался со столичной жизнью, с ее блеском и одновременно суетой и неизбежной нищетой определенной части столичных жителей.

Кроме того, красные красители, добываемые из цветов *бэни бана* (иероглиф «*бэни*» имеет также чтение «*курэнай*» – алый), были значительно менее стойкими по сравнению с черными, красные ткани быстро линяли. Поэтому красный цвет стал также символом недолговечного, преходящего. Употребление слова «красный» навевает мысль о недолговечности, бренности этого мира, который называли в период позднего средневековья «*укиё*». Как известно «*укиё*» (букв. «плывущий мир») – метафора земной жизни с ее радостями и огорчениями, жизни, которая по буддийским понятиям есть не что иное, как преходящий бренный мир. Литературный жанр, рассказывающий о «делах земных» назывался *укиёдзоси*, а гравюры, с изображением сценок из повседневной жизни горожан – *укиёэ* (букв. «картины бренного мира»). Красочный мир фокусников, танцовщиц и городских бродяг токийского квартала Асакуса, воссозданный Кавабата в этом цикле, во многом напоминает мир, запечатленный на гравюрах *укиёэ* и в рассказах *укиёдзоси*. Свидетельством тому, что писатель сознательно «зашифровал» эту аналогию в названиях произведений, может служить его запись, сделанная в «Литературной автобиографии», в которой говорится: «Мне милее не Гиндза, а Асакуса, не квартал особняков, а пристанище бедного люда, не ученицы женских колледжей, а девушки с табачной фабрики. Меня привлекает грязная красота. Я брожу, люблюсь акробатами, танцующими на шарах в Эгава, цирковыми представлениями и фокусами, неудачниками. Меня интересуют жульнические проделки в захудалых лачугах Асакуса».

Кавабата Ясунари, по праву признанный писателем традиционалистом, следуя требованиям классической художественной традиции, во всех произведениях в большей или меньшей степени использует аллюзии из японской классики, обыгрывает устойчивые понятия, омонимию

и полисемию слов, характерную для японского языка, и многое другое, что обуславливает многоплановость его произведений, которая исчезает, если не знать реалий, служащих ключом к пониманию.

В «Снежной стране», например, имена героев создают ассоциативный подтекст, который находит подтверждение в других образах.

В имени героини есть иероглиф «*кома*» – жеребенок, лошадка. В Японии лошадь ассоциируется с шелкопрядом, а отсюда и ткачеством. Праздник шелкопряда проводится в первый день нового года – День лошади. В основе этого лежит древняя китайская легенда о Цаньшэнь – богине шелководства, которая являлась людям в накинутой на плечи лошадиной шкуре⁸. Не случайно и в заключительном эпизоде романа герои бегут к объёму пожаром дому, где откармливали шелковичных червей.

Далее еще одна ассоциация и еще один намек. Герой, посмотрев вверх, видит в небе Млечный путь. Образ Млечного пути тоже неслучаен. Традиционно он вызывает в памяти другую древнюю легенду о влюбленных звездах Ткачихе и Волопасе (Вега и Альтаир). Подтверждением «неслучайности» этой ассоциации служат и имена героев. Если имя героини, как уже говорилось, ассоциируется с шелкопрядом (в одном из эпизодов романа говорится, что Комако своей «шелковистостью» напоминала шелкопряда; кроме того, жила она в комнате, где прежде откармливали шелковичных червей), а отсюда и с ткачеством, то имя героя Симамура, созвучно слову *мура*, *мурагару* – стадо, пасти стадо. Таким образом, и шелкопряд, и ткачество, и «пасти стадо», и Млечный путь выстраиваются в один ассоциативный ряд, вызывая в памяти легенду о Ткачихе и Волопасе, которые встречаются один раз в году (как и герои произведений) на мосту, перекинутом через Млечный путь⁹.

⁸ В легенде говорится о том, как маленькая девочка пообещала коню выйти за него замуж, если он исполнит ее желание. Конь исполнил ее желание, но когда отец узнал о данном девочкой обещании, он застрелил коня, содрал шкуру и разложил во дворе сушиться. Девочка, рассердившись, стала топтать шкуру ногами. Тогда шкура вдруг подпрыгнула, обернула девочку, закружила вихрем и исчезла вместе с ней. Через несколько дней среди ветвей и листьев большого дерева отец увидел свою дочь, закутанную в конскую шкуру. Девочка превратилась в нечто, похожее на большого извивающегося червя, и изо рта у нее тянулась шелковая нить. Так появился шелкопряд, говорится в легенде, а девочка превратилась в богиню шелководства, но лошадиная шкура так и осталась на ней навеки. Подробнее см.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965.

⁹ В легенде рассказывается о Ткачихе – небесной фее, которая жила на восточном берегу Серебряной реки, Млечного пути и ткала красивые слоистые облака, которые называли небесными одеждами. А по другую сторону Млечного пути в мире людей жил пастух – Волопас. Случилось так, что Волопас и Ткачиха поженились. Муж пахал землю, жена ткала одежду и были они счастливы. Но разгневался небесный император и велел Ткачихе вернуться в небесный дворец. Хотел Волопас перебраться через Млечный путь, Серебряную реку, только небесная императрица взяла да и перенесла реку на небо. Волопас долго и упорно пытался перейти через небесную реку, но тщетно. Наконец, сжалился над ним небесный император и

Еще одним доказательством «неслучайности» ассоциации служит эпизод, в котором рассказывается о путешествии героя Симамура в деревню, где ткнут полотно *тидзими*.

Очевидно, что все это художественное богатство не может быть воспринято без соответствующих знаний, без дополнительной информации, которой следует снабдить перевод. Переводное художественное произведение только тогда выполнит свою «культурную миссию», когда приблизит читателя к пониманию культуры другого народа и поможет понять его духовные и нравственные ценности. Примером могут служить великолепные переводы и издания памятников японской литературы, сделанные в России в середине прошлого века. Стараниями ученых-японистов читателям открылись не только новое видение мира и понимание красоты, но и множество фактов из истории, искусства и культуры японцев. Они издавались с содержательными предисловиями, написанными прекрасным языком, каждое из которых имеет несомненную научную ценность, и сопровождалось комментариями, помогающими понять специфику мыслей и образа жизни японцев. Словом, культура перевода была на высоте.

Нельзя сказать, что эта традиция сегодня полностью утрачена. К счастью, появляется немало переводов с японского языка, свидетельствующих не только о преемственности традиций перевода, но и должного издания переводной литературы. Однако, в результате коммерциализации, нередки случаи, когда произведения не только не снабжены каким-либо справочным материалом, но вообще переводятся не с языка оригинала, а с какого-либо другого языка, которым владеет переводчик, а иногда и не в полной мере, что делает вопрос о культуре перевода весьма актуальным.

Об этом свидетельствуют издания, в которых принц Гэндзи, первый и главный герой японской классики, назван Джэнджи, что указывает на перевод с английского, выполненный переводчиком, не имеющим понятия о японской литературе. Примеров можно привести множество. Остановимся лишь на одном, наиболее вопиющем, который рассматривает имеющая немалый переводческий опыт Т. А. Розанова в острой и ироничной рецензии, написанной в 2005 г. для «Книжного обозрения».

Благодаря этой рецензии сборник «Японская лирика. Сто стихотворений от ста поэтов. Хайку Басё» в переводе В. Соколова (Мирослав Вячеславович Адамчик), выпущенный в 2005 г., (и несколько раз переизданный) издательством «АСТ, Москва – Харвест, Минск» был включен «Книжным обозрением» в шорт-лист ежегодной антипремии «Абзац», присуждаемой за худший перевод.

позволил супругам встречаться один раз в году вечером седьмого числа седьмой луны на мосту, который строили сороки из своих хвостов. Этот день во всех странах Дальнего Востока отмечается как праздник Танабата – Ночь влюбленных звезд. Подробнее см.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая.

Речь идет о третьем пятистишии из сборника «Сто стихотворений ста поэтов», принадлежащем Какиномото Хитомаро (умер в начале VIII в.), ранее издававшимся в переводах В. Сановича с предисловием и пространными комментариями к каждому из поэтов.

«В глухих далеких горах
Фазан длиннохвостый дремлет.
Долог хвост у фазана.
Эту долгую-долгую ночь
Ужели мне спать одному».

(Пер. В. Санович)

В переводе В. Соколова эта же танка звучит так:

«Горной крестьянки
След, свисает косичка
Ее как ветка.
А мне в постели эту
Долгую ночь коротать».

В словаре старояпонского языка есть разъяснение (которое можно считать свидетельством верности перевода В. Сановича. – М. Г.). Считается, что самец и самка фазана ночуют по разные стороны гор, и в классической поэзии есть соответствующий образ; в качестве примера приведена эта самая танка. Причина конфуза, не требующего комментариев, заключается в том, что фазан по-английски *pheasant*, а крестьянка *peasant*.

К слову сказать, вопрос о переводе поэтических произведений с японского языка стоит особо. Ритмическое деление японского стиха 5–7–5–7–7, или 5–7–5 слогов соблюсти на русском языке невозможно. Рифма в японских стихах отсутствует. Зато много обыденного, лишнего той красоты и возвышенности чувств, которую русский читатель привык называть поэтичностью. Иными словами, содержание японского стиха, в особенности трехстишия хайку, на взгляд европейского, в частности русского читателя, попросту прозаично. Казалось бы, восприятие японской поэзии читателем, привыкшим находить в поэзии поэтические образы, глубину чувств и мелодику стиха, должно было вызвать определенные трудности. Однако этого не произошло. Более того, японская поэзия пользуется огромной популярностью. В этом большая заслуга первых переводчиков, которые сумели передать душу японской поэзии и научить читателей смотреть на мир через новую призму понимания мира и красоты. И, несмотря на то, что многие поэтические образы, игра слов и прочее, так и остаются не переданными на другом языке, в поэзии форма и содержание сами по себе являются выражением ценностей, которые японцы считают поэтическими. Вот, к примеру, хрестоматийная хайку о лягушке подводит читателя к пониманию значимости Тишины, из которой родится звук и в которой он исчезает:

«Старый пруд.
Прыгнула лягушка.
Всплеск воды»

Пер. В. Марковой

К тому же переводы, выполненные этими переводчиками, сопровождаются и предисловием, в котором воспроизведен культурно-исторический контекст эпохи, и комментариями к специфическим образам и понятиям. Именно благодаря поэтическим переводам российских японистов, возглавляемых А. Е. Глускиной, В. Н. Марковой, а в более позднее время их учеников, русский читатель получил возможность приблизиться к пониманию японской поэзии, а стало быть, и японской культуры.

Однако в полной мере выполнить свою культурную миссию переведенное на другой язык произведение может только в случае, если оно издано надлежащим образом, а именно содержит дополнительную информацию о культурно-историческом контексте, в который оно написано.

* * *

Нельзя отрицать тот факт, что сегодня средством расширения кругозора и пополнения знаний стал Интернет. Однако информация, почерпнутая из Интернета, часто грешит большим количеством неточностей. Вероятно, ученым, литераторам, переводчикам не следует пренебрегать этим самым современным средством для передачи информации широкой аудитории, но в то же время необходимо продумать формы, в которых ее можно было бы осуществить.

Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы

Е. Л. Катасонова

Война на Халхин-Голе относится к таким историческим событиям, которые на протяжении многих лет продолжают привлекать внимание исследователей многих стран. Прежде всего, это касается России и Японии – непосредственных участников этого вооруженного столкновения. И хотя с тех пор прошло 70 лет, еще не поставлена окончательная точка в оценке многих спорных моментов тех сражений и не только в силу исторических причин, но и, главным образом, политических и идеологических. Это в равной степени относится к работам как российских, так и японских ученых.

Обратимся вначале к многочисленным изданиям по данной проблеме, опубликованным в нашей стране. Имеется в виду тот огромный пласт исторической, мемуарной и военно-технической литературы, которая была издана в СССР, а затем в современной России и которая ярко отражает дух своего времени и ситуацию в отечественной исторической науке.

При этом следует заметить, что, несмотря на явную идеологическую ангажированность многих исследований советского периода, отечественные историки и военные специалисты в условиях строжайшей цензуры и ограниченного доступа к архивным материалам смогли создать немало серьезных фундаментальных трудов, не теряющих своей актуальности и в наши дни.

Начнем с того, что в период кровопролитных сражений на монголо-маньчжурской границе печать обеих стран ограничивалась лишь весьма скудной информацией. В СССР, например, публиковались лишь самые краткие сообщения ТАСС. Ни одного описания боя, ни одной корреспонденции из Монголии ни в июне, ни в июле, ни в августе в газетах не появилось. Только 6 августа 1939 г. все центральные газеты опубликовали указ о награждении Н-ской танковой бригады орденом Ленина и о присвоении ей имени комбрига М. П. Яковлева. При этом не указывались ни номер бригады, ни за какие воинские достижения она была награждена высшей наградой СССР. В указе была дана лишь общая формулировка: «за исключительные заслуги при защите Родины». Это была 11-я танковая бригада, которая награждалась за участие в боях на горе Баин-Цаган.

Одними из первых о халхин-гольских сражениях открыто заговорили литераторы, воспев мужество и героизм советских солдат. Сразу же после победы советских войск в Монголии известный поэт Константин Симонов написал поэму «Далеко на Востоке». Военным специалистам потребовалось для оценки этих событий около года. Уже в 1940 г. выходят работы П. И. Другова «Из опыта действий АБТВ на р.Халхин-Гол», «Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике», «Бои у Халхин-Гола» и др. Генеральный штаб РККА издал монографию «Действия 1-й армгруппы в Халхин-гольской операции» (май-сентябрь 1939 г.). Вслед за этими книгами появилось несколько десятков исторических исследований, воспоминаний участников боев, документальной прозы, различного рода юбилейных публикаций.

Довольно оперативно отреагировали на события на Халхин-Голе и за рубежом. В те годы в иностранной прессе появились публикации, написанные по горячим следам событий. Большинство из них были поверхностными и содержали довольно спешно сделанные оценки этого конфликта.

Так, одной из наиболее распространенных в те годы в иностранной прессе версий событий на р. Халхин-Гол стало объяснение причины вооруженного столкновения на монголо-маньчжурской границе не спровоцированным кавалерийским рейдом небольшого советско-монгольского отряда, нарушившего границу Маньчжоу-го в районе Номон-Хан-Бурд-Обо. Согласно этой версии, когда японские части отбросили «нарушителей», русские ввели в дело крупные силы, находившиеся в готовности на Урале, и устроили японцам настоящую «мясорубку».

События у р. Халхин-Гол на долгое время отошли на второй план, после начала второй мировой войны. После поражения Японии и окончания военных действий на Тихом океане стремление исследователей восстановить достоверную картину возникновения и хода этого вооруженного конфликта проявилось вновь. Оно еще более усилилось после продолжительных заседаний Международного военного трибунала в Токио, которые, вопреки ожиданиям, не внесли ясности в объяснение халхин-гольских событий.

На заседаниях трибунала представители обвинения сосредоточились главным образом на разоблачении японского заговора против мира, подводя к конфликту на Халхин-Голе одностороннее, ограничившись обоснованием определения линии границы. Представители защиты, со своей стороны, парировали это обвинение тем, что пограничное столкновение весны и лета 1939 г. было просто неспровоцированным пограничным конфликтом, типичным для большинства такого рода инцидентов. Защитники утверждали, что со стороны Японии это была отнюдь не агрессия, а следствие неточной демаркации границы, поскольку вооруженное столкновение было, в конце концов, урегулировано на основе двустороннего соглашения.

Советская часть обвинения, напротив, строилась на хорошо продуманных аргументах в строгих рамках политической линии сталинской дипломатии, утверждавшей, что события на Халхин-Голе явились заранее спланированной военной акцией Японии против СССР и очередным актом агрессии по захвату советских территорий, который свидетельствовал о генеральном плане Японии по подготовке нападения на нашу страну.

Примерно в этом же ключе даются оценки военным событиям на Халхин-Голе во всей послевоенной советской историографии, представленной не одним десятком книг. К числу наиболее заметных изданий того времени следует отнести монографию Г. Н. Севостьянова «Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны» (М., 1961 г.) и его статью «Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол» («Вопросы истории», 1957, №8); книгу М. В. Новикова «Победа на Халхин-Голе» (М., 1957 г.); военно-историческое исследование «Японский милитаризм» (М., 1972 г.); фундаментальную работу Г. В. Ефимова и А. М. Дубинского «Международные отношения на Дальнем Востоке» (кн.2, М., 1973) и т. д.

Кроме внешнеполитических аспектов, которым уделяется особо большое внимание в данных работах, в них достаточно полно раскрывается деятельность руководящих органов СССР и Монголии в подготовке отражения агрессии, особенности, ход и исход боевых действий, массовый героизм советских и монгольских воинов. Однако наиболее спорные моменты этих событий остались за рамками этих исследований, поскольку «пропагандистские цели зачастую превалировали над исторической достоверностью: героическое долгие годы гипертрофированно превозносилось, а негативное, и ошибочное, которого было гораздо меньше, но оно все-таки было, – стыдливо замалчивалось»¹.

Одним из первых об этом заявил В. Вартанов в статье «Халхин-Гол: что под позолотой...». Он выступил против упрощенной односторонней трактовки этих событий и призвал «заглянуть под “позолоту” героико-парадных реляций этого события», где «оно будет выглядеть несколько иначе»².

Действительно, оценивая эти события с позиции сегодняшнего дня, следует признать, что односторонний подход к этой проблеме, проявлявшийся в прошлом, не всегда соответствовал исторической правде. Практически во всей изданной ранее советской литературе замалчивается первый, майско-июньский этап боевых действий, продемонстрировавший слабую подготовленность сухопутных частей и особенно авиации 57 особого корпуса РККА. Архивные документы свидетельствуют о растерянности командования корпуса, об утрате им способности наладить

¹ Советский воин. 1989, №18, с.74.

² Там же.

оперативное и четкое управление войсками в боевых условиях. Именно данными обстоятельствами в основном обусловлена полная замена командования корпуса через месяц после начала конфликта.

Кроме того, нельзя не отметить также негативное влияние необоснованных репрессий среди командного состава обеих армий. В МНР, например, в 1937–1938 гг. было арестовано 80% высшего командного состава. Монгольские вооруженные силы были, по существу, обезглавлены. И это далеко не все, о чем молчали долгие годы и старались обойтись общими словами.

Мало изученными оставались действия советской авиации на первом этапе. Если в середине и на завершающих стадиях боевых действий она раскрыла свои возможности достаточно впечатляюще, то исследование ее боевых действий в майско-июньских боях показывает наличие неудач. Большие, ничем не оправданные потери материальной части и личного состава советской авиации на начальном этапе конфликта – доказанный, хотя и горький факт боев в районе Халхин-Гола.

Статистические данные о результатах этих боев также были откорректированы советской официальной историографией. Согласно нашей статистике, советско-монгольские войска потеряли 2413 убитыми, 10 020 ранеными и 216 пленными³. Однако эти цифры явно занижены. По другим источникам, наши потери составляли 10 тыс., потом их подняли до 18,5 тыс. человек. На основании последних исследований российских военных историков, советские войска в ходе боев на Халхин-Голе понесли следующие потери в личном составе: 7974 человек, общие санитарные потери – 15 926 человек⁴.

Япония официально объявила, что ее потери убитыми, ранеными и больными составили 18 тыс. из 76 тыс. человек, участвовавших в боевых действиях⁵. По другим данным, японцы потеряли убитыми 25 тыс. человек, а полные потери, т. е. убитые, раненые и пленные, составили 61 тыс. солдат и офицеров. При этом численность японских войск на август 1939 г. составляла 38 тыс. солдат и офицеров⁶.

По утверждению японского ученого С.Хаяси, общие японские потери составляли не менее 73% участвовавших в конфликте, т. е. примерно 55 тыс. человек. В качестве трофеев в руки советских войск попало 12 танков и 23 бронемашин, а также 25 тягачей, 100 автомашин, 190 орудий. 40 минометов, 9 тыс. винтовок, 370 пулеметов и много боеприпасов⁷.

³ ЦГАРФ Ф.33987, оп.3, д.1207, л.112.

⁴ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., Воениздат, 2003, с.79.

⁵ *Coox Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. 1939.* Stanford, California, 1983, vol.2, p. 1123.

⁶ <http://echo.msk.ru>

⁷ Цит. по: *Славинский Б. Н.* СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история 1937–1945 гг. М., 1999, с.177.

В советских донесениях утверждалось, что в боях на Халхин-Голе было сбито 600 с лишним японских самолетов. Говорят, когда Ворошилову доложили, что сбито 450 японских самолетов, тот рассмеялся и сказал: «Хорошо, если вы сбили хотя бы половину от этого числа!..» На самом деле японцы потеряли всего 164 самолета, в том числе 90 – в боях и 74 – на земле, поврежденных до невозможности восстановления⁸.

Богатая документальная база диктует необходимость выработать объективную оценку хорошо известным фактам и событиям вне идеологических установок и политических пристрастий. Достаточно сказать, что из огромного количества дошедших до нас документов только в Российском государственном военном архиве коллекция дел по Халхин-Голу насчитывает свыше 700 единиц хранения. Они свидетельствуют о причинах возникновения конфликта, тщательной подготовке со стороны японского командования, о ходе и этапах боевых действий советско-монгольских войск, о действиях японской армии и т. д.

Эти документы, ставшие достоянием российских исследователей в полном объеме лишь в последние годы, позволили российским ученым сделать значительный вклад в изучение этой проблемы в общем контексте истории советско-японских отношений. Это – книги Б. Н. Славинского «СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история. 1937– 1945 гг.» (М., 1999 г.) и К. Е. Черевко «Серп и молот против самурайского меча» (М., 2003) и т. д.

И, тем не менее, в научных дискуссиях пока еще рано ставить точку. По мнению ряда российских историков, сегодня настало время показать общее заблуждение советской историографии, которая на протяжении пяти десятков лет, несмотря на явные натяжки, упорно относилась действительно существовавшие общие агрессивные замыслы Токио в отношении СССР и МНР к частным событиям в районе р. Халхин-Гол.

Известно, что в советской историографии традиционно считалось, что советско-японское военное столкновение на Халхин-Голе было скрупулезно подготовлено и одобрено высшими руководителями Японии в качестве важного звена стратегического плана по захвату Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии) и Забайкалья.

Сегодня это утверждение находит иные оценки и иное видение. В частности, по мнению ряда современных исследователей, одной из целей затеваемого военного конфликта могла быть не более, чем проверка боеспособности Красной армии, своеобразная «разведка боем» чтобы убедиться на практике в действительности нового варианта плана войны против СССР и проверить боеготовность Красной Армии на западном направлении. К этому толкало японцев и стремление восстановить авторитет Квантунской армии, подорванный неспособностью завершить войну в Китае и поражением у оз. Хасан.

⁸ ЦГАРФ Ф.33987, оп.3, д.1207, л.112.

В фундаментальной исторической работе – коллективной монографии «Японский милитаризм в период второй мировой войны» (М., 1979 г.) отмечается, что провокации японских войск в районе озера Хасан в августе 1938 г. и более крупная – летом 1939 г. на р. Халхин-Гол были главным образом связаны «с планами подготовки Квантунской армии (к войне с СССР. – Е. К.) и проверки ее боевой способности»⁹.

Сторонником этого подхода является, в частности, и военный историк Е. А. Горбунов, который подробно излагает его в таких работах, как книги: «20 августа 1939» (М., 1986) и «Крах планов “Оцу”» (Владивосток, 1988).

Исследователь В. Вартанов отстаивает несколько иной подход к данной проблеме. Также как и ряд других историков, он не высказывает сомнений в агрессивности и антисоветской направленности японских планов в отношении нашей страны в те годы. По его мнению, эти планы действительно разрабатывались, ежегодно уточнялись, и в соответствии с ними шла подготовка к нападению на СССР.

Однако, по мнению исследователя, анализ обстановки в регионе и внутреннего положения Японии именно к середине 1939 г. свидетельствует о том, что ввязывание в открытый широкомасштабный вооруженный конфликт с Советским Союзом японским правящим кругам было крайне невыгодно, и они специально этого не планировали. Японская регулярная армия прочно увязла в войне в Китае, уже в течение двух лет вела затяжные бои на два фронта – против регулярных войск Чан Кайши и мощного партизанского движения в тылу. Япония испытывала все большее истощение сырьевых ресурсов, рост безвозвратных потерь личного состава и т. д.

«Разве можно было серьезно рассчитывать на завоевание МНР, вторжение в СССР, оккупацию Забайкалья с двумя пехотными полками и частями усиления – в общей сложности чуть более 10 тыс. человек, а именно эти японские части участвовали в начальной стадии конфликта?» – задается вопросом В. Вартанов и дает свои комментарии по этому поводу: «На наш взгляд, вспыхнувшие боевые действия, как это не прозвучит неожиданно, носили случайный характер и были обусловлены неразберихой с линией границы в этом районе. В течение нескольких лет между монгольской и маньчжурской сторонами по этому поводу проводились консультации, однако единой точки зрения выработано так и не было»¹⁰.

Эту же идею разрабатывает в своей статье В. П. Сафронов «СССР и японская агрессия (1937–1941 гг.)»¹¹. Автор полагает, что данный конфликт возник как очередной пограничный инцидент из-за расхождения

сторон в определении границы. Он добавляет, что этому способствовало наличие большого количества карт района, которые трактовались каждой из сторон в свою пользу, а также сам характер местности – пустынной и малолюдной, где пограничные указатели отстояли друг от друга на многие километры.

Известно, что сама проблема демаркации границы возникла не в 1939 г. Она существовала достаточно давно, и единого мнения о том, где проходила граница между Маньчжоу-Го и Монголией не было. Монголия, за которой стоял Советский Союз, объявила о прохождении границы близ маленького поселка Номон-Хан-Бурд-Обо, а Маньчжоу-Го, за спиной которой стояла Япония, провела границы по реке Халхин-Гол. Именно поэтому в японской и западной историографии последующие события получили название «Инцидент у Номонхана», а в советской и российской – «Конфликт на Халхин-Голе».

Некоторые исследователи связывают эти военные столкновения с планами Японии провести железную дорогу Солунь – Ганьчжур вблизи монгольской территории, рельеф которой, по версии монгольской стороны, именно в этом месте выдавался клином. В случае войны железная дорога могла подвергаться прицельному огню с господствующих высот на монгольской границе. Сдвинув границы к Халхин-Голу, японское командование ликвидировало бы эту угрозу.

Но не только ради строительства железной дороги японские военные власти выбрали для нападения именно этот выступ монгольской территории в районе р. Халхин-Гол и оз. Буир-Нур и вопреки официальным картам, фиксирующим линию границы между МНР и Маньчжоу-Гол восточнее Халхин-Гола, стали настаивать на установлении границы по этой реке.

Выбранный театр боевых действий давал существенные военно-стратегические преимущества японской армии. Со стороны Маньчжурии туда подходили две железные дороги. Одна из них, бывшая КВЖД, проходила в 125 км. от Халхин-Гола. Еще ближе, в 50–60 км, находилась станция Хандогай новой железной дороги, идущей от Солуни на Ганьчжур. Кроме того, в распоряжении японских войск имелись две грунтовые дороги, идущие к Халхин-Голу от Хайлара. В то же время наша ближайшая железнодорожная станция была отдалена от места событий на 750 км. Принимая во внимание только эти обстоятельства, у японского командования были все основания рассчитывать на успех операции. Возможно, поэтому в наши дни японских ученых более, чем ход военных действий, интересуют вопросы обеспечения тыла советских войск.

Все прекрасно понимают, что не картографические ошибки приводят к таким весьма трагическим событиям. Конечно же, речь шла не только об этом кусочке территории. Со стороны японцев, безусловно, была более крупная и значительная политико-стратегическая задача.

⁹ Японские милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979, с.165.

¹⁰ Советский воин. 1989, №18, с.74.

¹¹ Советская внешняя политика. 1917–1945. Поиски новых подходов. М., 1992, с.251–287.

Япония рассматривала Советский Союз как своего потенциального противника и еще задолго до 1939 г. готовилась к войне с Советским Союзом.

Тем не менее, в начале конфликта обе стороны рассматривали его как обычный инцидент. Они обменялись несколькими взаимными протестами (первый из них был адресован правительству МНР). Но вряд ли будет правильным расценивать конфронтацию случайным стечением обстоятельств. Она назревала не только потому, что частые и мелкие пограничные инциденты накапливались и создавали благоприятную почву для противостояния. В связи с этим трудно не согласиться с мнением российских исследователей, что конфликт на Халхин-Голе, помимо военно-силового, имел явное политико-дипломатическое измерение¹².

Вступив в конфликт и развязав крупномасштабные боевые действия, и Советский Союз, и Япония стремились извлечь для себя максимальную политическую пользу и, в первую очередь, продемонстрировать свою боеспособность перед потенциальными союзниками. В Европе и США существовали довольно серьезные сомнения в способности СССР и Японии выступать в качестве надежных и боеспособных партнеров в предстоящих коалициях, состав и конфигурация которых еще не были окончательно прояснены.

Именно в эти месяцы японская дипломатия вела ожесточенный торг об условиях сотрудничества с Германией и Великобританией. В то же время Япония продолжала тяжелую войну в Китае, где несла ощутимые потери в живой силе и технике. Очевидно, что в таких условиях японцы при всей своей агрессивности не были заинтересованы в раздувании еще одной крупной войны, отвлекающей их силу от главной цели.

Возникший конфликт, который формально был четырехсторонним – МНР и СССР против Маньчжоу-Го и Японии – фактически был выяснением отношений между СССР и Японией. Конфликт стал прекрасной возможностью для любой из сторон не только закрепить за собой спорные территории, но и значительно поднять свой военный и политический престиж на международной арене.

В этой связи возникает вопрос о том, является ли верным утверждение, что локальные по охвату территории и не переросшие в войну события на Халхин-Голе оказали серьезное влияние на последующее развитие ситуации в мировой политике. Безусловно, да.

1 сентября 1939 г. стало водоразделом, который прервал мирное течение времени, разделил его на довоенное и военное. Однако деление это было чисто формальным, поскольку военные пожары давно уже полыхали в различных уголках нашей планеты, предвосхищая собой

огненный вал мировой войны. Боевые действия на Халхин-Голе начались в мае и завершились к середине сентября. Хотя центр событий пришелся главным образом на Запад, немаловажное значение имел и дальневосточный регион. Развернувшиеся там боевые действия явились своего рода катализатором, который, несмотря на их огромную удаленность и кажущуюся самостоятельность, ускорил начало большой войны.

Интересная деталь. 23 августа 1939 г. вся японская группировка была окружена и была одержана победа над японцами. И в тот же день Молотов и Риббентроп подписали Пакт о ненападении между СССР и Германией. Видимо, не случайно в дискуссиях о событиях на Халхин-Голе иногда задают вопрос о том, не привело ли к окончанию конфликта заключение пакта Молотова-Риббентропа или же стало одной из побудительных причин для этого.

Безусловно, это событие сыграло свою роль. Однако не только оно могло определить весь ход событий. Допустим, что, если бы положение японской группировки оставалось благоприятным, т. е., если бы 20 августа не было нанесено мощнейшего удара со стороны советских войск, и японская армия не понесла тогда большие потери, вряд ли японцы остановили свои военные действия. И все дальнейшие события могли бы развиваться по иному сценарию.

При этом не следует отрицать, что японцы, узнав о советско-германском пакте, оказались перед дилеммой, на чьей же стороне выступала Германия, так как, готовясь к войне с Советским Союзом, считали эту страну своей основной и надежной союзницей. Это дезорганизовало и дезориентировало японское военное руководство, а японское правительство подало в отставку. И надо сказать, что военная победа на Халхин-Голе и пакт Молотова-Риббентропа надолго охладило пыл японцев, и они уже полностью переключились на «ожное направление» – на войну в Тихом океане.

Со своей стороны, Сталин, убежденный в том, что Советский Союз существует в чрезвычайно враждебном ему окружении, свою основную цель видел в обеспечении национальной безопасности страны. Вот почему среди факторов, побудивших СССР сделать ставку на союз с гитлеровской Германией, а не англо-французским блоком, наряду с европейскими проблемами следует отметить большое внимание, которое отводило советское руководство вопросам безопасности на дальневосточных границах. И в этом контексте вооруженный конфликт на Халхин-Голе, можно рассматривать как один из сильных аргументов в пользу Германии.

В течение 1937–1938 гг. Советский Союз предлагал Англии, Франции и США организовать коллективные действия против германской экспансии в Европе и японской агрессии в Китае. Но западные демократии отвечали категорическим отказом. Москва оказалась в полной

¹² Славинский Б. СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история 1937–1945 гг. М., 1999.

международной изоляции. По иному прореагировала Германия, когда Молотов 15 августа 1939 г. во время беседы с германским послом Шуленбургом задал ему вопрос: «Готово ли германское правительство оказать влияние на Японию в целях улучшения советско-японских отношений и урегулирования пограничных конфликтов?»¹³

Уже на следующий день Риббентроп сообщил в Москву свой ответ: «Германия готова использовать свое влияние с целью укрепления российско-японских отношений»¹⁴. В ночь с 23 на 24 августа, когда проходили советско-германские переговоры о содержании Пакта о ненападении, детально обсуждался и японский вопрос.

Это нашло отражение в записи состоявшейся беседы: «Министр иностранных дел рейха заявил, что германо-японская дружба никоим образом не направлена против Советского Союза. Мы, например, в состоянии в силу наших хороших отношений с Японией внести эффективный вклад в урегулирование разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин и советское правительство этого пожелают, министр иностранных дел рейха готов работать в этом направлении. Он соответственно использует свое влияние на японское правительство и свяжется по этому вопросу с советским представителем в Берлине.

Г-н Сталин ответил, что Советский Союз действительно желал бы улучшения отношений с Японией. Однако есть пределы его терпения в отношении японских провокаций. Если Япония желает войны, она может получить ее. Советский Союз не боится этого и готов к этому. Если же Япония желает мира – тем лучше. Господин Сталин считает помощь Германии в достижении улучшения советско-японских отношений полезной, но Советский Союз не желает, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива в этом направлении исходит из Советского Союза»¹⁵.

В связи с заключением советско-германского пакта правительство Японии заявило Германии протест, указав, что этот договор противоречит Антикоминтерновскому пакту. Японский кабинет во главе с Хиранума Кииро, являвшийся сторонником совместно японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая отставку, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создалось новое положение, которое делает необходимым «придать совершенно новую ориентацию японской внешней политике»¹⁶.

Таким образом, суммируя все эти факты, следует сделать вывод о том, что вооруженное столкновение советских и японских войск летом 1939 г. стало для советского правительства еще одним побудительным мотивом для заключения с Германией Пакта о ненападении. Этот документ на тот момент представлялся определенной гарантией, позволяющей избежать опасности вовлечения нашей страны в войну на два фронта – западный и восточный. В то же время разгром японских войск на Халхин-Голе наряду со сложным комплексом других международных вопросов стал еще одним весомым аргументом, заставившим японское правительство заключить в апреле 1941 г. Пакт о нейтралитете с СССР. Правда, здесь же возникает другой вопрос о том, насколько результативными оказались эти акции, поскольку в том и другой случае, несмотря на достигнутые ранее официальные договоренности, последовали кровопролитные войны, исход которых изменил мировое послевоенное устройство.

И это далеко не весь круг исторических, политических, международных и военных проблем, возникающих в контексте исследований войны на Халхин-Голе, ее причин, хода и исхода, по которым у российских и японских ученых не всегда совпадают точки зрения.

В Японии научных и популярных публикаций по данной проблеме, пожалуй, в несколько раз больше, чем в нашей стране. При этом большая часть из них написана в основном после 1956 г. – года подписания Совместной советско-японской декларации об окончании состояния войны и восстановлении дипломатических отношений между двумя странами.

До 1956 г., когда наши страны находились с юридической точки зрения в состоянии войны, а фактически в состоянии холодной войны, и тысячи японских военнопленных еще находились в советских лагерях, японцы за редким исключением с большой неохотой шли на разговор о Советском Союзе и, в частности, о событиях на Халхин-Голе. Даже в японской литературе того времени упоминания об этих событиях были крайне редки и осторожны. Чуть ли не единственным примером тому может служить книга Сакаэ Цубои «Двенадцать пар глаз», вышедшая в 1952 г.

Показательно, что первые исследования по этой проблематике в Японии стали проводиться по инициативе и при непосредственном участии американцев. Американские оккупационные власти создали при штабе главнокомандующего Д. Макартура специальные органы, которые должны были заниматься обобщением опыта вооруженной борьбы в Азиатско-тихоокеанском регионе военного и предвоенного периода. Военно-историческая служба армии США решила, также как и на территории оккупированной Германии, привлечь к исследованиям значительное число высокопоставленных генералов и старших офицеров бывшей японской армии. Для них была намечена обширная программа

¹³ 1939–1941. Советско-нацистские отношения. Документы. Париж, Нью-Йорк: издательство «Третья волна», 1988, с. 58.

¹⁴ Там же, с. 63.

¹⁵ Там же, с. 80–81.

¹⁶ Славинский Б. СССР и Япония на пути к войне: дипломатическая история. 1937–1945, с. 189.

военно-исторических исследований, которая должна была осуществляться под непосредственным наблюдением сотрудников ведомств начальника военно-исторической службы армии США с использованием всех уцелевших документов военного и предвоенного периода: протоколов, стенограмм заседаний ставки, дневников и т. д.

Проделанная колоссальная работа была завершена в 1960 г. Результат – 184 монографии по общим проблемам и 13 специальных исследований по Маньчжурии. К документальным материалам были приложены карты и подготовлены справочные таблицы, именные указатели и т. д. Они были дополнены многочисленными личными записями и воспоминаниями. Все эти японские источники были переданы штабу Д. Макарута и ныне хранятся в архиве Центра военной истории в Вашингтоне.

В конце 70-х годов было отобрано несколько десятков наиболее важных монографий, и в 1980 г. в США под редакцией Ч. Бёрдика и Д. Детуилера появилось 15-томное издание «Война в Азии и на Тихом океане, 1937–1949 гг.». В 12 томов этого труда включили 47 японских монографий и специальных исследований, переведенных на английский язык.

Но, пожалуй, наиболее авторитетным из западных исследований до сих пор остаются работы профессора А. Кукса, который после окончания войны работал в аппарате американской оккупационной администрации и имел доступ ко многим японским документам. К 1956 г. под его руководством были подготовлены пять открытых монографий на английском языке, изданные американским военным ведомством. Материалы, касавшиеся событий на р. Халхин-Гол, занимали в них два тома. Эти монографии, хотя в них содержались ошибки и неточности, в то время были признаны наиболее авторитетными публикациями по указанной проблеме.

В 1985 г. выходит индивидуальная монография А. Кукса под названием «Номонхан: Япония против России, 1939 г.» в двух томах. Хотя некоторые выводы автора представляются отнюдь не бесспорными, тем не менее, исследование американского историка, несомненно, относится к числу наиболее глубоких, систематизированных и всесторонних трудов по истории данного периода. А. Кукс проанализировал мифы и реальные события в Квантунской армии и представил события у реки Халхин-Гол как поворотный пункт японской истории, приблизивший в конечном итоге войну против западных держав на Тихом океане.

А. Кукс до сих пор является для японских ученых непревзойденным авторитетом. Достаточно сказать, что специализированный японский журнал по военной истории, посвященный событиям на Халхин-Голе, открывается статьей американского исследователя «Новый подход к оценке событий в Номонхане» («Гундзисигаку». №128, 1997). Несмотря на название работы, основная концепция, предлагаемая А. Куксом в

этой статье, фактически не нова. Базируясь на многочисленных архивных документах, автор стремится доказать, что поражение в войне на Халхин-Голе имело для Японии и для всего мира весьма далеко идущие последствия. Исходя из печального опыта этих событий, японское руководство приняло, как казалось тогда, безошибочное решение о наступлении на Юг.

Кукс полагает, что, если бы Япония тогда не переориентировала свой удар в южном направлении, СССР вынужден был бы вести войну на двух фронтах – на Востоке и на Западе. И в этом случае, считает он, советские войска неминуемо были бы обречены на поражение. Одним словом, Кукс убежден в том, что победу в войне с Германией СССР смог достичь благодаря тому, что Япония отказалась от войны на севере и развернула военные действия на Тихом океане, получив опыт своего поражения на Халхин-Голе.

Японские исследователи во многом солидарны с мнением известного американца, хотя их научные интересы простираются далеко за рамки международных аспектов этой проблемы. В центре их внимания – анализ причин поражения японской армии, а также многочисленные воспоминания участников тех далеких военных событий, на основе которых создается немало повестей и романов, документальных лент.

Все началось с того, что в 1966 г. в токийской газете «Асахи» было опубликовано обращение к ветеранам тяжелой артиллерии бригады, участвовавших в боях у Халхин-Гола, и их семьям с предложением организовать встречу в Токио, чтобы провести вечер воспоминаний и отслужить молебен по погибшим. В 1969 г. та же газета опубликовала сообщение об учреждении «Общества ветеранов боев у Номонхана» и начале регулярных встреч бывших солдат. Вслед за этим был создан «Журнал общества ветеранов боев у Номонхана. Появились первые статьи и работы, обращенные к предвоенным событиям.

Японские историки, отрицая спланированный характер конфликта, упорно называет халхин-гольские события «случайным пограничным конфликтом или инцидентом местного значения», ответственность за возникновение которого нередко возлагается на СССР.

Такая оценка вовсе не исключает мнения других экспертов, которые называют события на Халхин-Голе «второй русско-японской войной». Исследователи в своих работах также говорят о них как о «необъявленной» или «локальной войне»¹⁷.

При этом зачастую эти события представляются как результат «советской агрессии». В созданной военными историками Управления сил самообороны Японии 106-томной «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии» утверждается, что якобы «Советский Союз искал момента для нанесения удара по японской армии, чтобы лишить ее

¹⁷ Тайхэйё сэно си (История война на Тихом океане). Токио, 1983, т.3, с.241.

надежды на победу и сосредоточить все внимание на Европе... СССР хорошо знал, что занятое войной в Китае японское правительство придерживалось курса на недопущение расширения пограничных конфликтов»¹⁸.

Безусловно, в условиях усиления напряженности на западных границах халхин-гольские события создавали для Советского Союза опасность вовлечения в войну на два фронта – западный и восточный, и ни в коей мере не могли входить в планы советского правительства. Однако для «обоснования» своей концепции составители этого достаточно амбициозного труда прибегают к ставшим традиционными в истории Японии утверждениям о «чрезвычайной слабости Квантунской армии», и «решительном превосходстве Красной армии», «агрессивности коммунистической России» и т. д.

При этом большинство современных японских историков под давлением фактов и документов не могут полностью принять выдвинутую Управлением сил самообороны Японии версию о советской агрессии во время халхин-гольских событий. В японской историографии есть немало работ, в которых признается спланированный характер японской агрессии в районе Халхин-Гола.

Так, например, исследователь Симада Тосихико пишет по этому поводу: «Поскольку Советский Союз всегда был потенциальным противником Японии, мы никогда не отказывались от замыслов ведения боевых действий в Сибири. Следовательно, действия Квантунской армии в этих событиях, как и во многих других инцидентах, которые начинала эта армия, лишь опережали запланированные акции центрального руководства сухопутной армии»¹⁹.

При этом на страницах исторических работ широкое распространение получило утверждение о том, что ответственность за расширение конфликта несут вышедшие из подчинения Генерального штаба сухопутных сил генералы и офицеры Квантунской армии. На этом настаивает хорошо известный в нашей стране ученый Танака Кадзухико: «В книгах зарубежных авторов по истории событий на реке Халхин-Гол часто высказывается мысль, что Квантунская армия вела военные действия на основе приказаний генерального штаба в Токио, то есть ее действия отражали позицию Токио или императора, но это – слишком упрощенное толкование. Дело в том, что существовали глубокие противоречия между руководством Квантунской армии и Токио. Токио хотел избежать серьезного конфликта, поскольку необходимо было сосредоточить усилия на китайском фронте. В составе Квантунской армии существовала группировка, руководимая воинственным майором Цудзи,

которая сформировала основные параметры всего хода конфликта от начала до конца»²⁰.

Другими словами, подобную позицию можно истолковать как стремление японского ученого К. Танака и далеко не только его одного возложить всю ответственность за развязывание конфликта на командование Квантунской армии, которое якобы действовало самостоятельно и приняло решение не по указанию Генерального штаба, а вопреки ему. Следуя этим рассуждениям, получается, что Квантунская армия в течение четырех месяцев вела ожесточенные сражения с применением авиации, танков и артиллерии вопреки приказам императорской ставки и Генерального штаба. Это выглядит в высшей степени нереальным. И, тем не менее, эта точка зрения находит все больше своих сторонников. Сегодня даже ряд российских ученых все чаще солидаризируется с японскими исследователями в такой оценке²¹.

Каковы же сегодняшние оценки и позиции японских ученых на те события 70-летней давности. Остановимся на наиболее заметных работах и публикациях, вышедших в Японии за последние 10–15 лет.

Начнем с исторических исследований. Одно из них наиболее фундаментальное – это книга Нэдзу Масаси «Новый подход к современной истории: поражение в Номонхане» («Гэндайси-но симмэн. Номонхан-но санхай», 1993 г.). В этой работе автор трактует ход событий таким образом, что главная причина поражения Японии в войне на Халхин-Голе состоит в основном в ее достаточно слабой технической и боевой оснащенности, в несколько раз уступающей военной силе советских войск. М. Нэдзу в своих аргументах делает особый акцент на том, что японским пехотным подразделениям были противопоставлены мощная советская авиация и танки, которые, по существу, и обеспечили победу СССР в войне на Халхин-Голе.

К другим факторам, повлиявшим на исход военных действий, он относит сложность внутривнутриполитического положения в Японии в тот период, войну в Китае, потребовавшую от Японии большого числа материальных и человеческих ресурсов, а также недостаточную информированность представителей японских военных и политических кругов о реальной боеготовности советских вооруженных сил.

Японский исследователь не только подробно рассматривает каждую из этих версий, но и достаточно подробно и обоснованно обвиняет руководство Японии в том, что оно не сумело сделать критических выводов из своего поражения на Халхин-Голе. Это, по его мнению, привело Японию к повторению своих ошибок в последующей за этим Тихоокеанской войне, что неминуемо привело страну к полному военному краху.

¹⁸ Дайтоа сэно кокан сэнси. Кантогун (Официальная история войны в Великой восточной Азии. Квантунская армия). Токио, 1993. т.27, ч. 1, с. 423.

¹⁹ Халхин-Гол: пятьдесят лет спустя. М., 1990, с. 24.

²⁰ Там же, с. 30.

²¹ История Японии. М., 1999, ч. 2, с. 381.

Сходной позиции придерживаются и японские историки Ояма Тадасу и Мино Масахиро в своей работе «Исследование действий сухопутных сил Японии в событиях на Халхин-Голе – “Цепь поражений”» («Номонхан дзикэн. Нихонгун сипай-но рэнсаку-но кэнкю», 2001 г.). Они также сосредоточивают свое основное внимание на анализе причин поражения японской армии в битвах на Халхин-Голе.

Авторы этого исследования солидарны с ученым М. Нэдзу и многими другими своими коллегами, усматривая основные недоработки японской армии в недостаточной информированности о состоянии советских вооруженных сил и их оснащенности, причины чего они в основном сводят к крупным недостаткам разведывательной деятельности. Наряду с этим они выделяют такие негативные факторы, повлиявшие на исход событий, как плохое вооружение японской армии, слабую идеологическую работу в ее рядах и т. д.

И, наконец, что достаточно типично для японских исторических исследований, делается критический вывод о том, что японские войска не использовали в боях на Халхин-Голе военный опыт предшествующих лет. Точно также в дальнейшем, в войне с США они практически полностью проигнорировали тот урок, который был преподнесен им советскими войсками в войне на Халхин-Голе.

В этом же ряду научных изданий следует выделить книгу Мидзусима Кунка «Японо-китайская война. – Номонханский конфликт – Путь к Тихоокеанской войне («Ниттjосэнсо то Номонхан дзикэн – Тайхэйсэнсо-э-но Мити», 2007). Основная идея этого исследования сводится к доказательству того, что поражение Японии на Халхин-Голе, а затем дальнейшее продолжение войны с Китаем стали серьезными предпосылками для начала японо-американской войны на Тихом океане. Главная же причина поражения японской армии на Халхин-Голе видится автору в серьезной недооценке возможностей советских вооруженных сил.

Как подчеркивает исследователь, это не означает, что японская сторона вовсе не обладала достоверной информацией. Японскому военному командованию было достоверно известно, что противник сосредоточил в месте боевых действий мощные силы, однако такого рода информация, неблагоприятная для японской стороны, по свидетельству очевидцев, сразу же убиралась под сукно. И, наоборот, сведения о том, что противник поставлен в неблагоприятную ситуацию, находится в значительной отдаленности от линии коммуникаций и базы снабжения и не сможет перегруппировать огромные силы на переднем фланге, возводились в абсолют и использовались для оперативных разработок практически до последних дней войны. Одним словом, в расчет принималась только выгодная для японской стороны информация.

Вдобавок к этому, за командованием Квантунской армии, по мнению, К. Мидзусима, зачастую наблюдались произвольные, несанкцио-

нированные свехру действия. Существенные просчеты были допущены и в методике ведения информационной войны.

Эту мысль более подробно развивает Цумо Тоё в своем исследовании «“Звук августовских пушечных выстрелов” – бои в Номонхане и Масанобу Цудзи» («Хатигацу-но хохэй – Номонхан дзикэн то Цудзи Масанобу», 2005). Среди основных причин поражения автор выделяет «бездарность», «самоуверенность» и «безответственность» военного руководства в лице печально известного Цудзи Масанобу и других штабных офицеров, которые, по его мнению, обрекли на смерть около 20 тыс. солдат и офицеров. По мнению автора, Цудзи, будучи представителем оперативного штаба, был фанатиком традиционных самурайских моральных догм и не смог применить в войне рациональную стратегию и военное искусство.

Вторая основная причина постоянных неудач, преследовавших японцев практически во всех боях на Халхин-Голе, по мнению автора, кроется в плохой организации тыла, обозной службы и т. д., которые практически не поспевали за действиями и командами офицера Цудзи, привыкшего к быстрой победе. Цудзи, как пишет исследователь Т. Цумо, был уверен в том, что недостаток питьевой воды, топлива, снарядов и т. д. можно с лихвой компенсировать японским боевым духом и тем самым обеспечить победу над таким достаточно слабым, как он считал, противником, как советско-монгольские войска.

Такая точка зрения находит сегодня в Японии довольно много сторонников. По-видимому, не случайно, исследователи Национального института оборонных исследований, обращаясь к материалам российских архивов, основное внимание сегодня уделяют вопросам организации советского тыла, видя в этом одну из основных причин победы советско-монгольских войск.

Жанр исторической мемуарной литературы представлен работой Камакура Хидэо «Скрытая война в Номонхане» («Номонхан какусарэ-та сэнсо», 2001). В основу этой книги положены обширные материалы, использованные для документального телепроекта «События на Номонхане. Реальные события 60 лет спустя» (телекомпания Эн-Эйч-Кэй, 1999 г.) Это – воспоминания участников этой войны, архивные материалы из российских архивов – РГВА и т. д.

Главные идеи, которые четко прослеживаются в данной работе, можно сформулировать следующим образом:

- события на Халхин-Голе следует оценивать не как военный конфликт, а как войну в полном смысле этого слова;
- первопричины этой войны следует искать в сложном переплетении международных событий тех лет и в достаточно напряженной международной ситуации, требовавшей своего разрешения. В этой связи большое внимание уделяется анализу советско-монгольских отношений;

– военные события тех лет свидетельствуют о том, что Сталин, по существу, уже тогда планировал реальные военные действия против Японии, используя военные действия на Халхин-Голе для проверки действенности своего оружия. Более того, делается вывод о том, что советский лидер в большей степени уделял внимание обороне своих дальневосточных рубежей, нежели защите от возможного нападения фашистских войск.

Большое внимание в этих материалах уделяется вопросам японских военнопленных, общее число которых определяется примерно в 1 тыс. человек. Как указывается в исследовании, часть из них была передана японской стороне на основе двустороннего соглашения с советским командованием о прекращении боевых действий. Однако по возвращении на родину их ждали трибунал и смертная казнь. Японское командование сухопутных войск спустя две недели после окончания военных действий отправила в штаб Квантунской армии секретные приказы №855 и №2554, проигнорировав положения Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1929 г. Согласно этим приказам, в отношении прибывших из советского плена японских военнослужащих следовало произвести обстоятельные расследования и в случае выявления той или иной вины предать их суду.

Итогом других полевых исследований стала книга историков Ода Ётаро и Табата Гэн «Суть и последствия событий на Номонхане. Запись наступления советских войск» («Номонхандзикэн-но синсо то сэнка – Сорэнгун гэкиха-но кироку», 2002). Эта работа стала итогом двух командировок японских ученых в район Халхин-Гола, их многочисленных встреч с очевидцами тех событий и т. д. Огромный практический материал, полученный в результате этой большой поисковой работы, позволил им изложить различные точки зрения на эту войну, развенчать многочисленные мифы и ложные суждения о действиях советских и японских войск.

В частности, в книге отводится достаточно много внимания разбору и критике действий японской стороны, которой, по мнению авторов, был нанесен сокрушительный удар со стороны советских механизированных войск благодаря их хорошей боевой оснащённости, в несколько раз превосходящей силы противника. Одновременно с этим четко проводится мысль о том, что победа СССР была достигнута за счет огромных потерь, не сопоставимых с потерями Японии.

В полной мере автобиографичной можно назвать книгу Хандо Кадзутоси «Лето в Номонхане» («Номонхан-но нацу», 1998). Она написана на основе воспоминаний автора – реального участника этих событий, а потому носит ярко выраженный эмоциональный характер. При этом К. Хандо в большей степени увлекает психологическая сторона проблемы, нежели строгий аналитический и научный подход к оценке политических и военных событий тех лет.

Основные причины поражения К. Хандо усматривает, в первую очередь, в действии каких-то мистических «темных сил зла», которые, по мнению автора, заметно активизируются и вершат судьбу страны. И вместе с тем он находит достаточно аргументов для того, чтобы обосновать свой весьма критический подход к оценке действий японских сухопутных сил во время этих событий, которые он считает «безответственными» и «трусливыми».

Автор признает, что не только моральными факторами следует объяснить поражение японской армии в боях на Халхин-Голе. Главная причина всех военных неудач Японии во многом кроется в превосходстве силы противника. Для доказательства этого тезиса он приводит следующие данные по различным родам войск. Так, советская пехота превосходила численность японских пехотинцев в 1,5 раза, мощность артиллерии – в 2 раза, по количеству самолетов – почти в 5 раз (515 по сравнению со 113), а танков и бронетранспортеров на вооружении японской армии вообще не было. Что касается общей численности войск, то здесь советские войска превосходили японские почти в 3 раза. Явный перевес в силе противника наиболее ярко обозначился во время завершающей стадии военных действий – после 20 августа 1939 г., когда советско-монгольские войска развернули мощное наступление на японскую армию, которая в этой ситуации была просто обречена на гибель.

Достаточно объективны оценки автора и в отношении характера боевых действий на Халхин-Голе. Он довольно четко называет их не конфликтом, а войной, которую следует рассматривать в контексте напряженной международной обстановки тех лет. Именно в результате этой войны, заявляет Хандо, Сталин принял решение о войне с Японией, которое он реализовал спустя несколько лет. Более того, по мнению автора, события на Халхин-Голе еще раз убеждают в том, что советского руководителя куда больше заботили вопросы обороны страны на дальневосточных рубежах, в частности, от возможного нападения Японии, чем на Западе, где назревала еще большая для него угроза – со стороны Германии. Большое внимание в книге уделяется также анализу советско-монгольских отношений, в особенности в контексте войны на Халхин-Голе.

И вот совершенно иной ракурс видения этой проблемы – книга Кусуноки Ясуги «Расследование. События в Номонхане. Установленная истина» («Косё Номонхан дзикэн – цукитомэта соно синдзицу», 2005). Автор рассматривает события на Халхин-Голе в контексте той информации, которую получили японские власти от Уполномоченного НКВД по Дальнему Востоку Г. С. Люшкова, сбежавшего в Японию 22 июня 1938 г., незадолго до начала военных действий на Хасане.

В своих многочисленных и подробных показаниях, которые он представил японскому военному руководству, а также их союзникам – пред-

ставителям германской разведки, Люшков подробно обрисовал непростую ситуацию в Красной армии в те годы в связи с политическими репрессиями, охватившими СССР и заметно ослабившими ее организационную и идеологическую основу. Им также была дана исчерпывающая информация о численном составе дальневосточных войск, их вооружении, шифрах и т. д., что давало японской стороне все основания верить в победу в готовящемся очередном военном конфликте на Халхин-Голе.

Все эти данные о действиях и показаниях Г. С. Люшкова были переданы в Москву советским разведчиком Р. Зорге, что в немалой степени помогло советскому военному руководству внести необходимые коррективы в подготовку отпора противнику.

Автор задается вопросом, насколько японское военное руководство доверяло сведениям, почерпнутым от Люшкова? Сегодня на этот вопрос со всей достоверностью, наверно, не способен ответить никто, однако, по мнению Я. Кусуноки, есть много оснований, чтобы предположить, что японская сторона отнеслась к этим сведениям серьезно.

Теперь остановимся на наиболее интересных статьях, вышедших в Японии за последнее время. Особого внимания заслуживает специальный номер журнала «Военная история» (Гундзисигаку. 1997, март, №128), посвященный военным событиям на Халхин-Голе.

Среди опубликованных в нем работ особого внимания заслуживает статья Симокава Бэхиромицу «Инцидент в Номонхане с точки зрения боевой тактики авиации» («Кукосакусэн кара мита Номонхан дзикэн»). По мнению Б. Симокава, Япония начала войну с массированных атак силами крупного авиационного соединения, состоявшего из 110 тяжелых военных бомбардировщиков, и артиллерии, нанося сокрушительные удары по советской авиации. Однако, следуя версии японского ученого, японский Генеральный штаб выступил против дальнейшей эскалации боевых действий, получив на это соответствующий указ императора, и, соответственно, отказался от тактики использования авиации в наступательных операциях.

По этой причине, полагает Б. Симокава, японская авиация не имела возможности атаковать опорные пункты советских войск, что способствовало усилению боевой силы противника и обеспечило полное и безраздельное господство в воздухе советской авиации. В течение всех боевых действий на Халхин-Голе японская авиация понесла значительные потери: 141 человек погибших и 182 самолета, включая аварии и другого рода повреждения.

Другим военным аспектам проблемы посвящено исследование Аракава Кэнъити «Советско-японские сражения в Номонхане. О взаимодействиях пехоты, танков и артиллерии» («Номонхан дзикэн ни окэру ниссо рёгун-но сэнтё – хохэй, сэнья сохэй-но кёдо о тьосин ни»). Автор акцентирует особое внимание на грубейшем нарушении японским

военным руководством основополагающего требования военного устава, предписывающего обязательное одновременное использование всех родов войск в качестве первейшей предпосылки для успешного ведения боевых действий.

Во время же боев на Халхин-Голе, по мнению автора, наблюдалась картина иного рода: пехота, танки и артиллерия начали наступление самостоятельно, и о каких-то совместных действиях или их координации уже не могло идти и речи. В итоге танковый корпус без прикрытия артиллерии и пехоты пересек линию обороны советско-монгольских войск и был отдан на растерзание противотанковой артиллерии противника. Так японский ученый объясняет поражение японских войск.

Не только военно-исторические издания, но и популярные японские журналы не обходят своим вниманием события на Халхин-Голе. Пример тому – статья Фукуи Юдзо ««На севере – сокрушительное поражение в Номонхане» – великая легенда из мифов Сталина», опубликованная в авторитетном журнале «Тюокорон» (2005, №1)

Размышляя о войне на Халхин-Голе, автор начинает с преамбулы о существующих стереотипах в восприятии тех исторических событий, которые благодаря роману Гомикава Дзюнпэй «Номонхан» уже прочно укрепились в массовом сознании японцев. По мнению автора, большинство современных японцев воспринимают их не иначе, как военные столкновения, происшедшие в 1939 г. в местечке вблизи р. Халхин-Гол на границе Маньчжурии и Монголии, во время которых произошли кровопролитные бои японских солдат с хорошо механизированными и в значительной степени превосходящими по силе советскими войсками, в результате чего Япония потерпела поражение.

Однако Ю. Фукуи намного больше импонирует иной взгляд на эту войну, отраженный, в частности, в уже упомянутой нами книге писателя Хандо Кадзутоси «Лето в Номонхане». В ней автор много и нестандартно рассуждает об этих событиях через призму философских размышлений о природе зла в человеческой натуре, а также с позиции других общечеловеческих проблем.

Вот почему исследователя в первую очередь волнуют гуманитарные аспекты этой войны и, в первую очередь, проблема численности людских потерь, понесенных обеими сторонами во время этих событий. По его данным, советская сторона понесла убитыми и ранеными 25 565 человек, японская – 17 405 человек. При этом самое большое число жертв с японской стороны приходится, по его подсчетам, на период, начиная с 20 августа 1939 г.

По мнению Ю. Фукуи, трагедия японской армии произошла по той причине, что с самых первых дней японская сторона строго соблюдала принцип нерасширения конфликта и потому отказалась от дальнейшего наращивания своей военной силы в данном регионе. Как конкретизирует автор, лишь одна японская дивизия вела ожесточенные бои с

врагом, силы которого более чем в 10 раз превосходили ее возможности. Следуя этой логике, Ю. Фукуи приходит к выводу о том, что в случае, если бы японская армия получила подкрепление в живой силе и боевой технике, победа была бы на стороне Японии.

В заключение обратимся к специальному выпуску авторитетного общественно-политического журнала «Сюкан Синтё» под рубрикой «История меняется» от 4 декабря 2003 г. и помещенной в нем статье под достаточно красноречивым названием «Японо-советское столкновение, которое мы не проиграли».

Статья посвящена в основном вопросам человеческих потерь в годы боевых действий на Халхин-Голе. Основная мысль, которую проводят авторы данного исследования, пересмотреть общепринятое положение, зафиксированное в японских учебниках по истории о том, что японская армия в боях с советскими и монгольскими войсками понесла сокрушительное поражение, потеряв убитыми и ранеными около 20 тыс. человек. Вместо этого предлагается признать, что подобное представление исторических событий является явной фальсификацией истории.

В статье указывается, что японские воины сражались отважно и стойко и выиграли практически все сражения. По-иному предлагается исчислять и число потерь. Так, со ссылкой на российские источники приводится цифра 7974 человек – убитых и умерших от ран и пропавших без вести, тогда как с учетом раненых, эта цифра составит 25 тыс. человек.

До сих пор в Японии также, как и в России, и в Республике Монголия ведется много дискуссий по проблемам событий на Халхин-Голе, по-прежнему существуют старые и появляются новые точки зрения и оценки теперь уже далекого прошлого наших стран. Большой вклад в изучение этой проблемы внесли участники круглых столов и научных симпозиумов ученых России, Японии и Республики Монголия, которые состоялись в 1988 г. – год 50-летия событий на Халхин-Голе.

Сегодня, когда мы уже отметили 70-летие трагической страницы в истории наших народов, эта тема не потеряла своей актуальности, что еще раз продемонстрировал прошедший в Улан-Батаре в 2006 г. международный симпозиум, проведенный по инициативе японской общественной организации – Центра японо-российских исторических исследований. Тема этого представительного научного форума «События на Халхин-Голе и деятельность группы Зорге» – еще один новый ракурс этой проблемы, что говорит о ее масштабности и важности для понимания мировой истории.

2009 год – юбилейный. И не удивительно, что он отмечен большим числом значимых мероприятий. Одно из центральных событий – официальный визит в Республику Монголия Президента России Д. А. Медведева, состоявшийся 25–26 августа и приуроченный к 70-летию победы на р. Халхин-Гол. В ходе этого визита были вручены государственные

награды двух стран российским и монгольским ветеранам – участникам сражений. Давая оценку событиям тех лет, российский президент отметил: «В исторической памяти наших людей ... навсегда останутся боевые страницы нашего сотрудничества, имена тех, кто разгромил агрессора, отстоял территориальную целостность Монголии и в конечном счете способствовал уничтожению врага в ходе второй мировой войны»²².

Ученые многих стран также не обошли вниманием это знаменательное событие. В России, Монголии и Японии прошли международные научные симпозиумы по данной проблематике, тематические фотовыставки, были опубликованы статьи и книги о военных событиях на р. Халхин-Гол. Это еще раз свидетельствует о том, что тема войны на Халхин-Голе не потеряла своей актуальности. Перед историками России, Японии и Монголии открываются новые большие исследовательские задачи и не менее широкое поле для совместных научных поисков.

²² <http://www.argumenti.ru>

В. Э. Молодяков

Продажа Советским Союзом в 1935 г. Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) правительству Маньчжоу-го – государства, находившегося под полным контролем Японии, – относится к числу важнейших событий советско-японских отношений в межвоенный период. Переговоры об этом велись еще в 1915–1916 гг., когда Япония предложила выкупить у России права на железнодорожную ветку Харбин–Куаньченцзы с прилегающей полосой отчуждения, находившуюся в той части Маньчжурии, которая по конвенции Извольского–Мотоно 1907 г. отошла в сферу влияния Японии. Мнения русских министров разделились, началась бюрократическая волокита, а последовавшая вскоре революция сняла вопрос с повестки дня. Во время гражданской войны и «союзной» интервенции на Дальнем Востоке КВЖД оказалась объектом борьбы «белых», «красных», китайцев, японцев и американцев. Наконец, в 1924 г. она прочно оказалась в руках СССР и пекинского правительства, вынужденного поручить контроль над дорогой диктатору Маньчжурии Чжан Цзолиню.

Несмотря на решимость Москвы навести порядок на КВЖД, на ней с самого начала нового этапа совместного управления было неспокойно. Поэтому в советском руководстве не было единого мнения относительно дальнейшей судьбы столь «беспокойного хозяйства». Разногласия отражали споры большевистских вождей о китайской революции, за эскалацию которой выступали генеральный секретарь ВКП(б) И. В. Сталин, ведущий партийный и коминтерновский идеолог Н.И. Бухарин и полномочный представитель (посол) в Пекине Л. М. Карахан. Неожиданно умеренную позицию занял «демон революции» Л. Д. Троцкий. Снятый в начале 1925 г. с поста председателя Реввоенсовета и народного комиссара по военным и морским делам, он оставался влиятельным членом Политбюро и имел непосредственное отношение к выработке дальневосточной политики. В 1926 г. он предложил продать КВЖД Китаю, против чего решительно выступил Бухарин, главный союзник Сталина. Однако, по утверждению Г. З. Беседовского, советского поверенного в делах в Токио в 1926–1927 гг., сам генсек задумался об этом уже в конце 1927 г.:

«Когда я приехал в Москву, мне пришлось беседовать со Сталиным по вопросу о КВЖД. Я изложил ему откровенно свои соображения и сказал прямо, что без создания частного акционерного общества и

коммерциализации дороги мы рискуем быть совершенно вытесненными с КВЖД. Сталин очень внимательно выслушал меня, но отнесся отрицательно к проекту коммерциализации дороги с нашим участием... На мои настойчивые указания, что вопрос должен быть все же так или иначе решен, ибо мы рискуем потерять все, не получив ничего, Сталин сказал совершенно спокойно, что он учитывает возможность потери дороги и не очень этим взволнован. “Если уж искать выход из создавшегося положения, то лучше всего не создавать никаких акционерных обществ с нашим участием, а просто продать кому-нибудь дорогу. И продать ее так, чтобы сохранить лицо и заострить антагонизмы между отдельными капиталистическими державами на Дальнем Востоке... Надо только решить, кому выгоднее всего можно продать КВЖД. Я думаю, что дорогу надо продать японцам”»¹.

Перебежчик Беседовский – не лучший свидетель, но в данном случае нет оснований не верить ему. Он закончил мемуары в марте 1930 г. Первые официальные разговоры о продаже КВЖД начались только в декабре того же года. И начала их не Москва. После советско-китайского конфликта 1929 г., закончившегося сокрушительным поражением маньчжурской армии, назрела необходимость двусторонней конференции для урегулирования накопившихся проблем, связанных с КВЖД. После многочисленных проволочек с китайской стороны конференция началась только во второй половине мая 1930 г. и продолжалась без каких-либо результатов до конца года. 18 декабря председатель правления КВЖД Мо Дэхой объявил, что должен вернуться домой, и предложил главе советской делегации – заместителю наркома по иностранным делам Карахану выкупить дорогу за 200 млн. (к сожалению, документы не указывают, о какой валюте шла речь). Карахан ответил, что «это дешевле, чем на слом». Получается, что «Советское правительство должно было не только передать Китаю дорогу даром, но и еще приплатить денег, чтобы Китай эту дорогу взял». Затем он поинтересовался, не пропустили ли уважаемые гости один ноль в подсчетах, потому что за 2 млрд. СССР продаст дорогу хоть сейчас². 10 апреля 1931 г. Политбюро утвердило предложения Наркоминдела «Об основных принципах выкупа КВЖД» Китаем, постановив передать определение «справедливой выкупной цены дороги и ее имущества» специальной комиссии³. Переговоры продолжались все в том же вялотекущем режиме, но после оккупации Маньчжурии Квантунской армией во второй половине сентября 1931 г. ситуация радикально изменилась.

19 сентября Карахан затребовал от японского посла Хирота Коки подробную информацию о событиях в Мукдене, подчеркнув близость

¹ Беседовский Г. На путях к термидору. М., 1997, с. 250–251.

² Документы внешней политики СССР (далее ДВП). Т. XIII, с. 740–741.

³ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 М., 2001, с. 62–63.

города к КВЖД, и о занятии станции Куаньченцзы – границы двух линий – японскими войсками. 25 сентября Хирота сообщил наркому по иностранным делам М.М. Литвинову, что в оккупированном Мукдене действует прежнее управление, что слухи о посылке частей Квантунской армии в Харбин вздорны и что войска будут выведены, как только наладится «нормальная жизнь». Никогда не благоволивший японцам Литвинов держался сухо, заявив об «оживлении деятельности белогвардейских банд» и о том, что «нормальная жизнь, очевидно, не наступает не только по вине китайцев». Председатель правления КВЖД Мо Дэхой, снова находившийся в Москве, «имел очень удрученный вид», как записал Карахан после очередной встречи. Его уже не слушали и поддерживать просьбы китайцев о вмешательстве в конфликт не собирались⁴.

Внешняя сторона дальнейших событий хорошо известна по официальным документам и дипломатической переписке, которые давно доступны историкам. Однако теперь у нас есть возможность увидеть и понять истинные причины решений Москвы и механизм принятия решений по недавно рассекреченным и опубликованным документам Сталина и его ближайших соратников. Что касается более широкой темы «Сталин и Япония», то итоговое исследование по данному вопросу, над которым работают Г. А. Бордюгов и автор этой статьи, еще впереди.

11 ноября Политбюро по предложению Сталина и председателя Совета народных комиссаров В. М. Молотова приняло директиву работникам КВЖД:

«Военные столкновения между китайскими и японскими войсками в районе Цицикара, видимо, перестают быть случайным эпизодом и могут принять серьезный и длительный характер. В связи с этим НКВД получил от правительства директиву о проведении строжайшего нейтралитета на КВЖД, в силу чего предлагается вам:

а) Ни в коем случае не соглашаться на использование частей охраны КВЖД для военных операций в полосе КВЖД, о чем наш консул должен заявить китайским властям⁵.

б) Ни в коем случае не соглашаться на перевозку китайских или японских войск по КВЖД.

в) Не допускать использования китайскими или японскими войсками линии КВЖД, станций и железнодорожных построек для установки военных позиций.

г) Открыто протестовать против попыток одной или другой воюющей стороны нарушить режим нейтралитета на КВЖД, сообщая каждый раз о таких попытках в Москву.

д) Не допускать забастовки на дороге или попыток порчи путей и подвижного состава»⁶.

⁴ ДВП. Т. XIV, с. 529–535, 542–543, 548–551, 559–561, 590–593.

⁵ Сообщено властям провинции Гири 12 ноября через генеральное консульство в Харбине.

⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 71.

Директива точно отражает позицию советского руководства на первом этапе конфликта. «Правда» публиковала статьи, например, «Маньчжурия придавлена сапогом японских империалистов» (26 сентября) или «Оформление грабежа» (29 сентября), но официальные заявления были вполне корректными. 19 ноября Хирота напомнил Литвинову о благожелательном нейтралитете Токио в ходе советско-китайского конфликта 1929 г., намекнув, что Москве неплохо бы ответить услугой на услугу и не допускать использования КВЖД против Японии, отказавшейся перевозить китайские войска два года назад. Нарком решительно отверг такую аналогию, пояснив, что «нельзя отождествлять условия на ЮМЖД (принадлежавшая японцам Южно-Маньчжурская железная дорога – В. М.) с условиями на КВЖД»⁷.

Сталин пристально следил за происходящим. «Японцы сделали вид, что довольны... нашим нейтралитетом, – писал он 27 ноября наркому по военным и морским делам К. Е. Ворошилову. – Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами... Более того, не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту (Дальнему Востоку – В. М.) и, возможно, к Монголии... Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку. Ее толкает на этот путь желание прочно засесть в Маньчжурии. Но прочно засесть в Маньчжурии она может лишь в том случае, если ей удастся посеять ненависть между Китаем и СССР. А для этого существует лишь одно средство – помочь китайским феодалам захватить КВЖД»⁸.

12 января 1932 г. советский полпред в Токио А. А. Трояновский получил от премьера Инукаи Цуёси заверения, что «японцы не нарушат наших интересов на КВЖД». В конце того же месяца японское командование, сославшись на необходимость доставки войск в Харбин для охраны своих граждан, обратилось за разрешением к советским представителям на КВЖД⁹, пояснив, что готово «уплатить сколько следует», но дав понять, что не остановится перед применением силы. Те, конечно, отказали со ссылкой на нейтралитет дороги. Запрос повторился. Карахан дал формальный ответ: КВЖД управляется совместно СССР и Китаем и проходит по китайской территории, поэтому, если Китай даст согласие на перевозку войск, возражений не будет. Но японцы чувствовали себя хозяевами положения: не дожидаясь ничего согласия, они погру-

⁷ ДВП. Т. XIV, с. 668–671.

⁸ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999, с. 161–162.

⁹ С января 1931 г. телеграммы из Харбина в Москву по вопросам КВЖД подписывались «Четверка»: генеральный консул, управляющий КВЖД, заместитель председателя правления и его помощник. В описываемое время тексты составляли трое: генконсул М. М. Славущий, управляющий Ю. В. Рудый и заместитель председателя правления С. М. Кузнецов – но подпись «Четверка» сохранялась.

зились в поезда и отправились на север. Управляющий дорогой Ю. М. Рудый и генеральный консул в Харбине М. М. Славущий протестовали, однако новый председатель правления Ли Шаогэн объяснил, что «не может ни в чем отказать японцам». Москва тянула время, ссылаясь на «не технический, а политический характер» вопроса (заявление Карахана 24 февраля), но в итоге перевозки были разрешены до Харбина и Цицикара, затем до Имяньбо, станции Маньчжурия и Хайлина, откуда Квантунская армия продолжала преследовать отступавших китайцев¹⁰.

Стремясь легализовать свой успех, экспансионисты в командовании и штабе Квантунской армии приступили к созданию «независимого» государства Маньчжоу-го, к которому должны были перейти все права Китая на КВЖД. Поставленная перед фактом Москва сочла за лучшее согласиться: советско-китайское управление дорогой стало советско-маньчжурским. 18 марта бывший президент компании ЮМЖД Ямамото Дзётаро «в частном порядке и конфиденциально», но со ссылкой на решение правительства, предложил Трояновскому обсудить вопрос о возможной «амальгамации ЮМЖД и КВЖД с объединением их в одно акционерное общество с участием в качестве акционеров японских, китайских (маньчжоугосских) и советских представителей». Фактически речь шла о продаже дороги, и в Кремле это поняли. 26 марта Политбюро утвердило представленный Караханом проект директивы полпреду: «Мы согласны продать дорогу, и Вы предполагаете, что если Ямамото имеет в виду уплатить за КВЖД ликвидными ценными бумагами известным образом амальгмированного маньчжурского железнодорожного общества, то сов(етское) пра(вительство) готово было бы, по Вашему мнению, и такой план обсудить»¹¹.

Перед новой беседой Ямамото «заболел» (в Кремле болезнь сочли «политической»), но с 13 мая к полпреду зачастил промышленник Фудзивара Гиндзиро, имевший обширные связи в политических кругах. Трояновский, проявив несвойственную советским дипломатам самостоятельность, предложил японцам отказаться от своих рыболовных прав в качестве платы за КВЖД. Политбюро возмутилось, но Сталин 26 июля писал Молотову и члену Политбюро Л. М. Кагановичу, остававшемуся «на хозяйстве» по партийным делам в отсутствие вождя: «Осуждать Трояновского за беседу с японцем незачем, так как мы сами поручили ему ведение зондажа на базе известных уступок. Насчет компенсации за КВЖД рыбой вы правы – мы такого поручения не давали ему, и он разводит отсебятину». Новые указания полпреду предписывали заявить о необходимости придать переговорам официальный статус и советовали «впредь воздержаться от этих разговоров о ком-

пенсации рыбой»¹². В начале июля Трояновский просил сообщить ему желаемую цену за КВЖД, но в Москве решили выждать ввиду неустойчивого курса иены. 29 августа Хирота поинтересовался у Карахана, «не продал ли бы Советский Союз КВЖД Японии?», и напомнил, что переговоры об этом уже велись с Китаем, и заявил, что Маньчжоу-го могло бы их продолжить. 6 сентября Карахан ответил, что советское руководство в принципе не возражает против переговоров¹³.

Несмотря на растущую враждебность со стороны Японии – пресса всего мира чуть ли не ежедневно твердила о скорой войне на Дальнем Востоке – Сталин сохранял нейтралитет: СССР отказал китайским генералам в помощи против Японии, не стал сотрудничать с Лигой Наций, не отвергал в принципе возможности признания Маньчжоу-го де-юре и согласился на обмен консулами и совместное управление КВЖД, что выглядело признанием де-факто. «Советская Россия явно предпочитает Маньчжоу-го анархии и дурному правлению китайских военных диктаторов. Более того, можно сказать, что нынешнее отношение обоих правительств – японского и советского – к Маньчжоу-го являет собой один из немногих примеров, доказывающих, что “капиталистическое” государство может вполне дружески сотрудничать с коммунистическим в том случае, когда ставки велики... Не столь важно, будет Маньчжоу-го признано или нет, пока Япония и Советская Россия могут поддерживать и укреплять свое согласие для защиты нового государства... и поддержания мира и порядка на прилегающих территориях»¹⁴. Напомним, что и Токио установил дипломатические отношения с собственным детищем, независимость которого была провозглашена 1 марта 1932 г., только 15 сентября того же года.

24 апреля 1933 г. новый японский посол в Москве Ота Тамэкичи предложил Карахану «заклучить какой-нибудь акт политического характера», намекнув на продажу КВЖД. 2 мая Литвинов ответил согласием продать дорогу Маньчжоу-го. 8 мая запротестовали перепуганные китайцы: посол Ян Хойцин вручил Карахану меморандум о том, что «все вопросы, касающиеся Китайско-Восточной железной дороги, должны по-прежнему регулироваться соглашениями, заключенными между Китаем и Советским Союзом в 1924 г., и должны решаться исключительно правительствами этих двух стран». Нанкин заявил, что не признает никакого соглашения о КВЖД, заключенное без его участия. В декабре 1932 г. Сталин пошел на восстановление дипломатических отношений с гоминьдановцами, хотя и обозвал их в письме к Молотову «мелкими жуликами»¹⁵, но теперь решил не считаться с «нанкинскими наполеон-

¹² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 189, 192–193; ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 82–83, 88–89.

¹³ ДВП. Т. XV, с. 510–511, 794.

¹⁴ *Grande Julian*. Japan's Place in the World. London, 1934, p. 234–236.

¹⁵ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. М., 1996, с. 240–241.

¹⁰ ДВП. Т. XV, с. 20, 30–31, 66–75, 83, 93, 114, 124–127, 134–135, 142–143, 146–148, 705; ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 77–78.

¹¹ ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 79–80; ДВП. Т. XV, с. 790–791.

чиками», как именovala их советская пресса. 12 мая 1933 г. Литвинов заявил, что соглашения «не ограничивают право СССР на продажу дороги кому бы то ни было, а тем более той власти, которая существует в Маньчжурии и фактически осуществляет там права и обязанности, вытекающие для китайской стороны из Пекинского и Мукденского соглашений». Короче говоря, гоминьдановцам показали на дверь.

23 мая японское правительство решило купить дорогу, если удастся договориться о цене, чтобы добиться полного контроля над Маньчжурией и прекращения коммунистической пропаганды. Формальным покупателем должно было выступать Маньчжоу-го – сделка подчеркивала его «независимость». 29 мая посол Ота сообщил в Наркоминдел о согласии маньчжурского правительства и предложении Японии выступить в качестве посредника¹⁶. 1 июня маньчжурские власти переименовали дорогу в Северно-Маньчжурскую, по аналогии с ЮМЖД, но советская сторона и в дальнейшем строго придерживалась прежнего названия.

Легкость, с которой Советский Союз решил расстаться с КВЖД, удивила многих. Японские газетчики усматривали в этом капитуляцию, за которой может последовать уступка Уссурийской железной дороги, Владивостока, Северного Сахалина, Камчатки. «Готовность продать КВЖД, – отмечал комментарий журнала “Большевик”, – представляется тому крылу японского империализма, которое выдвигает на первый план наступление на Советский Союз, удобной целью, расширяя которую можно предъявить свои претензии на весь Советский Дальний Восток»¹⁷. «Политика Советского Союза, – разяснялось далее, – состояла в том, чтобы отстаивать в неизменном виде свои права на КВЖД как коммерческое предприятие *до тех пор, пока территория, по которой проходит дорога, не стала предметом политического спора между другими странами* (курс.авт. – В. М.)... С того момента, как территория КВЖД стала спорной территорией, Советский Союз, *поскольку он не предполагает принимать участия в этом споре путем поддержки той или другой стороны* (курс. авт. – В. М.), мог в соответствии со своими общими принципиальными установками выбрать линию переговоров о коммерческой реализации своих прав собственности на КВЖД». Литвинов перевел эти слова на язык практики, сказав (по слухам) на одном из заседаний Политбюро: «Лучше продать, чем просрать».

Переговоры о продаже КВЖД начались 26 июня 1933 г. в Токио. Советскими полномочными делегатами были новый полпред К. К. Юренев, заведующий II Восточным отделом НКВД Б. И. Козловский и вице-

председатель правления КВЖД С. М. Кузнецов. Маньчжоу-го представляли посол в Токио Дин Шиюань и вице-министр иностранных дел Охаси Тюити (все вице-министерские посты в Маньчжоу-го и большую часть постов директоров департаментов занимали японцы). «Честными маклерами» выступали директор Европейско-Американского департамента МИД Японии Того Сигэнори, будущий посол в СССР, и Ниси Харухико, начальник первой секции его департамента. Первый рабочий день 27 июня открылся речью министра иностранных дел Утида Косай, но более он в переговорах участия не принимал.

Оглашенный 3 июля советский меморандум определил основные принципы выкупа КВЖД – не только самой дороги, но и всего относящегося к ней хозяйства и имущества – подчеркнув экономическое значение магистрали, которое не зависит от сиюминутной конъюнктуры. С учетом изношенности оборудования и изменения экономического значения КВЖД, выкупная цена была определена в 250 млн. золотых руб., или 625 млн. иен. Половину суммы СССР соглашался получить японскими товарами на протяжении двух лет, другую – наличными по заключении соглашения (25%) и казначейскими обязательствами Маньчжоу-го, гарантированными японским правительством, на протяжении трех лет под 4% годовых (75%). Советские граждане и их имущество вывозились на родину за счет дороги. Отдельное соглашение должно было гарантировать продолжение советского транзита на максимально благоприятных условиях¹⁸.

Японцы – «независимость» Маньчжоу-го никого не обманывала – в ответ предложили 50 млн. иен (20 млн. золотых руб.), т. е. в 12,5 раз меньше. Мотивировки были просты: предельная стоимость дороги, по их подсчетам, не превышала 65 млн. иен; КВЖД только наполовину принадлежит СССР, значит, его доля составляет всего 32,5 млн. иен; поскольку Советский Союз в соглашениях 1924 г. взял на себя ответственность за все возможные финансовые претензии к дороге, возникшие до 9 марта 1917 г., ему можно заплатить указанную сумму, ничем конкретно не обоснованную, в отличие от названной Москвой. О порядке выкупа и передачи, дороги ничего не говорилось¹⁹. Токио уже предлагал «радикально разрешить проблему политически, с точки зрения общего положения дел и не углубляться в обсуждение вопросов технического характера»²⁰, т. е. не торговаться.

Порядок работы предполагал согласованное обнародование содержания переговоров. Как всегда, японцы предпочитали минимум огласки, их партнеры – максимум, рассчитывая извлечь из этого как можно больше выгоды. Советская делегация, оставив за собой право публиковать все свои предложения и ответы, отказалась обсуждать вопрос о

¹⁶ ДВП. Т. XVI. С. 279-281, 332-333, 831-833.

¹⁷ Кузнецкий Б. Каков смысл токийских переговоров о продаже КВЖД. – Япония. Сборник статей и материалов, с. 181-189. За этим псевдонимом (НКВД находился на Кузнецком мосту), вероятно, скрывался заведующий II Восточным отделом Б. И. Козловский.

¹⁸ ДВП. Т. XVI, с. 395-401.

¹⁹ Там же, с. 401.

²⁰ Цит. по: Япония. Сборник статей и материалов, с. 180.

праве собственности на дорогу как решенный соглашениями 1896 г. и назвала предложенную сумму смехотворной. Забуксовавшие по этой причине переговоры перевели в фазу конфиденциальных «промежуточных совещаний», но и они ничего не дали. Охаси начал пугать разрывом. 29 августа Политбюро с одобрения Сталина утвердило указания Юреневу: «Вам не следует уговаривать маньчжур откладывать разрыв переговоров, ставя себя в положение стороны, запуганной разрывом и поддающейся шантажу. На угрозу Охаси разрывом переговоров ответьте, что всю ответственность за разрыв возлагаете на маньчжурскую делегацию»²¹.

30 августа председатель правления КВЖД Ли Шаогэн пригрозил, что не будет созывать правление, пока Москва не уравнивает в правах советского управляющего и его маньчжурского помощника. 12 сентября четыре сотни бандитов-хунхузов напали на международный экспресс вблизи станции Пограничная, похитив 45 русских и 68 китайских пассажиров. 13 сентября Каганович сообщил Сталину данные разведки о том, что японцы готовятся захватить КВЖД путем насильственных перестановок в руководстве дорогой, и предложил нанести упреждающий удар, предав эти факты гласности. Сталин высказался за жесткий курс.

21 сентября заместитель Литвинова Г. Я. Сокольников²² предупредил японского посла, что у советского правительства имеются документы, которые будут опубликованы, если положение дел не изменится к лучшему. На следующий день в печати появилось официальное заявление, первая часть которого совпадала с представленным в Политбюро проектом Сокольникова, исправленным лично генсеком: «По достоверным сведениям, полученным советским правительством, маньчжурские власти, *по указанию японского правительства* (вставка Сталина. — В. М.), предполагают в ближайшие дни провести односторонне ряд перемен в управлении дорогой, совершенно нарушающих установленный порядок, в частности, предполагают грубо нарушить права, принадлежащие советскому управляющему дорогой, поставив его фактически в зависимость от маньчжурского помощника. В то же время, маньчжурские власти, *по указанию агентов японского правительства* (вставка Сталина. — В. М.), намечают ряд полицейских мероприятий против советских сотрудников на КВЖД». Заключительная часть заявления прямо отражала указания вождя: «Советское Правительство считает, что прямая ответственность за эти нарушения падает на Японское Правительство. Не Маньчжоу-го, которое бессильно и неспособно отвечать

за события в Маньчжурии, а Японское Правительство, являющееся действительным хозяином в Маньчжурии, должно нести прямую ответственность за все нарушения договоров на КВЖД, как и за подготавливающийся захват дороги»²³.

Это был вызов, на который японцы 24 сентября ответили арестами советских начальников служб КВЖД. Одобренный Сталиным 26 сентября проект ответа, который полпред Юренев вручил Хирота, недавно назначенному министром иностранных дел, гласил: «Сов(етское) пра(вительство) считает, что подобные действия японских властей в отношении КВЖД не могут не быть расценены на срыв ведущихся переговоров о продаже КВЖД. Ответственность за последствия полностью несет японская сторона». Хирота ответил: «Если будут делаться такие заявления, обе стороны никогда не будут в состоянии идти по пути, по которому им следует идти», решительно отрицал причастность Японии к арестам, настаивал на суверенитете Маньчжоу-го и взял Охаси под защиту от обвинений в затягивании переговоров²⁴. 28 сентября Москва заявила, что не будет возобновлять переговоры до освобождения арестованных.

10 октября «Правда» и «Известия» опубликовали три донесения японского посла в Маньчжоу-го (он же командующий Квантунской армией) генерала Хисикари Такаси и одно донесение генерального консула в Харбине Морисима Морито, адресованное Хисикари. Первое, датированное 4 сентября, сообщало о мерах местных властей «в целях оказания давления на токийские переговоры» со ссылкой на телеграмму Охаси от 25 августа о том, что «ввиду задержки в токийских переговорах желательно прибегнуть к активным мерам давления». Хисикари поддержал план «твердо настаивать на проведении реформ в аппарате КВЖД, установлении твердой таблицы тарифов и перерасчета в рубли и на том, чтобы по всем вопросам, находящимся в компетенции управляющего, должна быть виза маньчжурского помощника, без которой действия управляющего не могут считаться действительными». Два других донесения от 9 сентября сообщали о совещании японских дипломатов и военных. Кроме введения обязательной визы маньчжурского помощника, «для продвижения переговоров» они предлагали развернуть репрессии против советских граждан, поощрять деятельность «белых», а также «заставить частных кредиторов предъявить дороге свои претензии, затем наложить арест на имущество дороги». Генерал-посол рекомендовал «быстро приступить к осуществлению всех указанных выше мероприятий», «с внешней стороны проводить их совершенно независимо от токийских переговоров» и «обратить

²¹ Сталин и Каганович. Переписка, с. 313; ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 108.

²² Решением Политбюро от 25 мая 1933 г. Сокольников был назначен заместителем наркома по дальневосточным делам (Япония, Китай, Монголия); Карахан остался заместителем по Ближнему Востоку (Афганистан, Персия, Турция, Аравийские страны), а 23 июня 1934 г. был назначен полпредом в Турции.

²³ Сталин и Каганович. Переписка, с. 342–343, 349; ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 109.

²⁴ Сталин и Каганович. Переписка, с. 363–364; ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 111; ДВП. Т. XVI, с. 545–550.

особое внимание на сохранение сугубой секретности». Донесение Мориса от 19 сентября уведомляло посла о решении арестовать шестерых советских служащих, «ответственных за угон паровозов» и одного «виновного в неправильном расходовании средств дороги», что и было сделано 24 сентября²⁵.

Насколько можно верить этим документам? Иностранные аналитики отметили, что они не в полной мере соответствуют японским бюрократическим канонам и могут быть делом рук профессиональных фальсификаторов. Историк Дж. Ленсен полагал, что опубликованные Москвой тексты если и не подлинные в полной мере, то, несомненно, они основаны на аутентичных документах, попавших в руки советской разведки (в Токио циркулировали слухи об этом). При отсутствии неопровержимых доказательств подлинности или подложности вопрос остается открытым, пока не будут изучены «дешифранты», бывшие в руках Кагановича, который, конечно, не рискнул бы обманывать или «поддавливать» Сталина.

Токио отреагировал немедленно, о чем Каганович 12 октября доложил генсеку: «Первые отклики в японской печати на опубликованные ТАСС документы появились 10 октября, и в тот же день было напечатано первое заявление представителя министерства иностранных дел. В этом заявлении опубликование документов характеризовалось как нарушение международного доверия и утверждалось, что документы представляют собой фальшивки, что это опубликование может заставить Японию принять контрмеры, а если Советский Союз будет настаивать на своей позиции, то Япония “окажется вынужденной совершить решительный и окончательный шаг”. Газетные сообщения подчеркивали, что в военном министерстве особо возмущены и что оно предлагает потребовать от советского правительства взять обратно документы. Далее сообщалось, что министерство иностранных дел предполагает прервать переговоры о КВЖД и поручить Ота заявить в Москве протест против публикации фальшивых документов с требованием взять их обратно. Наконец, сообщалось, что решено выслать токийского корреспондента ТАСС за рассылку японским газетам текста сообщения ТАСС, несмотря на отказ Симбун рэнго (информационного агентства – В. М.) опубликовать его»²⁶.

Москва не только не испугалась и не взяла сказанное обратно, но ответила еще более решительными комментариями, что вынудило японцев «сдать назад». На следующий день поступили известия, что переговоры о КВЖД не прерваны, что Япония по-прежнему готова выступать в качестве посредника, что мнение военного министерства не отражает позицию правительства, а корреспондента ТАСС просто вызвали для бе-

седы. МИД уже не настаивал так решительно на подложности документов, но оценил шаг Кремля как нарушение международного «политеса». Козловский и Кузнецов оставались в Токио, Юренев периодически встречался с Хирота, возвращаясь к вопросу о КВЖД и судьбе арестованных, но патовая ситуация сохранялась.

Сталин не терял времени даром. В октябре 1933 г. он отправил наркома Литвинова с официальным визитом в США, чтобы торжественно обставить возобновление дипломатических отношений. «Если в разговоре с Литвиновым Рузвельт будет добиваться некоторого сближения с нами или даже временного соглашения против Японии, – указывал генсек 24 октября, – Литвинов должен отнестись к этому благожелательно»²⁷. 21 октября он же дал команду Молотову и Кагановичу «начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку обществ(енного) мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо использовать также ГИЗ (Государственное издательство – В. М.) и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и с положительными (есть ли) сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что *выпукло надо выставить* (выделено автором – В. М.) отрицательные, империалистические, захватнические милитаристские стороны... Вообще надо начать длительную солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии»²⁸. 25 октября в кремлевском кабинете вождя члены Политбюро совещались с пиарщиками – заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК А. И. Стецким, редактором «Правды» Л. З. Мехлисом и редактором «Известий» И. М. Гронским. В тот же день «Известия» напечатали статью К. Б. Радека «Динамит на Дальнем Востоке», днем позже в «Правде» появились «путевые заметки» по Японии и Корее, которых требовал Сталин. Разоблачительные публикации посыпались как из рога изобилия, особенно после резких слов вождя по адресу Японии в отчетном докладе XVII съезду партии 26 января 1934 г.

24 февраля 1934 г. шесть арестованных начальников служб КВЖД были освобождены из-под стражи и заменены новыми советскими представителями. 26 февраля переговоры о продаже дороги возобновились. Юренев известил Хирота, что Советский Союз согласен снизить цену до 200 млн. иен (67,5 млн. золотых руб.; половина суммы – товарами), если другая сторона возьмет на себя выплату выходных пособий советским служащим (около 30 млн. иен). Хирота взял переговоры на себя, но они все равно шли медленно. Только 26 апреля Охаси огласил ответ: Маньчжоу-го давало 100 млн. иен, включая выходные пособия. Стороны пошли на уступки, но до консенсуса было еще далеко.

²⁵ Япония. Сборник статей и материалов, с. 190–198.

²⁶ Сталин и Каганович. Переписка, с. 383.

²⁷ Там же, с. 403.

²⁸ Там же, с. 396–397.

25 мая Юренев «сбросил» 10 млн. иен. 23 июня Хирота предложил прибавить сумму выходных пособий к предложенным 100 млн. иен; ровно через месяц он говорил уже о 120 млн. иен. 26 июля Политбюро выработало новый вариант: 160 млн. иен (56 млн. золотых руб.) за дорогу; выходные пособия за счет Маньчжоу-го; японскими товарами покрываются уже не половина, а две трети выкупной суммы; денежная часть выплачивается наличными сразу по подписании соглашения (50%) и в четыре срока в течение трех лет (50%). «На случай дальнейшего падения курса иены и ввиду возможности в связи с этим поднятия индекса товарных цен в Японии сов(етское) пр(авительство) предлагает в отношении денежной части суммы выкупа установить так называемую золотую клаузулу, т. е. установить, что очередные платежи в иенах должны производиться с таким расчетом, чтобы они представляли золотой эквивалент соответствующих сумм в день подписания соглашения о продаже КВЖД». Одновременно предлагалось заключить соглашение о перевозках между СССР и Маньчжоу-го. 30 июля Юренев вручил этот ответ Хирота как окончательный²⁹.

Охаси, Хирота, Того требовали принятия японского варианта. 8 августа Каганович и Молотов запросили мнение Сталина о целесообразности провести через Козловского «личный» зондаж насчет цены в 150 млн. иен, на которую Москва могла бы согласиться, если бы ее предложил Хирота. Находившийся в отпуске вождь ответил решительным отказом: «Обращение Козловского к Хирота со своим личным предложением о цене КВЖД считаю нецелесообразным, так как оно может только усилить наглость японцев. Предлагаю не снижать пока цену, а на кампанию японцев ответить контркампанией в печати в духе того, что японцы не хотят покупать КВЖД, а хотят получить ее даром, либо захватить силой и объявить войну СССР, что японцы ведут агрессивную линию и ищут повода для войны с СССР». 9 августа Политбюро подтвердило прежнюю позицию³⁰.

13 августа «беспокойный и импульсивный» Охаси (выражение Того) известил Юренева, что покидает Токио. Маньчжоу-го возложило ответственность за срыв переговоров на Москву, пригрозив прекращением работы КВЖД и даже ее «отчуждением». С заявлениями в том же духе выступило руководство ЮМЖД. 18 августа Москва ответила подробным официальным сообщением об истории переговоров, вызвав недовольство японцев обнародованием предлагавшихся сумм³¹. Однако Сталин был недоволен: «Наша контркампания против японской лжи и провокации неудовлетворительна и беспомощна... Надо высечь

²⁹ ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 129–130.

³⁰ Сталин и Каганович. Переписка, с. 424–426; ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 132–133.

³¹ ДВП. Т. XVII, с. 562–565.

НКВД за спячку, слепоту, близорукость... Предлагаю систематически опровергать ложь японской печати об СССР через ТАСС или в отдельных статьях. Нельзя зевать и спать, когда стоишь у власти!» – решительно заключил он очередное письмо Кагановичу³². 22 августа тот покаялся и известил вождя о только что опубликованной японской версии происходящего: «Хоть они в конце нападают, конечно, на нас, но все же тон такой, что-де они рассчитывают, что можно договориться»³³. В тот же день Того заявил протест Юреневу по поводу обнародования подробностей переговоров, а Политбюро приняло решение «Об опровержении вымыслов японской и маньчжурской печати».

У японцев были и другие рычаги воздействия. 13–14 августа 1934 г. по КВЖД прокатилась очередная волна арестов советских служащих, занимавших ключевые технические посты, по обвинению в причастности к крушениям поездов и нападениям на них (последнее было вызвано отказом местных властей охранять дорогу). 20 августа Политбюро утвердило ноту японскому правительству, 21 августа – протесты маньчжурским властям. Возлагая ответственность за аресты на японцев, Москва прямо увязала их со срывом переговоров. Вопрос так и остался неурегулированным до окончания переговоров о КВЖД³⁴.

25 августа Каганович сообщил Сталину последнее предложение Того – прибавить еще 10 млн. иен. 26 августа он предложил «лично» отправить Козловского к Того, чтобы выразить ему удовлетворение, но заявить о недостаточности уступки и о необходимости предварительного освобождения арестованных. Сталин ответил из Сочи, где проводил отпуск: «Поручить Козловскому заявить от себя Того, что ввиду проявленного японцами желания сделать новую, правда, незначительную уступку он лично готов попытаться убедить Сов(етское) пр(авительство) снизить цену на 10 млн. и довести ее до 150 млн. иен при неременном условии, что условия продажи КВЖД, изложенные в заявлении Юренева от 30 июля, будут приняты японцами». Резолюция Политбюро от того же дня повторила шифровку вождя слово в слово³⁵.

В излюбленном японцами стиле Того сделал предложение Козловскому «неофициально», но хотел получить официальный ответ, причем от Юренева. С согласия Сталина Политбюро велело Козловскому продолжать «неофициальные» переговоры, а Юреневу – разъяснить Того, что на большее рассчитывать не приходится³⁶. 6 сентября Хирота со-

³² Сталин и Каганович. Переписка, с. 439–440.

³³ Там же, с. 448–450.

³⁴ ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 135–136; ДВП. Т. XVII, с. 565–568, 572–576, 622–628, 675–677, 696–699, 815–817.

³⁵ Сталин и Каганович. Переписка, с. 456; ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 136.

³⁶ Сталин и Каганович. Переписка, с. 469; ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 137–138; ДВП. Т. XVII, с. 582–583.

общил полпреду, что предложенная цена увеличивается до 130 млн. иен с условием, что дополнительные 10 млн. иен будут покрыты товарами, но полпред заявил, что «разочарован его предложениями» и что у него «нет надежды на то, что соглашение можно будет заключить в короткий срок». 10 сентября Политбюро предложило новый компромисс: «договориться на средней цене посредством разделения пополам разницы, оставшейся между советским предложением в 160 млн. иен и японским предложением в 130 млн. иен». Условия передачи дороги, подробно перечисленные в отдельном документе, предлагалось передать японцам, если Хирота примет предложение о цене³⁷.

В итоге вышло 145 млн. иен. Хирота продолжал торговаться, попросив сбросить еще 5 млн. иен, как будто не японцы настойчиво призывали «разрешить проблему политически» и не мелочиться. Сталину это, видимо, надоело, и 14 сентября он согласился. 19 сентября Юренев сообщил, что цифра в 140 млн. иен принята. «Очень приятно, – сказал Хирота, – что вопрос о цене урегулирован». Стороны приступили к техническим вопросам, причем все до мельчайших деталей: составлять ли новый баланс или осуществить сдачу-приемку по имеющимся описям – согласовывалось со Сталиным и обсуждалось на Политбюро. На этой стадии переговоров СССР пошел на ряд уступок, вроде применения «золотой клаузулы» при колебаниях курса иены более чем на 8% или на выплату процентов только с денежной части платежей, хотя не упускал случая подгонять партнеров не всегда приятными для них «сообщениями ТАСС»³⁸.

23 марта 1935 г., после 21 месяца переговоров, в Токио было подписано «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги)» из 14 статей³⁹. Согласованный текст на английском языке был выработан Ниси, Охаси, Козловским и Кузнецовым в ходе 15 заседаний между 1 февраля и 5 марта, парафирован Хирота и Юреневым 11 марта, а затем одобрен японским правительством и Тайным советом в присутствии императора Сёва и Тайным советом Маньчжоу-го в присутствии императора Пу И. Что касается советской стороны, то 11 февраля Политбюро постановило «предложить делегации в Токио всемерно ускорить переговоры по редактированию договора. Возникающие мелкие споры предоставляется решать самой делегации, которая должна запрашивать Москву лишь в случаях серьезных разногласий с японцами»⁴⁰.

³⁷ ВКП (б), Коминтерн и Япония, с. 139–140; ДВП. Т. XVII, с. 587, 819–820.

³⁸ Сталин и Каганович. Переписка, с. 499–500, 506–507, 517–518; ВКП (б), Коминтерн и Япония, с. 140–158; ДВП. Т. XVII, с. 601–603, 658–660, 680–683.

³⁹ ДВП. Т. XVIII, с. 178–180, 204–213.

⁴⁰ ВКП (б), Коминтерн и Япония, с. 157.

В отношении размеров и порядка выплат соглашение отражало компромисс, достигнутый на известных нам условиях. Японское правительство гарантировало обеспечение и трансфер всех причитающихся Советскому Союзу платежей. Несмотря на постоянные придирки маньчжурских властей, платежи, намеченные на 23 сентября 1936 г. и 23 июня 1937 г. были осуществлены в срок. Однако последний платеж, назначенный на 23 марта 1938 г., СССР смог получить только 4 января 1940 г., добившись этого от японцев только в ходе переговоров о заключении новой рыболовной конвенции. Предлогом для оттяжки были претензии частных лиц к дороге, причиной – кризис советско-японских отношений и отсутствие у Москвы возможности решить дело силой.

В день подписания соглашения в Харбине вице-председатель правления КВЖД П. А. Бандура и министр связи Маньчжоу-го Тин Чэньсю выполнили все формальности по передаче прав СССР на дорогу, а генеральный консул Славущий, выступая в Железнодорожном собрании в присутствии Ли Шаогэна, объявил об окончании переговоров. «За исключением крайне малого числа непримиримых противников СССР, – вспоминал Того, – японская общественность тепло приветствовала урегулирование проблемы КВЖД, видя в нем возведение мирными средствами преграды на пути экспансии России в восточном направлении»⁴¹. Литвинов и Хирота обменялись приличествующими случаю заявлениями о «плодотворном сотрудничестве» и «неутомимых усилиях» друг друга, похоже, искренне радуясь тому, что дело наконец-то сделано. КВЖД влилась в железнодорожную систему Маньчжоу-го, полностью контролируемую японцами.

История переговоров о продаже КВЖД показывает, что Сталин верно оценил ситуацию, сложившуюся в Маньчжурии в результате японской оккупации, противостоять которой СССР не мог. Отказавшись от железной дороги, советское руководство, разумеется, не перестало думать об укреплении своих позиций на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, которая для Москвы была не менее важна, чем Маньчжурия для Токио. Уступка КВЖД, объединение транспортной сети Маньчжурии под японским контролем и уязвимость Амурской дороги в случае военного конфликта стали главными причинами сооружения Байкало-Амурской магистрали, стратегический характер которой сразу же отметил выдающийся геополитик Карл Хаусхофер, перерабатывая в 1936 г. для нового издания свой классический труд «Геополитика Тихого океана»⁴².

⁴¹ Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996, с. 160.

⁴² An English Translation and Analysis of Major General Karl Ernst Haushofer's «Geopolitics of the Pacific Ocean». Studies on the Relationship Between Geography and History. Lewiston, 2002, p. 119, 159–161.

О возвращении КВЖД Сталин задумался только в 1943 г., приняв решение вступить в войну против Японии. Прикидывая годом позже, чем бы задобрить Москву, дабы удержать ее от этого шага, японские дипломаты рассматривали отказ от дороги как один из возможных вариантов. О ЮМЖД речи, разумеется, не было, но в 1945 г. Сталин решил забрать и ее. Советско-китайское соглашение от 14 августа 1945 г. объявило КВЖД (получившую официальное название Китайская Чанчуньская железная дорога), включая бывшую Южную ветку, т. е. ЮМЖД, собственностью СССР и Китая, которая будет эксплуатироваться совместно Обществом с правлением в Чанчуне исключительно в коммерческих целях. Соглашение было заключено на 30 лет, после чего, т. е. в 1975 г., дорога безвозмездно передавалась Китаю.

Произошло это гораздо быстрее – 31 декабря 1952 г. Отношения Москвы с Гоминьданом становились все хуже и переросли в открытую вражду с началом полномасштабной войны Мао Цзэдуна против Чан Кайши. Провозглашением 1 октября 1949 г. Китайской народной республики коммунисты закрепили свою победу, которая была бы невозможна без советской помощи. 14 февраля 1950 г. в Кремле были подписаны новые двусторонние документы, отменившие все договора и соглашения 1945 г. и решившие судьбу КЧЖД. Современные историки трактуют этот поступок Сталина как «беспрецедентную в международных отношениях уступчивость»⁴³. Режим перехода дороги к КНР был определен в коммюнике от 15 сентября 1952 г., а в последний день того же года в Харбине был подписан Заключительный протокол о ее передаче. В благодарственной телеграмме советскому руководству Мао Цзэдун говорил об «огромном вкладе Советского Союза в дело железнодорожного строительства в Китае». Однако надеждам Сталина на то, что теперь «русский с китайцем – братья навек», не суждено было оправдаться.

Колониальная Корея в зеркале секретных изданий японского генерал-губернаторства (1920–1945 гг.)

Л. В. Овчинникова

Даже в научных исследованиях историка возможно такое понятие, как подарок судьбы. Вдруг оказывается, что случайное приобретение потом станет поистине сокровищем для будущих изысканий. Моя родственница, Ф. И. Куликова-Шабшина с 1940 по 1946 г. провела (с небольшим перерывом) в Сеуле, где ее супруг был вице-консулом СССР. В драматические дни, когда завершилась вторая мировая война, советский дипломат приобрел через букиниста чемодан сброшюрованных в книгу текстов на японском языке, от которых спешил избавиться какой-то чиновник колониальной администрации. Эти документы были привезены в Москву, и чемодан с бумагами несколько десятилетий пролежал на антресолях. Оказалось, что большая их часть – секретные архивы японских спецслужб.

Ф. И. Куликова-Шабшина первая среди отечественных корейстов исследовала некоторые закрытые издания японского генерал-губернаторства, архивы тайной полиции. Она приводила отдельные данные из них в своих книгах «Очерки новейшей истории Кореи», «В колониальной Корее».

Однако без знания японского языка работать ей с этими материалами было трудно. И она передала содержание заветного чемодана автору этих строк. Вполне очевидно, какую огромную ценность представляют эти архивы для историков-востоковедов. Ведь они, словно зеркало, отражают как деятельность японских колониальных властей, так и настроения корейской общественности, ее отношение к японскому колониальному господству, проливают свет на многие вопросы национально-освободительной борьбы.

Отечественная ориенталистика создала немало трудов по этому периоду. Но наряду с объективными оценками и суждениями в них немало спорного, требующего переосмысления. Положение осложнялось тем, что долгое время советские корейсты были вынуждены следовать в своих трудах за официальной историографией КНДР. Она же, как известно, в угоду культу личности Ким Ир Сена, националистической доктрины «чучхе» искажала исторические факты, особенно касающиеся рассматриваемого двадцатилетия. В ней было много негативного, в частности, безымянность, отсутствие сведений о лидерах, участниках антияпонской борьбы, тем более, что многие впоследствии оказались жертвами тоталитарного режима КНДР. Образовалось немало «белых пятен», нерасшифрованных страниц колониальной истории страны.

⁴³ Ледовский А. М. Переговоры И. В. Сталина с Мао Цзэдуном в декабре 1949 – феврале 1950 г.: новые архивные документы. – Новая и новейшая история. 1997. № 1; Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999, с. 238–252.

В качестве одного из источников по истории колониальной Кореи автор исследует закрытые издания японского генерал-губернаторства. Большая часть таких материалов после капитуляции Японии была уничтожена. Но некоторые из них служащие колониальной администрации припрятали и продали букинистам.

Закрытые материалы японского генерал-губернаторства – материалы полиции, суда, прокуратуры – были изданы в 1920–1945 гг. в Корее на японском языке. Книги содержат большой объем фактического материала периода с конца 1910-х до конца 1930-х годов. Их прагматические, прикладные цели, а также детализированные до мелочей сведения лишь повышают ценность рассматриваемых изданий. Встает вопрос о степени достоверности и объективности данных материалов. Ведь нетрудно догадаться, какими методами полиция добывала сведения у арестованных, многие из которых не выдерживали пыток, давали ложные показания. Поэтому автор счел необходимым в процессе их исследования тщательно сверять все факты с другими материалами. Очевидно, что спецслужбы нередко преувеличивали размах освободительной борьбы, антиколониальных выступлений, дабы завысить свою роль в их подавлении, чтобы получить еще большие ассигнования для своей деятельности.

Исследуемые закрытые японские издания можно классифицировать следующим образом: а) комплексно-аналитические, исследовательские; б) оперативные; в) справочные; г) разные, главным образом обзорные. Рассмотрим наиболее, на наш взгляд, важные и интересные документы подробнее.

К первой группе автор относит книгу «Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время» («Сайкин-ни окэру тэсэн дзиан дзёкё», Сеул, 1939 г.). Она написана, как явствует из текста, не только полицейскими чинами, но и учеными, аналитиками. В ней затрагиваются вопросы национально-освободительного движения в Корее, содержатся сведения о леворадикальном крыле этого движения, о лидерах патриотов, их организациях. В книге предприняты попытки периодизации и выяснения особенностей и тенденций развития антиколониальной борьбы. Приводится большой материал о методах ее подавления, о так называемых «идеологических преступлениях», содержатся сводки, таблицы, подробные данные о судебных процессах. В этой книге, как и в других аналитических материалах, дифференцированный подход к антияпонским организациям сводится, в основном, к делению их на два потока: левый, возглавляемый или прямо отождествляемый с коммунистами, и буржуазно-националистический. О последнем говорится гораздо меньше, чем о первом. Особую бдительность авторы рассматриваемой книги проявляют по отношению к проблеме единства действий, связям между этими двумя потоками, изыскивая пути предотвращения создания ими единого фронта. Заслуживают внимания материалы книги о корейских религиозных организациях.

Отдельная глава книги посвящена легальным, ненасильственным формам выступлений корейцев за национальную независимость (участие в парламентских выборах и пр.). Другой раздел – «Об общественном спокойствии» – содержит информацию, указывающую на то, сколь тревожило японскую администрацию состояние умов корейцев, их недовольство политической колониальных властей, а в 30-х годах – развертыванием Японией военных действий в Китае. Чрезвычайные меры борьбы с «опасными элементами», включали не только репрессии, но и создание в колонии различных прояпонских организаций и разложение изнутри патриотических сил.

Основное внимание в книге уделяется леворадикальному крылу патриотических сил, которое рассматривалось колониальной администрацией в качестве влиятельной силы корейской освободительной борьбы. В издании подчеркивается, что деятельностью левого крыла якобы руководила Москва. Вместе с тем, в разделах, посвященных 1930-м годам, указывается на большую роль китайской компартии в партизанской борьбе на территории Маньчжурии, в создании единого антияпонского фронта.

Обширный материал содержится в «Вестниках идеологии» («Сисо ихо»). Автор проанализировал доступные для него выпуски за 1934 г., № 12, 1936 г., № 6, № 12, 1937 г. № 11, 1938 г., № 14, № 16, которые можно отнести к группе оперативных материалов. В них приводятся отчеты прокуратуры Верховного Суда, касающиеся «особо важных идеологических преступлений» в Корее, сводки о судебных делах, об арестах членов подпольных групп, «красных» союзов рабочих, крестьян, интеллигенции, ставивших задачи достижения независимости страны и создания «коммунистического» общества.

Новые материалы можно найти у руководителей и активиста патриотических организаций. В этом издании и других книгах упоминаются такие известные деятели антиколониального движения, как Ким Дубон, У Ёнхён, Пак Хонён и т. д.

В «Вестнике идеологии» говорится и о настроениях корейцев, проживавших в Японии и Китае, об «опасно мыслящих корейцах», связанных с деятельностью газет, журналов, других средств массовой информации. Опубликованы там и обзорные статьи. Они, естественно, имеют прикладное значение, но содержат и элементы анализа. Интересны статьи «Характеристика и особенности развития корейского коммунистического движения», «Новый курс компартии Кореи». Разделы «О деятельности христиан» в выпусках «Вестника» посвящены роли религиозных организаций в борьбе за независимость. Затрагиваются в них и вопросы деятельности ВКП (б), компартий Японии и Китая с точки зрения их влияния на корейских патриотов.

В целом «Состояние общественного спокойствия», являясь как бы комплексным изданием, касается преимущественно общих вопросов корейского национально-освободительного движения; «Вестники идеологии», предназначенные для оперативной информации, раскрывают

механизм действия карательной системы. Они также дают подробный фактический материал о состоянии общественной мысли в Корее, об умонастроениях разных слоев ее населения, о позиции действовавших в стране политических сил.

Следует подчеркнуть также значительную ценность для исследователей секретных справочных изданий: «Корейская полиция» («Тёсэн кэйсацу», Сеул, 1938 г.), и «Словарь тайной полиции» («Кото кэйсацу ёгодзитэн», Сеул, 1935 г.).

В первой книге приводятся данные о числе и характере правонарушений, об арестах во всех провинциях Кореи в 1921–1937 гг., о боевых действиях корейских партизан. Одна из глав, посвященная вопросам обеспечения общественного спокойствия, повествует о национально-освободительной борьбе и ее подавлении полицией и жандармерией за длительный период со времени аннексии страны Японией в 1910 г. Книга выявляет структуру существовавшего в Корее военно-полицейского режима, в частности, системы надзора и сыска, обучения и финансирования аппарата подавления.

Другое справочное издание, «Словарь тайной полиции», является своего рода пособием для службы тайного сыска. В нем приведены данные о наиболее крупных корейских патриотических организациях, дается краткая характеристика каждой из них.

Основное внимание уделено объединениям левой направленности; приведены сведения о ККП, комсомоле, некоторые их документы. Интересен приводимый в «Словаре» понятийный аппарат. Здесь дается объяснение таких терминов, как капитализм, классовая борьба, национализм, социал-демократия, национальная независимость и др. Из книги можно извлечь не только конкретную информацию, но и уяснить трактовку японскими спецслужбами проблем корейского национально-освободительного движения, ситуации в мире в целом.

Отнесенные автором к группе обзорных источники позволяют полнее раскрыть общую обстановку в стране. «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тёсэн сотоку дзикёку тайсакэй симонган санкосё», Сеул, 1938 г.), куда входят издания: «Общественные учреждения и мероприятия», «Движение за возрождение корейской деревни», опубликованные под грифом «секретно», «Внешняя торговля Кореи», «Промышленные ресурсы Кореи», «Справочник по бюджету генерал-губернаторства», «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» (под грифом «совершенно секретно») и другие говорят о возросшей роли Северной Кореи в военных планах Японии, о стремлении японцев укрепить свой тыл в период подготовки и ведения войны против СССР, превратить Корею в военно-стратегический плацдарм, а также о большом промышленном строительстве, которое там развернулось. Чрезвычайные меры властей касались обороны, прежде всего противовоздушной, системы охраны важнейших городов, учреждений и транспорта – железнодорожного, морского и воздушного.

Важными представляются и публикации «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзюгонэнси», Сеул, 1935 г.), «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзюонэнси», Сеул, 1940 г.), «Обстановка в Корее» («Тёсэн дзидзё», Сеул, 1941 г., 1943 г.) и других материалов, в основном исследованных автором.

Из этих книг исследователи могут почерпнуть сведения не только о ситуации в Корее и подлинном положении народных масс, но и о том, что конкретно было создано Японией в своей колонии, в частности, о создании там инфраструктуры, о промышленном и железнодорожном строительстве, о развитии образования и культуры. Изучение этих книг поможет преодолеть односторонность в общей оценке колониального периода.

Таково в общих чертах содержание исследуемых книг. Учитывая их особый характер, автор по мере возможности, как уже отмечалось, стремился сверять приводимые сведения с другими источниками, в первую очередь, с закрытыми материалами, подготовленными российскими учеными. Это – спецбюллетени для служебного пользования и инициативные записки сектора Кореи Института Востоковедения РАН; архивы А. И. Шабшина (Куликова), который являлся вице-консулом в Сеуле (1939–1946 гг.), а затем заместителем политического советника СССР в Северной Корее (1946–1948 гг.); записи воспоминаний участников антияпонской борьбы, сделанные его супругой Ф. И. Шабшиной (Куликовой), которая жила и работала в Генеральном Консульстве СССР в Сеуле в 40-е годы; использована советская пресса 1920–1930 гг. и многочисленные труды российских историков-корееведов, в наиболее общем виде отраженные в «Истории Кореи».

Повторяемость информации в исследуемых источниках не снижает их значимости, а, наоборот, позволяет при сопоставлении этой информации с другими материалами отсеять сомнительные, противоречивые сведения.

Из пересказа содержания японских секретных материалов видно, что они содержат колоссальный фактический материал по истории корейского национально-освободительного движения. Из этих материалов автор старался выделить наиболее важные сведения. Он стремился исследовать их по возможности всесторонне, освещая основные блоки вопросов, поскольку формат статьи не позволяет представить весь объем информации.

Период конца 10–20-х годов прошлого столетия: ситуация в стране; внутренние и внешние факторы подъема национально-освободительного движения; восстание 1919 г.; реформы колониальных властей; зарождение социалистического движения; создание и деятельность ККП; проблемы и первые ростки единого национального фронта патриотических сил; июньская демонстрация 1926 г.; Шестой конгресс Коминтерна, его новый курс и его влияние на Корею; образование «Синганхве» как организации единого фронта.

Период первой половины 1930-х годов: роль, отводимая японским милитаризмом Корею; левизна и сектантство в корейском освободительном движении, нанесенный ими тяжелый ущерб, отход от действий политики единого фронта совместных действий национальных сил; Шестой конгресс Коминтерна и его левосектантский курс; роспуск «Синганхве»; деятельность «красных» рабочих, крестьянских союзов, тайных обществ; общие изменения в расстановке политических сил и процесс их размежевания.

Период второй половины 1930-х годов: Седьмой конгресс Коминтерна; антиколониальные, антивоенные выступления в стране; партизанское движение; рейды подразделения, возглавляемого Ким Ир Сеном; КПК и корейская партизанская борьба; создание Общества возрождения отечества; его связи с Кореей.

Отдельный блок вопросов касается форм и методов управления в колонии, акций японских властей, направленных на подавление освободительного движения. Хотелось бы раскрыть эту тему подробнее, поскольку исследовалась она отечественными японоведами лишь в небольшой степени.

Остановимся на периоде конца 10-х–20-х годов. Материалы книг «Корейская полиция» и «Словарь тайной полиции» позволяют сделать вывод, что в рассматриваемый период эти методы менялись, трансформировались. После народных волнений 1919 г. японские власти встали перед необходимостью реформ. Об этом свидетельствует специальная секретная публикация штаба японской жандармерии «Беспорядки в Корею» («Тёсэн содзё дзикё»). Старые методы управления колонией в новых мировых и внутренних условиях требовали значительных изменений, и реформы были проведены. Была провозглашена так называемая «эра культурного управления».

Наиболее существенным результатом реформ было некоторое расширение сфер деятельности корейской буржуазии – укрепление социальной опоры японских властей. В 1920 г. был отменен «Закон о компаниях», существенно ограничивавший возможность создавать компании, торгово-промышленные общества, банки, что дало толчок к росту корейской буржуазии. Реформы коснулись и политической сферы: была создана система «местного самоуправления». В качестве самой радикальной реформы объявлялось предоставление народу «политических свобод». В соответствии с положением о «свободе печати» разрешался выпуск корейских газет. «Свободу организаций» власти пытались свести к созданию спортивных, деловых и научных обществ. При всей ограниченности курса реформ они вызвали определенную либерализацию режима, облегчали условия антиколониальной борьбы.

В справочнике «Корейская полиция» содержится материал, касающийся широко разрекламированной реформы «ликвидация жандармерии». В действительности же произошло укрепление и расширение полицейского

корпуса. Это свидетельствовало о том, что главным методом колониального господства остались репрессии. Число полицейских управлений в результате реорганизации в 1921 г. было увеличено по сравнению с 1917 г. на 155%, участков – на 52%, постов – на 36%. По сравнению с периодом до реформ почти на 50% возрос и полицейский корпус¹. В связи с тем, что охрана границы в 1923 г. перешла в ведение полиции, число полицейских увеличилось на 3254 человек и достигло к 1923 г. 20 758 человек². Расширилась и сеть тайной полиции.

Итак, в 1919–1926 гг. Япония была вынуждена пойти на реформы. Хотя это время называли периодом «культурного управления», источники свидетельствуют, что аппарат подавления колониальной администрации был укреплен в еще большей степени и в полную силу продолжал функционировать.

Конец 1920-х – первая половина 1930-х годов – наиболее противоречивый и драматичный период антияпонского движения. С одной стороны, Япония, наращивая милитаризацию и рассматривая Корею как военно-стратегический плацдарм, как базу продвижения на материк, все активнее добивалась спокойствия корейского «тыла». С другой стороны, мировой экономический кризис и военные приготовления Японии привели к дальнейшему ухудшению условий жизни широких слоев населения, обострили их протест. В национально-освободительной борьбе нарастали левизна, сектантство, ультра-революционность в значительной мере вследствие непродуманной экстремистской линии радикальных элементов.

Методы управления и контроля, которые применяла колониальная администрация, показаны в секретных материалах весьма наглядно. Больше всего, судя по материалам, власти беспокоила антиколониальная и антивоенная направленность борьбы. Ультрареволюционный курс радикалов, деятельность так называемых «красных союзов», их лозунги вряд ли воспринимались всерьез, и в значительной мере даже облегчали полиции выявление «опасных элементов». Устраивал японскую администрацию и курс левых, направленный против единства действий с буржуазными националистами. Все же леворадикальное подполье в целом являлось влиятельной силой национально-освободительного движения. Оно делало взрывоопасным корейский тыл, и против него был направлен основной удар репрессий. Наряду с многочисленными арестами предпринимались меры, нацеленные на углубление раскола патриотических сил с помощью самих же корейцев, засылка провокаторов в подпольные организации, инспирирование в них групповой борьбы.

Расширилась сеть тайного сыска. Как следует из материалов, полиция особенно бдительно следила за связями с Москвой, компартиями Китая и Японии.

¹ «Корейская полиция», с.23.

² Там же, с.5–6.

Следует подчеркнуть дифференцированный подход японских властей к разным слоям населения и их настроенности. Так, учитывая настроения крестьян, они с 1932 г. развернули движение «за возрождение деревни», одновременно приняли десятилетний план по увеличению числа хозяйств крестьян-собственников, а в 1934 г. – «Земельный закон», устанавливающий трехлетний срок аренды. Это были меры, направленные на увеличение числа собственников земли, шагом к успокоению крестьянина. Что же касается рабочих, то колониальные власти тревожили, главным образом, их антиколониальные выступления в военно-промышленных центрах, где наряду с репрессиями применялись и экономические методы усмирения.

Властей интересовала и деятельность патриотически настроенной интеллигенции. Стараясь ослабить связи интеллигенции с рабочим и крестьянским движением, с ней заигрывали, всячески гасили ее острую реакцию на национальную дискриминацию.

В рассматриваемое время, судя по материалам источников, японская администрация проявляла осторожность в отношении корейских традиций, проводила «японизацию» осмотрительно, дабы не задеть национальных чувств корейцев.

Материалы позволяют исследователям выявить многообразный арсенал приемов – репрессии, идеологические и другие акции, применяемые на разных этапах управления в Корее. Особый аспект, требующий изучения, – это учет японской колониальной администрацией устойчивости национальных чувств и традиций, известная осторожность, нараставшая по мере расширения антияпонского движения и осуществления милитаристских действий, где Корею, как военно-стратегическому плацдарму, отводилось особое место.

В рассматриваемых материалах содержатся документальные сведения о методах управления и контроля колонией во второй половине 30-х годов, о мерах, предпринимаемых администрацией и ее карательными органами, о результативности этих мер. Главное в этих действиях – строгий учет общей ситуации в стране и в мире, изменений курса и расстановки сил в лагере антияпонской борьбы, ее просчетов, уязвимых точек и соответственно изменение тактики ее подавления. Незменным средством при этом оставались репрессии, обеспечиваемые мощным полицейским аппаратом. Но в рассматриваемое время ограничиваться ими становилось все труднее. Была разработана, продумана и приведена в действие система дополнительных приемов. Они включали меры по расколу и разобщению патриотических организаций, по недопущению единого антияпонского, антивоенного фронта, инспирирование и разжигание групповых распрей, насаждение в массах недоверия, подозрительности, настороженности, провоцирование конфликтов между корейцами, японцами и китайцами, широкое распространение круговой поруки через патриотические группы и другие меры. Полиция

усилила преследования за провокационные слухи в связи с войной в Китае; в материалах подчеркивался рост подобных слухов и серьезный вред, который они приносили Японии³.

Японская администрация усилила идеологическую обработку народа. Была создана целая система борьбы с «идеологическими преступлениями» для воздействия на общественное сознание, подрыва влияния антияпонских, антивоенных сил. Была создана сеть новых организаций. Так в 1937 г. была образована «Лига патриотических идей». Особое место в системе управления и контроля в колонии принадлежало «Союзу всеобщей мобилизации духа нации» (1938 г.), ячейки которого (патриотические группы) распространились по всей стране и механически охватывали все население поголовно. В 1939 г. в Корее насчитывалось 350 тыс. «патриотических групп», а в 1940 г. – 438 тыс. Численность их соответственно составляла 4600 тыс. и 7080 тыс. человек (учитывались только главы семей)⁴. На «Союз» были возложены комплексные задачи: политические – всемерное содействие осуществлению политики Японии и акциям военного времени; полицейские, точнее сыскные, – выявление «опасных элементов», сомневающихся, колеблющихся и принятие соответствующих мер в отношении этих лиц. Важной сферой деятельности Союза была идеология. Внедрение в общественное сознание идей «величия Японской империи», необходимость всячески содействовать ее победе и т. п. стали буквально частью жизни корейцев. Им усиленно внушались идеи японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония – одно целое, одна семья» призван был ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для больного национального самолюбия корейцев, повысить их усердие в труде. Из источников можно заключить, что этот лозунг, как и другие методы воздействия на массы, применялся дифференцированно к разным слоям населения.

С подобной целью были созданы еще несколько организаций: «Корейская ассоциация по борьбе с коммунизмом», задачей которой, среди прочих, были всемерный подъем национального духа, и профашистская молодежная группа «Молодежный корпус» («Сэйнэндан»). Создавались различные прояпонские общества, союзы, группы, куда входили представители корейской буржуазии, помещики. Так, в 1939 г. было основано «Общество прогресса Кореи», широко пропагандировавшие идеи единства Кореи и Японии и девиз – «Восемь углов мира под одной крышей». Власть всячески подчеркивали свое отношение к корейцам, как к «собратьям». Внедрялась концепция единства, дружества метрополии с колонией.

В «Состоянии общественного спокойствия...», к примеру, говорится об обществе, созданном в 1934 г. группой национал-реформистов, которые пропагандировали идею: «Япония и Корея – одна семья»⁵.

³ Состояние общественного спокойствия..., с.105.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Учитывая, сколь важную роль в истории Кореи играют религиозные организации, последователи которых были способны расширить возможности единого фронта антиколониальных, антивоенных сил, колониальная администрация приняла в отношении этих организаций серию акций. Они включали репрессии, аресты и меры политического и идеологического давления. В то же время с конца 1930-х годов религиозные организации настойчиво привлекались к сотрудничеству. «Словарь тайной полиции» содержит на этот счет любопытный материал. В нем сказано, что «после начала японо-китайской войны власти создали представителей 18 буддийских храмов, и было решено оказывать помощь тылу. Согласно указанию генерал-губернаторства, в 31 храме была проведена мобилизация 7 тыс. монахов в помощь тылу»⁶. А ведь 1930–1940-е годы – это время жесткого антагонизма между японскими властями и христианскими миссионерами.

Довольно много материала содержится и о такой организации, как «Общество возрождения отечества» («Чхондогё»). «Хотя общество встало во главе широких народных масс, его последователи настаивали на выполнении народом своих обязанностей...»⁷. Позднее общество было распущено. Источники содержат сведения и об обществе «Чхонудан» («Общество друзей Чхондогё»).

Все эти меры оказались даже более результативными, чем об этом писалось в работах советских востоковедов. Многие патриоты в те годы отошли от антияпонской борьбы. В секретных материалах приводятся результаты деятельности властей. «В связи с изменением внешней и внутренней политики стал намечаться отход подпольщиков от своих убеждений. После китайских событий (1937 г.) многие опасные элементы, обладавшие большим практическим опытом работы, осознали свои ошибки и стали отдавать свои силы охране тыла». Но все же подпольная деятельность патриотических сил полностью не прекратилась, и, как пишут источники, «формы ее стали лишь более искусными»⁸. Издания полиции отмечают, что некоторые «раскаившиеся» стали оказывать помощь мероприятиям японского правительства. Но вместе с тем «Вестник идеологии» пишет о сожалении властей по поводу того, что «некоторые из них снова нарушали закон об общественном спокойствии. Предотвратить это – наша задача»⁹. Однако окончательно подавить подпольную деятельность патриотических сил колониальные власти были не в состоянии.

Итак, исследуемые материалы помогают сделать вывод об умелой маневренности и гибкости, о продуманности и многообразии методов

⁶ «Словарь тайной полиции», с. 21–22.

⁷ Там же, с. 63.

⁸ «Состояние общественного спокойствия...», с. 10–12.

⁹ «Вестник идеологии». 1936, № 6, с. 93.

управления и контроля в колонии. Из них следует, что японскими властями тщательно учитывались внешние и внутренние условия, как стимулировавшие, так и ограничивавшие сопротивление масс колониализму и войне. Это касается многих факторов: экономических, политических, психологических, религиозно-этических, уровня массового сознания, черт национального характера, курса руководящих сил разных потоков освободительной борьбы, вообще специфических особенностей Кореи. Необходимо подчеркнуть следующее: хотя во все рассматриваемые периоды главным методом управления являлся сыск и террор, этой же цели служила и созданная японскими колонизаторами мощная идеологическая система, для которой характерна была не только наступательность и жестокость, но и осмотрительность, умение приспособиться к обстоятельствам, особенно в сфере корейских национальных традиций.

Таким образом, «секретные» и «особо секретные» издания японской полиции, суда и прокуратуры представляют значительную ценность для исследования разных аспектов корейской истории колониального периода, прежде всего, освободительного движения, форм, методов и масштабов антияпонского сопротивления. Во всех группах источников – оперативных, комплексно-аналитических, справочных, обзорных – содержится большой банк информации, во многом новой, касающейся массовых народных выступлений, деятельности политических организаций, их направленности и географии. Весьма ценными представляются данные о персоналии освободительного движения, слабо представленной в трудах российских корееведов.

Кроме того, исследуемые издания также дают информацию о ситуации в самой Корее, о социальных, культурных, идеологических процессах, происходящих в этой стране. Они позволяют проследить многие изменения в социальной сфере – становление корейской буржуазии, рост рабочего класса и прочее, – а также оценить формировавшиеся там социально-политические силы.

Рассмотренные нами материалы, разумеется, при критическом их использовании и сопоставлении с другими изданиями, помогают воспроизвести картину колониальной Кореи, восполнить многие «белые пятна» ее историографии. Одновременно они представляют обширную информацию о деятельности колониальных властей, приводят на этот счет многочисленные данные, наглядно показывают формы и методы управления в Корее, особенности колониальной политики Японии в Азии.

Но дело не только в фактах. Своими материалами источники содействуют и переосмыслению, пересмотру некоторых ошибочных трактовок и выводов, способствуют поиску новых оценок.

В целом, характеризуя значение секретных японских изданий как источника исследования колониального периода, автор считает, что с

введением в научный оборот новых, ранее неиспользованных материалов японского генерал-губернаторства в Корею вносится весомый вклад в пополнение источниковедческой базы исследований корейской и японской истории 1910–1945 гг.

Список закрытых изданий японского генерал-губернаторства в Корею

1. «Состояние общественного спокойствия в Корею в последнее время» («Сайкин-ни окэру тэсэндзиан дзёкё:»). Сеул, 1939 (секретно).
2. «Вестники идеологии» («Сисо ихо»). 1934, № 12; 1936, № 6; 1937, № 11; 1938, № 14, № 16 (секретно).
3. «Корейская полиция» («Тёсэн кэйсацу»). Сеул, 1938 (секретно).
4. «Словарь тайной полиции» («Кото кэйсацу ёгодзитэн»). Сеул, 1935 (секретно).
5. «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тёсэн сотоку дзикёку тайсакэй симонган санкосё») Сеул, 1938.
 - а) «Общественные учреждения и мероприятия» (секретно).
 - б) «Движение за возрождение корейской деревни» (секретно).
 - в) «Внешняя торговля Кореи» (секретно).
 - г) «Промышленные ресурсы Кореи» (секретно).
 - д) «Справочник по бюджету генерал-губернаторства» (секретно).
 - е) «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи» (совершенно секретно).
 - ж) «Организация сухопутного транспорта» (секретно).
 - з) «Телеграф, почта, радио» (секретно).
6. «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзюгонэнси»). Сеул, 1935.
7. «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзюонэнси»). Сеул, 1940.
8. «Обстановка в Корею» («Тёсэн дзидзё»). Сеул, 1941.
9. «Беспорядки в Корею» («Тёсэн содзё дзикё»). Сеул, 1930.
10. «Исследование поселков в Корею» («Тёсэн буракутё тэсахококу»). Сеул, 1924, ч. 1.
11. «Город Сеул» («Кэйдзё фусэй иппан»). Сеул, 1942 г. (секретно).
12. «Ежегодник национального движения в Корею» («Тёсэн миндзоку ундо нэнкан»). Сеул, 1932, (секретно).
13. «Приложение к законам и указам в Корею» («Тёсэн дзикёку канкэй хоки цуйроку»). Сеул, 1941, т. 8 – «Законы и указы в Корею на 1 июля 1941 г.» («Тёсэн Гёсэй гаккай хакко»).

Мотоно Итиро (1862–1918) – яркий представитель политики здорового смысла

Э. А. Барышев

Говоря о русско-японских отношениях в предреволюционный период невозможно обойти молчанием имя Мотоно Итиро, с января 1906 г. по октябрь 1916 г. представлявшего интересы Японии в России сначала в качестве посланника, а затем – посла. Под всеми важнейшими соглашениями, подписанными в эти годы между правительствами двух стран, можно увидеть его подпись. Имя Мотоно, по отношению к которому тогдашняя периодическая печать употребляла такие эпитеты как «русофил» и «последовательный сторонник русско-японского сближения», было известно в то время каждому образованному человеку не только в России и Японии, но и во многих других странах мира. В прессе начала XX в. о Мотоно говорилось как об одном из главных «виновников» двустороннего сближения¹.

Так ли это было на самом деле? Что это был за человек, о личности которого вообще и его дипломатической деятельности как на посту японского посла, так и на посту министра иностранных дел (он занимал его с ноября 1916 г. по апрель 1918 г.) очень мало говорится не только в отечественной, но и в японской историографии². Какую роль в действительности сыграл этот человек в русско-японском сближении? Какие мотивы и соображения двигали этой незаурядной личностью? Каким политическим капиталом обладал этот дипломат? Обнаруживаются ли во внешнеполитических взглядах Мотоно «русофильские» нотки? В данной статье автор хотел бы рассмотреть процесс становления Мотоно Итиро как личности и дипломата, остановившись подробнее на его дипломатической деятельности, непосредственно предшествовавшей русско-японскому сближению в указанный выше период времени.

¹ Например, см.: Нитиро домэй-рон: Мосукофусукиэ вэдомосути-си сясэцу (Дискуссия о русско-японском союзе: Передовица газеты «Московские ведомости»). – Гайко дзихо («Дипломатический вестник»). 01.12. 1914 г., № 242, с. 83; Нитиро но татэякуса: Рококу гайму дайзин Сазонофу-си, торо нихон тайси Мотоно Итиро (Достопочтимые личности Японии и России: российский министр иностранных дел Сазонов и японский посол в России Мотоно Итиро). – Нитиро дзицугё симпо (Вестник японско-российского предпринимательства). 1916, июль, с. 48–50; Висконт Мотоно. – Приамурские ведомости, 09.08.1916, № 2461.

² Пожалуй, единственным серьезным сочинением о Мотоно является написанная его внуком Мориюки (родился в 1924 г.) история японской дипломатии, рассмотренная через призму дипломатической деятельности четырех поколений рода Мотоно, опубликованная на страницах японского ежемесячника «Гайко форуму» («Дипломатический форум») в 1993–1995 гг. под названием «Нихон гайко сики» («Частные записки о японской дипломатии»).

На пути к дипломатии: молодые годы Мотоно Итиро

Мотоно Итиро, выдающийся японский дипломат конца XIX – начала XX в., родился в местечке Кубота-Токуман провинции Хидзэн (сейчас преф. Сага) в 1862 г. Он был первым сыном в семье ученого-голландоведа (*рангакуся*) и чиновника Мотоно Моримити (1836–1909), одного из способнейших представителей японского общества того времени. Не будет преувеличением сказать, что именно отец и проторил для Мотоно путь в большую политику.

В период ослабления политической системы сёгуната Токугава Моримити, как и многие другие «дальнозоркие» люди южнояпонских провинций, начал изучение «западной науки» и европейских языков – сначала голландского, а потом – английского. В 1858–1860 гг. Моримити обучался в школе известного голландоведа и врача Огата Коан (1810–1863) в Осака, где познакомился со ставшим широко известным впоследствии просветителем Фукудзава Юкити (1835–1901). Затем в 1862–1865 гг. он стал учеником в школе английского языка в Нагасаки, в которой преподавал американский протестантский проповедник Гуидо Фербек (1830–1898). Здесь, в Нагасаки, служившим тогда для Японии «окном в большой мир», Моримити близко сошелся с Окума Сигэнобу (1838–1922), который был родом из той же провинции Хидзэн и стал впоследствии его надежным другом и покровителем. Реставрация Мэйдзи открыла для Моримити путь «во власть»: в апреле 1868 г. он стал чиновником в управлении префектуры Канагава, находившейся тогда на «передовой линии» отношений Японии со всем остальным миром и контролировавшей почти все внешнеторговые потоки.

В Иокогаме в 1870 г. Моримити основал вместе со своими друзьями по Нагасаки Коясу Такаси (1836–1898) и Сибата Масакити (1841–1901) первую в Японии печатную типографию «Ниссюся», положив тем самым начало самой влиятельной в настоящее время в Японии ежедневной газеты «Иомиури». Впрочем, сам Моримити должен был на некоторое время отойти от издательских дел: в октябре 1872 г. он отправился в Лондон в качестве первого секретаря японской миссии. Вместе с ним направился в Европу и его сын Итиро, которому было тогда 11 лет. Однако младшего Мотоно ждала не Англия, а Франция: ему предстояло учиться в одной из парижских школ. Это было время, когда Япония, приступившая к решительному слоу старой средневековой системы, во всем училась у Запада, перенимая новые знания и порядки³.

Пожалуй, этому знакомству с Францией и французским языком Мотоно и был обязан своим последующим стремительным взлетом в качестве

дипломата. 14 лет своей не очень продолжительной жизни Мотоно провел именно во Франции. Три года учебы во французской школе также сыграли большую роль в его судьбе, во многом сформировав его характер и взгляды на жизнь. В 1876 г. его отец оставил свой пост в Лондоне и они вернулись на родину, после чего старший Мотоно перешел на службу в министерство финансов, заняв должность начальника Иокогамского таможенного управления, а младший поступил в Токийскую школу иностранных языков (нынешний Токийский университет иностранных языков), которую благополучно закончил спустя три года. Затем Мотоно-младший некоторое время изучал «китайские науки» (*кангаку*) в школе основателя религиозной секты «Синто тайсэйкё» Хираяма Сэйсай (1815–1890).

Первым местом работы Мотоно Итиро – с лета 1880 г. – стала компания «Бозэки сёкай» («Внешнеторговое общество»), созданная в то время в Иокогаме при непосредственном участии тогдашнего министра финансов Окума, основателя корпорации «Мицубиси» Ивасаки Ятаро (1835–1885) и уже упомянутого выше Фукудзава с целью «потеснить иностранцев из сферы внешнеторговых сделок на японском рынке» путем прямого выхода на иностранные рынки. Предполагалось, что «Внешнеторговое общество» сможет выполнить поставленные перед ним задачи, опираясь на созданный почти одновременно с ним «Иокогама Спешл Банк». Это была крайне смелая для того времени экономическая инициатива, движимая здоровым чувством национализма и патриотизма. Для большинства представителей «Внешнеторгового общества» движение за независимость и самостоятельность Японии в мировых делах стало основой их жизненной философии. Исполнительным директором и управляющим компании был назначен некто Асабуки Эйдзи (1849–1918), ближайшее доверенное лицо и зять Фукудзава⁴. В начале XX в. именно Асабуки, с которым Мотоно сохранял на протяжении всей своей жизни самые теплые отношения, стал одним из главных людей в «империи Мицуи».

В мае 1882 г. по совету своего начальника Асабуки Мотоно был отправлен по торговым делам в Европу. После непродолжительного пребывания в Англии весной 1883 г. руководство компании решило направить своего представителя в крупнейший промышленный центр Франции Лион, где Мотоно должен был осваивать коммерцию в одной из местных компаний. Однако дела «Внешнеторгового общества» шли

⁴ О мотивах создания «Внешнеторгового общества» и его дальнейшей судьбе см.: Асабуки Эйдзи дэн (Биография Асабуки Эйдзи). Токио, 1928, с. 80–108. Любопытно, что представительства «Внешнеторгового общества» были созданы помимо Лиона в Лондоне, Нью-Йорке и Владивостоке. В 1887 г. филиал компании во Владивостоке перешел в руки ее бывшего представителя Сугиура Хисаси, основавшего на его месте «Торговый дом Сугиура» («Сугиура-сётэн»).

³ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики (Частные записки о японской дипломатии) (2–9). – Гайко форуму (Дипломатический форум), май 1993 г. – январь 1994 г. Краткое описание жизненного пути Мотоно Моримити см.: Мотоно Моримити-си но эймин (На смерть Мотоно Моримити). – Иомиури симбун. 11.12.1909, с. 3.

незавидно: на министра финансов Окума посыпались яростные нападки со стороны влиятельных представителей кланов Сацума и Тёсю, в результате чего тот вынужден был в октябре 1881 г. надолго отойти от политических дел. Это нанесло сокрушительный удар по только что учрежденному «Внешнеторговому обществу» и на время закрыло путь для Мотоно в высшие политические круги. В этих условиях будущий министр иностранных дел решил избрать для себя иной путь: продолжая числиться в рядах сотрудников компании, в ноябре 1884 г. Мотоно поступает в престижный и поныне Лионский юридический институт. В 1887 г. он получил там степень бакалавра, а еще через два года стал доктором юридических наук. В октябре 1889 г. он снова – уже в возрасте 27 лет – вернулся в Японию⁵. К этому времени Окума, занимавший с февраля 1888 г. по декабрь 1889 г. пост министра иностранных дел, сумел восстановить часть своего бывшего политического влияния.

Знания, которые Мотоно приобрел во время своей длительной и усердной учебы, оказались востребованными. Япония только начинала свой путь в качестве конституционного и парламентского государства и нуждалась в специалистах в области права. С момента возвращения в страну Мотоно энергично включается в научно-политическую жизнь Японии: он становится одним из активнейших членов общества молодых исследователей права, объединившихся вокруг французского правоведа Густава Эмиля Буассонада (1825–1910), служившего с 1873 г. по 1895 г. советником при японском правительстве по юридическим вопросам. Уже в 1890 г. Мотоно выпустил сразу несколько работ по теории и практике права.

Успехи молодого правоведа были замечены. В мае 1890 г. Мотоно по рекомендации старого приятеля его отца графа Окума поступил на службу в МИД Японии в качестве «помощника переводчика». Любопытно, что из всех, поступивших на дипломатическую службу в те годы, Мотоно был единственным, кто имел на руках диплом не японского, а зарубежного высшего учебного заведения. На эту должность никто кроме него не был принят⁶. В мае 1893 г. Мотоно получил японскую степень доктора юридических наук и был назначен членом Комитета по изучению законодательства (*хотэн тёсакай сатэй иин*). Еще через некоторое время он занял пост советника политического отдела при министерстве иностранных дел и стал во главе комитета. Мотоно и

ему подобные были первыми японскими правоведами в современном смысле этого слова, которые шли на смену именитых «учителей-иностранцев», во множестве принятых на службу с началом реформ Мэйдзи.

В мае 1893 г. почти одновременно с получением японской докторской степени Мотоно вступил в брак с дочерью влиятельного политика и представителя клана Тёсю Номура Ясуси (1842–1909), с которым его отец был близко знаком еще со времени своей службы в Иокогаме. На праздничном свадебном банкете присутствовали самые высокие персоны Японии, включая главу тогдашнего кабинета министров Ито Хиробуми (1841–1909), представителей родовой аристократии, депутатов обеих палат парламента и даже иностранных посланников из России, Франции и Китая с их супругами. Этот брак, несомненно, также способствовал повышению социального статуса молодого дипломата⁷.

Становление дипломата: деятельность Мотоно во время японо-китайской войны

Вступление в силу в 1890 г. конституции рассматривалось многими как завершение строительства фундамента нового государства, и Япония начала все громче заявлять о своем желании покончить с таможенной несамостоятельностью и правом экстерриториальности, которым пользовались ведущие западные державы. Примечательно, что она собиралась добиться пересмотра отношений со странами Запада не путем прямых переговоров с ее «обидчиками», а путем колониальных захватов, стремясь утвердиться в качестве «полноправного империалистического хищника» в Восточной Азии. Проблемы, с которыми столкнулась Япония, лежали в международно-правовой плоскости, и здесь были необходимы знания таких людей, как Мотоно⁸. Японо-китайская война 1894–1895 гг. предоставила молодому дипломату прекрасную возможность проявить свои способности.

2 июня 1894 г. японское правительство, обеспокоенное обращением корейских властей к китайскому правительству с просьбой о посылке экспедиционных войск для подавления народного восстания «Тонхак», приняло правительственную резолюцию об отправке своих войск в Корею с целью «защиты местного японского населения». 5 июня 1894 г.

⁵ Архив внешней политики Японии (далее – АВПЯ). 6. 1. 5. 3. Сёкуин нараби рирэки ни кансүру какутё офукусё (Переписка различных ведомств в отношении сотрудников и их биографических данных). Т. 3; Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 11, 12. – Гайко форуму (Дипломатический форум), март–апрель 1994; Иомиури симбун. 27.12. 1885; 24.12. 1886; 29.12. 1886; 14.09.1887; 14.07. 1888; 05.10. 1889.; Виконт Мотоно. – Приамурские ведомости. 09.08. 1916, № 2461.

⁶ См.: АВПЯ. 6. 1. 5. 3. Сёкуин нараби рирэки ни кансүру какутё офукусё (Переписка различных ведомств в отношении сотрудников и их биографических данных), т. 3.

⁷ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 11, 12. – Гайко форуму (Дипломатический форум), март–апрель 1994 г.; Мотоно хакуси но эньюкай (Праздничный банкет доктора Мотоно). – Иомиури симбун. 29.05.1893, с. 2. После завершения своей учебы во Франции Мотоно собирался было связать свои узы с француженкой, но родители были против, и молодые вынуждены были расстаться. Брак с дочерью Номура Ясуси Хисако, которая только что рассталась с известным аристократом Мадэнокодзи, выглядел браком по расчету.

⁸ Мотоно Итиро. Дзёяку кайсэй то хотэн дзисси (Пересмотр договоров и исполнение норм закона). – Иомиури симбун. 26.05.1892, с. 2.

советник Мотоно вместе с японским посланником в Сеуле Отори Кэй-сукэ (1833–1911) в окружении военных и особой посольской охраны отправился на крейсере «Яэсуяма» на материк. Фактически на Мотоно была возложена подготовка международно-правового обоснования и дипломатического «сопровождения» предстоящего военного конфликта. Проще говоря, ему нужно было найти подходящее и достаточное основание для объявления войны «отсталому» Китаю.

10 июня японская дипломатическая миссия, сопровождаемая несколькими ротами морского десанта, вошла в Сеул. Разобравшись в ситуации и не увидев причины для размещения дополнительных японских войск в Корее, посланник Отори попытался ослабить возрастающую напряженность в японо-корейских и японо-китайских отношениях и даже пообещал китайской стороне вывести войска из столицы после успокоения народного восстания. В результате его переговоров с китайским посланником Юань Шикаем (1859–1916) 15 июля была достигнута предварительная устная договоренность в отношении численности японских и китайских войск в Корее. В этой обстановке сторонники военного столкновения с Китаем, объединившись, заставили посланника Отори отказаться от курса на мирное урегулирование корейского вопроса. Сказал свое веское слово в пользу конфликта и советник Мотоно. 17 июня японские военные и дипломатические представители в Сеуле взяли курс на эскалацию конфликта.

В телеграмме посланника Отори министру иностранных дел от 17 июня говорилось следующее: «В этих условиях, не начиная эвакуации своих соединений, следует обратиться к корейскому правительству и китайскому посланнику с требованием вывода китайских войск. Если китайский представитель отвергнет наши требования, *японская сторона под предлогом того, что этот отказ свидетельствует о неизменности курса Цинского Китая на сохранение монархии в Корее, отрицает тем самым идею независимости Корейского государства и, как следствие, нарушает наши права в этой стране, должна силой принудить Китай вывести свои войска из Кореи*» (здесь и далее курсив автора. — Э. Б.). В стиле этого документа легко обнаруживается рука юриста, хорошо изучившего европейскую юридическую казуистику⁹.

Японское военное присутствие в Корее и наличие многочисленных сторонников активных действий сделало свое дело: позиция японских представителей в Сеуле быстро эволюционировала и стала даже более агрессивной, чем позиция правительства. Находившиеся в Сеуле военные и дипломаты объединенными силами решили воздействовать на правительство, чтобы склонить последнее к более решительным дей-

ствиям. В то время, как центральное правительство пыталось воздействовать на Сеул требованиями внутренних реформ, японские представители в Сеуле решили ребром поставить вопрос о вассальной зависимости Кореи от Китая. Их позиция была сформулирована следующим образом: «Если японо-китайское столкновение в этой ситуации неизбежно, Японии было бы выгодно начать военные действия как можно раньше. *Единственным подходящим предлогом к началу войны является вопрос самостоятельности Кореи, имеющий открытый, справедливый характер, и которого вполне достаточно для того, чтобы продемонстрировать остальным державам нашу добрую волю.* Хотя Цинская империя огромна по своим размерам и внешне располагает современными армией и флотом, на самом деле она крайне слаба и ее не стоит опасаться».

3 июля советник Мотоно и подполковник Генерального штаба Фукусима Ясумаса (1852–1919) отправились в Токио для разъяснения данной позиции вышестоящему начальству. Утром 9 июля они прибыли в Токио, а 13 числа, добившись понимания дипломатического и военного ведомств, вновь отправились в Корею. Министр иностранных дел Муцу Мунэмицу (1844–1897) предоставил своим дипломатическим представителям в Сеуле полный карт-бланш в создании предлога для военного вмешательства¹⁰. 20 июля посланник Отори вручил корейскому правительству ультимативную ноту, содержащую заведомо невыполнимые требования по расторжению «неравноправных» договоров с Цинским Китаем, а 23 числа 21-й пехотный полк вступил в Сеул, занял императорский дворец Кёнбоккун и низложил существующее правительство. Это был прямой путь к японо-китайской войне, начавшейся 25 июля 1894 г.

Во время японо-китайской войны Мотоно проявил себя как решительный дипломат, ревниво и настойчиво отстаивающий национальные интересы страны. Он оставил Сеул только в середине сентября 1894 г. после взятия японскими войсками Пхеньяна, где были сосредоточены основные силы противника. После этого Мотоно неоднократно выезжал по делам призового суда в Сасэбо и, по-видимому, помогал американскому дипломатическому советнику Генри Денисону (1846–1914) в подготовке проекта японо-китайского мирного договора, предполагавшего отторжение от Китая Ляодунского полуострова и заключенного в апреле 1895 г. в Симоноэски. В марте 1895 г. профессор Буассонад, получив орден Восходящего Солнца первой степени, возвратился во Францию, и молодой доктор права Мотоно сменил Буассонада на его посту в качестве советника правительства по юридическим вопросам. Летом того же года, когда обострилась болезнь министра иностранных дел Муцу, Мотоно был своего рода связующим звеном между министром и его заместителем Сайондзи Киммоти (1849–1940). Осенью этого же года

⁹ Табохаси Киёси. Киндай ниссэн канкэй но кэнкю (Исследование японо-корейских отношений в новое время). Токио, т. 2.: Бунка-сирё-тёсакай (Общество изучения материалов по истории культуры), 1964, с. 298–304, 309.

¹⁰ Там же, с. 365–367, 416–421, 424–449.

Мотоно стал начальником политического отдела министерства, а затем был назначен секретарем министра иностранных дел и советником по дипломатическим вопросам. В следующем, 1896 г. ему был пожалован пост начальника секретариата управления министра иностранных дел¹¹.

Несомненно, японо-китайская война преподнесла Мотоно немало жизненных уроков, сформировав его внешнеполитические взгляды и подходы к решению международных проблем, стоявших перед Японией. Один из таких уроков, преподнесенный неожиданным для японской стороны «тройственным вмешательством» в конфликт России, Германии и Франции, состоял в осознании необходимости уделять во время войны большее внимание «обработке» общественного мнения иностранных держав путем использования прессы. Впоследствии Мотоно неоднократно проявлял себя как сторонник активного внешнеполитического курса, опирающегося на военную силу.

Начало активной дипломатической деятельности: формирование круга Мотоно

Первым местом службы Мотоно в качестве дипломата стала Россия. В сентябре 1896 г. он был назначен первым секретарем японской миссии в Санкт-Петербурге. Мотоно временно возглавил дипломатическую миссию, сменив на этом посту видного специалиста по России Ниси Токудзиро (1847–1912), назначенного министром иностранных дел. Одной из причин этого назначения было то, что к тому времени Мотоно являлся неплохим специалистом по «корейскому вопросу», составлявшему тогда основное содержание российско-японских отношений. Между тем, с 1896 г. Россия оказалась втянутой в «маньчжурскую авантюру», и Япония получила шанс укрепить свое влияние в Корее. Мотоно исправно доносил о всех российских инициативах, связанных с делами Русско-китайского банка и строительством КВЖД. Фактически, он оказался первым из японцев, кто столкнулся с необходимостью глубокого изучения политики России в Маньчжурии. Хотя в мае 1897 г. во главе японской миссии встал влиятельный дипломат Хаяси Тадасу (1850–1913), состоявший в родственных отношениях с главой компании «Мицубиси» Ивасаки, Мотоно, по-видимому, также внес немалый вклад в подготовку условий для заключения российско-японского соглашения о разграничении влияния в Корее, подписанного в Токио в апреле 1898 г. министром Ниси и российским посланником Розеном¹².

¹¹ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики, ч. 12. – Гайко форуму (Дипломатический форум), апрель 1994, с. 92.

¹² См.: Синкоку нийти ни ойто фусэцу субэки тэцудо мэнкёйдзё о росин гинко ни кафуси-мэру но кэн (О предоставлении Русско-китайскому банку лицензии на строительство железной дороги на территории Цинской империи). – Мицудай никки (Секретные записки). 1896,

Предполагается, что именно в Петербурге у Мотоно завязываются тесные связи с одним из влиятельнейших финансистов Франции того времени Альбером Каном (1860–1940). Еврейский банкир и патрон различных «прогрессивных» обществ, Кан сделал свое состояние, выведя в 1880-е годы на европейский рынок ценных бумаг акции компании «Де Бирс», главными держателями которых являлись французские и английские Ротшильды. В результате выгодной сделки, уже в 1884 г. он получает 50% капитала Банка Гудшо, а в 1892 г. становится его полноправным владельцем. В своей финансовой деятельности Кан не мог обойти вниманием и Россию. Оформление русско-французского союза в начале 1894 г. открыло путь французскому капиталу на российский рынок. Маньчжурская политика России требовала огромных затрат, и французские капиталисты поспешили в Петербург, чтобы воспользоваться этой прекрасной возможностью расширить свое экономическое и политическое влияние. Известно, что уже в 1896–1897 гг. Банк Гудшо вместе с Санкт-Петербургским международным коммерческим банком вкладывал свои капиталы в разработку золотых приисков в Нерчинском округе, и Кан неоднократно посещал российскую столицу. По-видимому, в начале 1897 г. Мотоно устанавливает контакт с Каном и докладывает о «предприимчивом французе» министру иностранных дел Окума¹³.

По утверждению авторитетного французского биографического словаря, Кан не только являлся экономическим советником японского императорского дома, но и финансировал «победоносные войны» «прогрессивной» Японии против «отсталых» Китая и России, поддерживая тем самым индустриализацию Японии. Документы свидетельствуют, что уже с 1897 г. Кан участвовал в переговорах с японским правительством и, в частности, с графом Окума об организации займа во Франции и посещал при этом «страну Восходящего Солнца». В результате этого визита у него установились отношения с представителями «Мицубиси Буссан» (Масуда Такаси, 1848–1938) и руководством банка «Дайити», возглавляемом тогда влиятельнейшим японским промышленником Сибусава Эйити (1840–1931). Кан проявлял большой интерес к колонизационной деятельности японских компаний на Тайване и в Корее и с 1899 г. даже тайно вошел в число соучредителей указанного банка. Таким образом, уже на данном этапе, несмотря на существование военно-политического союза между Францией и Россией, французский капитал поддерживал связи с будущим противником России.

июль – декабрь, т. 2. Военное министерство Японии. Азиатский центр документации. Микрофильм, с. 955, 955–2.

¹³ Albert Kahn, 1860–1940: Réalités D'une Utopia, Boulogne: Musee Albert Kahn, 1995, p. 30, 62, 107-124; Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 17. – Гайко форуму (Дипломатический форум), сентябрь 1994 г., с. 89–90; Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX в.: европейские и русские связи. М., 2003, с. 382.

Несомненно, финансовая деятельность Кана способствовала усилению японского влияния на Корейском полуострове. Роль важнейшего связующего звена между французским капиталом и руководством Японии играл молодой дипломат Мотоно Итиро¹⁴.

Служба Мотоно в России была недолгой: уже в октябре 1898 г. благодаря тому же Окума, совмещавшему тогда посты премьера-министра и министра-иностраннх дел, он был назначен первым полномочным посланником в Бельгии. Таким образом, через Санкт-Петербург Мотоно снова «возвратился» в Европу, где провел свои юношеские и молодые годы.

Как и в настоящее время, Брюссель являлся важным центром европейской политической и экономической жизни, в котором сходились и пересекались международно-политические интересы многих европейских стран и различных финансовых кругов. Международная политика Брюсселя шла в ногу с политикой Лондона: с конца XIX в. именно Бельгия и возглавляемая Сесилем Родсом (1853–1902) «Де Бирс» задавали направление колониальной экспансии на африканском континенте. Умело используя необходимость Бельгии, относительно слабой среди европейских держав, в международной поддержке, Япония укрепляла свой вес в мировой политике, открывая себе путь к новым территориальным захватам. Период пребывания Мотоно в Брюсселе совпал со временем англо-бурской войны, перелистнувшей новую страницу в истории мирового империализма.

Весной-летом 1899 г. Мотоно в качестве полномочного представителя Японии принял участие в своей первой международной конференции: это была Гагская мирная конференция, устроенная по инициативе русского императора Николая II с целью разработки многосторонних соглашений в области законов и обычаев ведения войны. Конференция в Гааге стала первым международным форумом, на которой был поставлен вопрос об ограничении вооружений. Впрочем, в условиях, когда ведущие европейские державы отнеслись к ней без особого энтузиазма, Япония также смотрела на это собрание лишь как на возможность прощупать настроения сторон и попытаться извлечь для себя политические выгоды. Японские военные, пребывавшие в разных точках Российской империи, продолжали собирать сведения о степени боеготовности российской армии и слабых местах ее обороны, а Мотоно и его коллеги по дипломатическому ведомству начали работать на обеспечение международно-политического тыла Японии.

По-видимому, именно во время пребывания в Брюсселе у Мотоно появились широкие знакомства в кругу «европейской передовой общественности». Он сходится с представителями различных «неправительственных организаций» и многочисленными «гуманистами», ведущими пропаганду «мира во всем мире». В число его знакомых вошли австрийская писательница и пацифистка, первая женщина лауреат Нобелевской премии за вклад в дело мира в 1905 г. Берта фон Зуттнер (1843–1914), немецкий химик, нобелевский лауреат 1909 г. Вильгельм Фридрих Оствальд (1853–1932), французский архитектор Ле Корбюзье (1887–1965) и многие другие, активно участвовавшие в пацифистском движении, пропагандировавшие эсперанто в качестве универсального способа международного общения и стремившиеся утвердить «международный стиль» в жизни человечества. Ясно, что за деятельностью этих организаций и обществ стояли не только высокие идеи, но и большие капиталы и все нарастающее политическое влияние. Многие из них принимали активное участие в деятельности основанного еще в 1891 г. в Берне «Бюро постоянного международного мира», ставшего вместе с Межпарламентским союзом прообразом будущей Лиги Наций¹⁵.

Способствовал расширению контактов Мотоно и его покровитель Альбер Кан, сумевший приобрести к тому времени немалое общественно-политическое влияние в европейских кругах. Еще в 1893 г. Кан приобретает в предместье Парижа роскошное поместье Булонь-Биланкур, где создает уникальный садово-парковый ансамбль. С конца XIX в. это место становится местом встреч «прогрессивной европейской интеллигенции». Частыми посетителями виллы Кана были не только люди искусства и науки, но и такие политические фигуры, как будущий президент Франции Раймон Пуанкаре (1860–1934), ставший с начала XX в. во главе новой буржуазной центристской партии «Демократический республиканский союз». Поддерживал банкир, как говорили современники, и связи с представителями Социалистической партии Франции Альбером Тома (1878–1932) и Рене Вивиани (1862–1925)¹⁶.

В августе 1901 г. Мотоно приказано было вернуться «на отдых» в Японию, а в ноябре стало известно, что он назначен посланником во Францию вместо Курино Синьитиро (1851–1937). После четырехмесячного пребывания на родине в марте 1902 г. Мотоно вместе с семьей отправился во Францию. Здесь необходимо напомнить о том, что в январе 1902 г. произошло важное международно-политическое событие: между Японией и Великобританией был заключен союзный договор, подписанный с японской стороны уже упомянутым выше Хаяси, за что

¹⁴ Albert Kahn. 1860–1940. Réalités d'une utopia, Boulogne: Musée Albert Kahn, 1995, p. 64, 124; Albert Kahn et le Japon. Confluences, Paris: Presses Artistiques, 1990, p. 3, 14–15; Dictionnaire de Biographie Française, Paris, 1994, т. 18, p. 1070–1071; Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 17. – Гайко форуму (Дипломатический форум), сентябрь 1994 г., с. 90; Окума Сигэнобу. Хатидзюго нэнси (85-летняя история жизни Окума Сигэнобу). Токио, 1926, т. 2, с. 526.

¹⁵ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики. Ч. 14. – Гайко форуму (Дипломатический форум), июнь 1994 г., с. 90–91.

¹⁶ Dictionnaire de Biographie Française. Paris, 1994, т. 18, p. 1070–1071; Albert Kahn, 1860–1940, p. 127.

последнему был пожалован титул виконта. Иными словами, отправка Мотоно во Францию была осуществлена в условиях, когда Япония уже взяла курс на подготовку к войне с Россией. Несомненно, что Мотоно получил при назначении соответствующие инструкции, и был прекрасно осведомлен о приготовлениях военных. По крайней мере, известно, что Мотоно, находившийся в фарватере японской дипломатии и прекрасно осведомленный о положении дел в России и Европе, стоял на позициях военного конфликта с «северной империей»: разведывательные данные и другая информация, имевшаяся в его распоряжении, говорили в пользу военного успеха Японии. По-видимому, изучение обстановки в России и ослабление русско-французского союза были в числе главных задач, поставленных перед новым японским посланником. Париж был удобным местом для «отслеживания» внутривосточной ситуации в России и оценки настроений в европейских политических и экономических кругах¹⁷.

Деятельность Мотоно во время русско-японской войны

После заключения англо-японского военно-политического союза путь к русско-японской войне был фактически открыт. Мотоно и другие дипломаты должны были работать в направлении сближения с европейскими державами с целью международной изоляции России: для этого нужны были контакты с местной публикой, формирующей общественное мнение страны, и влиятельными финансовыми кругами. Миссия Мотоно заключалась, прежде всего, в том, чтобы ослабить узы русско-французского союза и обеспечить поддержку «международного сообщества» в условиях русско-японского военного противостояния.

Во время русско-японской войны посланник Мотоно, используя свои обширные связи и богатые навыки дипломата, внес значительный вклад в сбор стратегически ценной информации о противнике. В частности, он направил на имя министра иностранных дел несколько основанных на отчетах «доверенных лиц» докладов, посвященных внутренней ситуации в России. Так, в своей корреспонденции от 22 января 1904 г., еще за две недели до начала войны, Мотоно сообщал министру иностранных дел Комура Дзютаро (1855–1911) конфиденциальное мнение редактора журнала «La Revue», осевшего во Франции польского еврея Жана Финкельгаузена (1858–1922), о слабых сторонах России. По мысли последнего, Россия может справиться с финансовыми и экономическими проблемами за счет ограничения «аппетитов» правящего класса и сокращением расходов бюджета; *главная же и единственная опасность для государственного строя России исходит от революци-*

*онных элементов, которые, однако, ничего не смогут сделать, если не получат соответствующей финансовой помощи из-за рубежа*¹⁸. Так уже до начала русско-японской войны начала вырисовываться одна из генеральных линий японской стратегии против России.

Разумеется, японское высшее руководство особенно интересовало деятельность Китайской Восточной железной дороги, от работы которой во многом зависел исход баталии, поэтому Мотоно поспешил отправить в Россию своего французского агента для сбора сведений о КВЖД и Русско-Китайском банке. Начиная с лета 1904 г. этот француз дважды посетил Россию, объехав Петербург, Москву, Варшаву, Нижний Новгород и даже Харбин, имея продолжительные беседы с такими влиятельными политическими фигурами, как министр финансов Витте, министр внутренних дел Плеве, французский посол в Петербурге Морис Луи Бомпар (1857–1935) и др.¹⁹ Кроме того, еще один агент – польский инженер был отправлен в Россию для изучения общего внутреннего положения. Как показывает анкета, которую составил Мотоно для своего агента, японскую сторону интересовали прежде всего следующие вопросы: 1) отношение верхов российского общества к войне и, в частности, к вопросу о путях ее прекращения; 2) влияние войны на народное хозяйство России и ситуация в области финансов; 3) размах революционного движения в стране (прежде всего в Польше и Финляндии, а также среди рабочих и студентов). В конце июля – начале августа 1904 г. Мотоно переслал своему начальнику Комура подробнейшие отчеты своих агентов и чертежи железной дороги, которые раздобыл по его просьбе вернувшийся из Рима «толковый польский священник»²⁰.

Полученные Мотоно агентурные сведения свидетельствовали о том, что в целом верхи российского общества были полны решимости сражаться до победного конца, будучи уверенными в том, что Япония не сможет вести длительную войну, однако при дворе с опасением взирали на рост революционного движения и усиление леворадикального террора. Французский агент Мотоно, подчеркивая, что силы, определяющие положение дел, находятся не в Маньчжурии, а в Санкт-Петербурге, советовал использовать их страхи перед революцией для склонения России к миру²¹. Похоже, что Мотоно взял этот совет себе на заметку: под-

¹⁸ № 1091. 22 января 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы). Токио, 1958, т. 37, кн. 2, с. 516. – далее НГБ.

¹⁹ № 1165. 26 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. НГБ. Т. 37, кн. 2, с. 611–613. Хотя в документах нет имени указанного французского агента, однако, по всей видимости, это была достаточно известная в те времена фигура, связанная каким-то образом с правлением Русско-китайского банка в Париже.

²⁰ № 1165. 26 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ. Т. 37, кн. 2, с. 601–603.

²¹ № 1165. 26 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ. Т. 37, кн. 2, с. 627.

¹⁷ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сити. Ч. 14. – Гайко форуму (Дипломатический форум), июнь 1994 г., с. 92–93; Окума-хаку но нитиро-дан (Мнение графа Окумы о русско-японских отношениях). – Йомиури симбун. 08.04.1901, с. 2.

держка революции в России стала одним из важнейших направлений его деятельности.

Хорошо известно, что весной 1905 г. японское военное командование в лице начальника Генерального штаба маршала Ямагата Аритомо (1838–1922) выделило крупную сумму в размере 1 млн иен (около 50 млрд. иен, или более 40 млн. долл. по современному курсу) на подрывную деятельность в России. Выполнением задания занимался полковник Акаси Мотодзиро (1864–1919), бывший военный агент при японской миссии в Санкт-Петербурге. С началом войны штаб миссии переместился в Европу, откуда наблюдал за развитием ситуации в России. Акаси обосновался сначала в Стокгольме, где вошел в контакт с одним из лидеров Партии активного сопротивления Финляндии Конни Циллиаксом (1855–1924), ставшим для него основным звеном связи с российскими революционными организациями. Именно через него Акаси сумел наладить контакты с польскими революционерами – членом Тайного совета «Лиги народовой» Романом Дмовским (1864–1939) и лидером правого крыла Польской социалистической партии Юзефом Пилсудским (1867–1935)²².

Акаси не оставил без внимания и один из главных международных революционных центров Парижа, где находились, например, руководство Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров во главе с горным инженером Георгием Деканози (1863–1938) и штаб-квартира армянской партии «Дашнакцутюн» во главе с Иваном Лорисом-Меликовым. Именно в Париже в конце сентября – начале октября 1904 г. состоялся первый представительный съезд российских антиправительственных сил, на котором присутствовали и либералы, и социалисты-революционеры, и националисты. Парижское совещание вынесло резолюцию об «уничтожении самодержавия», о создании «свободного демократического строя на основе всеобщей подачи голосов» и требовало признания «национальной автономии». Его участники признали «полезным» для «освобождения» России ее поражение в войне с Японией и призвали всячески способствовать этому. Участники совещания решили создать в России и за границей комитеты по подготовке революции. Во главе заграничного комитета был поставлен Циллиакс, в обязанности которого в том числе была включена работа по установлению связей с ведущими западными органами периодической печати.

Парижский съезд был организован на деньги японского правительства, щедро выделившего на эти цели 100 тыс. иен. Эта сумма была

выбита в результате совместных действий японских военных (Акаси и военные агенты в Париже и Лондоне) и дипломатов, сумевших убедить высшее командование в целесообразности данного шага. 23 октября подробнейший отчет Циллиакса о прошедшем совещании был переправлен в секретном порядке посланником Мотоно министру иностранных дел Комура. Можно предположить, что Мотоно выступал в качестве одного из главных теневых организаторов данного съезда²³.

В то же время Мотоно прилагал усилия по «обработке» общественного мнения Франции с целью нейтрализации русско-французского союза. Правительство Японии выделило немалые деньги для «подкормки» французской прессы, которые через Мотоно поступали в проправительственную газету «Le Temps», консервативную «Le Siècle», умеренную «Le Gil Blas», печатный орган французских социалистов «L'Action», журнал «Le Memorial Diplomatique» и некоторые другие издания. Так, первым двум печатным органам решено было ежемесячно выплачивать по 5500 франков, чтобы ослабить их критику в адрес Японии. Мотоно вполне успешно осуществил операцию по подкупу французских газет. Впрочем, если «L'Action» открыто выражала свои симпатии по отношению к Японии, то ведущие парижские газеты, такие, как «Le Temps», не могли открыто выходить за рамки очерченные русско-французским союзом. Организация прояпонской кампании во французской прессе требовала особенно осторожного и выверенного подхода²⁴. В этих условиях основные силы были направлены на ослабление финансовой составляющей русско-французского союза.

Еще летом 1904 г. Мотоно и его агенты обращали внимание руководства страны на финансовые затруднения противника, указывая на то, что Петербургу не обойтись без размещения внешних и внутренних займов в новом 1905 г. По их самым скромным подсчетам, за первые пять месяцев войны Россия вывезла из страны 120 млн. золотых рублей в качестве оплаты по кредитам и поставкам оружия. Совокупные военные расходы должны были составлять до 600 млн. рублей в год. Чтобы смягчить удар, нанесенный войной по финансам и экономике страны, правительство вынуждено было осуществить внутренний заем в размере 300 млн. рублей, однако этой суммы могло хватить в лучшем случае до конца 1904 г. *«В конечном счете, вопрос сохранения системы “золотого стандарта” сводится к проблеме, сможет ли Россия разместить за рубежом новые займы, необходимые для расчетов по военным заказам за границей»* – таков был вывод французского агента Мотоно²⁵.

²³ № 1183. 23 октября 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ, т. 37, кн. 2, с. 669–676.

²⁴ Мацумура Масаёси. Кохо гайко ни окэру нитиро но тосо (Японско-русская борьба методами «публичной дипломатии»). – Нитиро сэно но синситэн (Новый подход к изучению русско-японской войны). Токио, 2005, с. 190–192.

²⁵ № 1151. 30 июля 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура; № 1153. 2 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных

²² Об Акаси и его деятельности см.: Павлов Д. Б., Петров С. А. Японские деньги и русская революция. – Тайны русско-японской войны. М., 1993, с. 5–140; Вада Харуки. Никорай Рассэру. Коккё о коэру народоника (Николай Руссель. Народники за рубежом). Токио, 1973, т. 1, с. 241–273; Акаси Мотодзиро – сэйкай о юсабутта супай ва хаката но дандизму но нака кара умарэта (Акаси Мотодзиро – потрясший мир шпион родился из «дандизма» Хаката). – Хаката ни цуёку наро сиридзу (Серия «Давайте больше узнаем о Хаката»). Фукуока, май 1983 г.

В телеграмме на имя министра иностранных дел от 27 февраля 1905 г. Мотоно сообщал буквально следующее: «Я также придерживаюсь того мнения, что Россия не попросит нас о мире, пока не потерпит решительного поражения ее армия в Маньчжурии или не будет разгромлен ее новый флот, направляющийся в тихоокеанские воды. Россия будет предпринимать самые тщетные попытки, чтобы вернуть утраченные территории, до тех пор пока ее азиатская стратегия не потерпит полнейший крах. Единственными причинами, которые могут заставить российское правительство начать переговоры о мире, являются финансовые трудности либо внутренние беспорядки. С финансовой точки зрения, Россия, несмотря на ее действительные трудности, еще не нуждается в принудительной эмиссии бумажных денег и, следовательно, приходится признать, что она способна еще в течение долгого времени нести необходимые военные расходы. Кроме того, ее возможности иностранных займов еще полностью не исчерпаны. Однако в этой связи я получил из надежных источников информацию о том, что размещение нового российского займа размером в 1,5 млрд. франков, подписание которого намечено на апрель сего года, встретится с многочисленными трудностями. Ко мне неоднократно поступали предложения провести в прессе кампанию по дискредитации российских финансов, однако до сих пор я отказывался от них, считая, что время еще не пришло. Сейчас же я думаю, что наступил благоприятный момент, и веду переговоры по этому вопросу со сведущим в этом деле человеком... Что касается революционного движения, то кажется, что обстановка будет накаляться день ото дня»²⁶.

Деятельность Мотоно в немалой степени способствовала срыву русско-французских переговоров о размещении нового российского займа во Франции, предварительное соглашение о котором уже было достигнуто в Санкт-Петербурге²⁷. В выполнении этой задачи огромную помощь Мотоно оказал все тот же Финкельгаузен (он же Финкельштейн), устроивший весной 1905 г. на страницах своего издания мощную кампанию «за скорейший мир между Россией и Японией». Смысл данных публикаций сводился к тому, что финансовая помощь только продлит муки России и углубит ее кризисное состояние, и она в конечном счете не сможет расплатиться по счетам с французскими вкладчиками, что может привести к краху «третьей республики». Одна из статей, написанных

Финкельгаузеном под псевдонимом «сторонник русско-французского союза», была озаглавлена именно в этом духе – «Как спасти наши миллиарды». Вместе с тем «La Revue» выступил в качестве флагамена француско-японского сближения, помещая на своих страницах пропагандистские речи барона Суэмацу Кэнтё (1855–1920), находившегося в Европе с особой миссией²⁸.

«La Revue» был не одинок в своей направленности «на скорейший мир между Россией и Японией». Даже известная своей якобы пророссийской позицией «La Soleil» уже в ноябре 1904 г. писала об обоюдной вредоносности войны и перспективе русско-японского союза после ее окончания. Учитывая тот факт, что газета частично субсидировалась из российской казны, можно предположить, что тон ее публикаций отражал смену внутрисполитической обстановки в самой России: почувствовав, что трон заколебался перед лицом неудач и все нараставшего революционного движения. В конце первого года войны либералы заговорили о возможности мира с Японией²⁹.

По-видимому, именно во Франции окончательно сформировался международно-политический взгляд Мотоно, предполагавший опору на европейские пружины мировой политики. Уже на данном этапе Мотоно прекрасно усвоил принципы и условия ведения «закулисной» дипломатической работы, изучив при этом слабые стороны российской общественной организации. Во время русско-японской войны, используя свои связи, Мотоно сначала сыграл большую роль в «нейтрализации» русско-французского союза, а затем – в переориентации французского капитала с российского рынка на японский рынок.

Посланник Мотоно и вопрос иностранных займов

Как уже говорилось выше, еще до начала русско-японской войны во многом благодаря Мотоно установились тесные отношения между японскими экономическими кругами и французским банкиром Альбером Каном. Нет сомнения в том, что руководители Японии уделяли связям с ним столь большое значение, поскольку считали, что он может вывести их на более крупную «добычу»: через него открывался путь на капиталы Ротшильдов и связанных с ними финансовых кругов.

Во время русско-японской войны японское правительство четырежды размещало на Западе крупные займы на общую сумму около 800 млн.

дел Комура; № 1165. 26 августа 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ, т. 37, кн. 2, с. 585–586, 588–590, 600–627.

²⁶ № 57. 27 февраля 1905 г. Посланник Мотоно министру иностранных дел Комура. – Каккоку найсэй канкэй дзассан: Рококу но бу (Подборка документов по внутренней политике разных стран: Россия). Азиатский центр документации. Микрофильм. Т. 4, пленка № 1–1079, с. 275.

²⁷ Об истории с неудавшимся французским займом см.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903–1919. М., 1992, т. 1, ч. 1, гл. VI.

²⁸ Russia of Today and Tomorrow. Noted Editor of *La Revue* Declares That Progress of Czar's Empire Has Been Impeded by German Influence, by Jean Finot. – The New York Times. 28.03.1915. См. также: Мацумура Масаёси. Ёроппа ни окэру «кохо танто тайси» тоситэ но Суэмацу Кэнтё (Суэмацу Кэнтё в качестве «посла по общественной пропаганде» в Европе). – Нитиро сэно (И). Кокусайтэки буммяку (Русско-японская война. Т. I. Международный аспект). Токио, 2004, с. 134–135.

²⁹ № 1192. 28 ноября 1904 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ, т. 37, кн. 2, с. 687–691.

иен (82 млн. фунтов стерлингов). Свой капитал Японии предоставили лондонские, нью-йоркские и гамбургские финансисты, объединившиеся вокруг «банкира короля Англии» Эрнеста Кассела (1852–1921) и главы американского банковского дома «Кун, Лейб энд Компани» Якова Шиффа (1847–1920). Английские Ротшильды отказались участвовать в займе в виду солидарности со своими парижскими родственниками, связанными формальным обязательством французского правительства перед Россией. Ротшильды объясняли свой отказ тем, что их участие могло бы усугубить положение их «единоверцев» в России. Обойденные таким образом своими конкурентами Ротшильды тем не менее не собирались отказываться от выгодного экономического сотрудничества с набиравшей силу «молодой восточной державой» и искали пути к «реваншу». Когда стало ясно, что Россия «задыхается» в своей колонизационной деятельности в Маньчжурии, финансовые круги Европы, до сих пор «спонсировавшие» российские «дальневосточные предприятия», поворачиваются в сторону Японии. Япония также была заинтересована в том, чтобы распределить иностранные займы между различными финансовыми группировками. На этой почве интересы японского правительства и Ротшильдов совпали. Зондаж японских правительственных кругов на предмет получения займа во Франции начался уже во время русско-японской войны³⁰.

Иными словами, японское руководство не только стремилось помешать размещению нового российского займа во Франции, но и само рассматривало возможность получения французского кредита. В конце 1904 г. Мотоно обсудил этот вопрос с влиятельными представителями финансовых кругов Франции, включая знакомого ему барона Ротшильда (1827–1905), однако положительного результата достичь не сумел. В январе 1905 г. он сообщил об этом министру финансов Сонэ Арасукэ (1849–1910), присовокупив к докладу мнение о том, что Японии необходимо приступить к непосредственным действиям, направленным на организацию послевоенных займов на французском рынке. Для этого Мотоно предлагал направить к нему в помощь специального человека, который при содействии прессы смог бы заняться установлением прочных контактов с нужными людьми, разъясняя последним ситуацию на японском рынке³¹.

Руководство Японии прислушалось к совету своего посланника в Париже. Сразу после подписания Портсмутского мирного договора в сентябре 1905 г. в Париж для ведения переговоров с французскими

финансистами прибыл особый представитель японского правительства Такахаси Корэкиё (1854–1936), занимавшийся во время войны размещением японских займов на зарубежном рынке. Вследствие этих переговоров, в ноябре 1905 г. французское правительство согласилось войти в международный синдикат для открытия Японии нового послевоенного кредита. На этот раз японский заем на общую сумму 25 млн. фунтов стерлингов был поделен между участниками прежнего банковского синдиката в лице британских, американских и германских банкиров, а также лондонской и парижской ветвями Ротшильдов. Основным подписчиком японского займа во Франции стал банк «Братья Ротшильды», ставший во главе парижского банковского объединения, принявшего к учету японские векселя на сумму 12 млн. фунтов стерлингов. Среди второстепенных подписчиков японского займа было имя и упоминавшегося выше Альбера Кана, одного из самых приближенных лиц к японскому политическому эстеблишменту³².

В январе 1906 г. Мотоно был назначен посланником в Петербург, однако это не означало, что его прежние связи с парижскими финансовыми кругами прервались. Вероятно, в его жизни и мироощущении также почти ничего не изменилось: не только на Россию, но и на весь мир он смотрел уже сформировавшимися «французскими» глазами. Собственно России, выходящей за рамки балов, банкетов и роскошных петербургских салонов, места в этой картине мира, пожалуй, почти не оставалось.

Главная внешняя задача, которая стояла перед новым японским посланником в России, состояла в том, чтобы сгладить существующие острые противоречия между двумя странами и обезопасить тем самым будущее развитие Японии от возможных потрясений. Вместе с тем нормализация отношений с бывшим противником означала – и это было не менее важно для Токио – открытие дверей во Францию, связанную обязательствами русско-французского союза. Впрочем, в этом вопросе Япония могла рассчитывать на полное содействие крупного финансового капитала Франции, стремившегося занять подобающее ему место на японском рынке и фактически подталкивавшего Японию к заключению с Россией «соглашения о дружбе». В снятии русско-японских противоречий была заинтересована и Англия, стремившаяся направить «русский таран» на Запад против Германии. Именно поэтому летом 1907 г. в крайне короткие сроки произошла не только нормализация русско-японских отношений (первая политическая конвенция от 17/30 июля), но и

³⁰ Adler C. Jacob Schiff: His Life and Letters, New York, 1929, vol. 1, p.212–230; Байсүэй С. Дж. Нихон кэйдзай то гайкоку сихон. 1858–1939 (Японская экономика и иностранный капитал, 1858–1939). Тосуй-сёбо, 2005, с. 111–114.

³¹ № 976. 05 января 1905 г. Посланник во Франции Мотоно министру иностранных дел Комура. – НГБ. Токио, 1959, т. 38, кн. 2, с. 468–48.

³² Такахаси Корэкиё-дзидэн (Автобиография Такахаси Корэкиё). Токио, 1936, с. 758–793; Smethurst R. Takahashi Korekiyo, the Rothchilds and the Russo-Japanese War, 1904–1907. – The Rothschild Archive: Review of the Year, April 2005 to March 2006, p. 22–23 (www.rothschildarchive.org); Байсүэй С. Дж. Нихон кэйдзай то гайкоку сихон. 1858–1939, с. 114; Albert Kahn, 1860–1940, p. 124, 127–128.

заключение соответствующих соглашений между Францией и Японией (10 июня), Англией и Россией (31 августа). В международной политике все эти соглашения представляли собой звенья одной цепи. На деле это означало, что сначала от России была отколота Франция; затем последовало вынужденное для России сближение с Японией; и уже после всего этого «туманный Альбион» решил «зафиксировать» существующее соотношение сил в мировой политике путем соглашения с Россией, тем самым, прикрепив ее к существующей комбинации держав и интересов.

Следует обратить внимание, что дипломатическая перестройка 1907 г. была осуществлена правительством Сайондзи, представлявшим, прежде всего, интересы крупного ориентированного на Запад финансового капитала. Министром иностранных дел тогда был бывший посланник Японии в Лондоне виконт Хаяси. С точки зрения Японии, осуществленный дипломатический прорыв состоял не столько в восстановлении русско-японских, сколько японо-французских отношений. Что касается финансовой стороны дела, то за этими соглашениями скрывалась переориентация японской экономики с капиталов Кассела и Шиффа на финансы Ротшильдов. В марте того же года Японии был предоставлен новый кредит в размере в 23 млн. фунтов стерлингов, поделенный пополам между парижской и лондонской ветвями влиятельного семейства. Хотя, с точки зрения политической механики, ничего необычного и сверхъестественного в образовании новых отношений между мировыми державами не было, в Японии заслуги Мотоно тотчас же были отмечены: уже в сентябре 1907 г. он получил орден Восходящего Солнца первой степени и был возведен в ранг потомственной аристократии с присвоением титула барона³³.

Таким образом, после русско-японской войны происходит стремительное углубление японско-французских экономических отношений, и здесь немаловажную роль сыграл посол в России Мотоно, сумевший установить во Франции тесные отношения с представителями крупного финансового капитала, прежде всего с Альбером Каном. 19 декабря 1908 г., когда посол Мотоно пребывал на отдыхе в Японии, банкир сам прибыл на пароходе в Иокогаму. Японские политики, промышленники и банкиры оказали европейскому гостю самый радушный прием, приветствуя как своего давнего знакомого и «верного друга Японии». Среди тех, кто ждал приезда французского капиталиста, были граф Окума и барон Сибусава, связанные с ними промышленники Окура Магобэй (1843–1921) и Моримура Сазмон (1839–1919), директор Банка Японии Мацуо Сигэёси (1843–1916) и руководство компании «Мицуи». Окума

рассыпался в реверансах по отношению к французскому гостю, сравнивая жизненную философию Кана с этическим кодексом самурая бусидо; находившаяся под контролем графа газета «Хоти» помещала на своих страницах хвалебные статьи в адрес французского банкира. По случаю приезда Кана в Японию ему от имени японского императора были вручены три золотые чаши³⁴.

Одной из главных целей визита Кана в Японию были переговоры с компанией «Мицуи», стремительно осваивающей для себя в новой международно-политической обстановке французский рынок. Уже в 1908 г. «Мицуи» успешно разместила на французском рынке заем от лица крупной хлопчатобумажной фабрики «Канэфути-босэки» (впоследствии известная под названием «Канэбо»). Что касается результатов поездки Кана, то они сказались в мае 1909 г., когда та же компания получила большой кредит под модернизацию инфраструктуры г. Киото (строительство второй линии водоканала от озера Бива и трамвайных путей) в размере 225 млн. франков (около 18 млн. фунтов стерлингов). Второй, точно такой же заем для Киото, предназначенный для строительства электростанции и водопровода, был выпущен в Париже через год. Этот контракт был подписан непосредственно Каном, компанией «Мицуи» и муниципалитетом города. На этот раз Кан выступил в качестве центральнообразующей фигуры нового банковского синдиката и стал одним из главных участников указанных сделок, заработав на них 2,25 млн. франков³⁵.

В отношениях Европы и Японии Кан играл почти такую же роль, что и заокеанский финансист Яков Шифф в японо-американских отношениях. Одним из средств распространения влияния Кана служил созданный им еще в 1905 г. международный фонд (известный под названием «Фонд Кана»), который занимался среди всего прочего и организацией годичных кругосветных путешествий для ученых и исследователей. Уже с 1907 г. фонд стал предоставлять гранты японским ученым, благодаря чему возник важный канал французско-японского международного сообщения. Японское отделение Фонда, официально созданное в марте 1913 г., возглавил член Тайного совета виконт Суэмацу, а граф Окума и барон Сибусава вошли в число его постоянных членов³⁶.

Благодаря каналу связи между японской элитой и европейским капиталом, проторенному в конце XIX в. и поддерживаемому на протяжении

³⁴ Albert Kahn, 1860–1940, p. 25–29; Albert Kahn et le Japon, p. 3, 15; Хигасибана Синдзин. Хэнсиосицу ёри (От редакции). – Иомиури симбун. 24.01.1909, с. 2; Окума Сигэнобу хатидзого нэнси (85-летняя история жизни Окума Сигэнобу), с. 526–528.

³⁵ Байсуэй С. Дж. Нихон кэйдайэй то гайкоку сихон, с. 115; Albert Kahn, 1860–1940, p. 126.

³⁶ Мотоно Мориюки. Ч. 17. – Гайко форум (Дипломатический форум), 1994, сентябрь, с. 88–95; Albert Kahn, 1860–1940, p. 151–156; Сибусава Эйити дэнки сирё (Биографические материалы Сибусава Эйити). Токио, 1961, т. 36, с. 160–162.

³³ Нитифуцу кёяку юрай (Предыстория японско-французского соглашения). – Иомиури симбун. 08.05.1907, с. 2; Smethurst R., Takahashi Korekiyo, the Rothchilds and the Russo-Japanese War, 1904–1907. – The Rothschild Archive: Review of the year. April 2005 to March 2006, p. 24–25.

последующих двух десятилетий во многом благодаря активной дипломатической деятельности Мотоно, Япония до конца 30-х годов XX в. умело «держалась на плаву», сохраняя достаточно прочное место в так называемой Версальской системе международных отношений, одним из важнейших факторов которой стала созданная при активном участии европейских финансистов Лига Наций. Более того, инерционное влияние тех влиятельных связей, которые установил во Франции Мотоно Итиро, сохраняется и по сей день: японский сад в Булонь-Биланкур и поместье Кана в Кап-Мартане до сих пор является излюбленным местом посещения японских дипломатов³⁷.

Как показывают документы, Мотоно Итиро был типичным «салонным» дипломатом того времени. Он увлекался всем, чем увлекались «сливки общества» той эпохи: играл в теннис, катался на коньках, увлекался охотой и рыбалкой, интересовался изобразительным искусством и сам недурно рисовал акварелью, занимался фотографией, проводил вечера за игрой в «бридж», называя себя «сильнейшим игроком к востоку от Суэца». Именно этот мир «высокой моды» и «просвещения» был для Мотоно сферой дипломатической деятельности. Главным козырем в его дипломатической работе было то, что он прекрасно разбирался в пружинах западноевропейской политики и ему была хорошо понятна логика мышления мировой элиты. В этом смысле, Мотоно был не только знатоком, но и проводником западного влияния как в Японии, так и в России. Органическое «включение» Японии в мир европейской политики было, пожалуй, для Мотоно одной из главных целей его деятельности³⁸.

³⁷ См.: Мотоно Морихоки. Нихон гайко Сити. Ч. 17. – Гайко форуму (Дипломатический форум), сентябрь 1994, с.88–95.

³⁸ Там же, ч. 19. – Гайко форуму (Дипломатический форум), ноябрь 1994 г., с. 82–84; Сайсин-сики но сясин-дзюцу: Мотоно тюрю тайси но какусин-гэй (Новейшее фотографическое искусство: скрытое мастерство посла в России Мотоно). – Иомиури симбун, 27.09. 1908, с. 3; Мотоно тайси то Ито-си но дзюрё-дан (Беседа посла Мотоно и виконта Ито о ружейной охоте). – Иомиури симбун, 06.10. 1908, с. 4.

Политика Японии в отношении стран Северо-Восточной Азии*

Симотомаи Нобуо

Считаю для себя честью иметь возможность выступить с лекцией в известном во всем мире Московском государственном институте международных отношений и приношу свою благодарность организаторам и всем присутствующим. Я – профессор университета Хосэй. Меня зовут Симотомаи Нобуо.

Моя лекция посвящена очень важной теме – политике Японии в отношении стран Северо-Восточной Азии. Эту сложную проблему можно понять лишь в контексте процесса грандиозных исторических перемен.

Мировой финансовый кризис, формирование администрации президента Обама, успехи и трудности «шестерки» (шестисторонние переговоры по ядерной проблеме КНДР. – Ред.), болезнь Ким Чен Ира, образование правительства Асо Таро и быстрое падение его популярности повлекли за собой волну событий. Речь идет о том, в какую сторону от однополярности движется мир, в частности, что происходит в Северо-Восточной Азии. Все это представляет собой большую проблему, которую следовало бы назвать проблемой, чреватой многими последствиями. Такое непростое время следует рассматривать с точки зрения исторического прошлого, чтобы лучше понимать современные проблемы. Для начала посмотрим на карту Японии и рассмотрим положение дел в течение длинного периода в 1000 лет не столько с геополитической, сколько с геокультурологической точки зрения. К вопросу о взаимоотношениях США и России – стран, имеющих большое влияние в рассматриваемом регионе, я вернусь позже. Рядом с Японией находится Корейский полуостров, отделенный от нее Корейским проливом, который гораздо шире Ламанша между Англией и Францией, и штормит там чаще, но эти две страны (Япония и Корея) довольно тесно связаны между собой. В процессе исторического хода событий в Японию через Корейский полуостров пришли различные системы, понятия, обычаи. Именно благодаря Корее Япония познакомилась с множеством понятий, практик и учений, вплоть до иероглифов и буддизма, конфуцианства и пороха, гонимого дела. Утверждение о том, что Япония мононациональная страна, усилилось после того, как началась война. В действительности же с Корейского полуострова множество корейцев неоднократно пере-

* Лекция профессора университета Хосэй Симотомаи Нобуо, прочитанная 18 декабря 2008 г. в МГИМО (У) МИД РФ.

селялись в Японию. Даже нынешний император Японии заявил, что в крови императорской фамилии течет кровь корейцев из королевства Кudara. Существует также утверждение, что в среде полководцев средневековья, в особенности тех, кто воевал в Канто (северо-восток о-ва Хонсю) в средние века, многие, подобно Синра Сабуро, носили имена корейского происхождения.

Если посмотреть на географические названия вокруг Токио, можно обнаружить названия корейского происхождения, как, например, «Ко-маэ» или «Корай». Один из предков министра иностранных дел Японии Дого Сигэнори был корейским гончаром в Сацума, переселившимся в Японию около 400 лет назад.

Напротив находится Китай, что означает «Срединная страна». С древности до нынешнего времени иероглифы, которыми написано это название, говорят о некотором центральном местоположении Китая. Следовательно, в отличие от Кореи (Тёсэн – страна утренней свежести). – *Ред.*) «срединная страна» – не географическое название. Оно включает в себя элементы культурного и политического понятий. Таким образом, императорский Китай воспринимался как центр мира и центр сосредоточения определенных ценностей в Северо-Восточной Азии. Традиционно здесь существовал иерархический порядок. С китайской точки зрения, жители Кореи и Японии были восточными варварами. В частности, в этом районе до самого последнего времени не существовало формально равноправных отношений между суверенными государствами, т. е. системы, подобной вестфальской, описанной в учебниках по международной политологии.

Китай, пройдя путь от империалистического государства до страны с полукOLONиальным режимом, в конце первой половины XX в. стал социалистическим государством во главе с Мао Цзэдуном. Следовательно, Китай перешагнул через стадию современного народного государства (nation-state).

Мао Цзэдун неоднократно заявлял о том, что Монголия – китайская территория, и по этому вопросу имел разногласия со Сталиным и Хрущевым. Источник проблем сегодняшнего Тибета или Тайваня напрямую связан с подобным осознанием Китаем мирового порядка и международных проблем. Или, если посмотреть глазами сопредельных малочисленных народов, создается впечатление, что они чувствовали себя на «иерархическом краю»

Как мне кажется, для понимания отношений между Японией и Корейским полуостровом, а также с Китаем можно использовать следующее сравнение: уподобить Россию – Японии, Украину – Корею, а Европу – Китаю. Отношения Китая с Японией в историческом плане очень похожи на отношения России с Европой, которая считалась центром культуры. Для русских Европа – это очаг культуры, цивилизации, о чем говорит и президент Дмитрий Медведев, т. е. именно то, чем был Китай для Японии, по меньшей мере, еще 150 лет назад.

В то же время отношения между Японией и Кореей очень похожи на отношения России с Украиной. Ректор МГИМО А. В. Торкунов говорит о том, что Хан (Южная Корея) и Тёсон (Северная Корея) разделены, Украина, на взгляд России, разделена на Западную и Восточную. Как вы знаете, сегодня Корея – расколотое на две части государство.

Однако известно и то, что Россия многому научилась у Украины или в Россию многое пришло через Украину: православие, кириллица, способы управления государством, основание в XVII в. Греко-римской академии и пр. Роль, которую в XVII в. сыграли просвещенные украинцы в развитии российской науки, вероятно, также была немалой. Поскольку китайская династия Цин фактически была завоевана маньчжурскими правителями, основной поток конфуцианских учений распространился в Корею. Учение Конфуция расцвело именно в Корею, где господствующую верхушку составляли чиновники, сведущие в науках и искусствах. Это перенимает и самурайское правительство Токугава.

Япония порой сопротивлялась этому. В особенности в XVI в. и XVIII в. Япония, как бы подражая абсолютистским государствам Европы, пытается демонстрировать свое превосходство над Китаем и Кореей. Сёгун Асикага Ёсимицу и, в особенности, ученый конфуцианец периода Эдо (1603–1868) Араи Хакусэки признавали верховную роль сёгуна, пытались проводить политику, на основе понятия «суверенность». Правда, эта точка зрения не нашла особого отклика в стране. Однако к XIX в. возникает первая волна глобализации. С севера к Японии, которая была «закрытой страной», вплотную подошла Россия, затем приблизилась Америка. Западное влияние таило в себе угрозу существующему порядку. И Китай, и Корея, и Япония подвергаются этой угрозе. Особенно успешно действовала Российская империя.

С этого времени изменяется характер отношений Японии с Китаем и Кореей, которые в идеологическом и культурном плане были империями. Стоявшие же у власти в Японии сёгуны Токугава представляли собой воинское сословие, иначе говоря, самураев. Они способствовали установлению в стране бюрократического режима, появлению «городской интеллигенции», но опорой их власти были воины. Их ценности основывались на инструментализме, прагматизме. Проще говоря, о партнере судили по оружию, которое и было инструментом. В особенности, самураи испытывали внешнюю угрозу со стороны английской, американской, французской и русской дипломатии «кананерок» и вели себя в соответствии с этим.

Если сравнить деятельность некоторых японских премьер-министров прошлого и настоящего, то видно, что бывший премьер Абэ Сондзо родом из княжества Тёсю (ныне префектура Ямагути на о-ве Хонсю) продолжал линию Ито Хиробуми, который осознал необходимость открытия Японии, когда появилась угроза со стороны Англии. Бывший премьер Асо Таро, как говорят, является потомком в шестом

поколении заслуженного государственного деятеля периода Мэйдзи Окубо Тосимити. Этот революционер из клана Сацума (о-в Хонсю) испытал шок от артиллерийского обстрела англичанами Японских островов, принимал участие в свержении ослабленного бакуфу, и находился в центре событий в период реставрации Мэйдзи. Система бакуфу, раздробленная на 300 частей, была разгромлена, и образовалось единое государство.

Если сравнить характер взаимоотношений, существовавший между рассматриваемыми странами, то Америка и Россия, в отличие от Кореи и Китая, были проводниками западных идей. Именно они представляли собой, так сказать, непосредственную модель для создания современной Японии и одновременно были и соперниками, и угрозой. Япония открылась для России и Америки в 1855 г. В это время граница между Россией и Японией прошла по линии раздела между островами Итуруп и Уруп.

Существует кинофильм, снятый по роману французского писателя Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней». Как раз в это время, в 1867 г., представители будущей элиты Японии, свергнувшие бакуфу, Ивакура Томоми и другие, всего около 50 человек, в течение почти двух лет также совершали кругосветное путешествие. Они подробно осмотрели все достопримечательности, посетили много стран. Благодаря их записям, были получены сведения, которые помогли понять, что именно нужно делать, чтобы Япония избежала участи стать колонией. Именно так правительство Мэйдзи понимало задачи своей политики. Книга «Правдивые записки об Америке и Европе» была издана на японском языке того времени издательством «Иванами сётэн». Недавно издательство университета Кэйо выпустило эту книгу в переводе на современный японский язык.

Благодаря знаниям, полученным за 500 дней плавания, при построении государства в Японии, например, учитывалось, что Российская империя, которая до этого рассматривалась как угроза Японии, вопреки ожиданиям, во всем, за исключением армии, оказалась слабой, а в политическом отношении как модель для Японии больше подходят не столько парижские коммуны, сколько авторитарное германское государство.

К слову сказать, именно немецкая модель была взята за основу при создании юридического отделения Токийского университета, выпускником которого я являюсь. Просветителем Фукудзава Юкити, деятельность которого разворачивалась в это же время, был создан в английском стиле университет Кэйо, а также более радикалистский Синбуцуха – Университет Хосэй, сотрудником которого я являюсь. До последнего времени университет Хосэй так же, как и Московский государственный университет, был известен тем что, в нем преподавало много ученых-экономистов марксистского толка. В 1910-е годы в университете Хосэй в течение некоторого времени учился Чжоу Эньлай, и вообще

этот университет был популярен среди радикально настроенных иностранных студентов.

Китай и Корея были государствами, которые придерживались своей определенной идеологии и культуры, не могли соперничать с Японией, успешно продвигающейся по пути модернизации. Результатом явилось их превращение в полуколониальные страны, а что касается Кореи, то она вообще была аннексирована. Для китайцев и корейцев, скорее марксизм и социализм, принесшие с собой либеральные и радикальные идеи, нежели процесс модернизации, стали еще одной моделью модернизации («modernity»).

Они взяли за образец не Японию, которая в результате модернизации стала «империалистическим государством», а сталинскую модель СССР того времени. В результате произошла китайская революция и по сей день продолжается строительство социализма в северной части Корейского полуострова. Культ Ким Ир Сена, после того, как в 1956 г. потерпело неудачу движение, направленное против его культа, (известное как «Августовский инцидент»), стал редким и странным проявлением сталинизма в современном мире. Это сказалось и на соперничающей с КНДР Южной Корее. Со второй половины 1980-х годов на волне демократизации в Южной Корее и во главе ее становятся прогрессивно настроенные личности. Но происходившие подвижки в общем носили частный характер, под влиянием перестройки во всем мире и распаду СССР, наступлением времени избавления от идей марксизма. В Южной Корее впервые в результате отмены запрета на учение Маркса и социализма, началось его возрождение. Радикализм общественного мнения в Южной Корее явился результатом восприятия идеологии чучхе Ким Ир Сена. Многие заблуждались насчет того, что Ким Ир Сен возглавлял движение за социализм, независимость и освобождение. В действительности, Ким – это капитан-лейтенант Советской армии, вернувшийся домой после освобождения Корейского полуострова.

Модернизационный путь развития, начавшийся, можно сказать, с 1855 г., т. е. с открытия страны, длился 90 лет. Но в 1945 г. разоренная японская империя рухнула. С августа 1945 г. обострилась конфронтация между Россией и США в связи с проблемой Японии. Атомная бомбардировка была предостережением, которое США делали в адрес СССР, у которого еще не было ядерного оружия. По-моему мнению, «холодная война» началась после августа 1945 г. в связи с попытками решить японскую проблему. Отношения Японии и России (СССР), в период двух больших войн XX в. были союзническими (первая мировая война), по меньшей мере, нейтральными (вторая мировая война). Однако обе страны в военных вопросах японско-российских отношений «застегнули не на ту пуговицу» (т. е. допустили оплошность. – *Ред.*). В 1918 г. это была отправка войск в Сибирь, а в 1945 г. – участие СССР в войне с Японией.

Признание императором Сёва поражения Японии в войне 15 августа 1945 г. одновременно было «днем рождения» 38-й параллели на Корейском полуострове. Это была конфронтация на постимпериалистическом пространстве Японии. В этом вопросе Сталин не испытывал недовольства США и взамен захотел половину о-ва Хоккайдо. Вскоре он отказался от этого, но осталась проблема Курильских островов. Я не буду говорить о том, что произошло потом на северо-востоке Азии, отмечу лишь революцию в Китае в 1949 г., корейскую войну в 1950 г. После этого в Сан-Франциско произошла нормализация отношений Японии с США, Англией и другими западными странами, и в самый разгар корейской войны в 1952 г. Япония получила независимость.

Следовательно, в Восточной Азии начинается «холодная война» не во второй половине 1940-х годов, а с 1955 г. Прекращаются военные действия, и Запад с Востоком начинают воевать политическими и экономическими средствами. Стратегия США заключалась в том, чтобы, умеренно вооружив Японию, обеспечить ее экономический рост. Либерально настроенная часть общественности в Южной Корее, Китае и Северная Корея рассматривали Японию как милитаристскую страну, подвергая ее критике. Наполовину это верно, но в действительности в военных расходах страны велики были расходы на содержание персонала. Союзнический контроль по сей день в руках США.

В Японии в 1955 г. была создана Либерально-демократическая партия, и сложилась политическая система с господствующим положением одной партии при наличии оппозиционной социалистической партии. После этого в Японии с помощью США начинается ускоренный экономический рост. Эта политическая модель затем была применена во второй половине 1960-х годов в Южной Корее, а в 1980-х годах – в Китае, руководимом Дэн Сяопином.

В Европе «холодная война», характеризовалась как мир, расколотый на две части, а в Азии с этого времени зарождается скрытое противостояние Китая и СССР. Вторая половина 1950-х годов – это время, когда встали вопросы оценки роли Сталина и использования ядерного оружия.

Таким образом, конфронтация того времени породила многополярный мир, который является еще одной особенностью «холодной войны» в Азии. Здесь не образовалась, подобно Европе, двухполярная советско-американская структура. Китай, который под флагом автономии искал собственный путь развития, в 1971 г. возобновил переговоры с США и в 1970-х годах вступил на путь модернизации экономики. Ким Ир Сен, в отличие от Китая и СССР, двигаясь своим собственным путем, потерпел неудачу в модернизации экономики и в начале 1990-х годов, стремясь обеспечить выживание своей системы, приступил к производству ядерного оружия.

В 1989–1991 гг. прекращение холодной войны и распад СССР идеологически оказали большое влияние на Китай и Северную Корею, но в

плане международной политики, как я уже говорил, Восточная Азия уже была многополярной, поэтому таких больших изменений как в Европе не произошло. Это и было причиной того, что «холодная война» закончилась, но одновременно еще не было ее полным завершением.

Что же произошло в Восточной Азии в эти 1990-е годы? Либерально-демократическая партия Японии, которая была орудием «холодной войны», начала расшатываться. В кабинете Хосокава в 1993 г. произошла смена политической власти (к власти пришло коалиционное правительство, а ЛДП на время ушла в оппозицию. – *Ред.*). Однако ядерный кризис в Северной Корее способствовал смене политической власти в Японии. Либерально-демократическая партия сразу же вернула себе политическую власть.

В Китае от модернизации по Дэн Сяопину, призывавшему проводить ее в экономике, перешли к национальной модернизации Чжан Дзэнмина. После распада Советского Союза Россия с большими трудностями пошла по рыночному пути. Для России и Японии 1990-е годы были годами экономического кризиса.

В Северной Корее в процессе создания ядерного оружия от 600 тыс. до 2 млн. человек (оценки расходятся) пострадали от голода. В 1994 г. умирает Ким Ир Сен, власть переходит к его старшему сыну Ким Чен Иру, который своеобразно воспринимал социалистические идеи. В XXI в., после террористического акта 11 сентября 2001 г., единовластное господство США нашло отражение в антитеррористической войне. В это время Япония испытывала экономические затруднения, вырабатывала серьезную дипломатическую линию в отношениях с США, соответственно принимала разные политические меры в отношении Азии. В частности, был даже эпизод с двумя скоропалительными посещениями Пхеньяна премьер-министром Дз. Коидзуми. В общем, популистское политическое руководство Коидзуми, в течение долгого периода занимавшегося критикой Китая, было наибольшим злом.

В плане внутренней политики в ЛДП консервативная группировка «ястребов» сдерживала группировку «голубей», которые стремились к гармонизации отношений с Китаем. В результате того, что «голуби» не всегда критиковали положение дел с правами человека в КНДР и потерпели поражение в защите похищенных корейцами японских граждан, было затруднительно выработать адекватную политику в Азии.

Экономические круги были озабочены тем, что объем торговли с Китаем превзошел объем торговли с США. Тем не менее, критические высказывания Коидзуми в адрес КНР вызвали недовольство китайских властей. Возврат к реалистичности произошел во второй половине периода правления Буша, когда в Японии у власти находились кабинеты Абэ и Фукуда.

В Южной Корее, напротив, нарастают антиамериканские настроения. «Солнечная политика» гармонического сближения с Севером, хотя и

приоткрыла чуть-чуть дверцу в системе Кима, но приостановить разработку ядерного оружия на Севере не смогла. Китай же, сбалансировано проводя политику интернационализации, стал «мировой фабрикой» и в XXI в. оказался страной с наибольшим валютным запасом, обогнав Японию.

Как же будут развиваться события в будущем? Некоторые историки считают, что не следует делать предположений относительно будущего. Пожалуй, это означает что, Либерально-демократическая партия в Японии, которая была продуктом «холодной войны», находится на пути распада, но не ясно объединится ли она с оппозиционной Демократической партией. В любом случае передел политического мира в стране неизбежен. Не возникнет ли конфронтация консервативно-либерального и социально- либерального течений? Осмелюсь предположить, что во внешней политике произойдет движение в сторону улучшения отношений в Азии, включая Россию. А экономика будет связана с проблемами найма, демографической ситуацией, в частности с сокращением рождаемости.

Что касается Китая, мне думается, что у него гораздо больше проблем в сфере денежного обращения, чем это принято считать. Политический обозреватель С. Караганов в последнем своем труде предлагает сценарий, по которому будет происходить конфронтация Японии и Китая, но вопреки ожиданиям возможно и наличие областей, в которых не исключено их сотрудничество. В Южной Корее консервативно-реалистическое течение бывшего в то время правительства Ли Мён Вака способствовало улучшению обстановки, включая отношения с Японией, и уделяло много внимания проблемам находившейся в кризисе экономики.

Но проблема Северной Кореи остается всем непонятной. Следовательно, если будут вопросы, постараюсь на них ответить.

Важно то, что с наступлением XXI в. в Восточной Азии впервые появилась возможность для создания по-настоящему равноправных многосторонних отношений, включая США и Россию.

Совещание «шестерки» может стать новым оплотом гарантии безопасности в этом регионе, а это даст возможность всем странам, охваченным экономическим кризисом, в определенной степени контролировать его и поможет становлению Северной Кореи на путь мягкой модернизации. Последнее предположение – наиболее трудная проблема, способ решения которой сегодня никто не может себе представить.

Перевод с японского М. П. Герасимовой

Наши авторы

Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, Институт востоковедения РАН

Барышев Эдуард Анатольевич, доктор философии, Университет Кюсю (Япония)

Герасимова Майя Петровна, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН

Денисов Юрий Дмитриевич, кандидат технических наук, Институт востоковедения РАН

Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, Сан-Франциско, США

Калмычек Павел Александрович, старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН

Каренин Денис Михайлович, аспирант МГИМО (У) МИД РФ

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Ковригин Никита Евгеньевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета имиджологии

Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Леонтьева Елена Львовна, кандидат экономических наук,

Институт мировой экономики и международных отношений РАН

Лепехова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН

Маркарьян Седя Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт востоковедения РАН

Молодяков Василий Элинархович, доктор философии, доктор политических наук, университет Такусёку (Япония)

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, Институт Африки и Азии РАН

Павлов Дмитрий Борисович, доктор исторических наук, профессор МИРЭА

Симотомаи Нобуо, профессор, Университет Хосэй (Япония)

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, МГИМО (У) МИД РФ

Сухорукова Дарья Николаевна, научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН

Тебин Николай Петрович, старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН

Южакова Елена Васильевна, кандидат искусствоведческих наук, кафедра гуманитарных наук Сибирского филиала Международного института экономики и права, Новокузнецк

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- Молодякова Э. В.** Старые и новые проблемы либерал-демократов **5**
Калмычек П. А. Взаимодействие бюрократических и политических элит в Японии **23**
Каренин Д. М. Современные отношения между Японией и Великобританией **39**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Леонтьева Е. Л.** Экономика Японии в условиях мирового кризиса (2008 г. – первый квартал 2009 г.) **57**
Лебедева И. П. Зарубежные производственные базы Японии **65**
Денисов Ю. Д. Япония в инновационной гонке **88**
Добринская О. А. Подход Японии к энергетической безопасности в Восточной Азии **103**
Сухорукова Д. Н. Стратегия выживания в условиях мирового экономического кризиса 2008 г. «Тоёта Мотор Корпорейшн» **122**
Авдаков И. Ю. История становления и развития городского железнодорожного транспорта Японии (1945–2005 гг.). Часть II **130**
Тебин Н. П. Роль государственного регулирования в экономике Японии (по материалам исследований российских ученых «застойных времен») **141**

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА

- Маркарян С. Б.** Демографическая ситуация и ее возможные последствия **154**
Стрельцов Д. В. Японская теле- и радиовещательная корпорация NHK на перепутье **176**
Ковригин Н. Е. Китайская община в Японии: вчера и сегодня **189**
Лепехова Е. С. Интерпретация образа монаха-буддиста в учении школы Тэндай **215**
Южакова Е. В. Астрономия культуры **225**
Павлов Д. Б. Япония на рубеже XIX–XX вв.: технологии создания позитивного образа на Западе **235**
Герасимова М. П. Культура перевода **260**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Катасонова Е. Л.** Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы **271**
Молодяков В. Э. Почему Сталин продал КВЖД: механизм решения **294**
Овчинникова Л. В. Колониальная Корея в зеркале секретных изданий японского генерал-губернаторства (1920–1945 гг.) **311**
Барышев Э. А. Мотоно Итиро (1862–1918) – яркий представитель политики здравого смысла **323**
Симотомаи Нобуо. Политика Японии в отношении стран Северо-Восточной Азии **345**

Наши авторы

Научное издание

Япония 2009

Ежегодник

Редактор Н. П. Дмитриевская

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка 12

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО-XXI»
e-mail: andmak@ www.airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

Подписано в печать 19.11.2009 г. Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Печ. л. 21,2
Тираж 500 экз.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЕЖЕГОДНИКА

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом от одного до двух авторских листов (от 40 тыс. до 80 тыс. знаков, включая примечания); научные сообщения, рецензии и обзоры – до одного авторского листа (40 тыс. знаков). При оформлении текстов убедительно просим соблюдать следующие правила.

- В ежегоднике принята так называемая «поливановская» транскрипция, за исключением общепринятых названий: *Токио*, *Иокогама*.

- В отношении японских имен собственных принят существующий в Японии порядок написания: сначала фамилия, потом имя. При первом упоминании просим указывать фамилию и имя, далее – инициал и фамилию: *Обути Кэйдзо* и *К. Обути*.

- Японские имена собственные и географические названия не склоняются.

- Сноски имеют общую нумерацию в пределах статьи и помещаются внизу страницы.

- Просим представлять распечатку статьи в одном экземпляре и качественную дискету с аналогичным текстом в системе Windows/Word.

- Просим обратить внимание на предохранение представляемых дискет от вируса.

- Сроки представления статей в редакцию – до конца октября текущего года.

Рукописи, представленные с нарушением перечисленных правил, рассматриваться редакцией не будут.

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!